СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1
2021

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Тульские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2021 — 1(62)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«Очарованный странник» русской литературы: К 190-летию со дня рождения выдающегося русского писателя Николая Семеновича Лескова (1831—1895) ... 3

К ЮБИЛЕЮ Н. С. ЛЕСКОВА

Алла Новикова-Строганова. Честное слово русского писателя (к 190-летию Н. С. Лескова) ... 27

Александр Балтин. К 190-летию со дня рождения Николая Лескова ... 36

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ПОВЕСТЬ

Игорь Карлов. Дважды краснознаменная повесть имени генерального секретаря ЦК КПСС, президента СССР Горбачева М. С. (глава из повести) ... 41

Инна Начарова. Дива (повесть) ... 61

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Асташкин. Неудержимый ... 83

Алексей Яшин. Из цикла новелл «Болдинское межсезонье» ... 99

Юрий Мартишин. Киноман ... 114

Михаил Смирнов. Светлый день ... 122

Константин Емельянов. Гераклы Дыроколов, или Мой путь к американской мечте – 2 ... 127

Николай Тютюнник. Полкаша ... 135

Александр Петренко. Перлюстратор ... 139

Алена Даль. Букет для любимого зрителя (из цикла «Люди») ... 142

Сергей Даштамиров. Яшка из Сухума ... 147

Ольга Борисова. Гость ... 150

Валерий Сдобняков. Володя ... 160

Владимир Монахов. Коллекция Грусть-банк. Боровск Владимира Овчинникова ... 167

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Демидов. Василий Поленов ... 171

Юрий Сычевский. Рана-трава ... 178

Калина Изабела Жела. Ты меня научил любить ... 181

Мария Розумко. Предчувствие весны ... 183

Владимир Королев. «Встречает июнь рябина» ... 185

Валерий Мазманян. «Багряным сердцем бьется» ... 189

Яков Шафран. «Сколько тайн под пластами сокрыто» ... 191

Юрий Ключников. Рыцарский романс ... 196

Игорь Краснов. Душа болит ... 198

Игорь Елисеев. Стихотворения ... 200

Вита Пшеничная. «Я выбрала себя...» ... 203

Олег Пантюхин. Полет ... 205

Александр Богданов. Сотворчество ... 206
Елена Воробьева. «Несбыточный сон, недописанный стих» ... 208
Владимир Корнилов. Зима в Братске ... 210
Виталий Кузнецов. Единственной ... 213
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
Геннадий Маркин. За порогом ... 217
Валентин Огнев. Из истории села Шипово и деревни Кропотово ... 230
Владимир Чисников. «Чтить память Толстого никто не запретит. Стыдно!»
Или как киевская полиция «чествовала» память писателя ... 233
Николай Макаров. Медики из окружения Лермонтова ... 240
Людмила Воробьева. «Глаголы вечной жизни» в литературной ойкумене Алексея Яшина ... 253
Евгений Скоблов. О книге Аллы Валько «Калейдоскоп чувств и событий в жизни Аси и ее подруг» ... 270
Евгений Трещев. Восхождение ... 272
Николай Тимохин. «Не считаю себя поэтом» ... 274
Лариса Семенищенкова. «Мы знаем, что бывает в жизни счастье...»
(о книге К. Асеевой «На языке любви») ... 279
Валерий Маслов. К 60-летию Тульской писательской организации ... 287
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ... 291

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:
Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Москва) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:
— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— альманах «Московский Парнас»
— газета «Русскоязычная Америка NY"
— газета «День литературы» (Москва)
— поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульского госуниверситета.

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: http://www.pz.tula.ru (в PDF формате). См. также на сайте «Русское поле»: http://priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html, http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html и http://priokskie.ruspole.info

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов: http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчега» в Фэйсбуке: https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/ https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts

© «Приокские зори», 2021

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 190-летию со дня рождения выдающегося русского писателя Николая Семеновича Лескова (1831—1895)

♦ Сочиняя свой первый роман «В канцелярии», вышедший в Приокском книжном издательстве в самом начале 1991 года* (второе издание 2012 года, Москва, «Московский Парнас», имело название «Ви́дение на Патмосе»), ввел в число персонажей непременную фигуру советского учреждения с теплым, почти семейным климатом — любительского поэта. Это как другие непременные: тайный и откровенный пьяницы, профессиональный «ходок», карьерист, изобретатель вечного двигателя, пишущая диссертацию незамужняя дама и так далее.

...А коль скоро поэт был введен, то ведь не Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен будет за него стихи писать-рифмовать? Пришлось самому, хотя ни до, ни после (упаси боже!) даже близко себя к служителям этой музы себя не приближал. Один из сонетов, подаренных автором персонажу, под названием «Обложка» посвящен моему любимому писателю Николаю Лескову:

Оттенком красным том тисненный.
Обрез пульверизован — крапом стыл,
Как будто кто с усердием помыл
Щербатый пол, лениво подметенный.

Могучий бас диакона Ахиллы,
Жизнь мценских баб — тисненья рябь,
И плотная елецких улиц хлябь,
А «Странник» очарует дивной силой.

Левша творит, пылает жаром горна.
Жизнь в захолустье тихом непроворна.
В столицах — нигилисты «На ножах».

Тебя полсотни лет читали в «ятях»,
Но, поумнев, на «е» решили поменять их,—
Без них читаем будет он в веках.

...Мд-а-а, батенька, в калашный ряд вперся, хотя — здесь в точку угодил-таки как критического, так и социалистического реализма: жизненность героев создаваемых произведений. И если стихотворный «автор по роману» несколько неуклюж по части

* Здесь получилось как в пословице о счастье и несчастье: первое было полновесным гонорарным — годовая зарплата инженера (каковым тогда был) высшей квалификации; второе — к великому сожалению, книга вышла на исходе советской власти, когда в одночасье доброму нашему народу стало не до чтения, дескать, не до того, Федя, не до того...

рифм и троп поэзии, явно не проштудировавший «Теорию стиха» Жирмунского и «Поэтическое искусство» Буало, словом, «стенгазетный поэт», то и автор романа должен таковым его подать читателю. Не так ли? Словом, и мы, ничтоже сумняшеся, вывернулись из калашного ряда, и соблюли установки обоих реализмов. На том и аминь. Впрочем же, при редактировании окончательного текста романа это стихотворение мы исключили...*

Название же «Обложка», поясняемое содержанием первого четверостишия, суть знакомое почитателям творчества Николая Семеновича отнесение к оформлению первого советского собрания сочинений писателя в одиннадцати томах (М.: Худлит, 1957—1958 гг.) — относительно полное, но без самого крупного по объему романа «На ножах». Книги этого собрания отличаются заметным изяществом оформления: красная обложка с рельефным тиснением «Н. С. Лесков», с виньеткой под именем и красно-кирпичный верхний обрез блока книги: «Образ пульверизован крапом был». Второе, увы и без сомнения, последнее издание в двенадцати томах (уже с «На ножах») — 1989 года: М.: «Правда» (Библиотека «Огонек»).

...Кстати, первое и прижизненное издание сочинений Н. С. Лескова (1889—1890 гг.) также вышло в одиннадцати томах: десять по начальной «расцеховке» с допечаткой одиннадцатого. Издание отпечатано было в типографии — так тогда в общем именовались книжные издательства — крупнейшего книгоиздателя А. С. Суворина. Не от хорошей жизни знавший счет деньгам Лесков не стал продавать права на издание книгоиздателю, но, взяв в долг у хорошо ему знакомого Суворина семнадцать тысяч рублей, у него же издал на эти деньги собрание сочинений, по мере выхода и продажи томов через агентство все того же Суворина выплатил ему долг и даже заработал себе восемь тысяч, чему был очень рад. Пригодилась сметка разъездного торгового представителя, когда молодой Лесков, мало еще помышлявший о писательстве, три года беспрестанно на вольных и перекладных колесил по всей необъятности России, работая в пензенской компании «дяди Шкотта» — обрусевшего англичанина Александра Яковлевича Шкотта, мужа его тетки. Много чего в жизни Николай Семенович перепробовал до начала писательства... только денег так и не нажил.

Посмертно, в 1896 году, уже другой, не менее (а вообще-то и более!) известный книгоиздатель А. Ф. Маркс напечатал двенадцатый том. Маркс же в следующем году издал второе полное собрание сочинений Н. С. Лескова, а в 1902—1903 гг. в приложении к журналу «Нива» в тридцати шести томах (в «нивских» приложениях тома небольшого объема...). К сожалению, в советское время не было предпринято академического издание сочинений Лескова с его обширной газетно-журнальной публицистикой (а это еще не менее десятка томов!).

...Мы несколько отвлеклись на сухую библиографию, поэтому вернемся к «Обложке». Дьякон Ахилла из «Соборян», «Очарованный странник», «На ножах», «Путешествие с нигилистом», елецкие и гостомысльские люди и пейзажи — все это, упомянутое в неловких строках любительского стихотворения, мое первое знакомство с русской классикой XIX века. Именно по трехтомнику избранного Лескова, имевшемусу в отцовской библиотеке, освоив в начальных классах азы грамотности и привычку к регулярному чтению, в долгие летние каникулы, приехав из школьного интерната Полярного на очередной островной маяк на выходе из Кольского залива в Баренцево море — место работы родителей и проживания нашей семьи, постигал я волшебный строй и узорочье русского литературного языка. Именно с «Очарованным странником» и «Запечатленным ангелом», «Леди Макбет Мценского уезда» и «Соборянами», «Чертогоном» (куда до него купеческим кутежам в пьесах Островского!) и «Железной волей» учился богатству великорусской разговорной речи, запе-

* ...Но принципу «у хорошего хозяина и ржавый гвоздь в дело пойдет» это «стихосложение» мы передарили интеллектуальной героине другого романа «Любовь новоюрского периода» (М.: Московский Парнас, 2009). Дамам любительское стихотворство более к лицу...

чатленной нетленно на бумаге тиснениями литер. Язык «равнины русской словесности» (название нашего очерка в «Общеписательской литературной газете», увы, опять же в последнем номере ее существования...) по-разному воплотился в произведениях ярчайших ее «орловских» представителей — Тургенева, Лескова, Бунина, Бориса Зайцева и Леонида Андреева, но наиболее он богат и, так сказать, излишне не подвергнут «рафинированию и шлифовке» именно у Николая Семеновича.

И со чтением произведений Лескова, чтением детским, потом отроческим, когда уже не только «кинематографически» сюжет в голове откладывается, но начинаешь подбираться, пока робко, к осознанию сверхзадачи писателя, именно языковое их своеобразие затягивает, все более и более проникаешь в созданный автором художественный мир, хотя бы и действие развивается в полнейшей реальности. «Орел да Кромы первые воры, а Елец всем ворам отец»,— прочел и тотчас представил прожитое Лесковым детство и, особенно, учебу в орловской гимназии: глухая русская провинция, еще живущая дедовскими преданиями и кумушкиными разговорами, где все преувеличено, дофантазировано, слонами из мух представлено. Таков мир провинциального губернского, тем более уездного, города, где все замкнуто на самом себе, изолировано от большого мира, отграничено кругом людей знаемых, а в малом городке кто кого не знает? Поэтому и язык жителей консервативен, но в то же самое время и богат, ибо впитал в себя все поколенное его наращивание словарного запаса, бережно сохраняя древнерусские корни, в чем-то поддерживаемые церковным языком, который жители троекратно в день, в заутреню, обедню и вечерню, слышат в городских храмах. И, конечно, свой губернский говор и фольклор.

Вот здесь рыбак рыбака видит издалека.— В том смысле, что в этом детском и отроческим чтении Лескова орловский говор тогдашнего крестьянства, мещанства, мелкого чиновничества, духовенства и уездного дворянства — круг воспитания его — воспринимался не как сугубый архаизм, но именно как *разновидность* вечно живого, без временного деления на прошлое, настоящее и будущее, русского языка! А значит язык произведений Лескова — такой же родной, «свойский», как, например, две *разновидности* (не диалекты! — это совсем иное, да и «ученым» холодком отдающее...) русского языка, его говоров, которые, одинаково их понимая и принимая, я слышал каждодневно и постоянно с самого начала понимания слов — а именно в родном доме. Калужский говор отца с его своеобразной фонетикой, местными словечками, меткими и нелицеприятными присказками (вроде как Салтыков-Щедрин заметил, что нет на Руси более язвительного на словечки народа, нежели калужский мужик...) — все Афанасий Андреянович сохранил из своего деревенского старообрядческого (поповского толка) детства. Даже тридцатилетняя служба — военная и вольнонаемная — на Северном флоте не нивелировала этот говор.

Тем более архангельский, поморский говор матери — настолько специфический, что отцу пришлось переучивать ее «говорить по-русски». Только я с братьями отлично понимали этот «язык», как понимаешь того, кто говорит с тобой от начала осмысления.

...Это не «лирическое отступление», но пояснение доступными, надежными примерами того хорошо известного в литературоведении факта, что Лесков есть писатель не только выдающийся, признанный, но и глубоко *самобытный*. Причем во многом, пожалуй даже в основном, таковая самобытность акцентирована языком его произведений: литературная безукоризненность плюс глубокие народные корни.

♦ Лесков очень поздно по тем временам — вторая половина XIX века — вступил на литературную стезю: когда ему исполнилось уже тридцать лет. Эта «запоздалость» даже не во всем компенсировалась тем огромным жизненным опытом, что он приобрел служа в Киеве чиновником по рекрутскому набору, разъездным торговым представителем в фирме пензенского «дяди Шкотта» и так далее. Хотя такое всестороннее знание России и русской жизни и обеспечило его творчество неиссякаемым

материалом (даже Достоевский с его каторгой здесь явно уступает Лескову...), но и сократило по времени творческий период. Но — все это условно в рассуждениях «глядя со стороны». Другое дело, что литературная деятельность Лескова началась с катастрофы, последствия которой он преодолевал напряжением всех творческих сил и «сжав волю в кулак» более двадцати лет, и только в последнее десятилетие своей жизни эти последствия нивелировались. Во многом это подпортило характер писателя как в быту, так и в резкости общения в литературной среде. А как иначе, если простая неосторожность навлекла ему врагов и «справа», и «слева», и вообще со всех сторон.

...В нашем литературно-философском исследовании «Художественная эвристика» (Тула, 2000) такое многолетнее состояние Лескова мы назвали комплексом вины и аутопсихоанализом художника, связанных с явлением неосознаваемой памяти. Это явление осознано давно, едва ли не с тех пор, как человек стал догадываться о сложном характере своих чувствований. Общеизвестное и общепонятное фразеологическое выражение «засесть в печенках» и есть фольклорный терминологический инвариант понятия бессознательного. Так вот, из всей истории русской литературы именно пример Лескова наиболее показательный: как порой долго по времени и душевно болезненно происходит процесс вытеснения, своего рода аутопсихоаналитический сеанс длительностью почти во всю творческую жизнь (см. выше), причем вытеснение совершается через художественное самовыражение.

Итак, речь идет о много нашумевшей в начале шестидесятых годов XIX века истории, случившейся с молодым еще — хотя уже тридцать лет? а это в том веке уже полагалось возрастом полной зрелости — Лесковым, повлекшая за собою четверть века негативного к нему отношения русской литературной общественности и едва не погубивший его талант непризнанием и остракизмом. История эта обстоятельно рассказана в воспоминаниях* сына писателя Андрея Николаевича (полковника царской армии, затем служившего в погранвойсках НКВД). Далее цитаты из этой книги.

28 мая 1862 года в Петербурге, в праздник «духова дня» при невыясненных обстоятельствах** загорелись два крупнейших рынка: Апраксин и Щукин дворы, пожар угрожал всей центральной части города. По доброму русскому обычаю, еще не потушив пожаров, уличные толки начинают доискиваться поджигателей, склоняясь что-де это поляки, либо «*те, что в мягких шляпах, очках, да пледах ходят*», то есть студенты, нигилисты. Непонятно почему, но солидная «Северная пчела» поручена написать передовицу по столь щекотливому делу новому своему сотруднику, без сколь-либо серьезного газетного опыта, горячему на слова и догадки Лескову. Передовица же получилась столь ожесточенной в своих обвинениях «политических демагогов» (читай: передовой интеллигенции, студенчества, нигилистов, вообще всех лиц с демократическим уклоном мышления), что даже Александр II впал в гнев и надписал на газете, прочитав ее: «Не следовало пропускать...»

Очень скоро, если не тотчас же, Лесков понял всю непоправимость случившегося, свою горячность и невыдержанность в словах — врожденные и воспитанные черты характера, много попортившие ему в жизни. «*Личные «терзательства» Лескова были беспредельны. Они «засели» у него в «печенях» на всю жизнь. Он положительно трепетал всегда при воспоминании о них. Это была незаживляемая, неослабно кровоточащая рана. Она была тем больнее, чем упорно почиталась им незаслуженной*».

Перед нами, таким образом, пример глубоко засевшего в подсознании чувства вины и одновременно с этим — чувство несправедливости по отношению к нему. Причем это именно тот случай, когда попарные чувства вины и обиды, относящиеся

---

* Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям.— 2-е изд.— Тула: Приок. кн. изд-во, 1981.— 647 с. (Первое издание вышло небольшим тиражом: М.: Гослитиздат, 1954).

** Вполне вероятно, что это была обычная в купеческой среде махинация.

к одному и тому же фактическому событию в жизни, стократ усиливают процесс торможения при попытках вытеснения. Действительно, как пишет сын писателя, слишком часто Лескову напоминали об этом, слишком часто он сам вспоминал; каждый раз при этом включалась активная память и мышление, но вытеснение <из подсознания> не происходило. В такой ситуации в процессе накопления <в течении жизни> числа циклов возвратного вытеснения энергетическая база подсознательной памяти соответственно уменьшается и в конце концов становится столь незначительно малой, что практически может считаться вытесненной. Главное, чтобы в этом процессе не случилось сильного психического шока. К счастью нашего выдающегося писателя это миновало — слишком силен был у тридцатилетнего Лескова жизненный опыт. Как говорится, нет худа без добра — это все к тому, что писатель поздно вступил на путь профессионального литератора: газетного публициста и беллетриста.

Итак, два фактора, воздействуя одновременно, приближают момент почти полного вытеснения: психоаналитические откровения и время. В случае с Лесковым такие откровения приняли весьма эффективную форму: творческое самовыражение. Действительно, уже через двадцать лет после «поджигательной» передовой он пишет очерк «Обнищеванцы», где ничто не предвещает, ни сюжетом, ни «тактической» направленностью, что «*рассказ коснется в своем развитии уже хорошо призабытых событий. Но Лескову забыть их не по силам. Может быть и не без натяжки, не упускается случай осветить — был ли поджог, кого больнее всех он обездолил и чьим интересам отвечал*».

Ну а время? Ведь не зря народная мудрость гласит, что время есть лучшее лекарство для огорченной неприятными воспоминаниями памяти. Так оно и есть. В случаях же более простых, то есть несочетанных, психических травм — одна обида или одна лишь вина и пр.— то только лишь время может привести к полному вытеснению из «чердака» подсознания. Каждый это знает по себе, когда и огромное горе, и сильная обида, и гнев через сколько-то лет, даже меньшего времени, или вообще забывались, или вспоминались вполне равнодушно... И не снились зловещие сны на эти «сюжеты», тем самым показывая, что вытеснение свершилось.

...История отечественной литературы знает и случаи менее счастливые для писателя. Тот же Александр Фадеев. Понятное дело, что либеральное литературоведение, как диссидентствующее в советские времена, а особенно во времена нынешней антисоветчины, самоубийство Фадеева однозначно связывает... дальше идет их обычный набор: «тоталитарный режим», «торговля совестью», «подписывание расстрельных списков» — и прочая чушь, что и привела совестливого «главного писателя страны» к роковому решению.

Но существует мнение, что причиной самоубийства Фадеева стала крупная творческая неудача, да еще усугубленная — это как стимулятор разочарования — хроническим алкоголизмом. Дело в том, что уже полностью написанный писателем производственный <по жанру> роман «Черная металлургия» основывался по сюжетно-содержательной линии на конкретном техническом решении важного и спорного метода металлургии. И как раз к окончанию написания романа «протежируемый» в нем метод, точнее его техническое решение, был наукой и практикой металлургии напрочь забракован. Правильным же оказался подход, апробированный на Новотульском металлургическом заводе (в нашем городе два металлургических завода), являвшемся опытно-производственной базой ЦНИИ черной металлургии (Москва). ...Мне в годы учебы в Тульском политехническом институте об этих «конкурирующих» методах подробно рассказывал один матерый инженер-металлург со ссылкой на Фадеева, не раз приезжавшего «за материалом» в Тулу. Опять же и в это самое время сын писателя, по-нынешнему «мажор», попал в серьезную криминальную историю.

Сказанное к тому, что при анализе писательского творчества, особенно в части его «творческой мастерской», не следует хватать жареные факты, особенно либе-

рального изготовления; неважно, XIX или XX веков, но «копать глубже». Что, например, и сделал сын Лескова, написав исчерпывающую творческую биографию своего выдающегося отца.

♦ «*Давно сказано, что «литература есть записанная жизнь, и литератор есть в своем роде секретарь своего времени», он записчик, а не выдумщик, и где он перестает быть записчиком, а делается в ы д у м щ и к о м (выд. Н. С. Лесковым.— А.Я.), там исчезает между ним и обществом всякая связь. Словом* его теряет внушительность, мысль его не имеет опоры и не находит отклика, образы его становятся мертвы и не возбуждают сочувствия*»,— писал Лесков еще в первое десятилетие своей литературной жизни («Биржевые ведомости», 1869). Но таков был характер писателя, что справедливо и здраво рассуждая, он часто творчеством своим сам себя же опровергал... увы. Еще находясь в самом апогее остракизма — следствии «поджигательской» передовицы, вызвавшей гнев литераторов всех направлений, общественности и самого царя, Лесков тем не менее еще больше усугубляет свое отстранение от массово читающей публики активным участием в «антинигилистической галерее» — так мы назовем серию романов, посвященных предреформенной ситуации в России. Это, конечно же, «Бесы» Ф. М. Достоевского, «Взбаламученное море» (и отчасти «Люди сороковых годов») А. Ф. Писемского, «Панургово стадо» Вс. Крестовского. О Тургеневе и вспоминать выглядит школьничеством... А у Лескова аж два романа: «Некуда» (1864) и «На ножах» (1871). Нельзя, конечно, сказать, что гениальный Достоевский, выдающиеся писатели Лесков и Писемский, очень популярный в то время Вс. Крестовский всего лишь «отдали дань литературной и общественной моде». Особенно Достоевский, ибо он в «Бесах» не столько, так сказать, фактологию русского нигилизма описал, сколько на его примере выявил феномен всечеловеческого бесовства, как непременного спутника социальной эволюции, движителем которой является противостояние добра и зла, что в письменных памятниках восходит еще к Ветхому Завету... не говоря уже о Завете Новом, где христианская мораль суть торжество добра над — тем не менее — неизбежным явлением зла. У Писемского нигилизм исследуется литературно-художественно как временное, но неизбежное явление. Вс. Крестовский увлекает читателя — в стиле всего своего творчества — занимательностью, детективностью даже сюжета.

А вот у Лескова?.. Написанные в его литературной молодости, в дальнейшем и им самим они почти что третировались. Особенно «Некуда», а дописывая «На ножах», Лесков даже обмолвился в письме <если не ошибаюсь> С. Н. Шубинскому, своему другу и постоянному корреспонденту, что-де вымучиваю последние главы романа... В контексте же процитированных выше слов Лескова с акцентом на *выдумывании*, как антитезе «литературе как записанной жизни», не в бровь, но в глаз о «На ножах» писал А. Н. Майкову Достоевский: «*Читаете ли вы роман Лескова в «Русском вестнике»? Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит. Нигилисты искажены до бездельничества...*»

И хотя Достоевский с Лесковым истинно — до кончины первого — всегда были «на ножах», со взаимными в печати упреками, двадцать лет одновременно живя в Петербурге, даже не удостоили друг друга и мимолетной встречей хотя бы в обществе литераторов, но в продолжении письма к А. Н. Майкову Достоевский отдает дань невольного восхищения: «*...Но зато — отдельные типы! Какова Ванскок! Ничего и никогда у Гоголя не было типичнее и вернее. Ведь я эту Ванскок видел, слышал сам, ведь я точно осязал ее! Удивительнейшее лицо! Если вымрет нигилизм начала шестидесятых годов,— то эта фигура останется на вековечную память. Это гениально! А какой мастер он рисовать наших попиков! Каков о т е ц Е в а н г е л ! (выд. Ф. М. Достоевским.— А.Я.). Это другого попика я уже у него читаю. Удивительная*

* Так у Андрея Лескова стоит.

судьба этого Стебницкого (псевдоним Лескова.— А.Я.) в нашей литературе. Ведь такое явление, как Стебницкий, стоило бы разобрать критически, да и посерьезнее».

...На то Достоевский и один из двух «психологических гениев» мировой литературы (другой — Шекспир), чтобы в кратких словах дать всеобъемлющую характеристику творчества Лескова: надуманность его «нигилистических персонажей» и подлинный талант в художественном представлении вроде бы разноликих людей из той общественной среды, которую Лесков прекрасно знал, выросши в ней. Еще раз отметим: эти самые «попики», купцы, выслужившиеся в дворяне чиновники невысокого класса, разоряющиеся пореформенные помещики, орловское мещанство — все они в его роду и в окружении провинциального детства и отрочества.

Противореча самому себе, в первое свое писательское десятилетие, выдуманными антинигилистическими романами Лесков все продолжал расходиться с так называемым «общественным мнением». Словно дразня его. Полагается одной из черт «орловского характера», так объемно и художественно достоверно выписанного Лесковым в лучших своих бытописательных произведениях, и принесших ему славу русского писателя: выдающегося, но и «себе на уме».

♦ «Поджигательская» передовица, антинигилистические романы, а главное — главенствующие персонажи всего творчества Лескова, отнюдь не «властители дум» все более либерализующейся России последней трети XIX века, причем «со всех сторон» — все это при жизни писателя, даже при всероссийской признательности в последние ее годы, создало ему определенный ореол, как уже выше сказано, отстраненности. Вроде бы и выдающийся, совершенно отличный по манере письма от всех остальных литературных талантов своего времени, непререкаемо самобытный, но — как-то не вписывается в писатели «первого ряда». Но и во второй ведь не зачислишь? — Особенно после успешно изданного собрания сочинений, повторенного спустя полтора десятка лет после ухода писателя из жизни. Кстати говоря, определение «самобытный», вошедшее в употребление во второй половине двадцатого века, скорее всего и было придумано для творческих людей, прежде всего литераторов, не вписывающихся в принятую «табель о рангах». Если ошибаюсь — пусть поправят...

В первую четверть уже века двадцатого никто бы не подумал относить Лескова — при всей его «отстраненности» — ко второму писательскому ряду. Но вот пришла революция, а когда уже твердо установившаяся советская власть начала государственное строительство с неизбежными для этого новыми «табелями о рангах», то и на литературу нашлась пресловутая «комиссия Луначарского — Крупской». Понятно, что ее деятельность вовсе не злокозненность и месть старому режиму, ибо комиссия верно (и квалифицированно!) служила своему государству, для которого в ближней перспективе требовалось «создание нового человека», говоря словами Горького,— в том числе, возможно даже первоочередно, учитывая курс на скорую всеобщую грамотность, в части литературных предпочтений. Члены комиссии, разумеется, не являлись «выдвиженцами» от сохи и молота, были интеллигентами подстать руководителям, но по самой постановке им задачи требовалась и определенная классовая прямолинейность по принципу «кто за красных и кто за белых». Комиссионеры морщились, но по инструкции отбирая полезные для советского человека книги из прошлого, с примерно таких же позиций относились и к таблицам царя Хамураппи и текстам фараонов Тутмоса III и Петеиса III. Конечно, это утрированно сказано, но ведь и параллельная комиссия Покровского по истории разбойника Стеньку Разина и самозванца Емельяна Пугачева именовала предтечами Октябрьской революции! Еще раз повторимся: это все не от глупости и родственных ей качеств, но при резкой смене одной общественно-экономической формации другой *на первых порах* требуется столь же резкое изменение ориентиров во всех областях, так или иначе входящих в идеологический ареал. Здесь-то литература первостепенна. Именно на первых порах. Далее идет восстановление великих имен. Но вот как был

Лесков причислен ко второму литературному разряду, хорошо хоть без титула «церковника и мракобеса» (слишком интеллигентны были Луначарский и Крупская; их совесть не допустила такого лицемерия и угодничества...), так и во второй половине века двадцатого — времени массового издания его произведений, даже романа «Некуда» — как-то молчаливо литературоведение и оставило Николая Семеновича в этом «почетном запасном ряду». И мало радости, что новейшее время глобального расчеловечивания и цифрофрении писателей всех времен и народов сравняло: как выравнивают могильные кресты на кладбище с его строгой планировкой участков. Сравняло — в смысле напрочь убрало литературу из умственного обихода винтиков современного человейника. Как провидчески писал Лесков в «Запечатленном ангеле» за полтораста почти лет предвидя: «*— Ну, а у нас,— говорю,— верно, другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленная, как будто и весь род русский только вчера наседка под крапивой вывела*».

Только следует снять акцент «русский» — ныне, в эпоху глобализации, любой из подлунных жителей нашей планеты суть — в исторической и иной памяти — наседкой под крапивой выведенный.

Пусть не покажется читателю навязчивым наше внимание к антинигилистическим романам вообще и «Некуда» с «На ножах» в частности. Как выше уже было сказано, исключая «Бесов», в котором Достоевский решал сугубо свою творческую задачу, всего лишь используя «популярный жанр» в качестве сюжетно-содержательной канвы, Писемский, Лесков, Крестовский и десятки ныне забытых напрочь писателей в своих антинигилистических романах отдали дань популярной теме предреформенной России именно с позиций беллетристики — в первую очередь, что Достоевский и назвал (см. выше) «на луне происходящим».

К сожалению, по писательской молодости — не возрастной, ибо Лесков писал романы во второй половине своего четвертого десятка лет жизни — Николай Семенович не устоял перед соблазном поставить свое имя в названной череде «антинигилистических авторов». И даже двумя объемными произведениями, не ограничившись «Путешествием с нигилистом» — небольшим, но сочно, живописно, с неподражаемым лесковским юмором написанным рассказом.

Провозвестник литературных образов нигилистов Тургенев, образом Базарова открывший <читающему> русскому обществу такое явление — запоздалое как всегда из Европы веяние, не «на луне происходящее» описывал в «Отцах и детях». Тургенев дал предельно четкое, совершенно реалистическое описание — и определение! — реально существующих людей. Но с последующими произведениями (см. выше) на ту же тему произошло малообъяснимое, а именно: все остановилось на «мягких шляпах и пледах», хотя бы в последней трети девятнадцатого века, когда писались антинигилистические романы, тургеневские нигилисты давно сошли со сцены действия. Какие шляпы и пледы? «Народная воля» и «Черный передел» с его воинской дисциплиной, бомбисты, держащие в стране губернаторов и министров, и вершина — убийство царя, двойного Освободителя (русских крестьян и Балкан от турок). Забыты уже нелепые «хождения в народ», на горизонте — в реакцию Александра III — просвечивается перерождение бывших народовольцев в мощную эсеровскую партию, свершившую три русские революции, свержение самодержавия и всего института частнособственичества и эксплуатации человека человеком — основной вклад в создание советского государства в России.

Но только Достоевский понял и отобразил в «Бесах» грядущее, истоком которого явились уже несколько смешные тургеневские нигилисты. И — вот в чем предвидение гения! — не как чисто русское явление, но ход мировой истории. Неоднократно отмечено, что все предсказанное Достоевским (его романы и особенно «Дневник писателя») сбылось в двадцатом веке и с невероятной скоростью воплощается в наше время. Причем сбылось *только негативное* для человечества. Все остальные авторы

антинигилистических романов, Лесков в том числе, не сумели или не захотели выходить за рамки «мягких шляп и пледов», остановились на романтизме завязки. Хотя и грубое сравнение, но это как наш нынешний «телесериальный кинематограф» (а другого сейчас, увы, нет и не предвидится) остановился на ярком антураже «лихих девяностых»: менты, бандиты, разборки, олигархи различных ро́зливов, проститутки обоего пола, чиновники-взяточники и пр. и пр. И это при том, что уже почти два десятка лет как этот кроваво-воровской балаган, жуткий и веселый одновременно, канул в небытие, заменившись суконно-цинковым администрированием в той части властной вертикали, что доступна лицезрению человеку в его социумной принадлежности. Хотя бы это и государственная необходимость, без которой устройство России невозможно...

...Не зря Лесков, как было сказано, не то что стыдился своих «Некуда» и «На ножах», как дани своей литературной молодости «общественной моде», но морщился при упоминании о них. В «Соборянах», написанных год спустя после «На ножах» (1872), мы видим писателя, который высказывается уже в полной философской осмысленности своей эпохи: «*Нет, кажется, и вправду уже грядет час, и ныне есть, когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всем совершающемся хотя малейшую странность*».

♦ Еще раз извиняемся за столь подробное внимание к антинигилистическим произведениям Лескова — рассказ «Путешествие с нигилистом», как сказали, не в счет. Но все это для контраста с той обширной частью творческого наследия писателя, которое и сделало его всероссийски известным, выдающимся мастером художественного слова. Заодно нелишне будет заметить, что всю свою писательскую жизнь Лесков оставался и газетно-журнальным «публицистом обеих столиц», как называл отца его сын Андрей Лесков. Не только ради заработка, а в деньгах писатель очень даже нуждался вплоть до второй половины восьмидесятых годов, фактически всю литературно-профессиональную жизнь, но имея что сказать из своего обширного опыта и знания русской жизни, Лесков — постоянный автор крупнейших, наиболее читаемых газет и журналов, издающихся в обеих столицах. Отсюда и его тесное знакомство (не дружба!) с московским «правым» Катковым и петербургским либеральным Сувориным — крупнейшими в России издателями, «медиамагнатами», говоря на современном американо-нижегородском волапюке...

То есть начавшись приснопамятной «поджигательской передовицей», далее в своей публицистике Лесков «запараллеливал» ее с художественным творчеством. Это обычный для писателей прием, но только у немногих, у Достоевского и Лескова первоочередно,он достиг максимальной гармонии. Ибо свойство самовыражения одновременно в публицистической и художественно-беллетристической формах предполагает определенную организацию аппарата мышления, которая одинаково продуктивно задействует логику и творческий потенциал. Говоря на языке физиологии, равнозначность мощности работы правого и левого полушарий головного мозга, что является исключением. Обычно у человека в той или иной степени что-то доминирует.

...Как поэтом рождаются с соответствующей организацией мышления, так и писатели-прозаики с тем или иным сочетанием способов самовыражения. Хорошо известный факт психологии творчества, то есть строгой системной отрасли науки биологии.

Но публицистика живет только со своим временем, своей эпохой. Опять же с оговоркой в отношении Достоевского, ибо его философско-публицистические произведения непереходящие. Лесков же прежде всего *художник* современной ему русской жизни. А его кредо писателя-художника выражено предельно ясно в письме к Суворину: «*...Порадуемся хотя тому, что мы еще умели всю жизнь оставаться л и т е р а т о р а м и (выд. Н. С. Лесковым.— А.Я.) и, питаясь тощими литератур-*

ными опресноками, не продавали себя ни за большие деньги, ни за малые, как это начинается у других, похваляющихся своею бесстрастностью...»

♦ ...Намереваясь коснуться языка произведений Лескова, где он, безо всякого сомнения, есть непререкаемая вершина русской словесности: не в «грамматике», не в логике и красоте построения изложения и так далее, но именно в самом полном использовании всего тезауруса* современной писателю многосословной русской речи,— не можем не отвлечься, что называется, на злобу дня. Речь о нынешней агрессивной американизации русского языка. «Мы к ярлыкам не ходим»,** — ответили на статопрос три четверти населения страны, старше тридцати пяти лет, на вопрос о реформе русского языка, то есть об американизации речи, а главное — правил написания (как слышится, так и пишется; сразу вспоминаются попытки такого реформирования в семидесятые года: пресловутый *заец* вместо *зайца*...). Но вот под сорок процентов молодежи до этих тридцати пяти сообщили, что таковая реформа нужна! То есть они за язык американо-нижегородский. И вот уже почти что академический словарь Виноградова, что называется на днях, внес в свои «столбцы» более шестисот американизмов навроде *кешбэк*, *хайп*, *фейк*, *коворкинг* и так далее.

А как же всяческие законы о сохранении и чистоте русского языка, в том числе недавно внесенные в поправки Основного закона страны? ...Вот здесь-то и начинается самое интересное. Имея достаточно широкий круг общения, главное — слушания, как-то: преподаватели, студенты, аспиранты университета, в котором служу (по части терминологии: с позапрошлого века все работают, а вот профессора и артисты гостеатров, ранее императорских,— *служат*), соседи по дому и двору — от гастарбайтерского дворника Кизима до заслуженной артистки, родителей известного столичного телешоумена и родственников не менее известного, советского еще, космонавта, а также молодежи, чьи разговоры долетают до меня, когда вечером прогуливаюсь по ближнему скверу с памятником Льву Толстому и прочая, прочая разновозрастная и разнообразованная публика — *ни разу не слышал от них ни единого американизма* (только у школьников и студентов самые безобидные компьютерные термины — и то когда о *компах* разговаривают)! А все они идут исключительно, начиная с вводной оговорки радиодикторши или телеведущей, дескать, «как сейчас принято говорить...», от СМИ. Прозвучала такая «оговорка» — а назавтра уже круглосуточно, со всех экранов «властителя направляющих дум» — телеящика свеженький, с пылу с жару, американизм рекой разливанной в уши и глаза доверчивого народа втекает. Подетски радуясь, им щеголяют все штатные сотрудники с выходом на экран, включая актеров, играющих «ведущих политологов» — каждый к своему каналу приписанный и от него зарплату получающий. И нештатные, приглашаемые на экран, люди, подражая «штатным», также полагают приличным вставить словечко-другое из этих новорусских словечек, особенно из женщин... мужики как-то стесняются. Только полицейские и иные мундирные чины рапортуют по уставу, в котором американизмы <пока еще> не прописаны; дескать, «проведены мероприятия по выявлению и пресечению». Как в русской классике девятнадцатого века: «Разобраться до всех и наказать».

...Удивительная картина, живописца которой никак не могу установить; и умные люди, с коими на эту тему говорил, тоже плечами пожимают. А именно: как так получается,что при всей нынешней строгости вертикали власти, при законах о русском языке (см. выше), при все возрастающей конфронтации с Западом, прежде всего с Америкой (Северной, понятно дело, исключая Канаду и Мексику...), и прочая, прочая, СМИ наши, неуклонно следуя «линии партии и правительства», в то же время

---

* Термин филологии, обозначающий полный словарный свод <действующего в своей ипостаси> языка, включая арго, варваризмы, диалектизмы и пр.

** Данный фразеологизм в русской речи появился после Куликовской битвы, когда русские князья за ярлыками на княжение в Орду уже не ездили.

без конца осеменяют русскую речь американизмами, до словаря Виноградова уже добравшись, уже создав, правда, пока для себя, американо-нижегородскую мову? Невольно вспоминаешь наивных ребят-конспирологов, что утверждают о прямом подчинении СМИ всех стран и весей пресловутому тайному мировому правительству! Задачу же последнего почти полтора века тому назад предугадал Н. С. Лесков в последнем своем крупном произведении «Заячий ремиз» — словами Перегуда: «*Неустанно вязавши чулки, Перегуд додумался, что «надо изобресть печатание мыслей». Гутенбергово изобретение печатания на бумаге он признавал ничтожным, ибо оно не может бороться с запрещениями. Настоящее изобретение будет то, которому никто не может помешать светить на весь мир*».

Ба-а! Да это же интернет, СМИ и общемировой пиджин-инглиш* — старший брат американо-нижегородского — в одном флаконе, как «сейчас принято говорить» (см. выше).

Итак, с одной стороны СМИ со своим причтом, исключая интервьюируемых людей в мундирах со своей уставной речью, горячие поборники американизации русского языка, с другой — все остальное население страны, <уже> включая и женщин с их переимчивостью, и молодое поколение с их компьютерным мышлением, и даже самих эсмэишников во внеслужебное время, которое в обыденной речи худо-бедно, но по-русски говорит, без американизмов. Это «классовое разделение» дает надежду, что великий и могучий рано или поздно сбросит с себя шелуху американского жаргона. Здесь тому великолепный пример России: почти полтора века дворянский класс изъяснялся по-французски, а остальной народ говорил по-русски. ...Сейчас мы читаем «Войну и мир», знакомясь с целыми страницами авторского французского текста по переводу в подстраничных примечаниях, а собственно в русском разговорном языке остались только три слова, и те от Наполеонова нашествия и в неодобрительном звучании: шантрапа, шваль и шаромыжник... Будем ждать, пока и с американизмами то же случается.

А вот если к середине нынешнего века Китай в мире доминировать начнет, и вместо американизмов СМИ начнут, переучившись, китайско-нижегородский диалект создавать, то и совсем конфуз случится. Дело в том, что матерные слова у нас сейчас законом запрещены, а в китайском языке, особенно в политической и социально-общественной терминологии, сложно найти слова без известного <у нас> краткого... скажем так, корневого выражения... Останутся только ниньхао и цайдзянь вместо устаревших здравствуй-прощай. А сохранившимся любителям «зеленого змия» — пейдзю, бейдзю и баландзю, то есть пиво, водка и коньяк. Но ведь СМИ это не одобрят?

Слегка развеселив читателей, заскучавших в ограничениях, связанных с известным моровым поветрием, уже и не будем убеждать их в великолепной народности языка произведений Лескова. Как писал относительно таковой у отца Андрей Лесков («Жизнь Николая Лескова»): «*Безбытовой и беспочвенный по началу жизни писатель узнается по нежизненности его творчества. У него нет «родных родников». Незнание страны и живущих по необъятным ее просторам людей не проходит даром*».

Именно «родные родники», разностороннее знание — по семейным корням, сплетенным из отростков дворянства, купечества, духовенства, разъездами по всей матушке России (по жизни и на службе у английского своего дяди) — «быта» и «почвы» своего народа, своей страны, включая Малороссию, Царство Польское и остзейскую баронскую Прибалтику, дали Лескову в его художественном отображе-

* Переводится как «голубиный английский» — название интернационального бесписьменного жаргона торговых моряков и портовых рабочих, сложившегося в девятнадцатом-двадцатом веках с преобладанием английских (Англия — владычица морей!) слов, с примитивной грамматикой, без склонений и спряжений.

нии столь великолепный язык. Только у него, прочитав случайно неполную страницу без указания имени писателя, никто не ошибется в авторстве! Как и у Достоевского, но у Федора Михайловича скорее по «семантике синтаксиса», если можно так выразиться без излишней зауми... Как бы неодобрительно сказал Лесков.

Не будем больше в этой части растекаться мыслью по древу. Достаточно прочитать любую его фразу, хотя бы эту, из «Однодума»: «*На Руси все православные знают, что кто библию прочитал и «до Христа дочитался»*, с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато этакие люди что юродивые,— они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся*».

...Здесь весь Лесков, весь традиционный русский мир в его отображении великим русским языком — не прибавить, не убавить.

♦ Поскольку очерк этот привлечет внимание читателей со стажем, с советских, как правило, времен, то они и припомнят наиболее значимые в художественном плане произведения Лескова: «Соборяне», «Очарованный странник», «Запечатленный ангел», «Леди Макбет Мценского уезда», «Однодум» и «Чертогон», «Несмертельный Голован» и «Тупейный художник», «Зверь» и «Заячий ремиз»... чуть подумав,— «Грабеж», «Человек на часах» и «Старый гений». И уж подлинные ценители лесковского творчества — повествования «Кадетский монастырь», «Колыванский муж» и «Приведение в Инженерном замке». Стилизованный «Левша» еще при жизни автора разошелся на цитаты с его мелкоскопом, водкой-кисляркой, морским буреметром и смолевым непромокаблем, нимфазорией, графом Кисельвроде, досадной укушеткой и потной спиралью.

Но если бы Николай Семенович был известен только как автор первых трех из названных произведений, это обеспечило бы ему достойное место в пантеоне русской классики девятнадцатого века — с продолжением в век двадцатый, даже несмотря на всякие «комиссии Луначарского — Крупской», а вот о современном нам веке поостережемся говорить. Здесь Молох глобализации и расчеловечивания уже всю мировую литературу выбрасывает на помойку: в фигуральном смысле и в бытовом; пойдете вечером свое мусорное ведро опорожнять на квартальную помойку, там и книги непременно узреете... Впрочем, отвлечемся от грустного. Тема-то очерка иная по тональности.

...Если о досадных антинигилистических романах Лесков в период своей литературной зрелости и всероссийской известности старался не напоминать, а о явно неудавшемся ему, читаемом как бы и «нелесковское», цикле переложений античных и восточных легенд навроде «Невинного Пруденция», про которого автор писал (М. О. Меньшикову) «*... в этом томе есть гадостный «Пруденций», поставленный потому, что другое, несколько лучшее, касается духовенства, а мне уже надоело быть конфискуемым*», и вовсе не вспоминать, то выстраданный им (по части трудности публикации из-за цензурных препятствий) роман «Соборяне» Лесков, нарушая хронологию написания, поставил в начало заглавного тома его первого, прижизненного собрания сочинений, о котором выше говорилось. Значит и открыл это собрание «Соборянами», недвусмысленно сам для себя признавая роман *лучшим* из написанного им.

Первоначально «Соборяне» были опубликованы в «Отечественных записках», то есть в журнале, из которого с легкой руки и доброго глаза Н. А. Некрасова, а также Краевского, вышла вся великая русская литература второй половины девятнадцатого века, под названием «Чающие движения воды» — от евангельского «В тех слежаше множество болящих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды» (Иоанн).

...Здесь нелишним будет заметить, что у каждого из русских классиков была своя,

* То есть кто прочитал Ветхий Завет, а это 4/5 всего объема библии, и дошел до Нового Завета (полное название: «Новый Завет господа нашего Иисуса Христа»).

отличная от других, «творческая мастерская». Если Пушкин и Лев Толстой многократно правили свои тексты, добиваясь высшей степени их совершенства; если Достоевский, торопясь к сроку выплатить свои игорные долги, вообще уже не прикасался к раз написанному*, то Лесков, обычно по требованиям цензуры (духовной ее ипостаси) и владельцев журналов (Катков, Суворин и др.), слов и строк не правил, а просто изымал из первоначального текста целые главы и части. Но особенно был он самопридирчив к названиям своих произведений, часто изменял их. Так было и с «Чающими движения воды», окончательно утвердившимися как «Соборяне» с подзаголовком «Старгородская хроника»; в современных изданиях — просто «Хроника».

♦ Н. С. Лесков пишет в «Смехе и горе» о русской жизни: «*Все полагают, что на Руси жизнь скучна своим однообразием, и ездят отсюда за границу р а з в л е к а т ь с я (здесь и далее выд. Н. С. Лесковым.— А.Я.), тогда как я утверждаю... что жизнь нигде так не преизобилует самыми внезапнейшими разнообразиями, как в России. По крайней мере я уезжаю отсюда за границу именно д л я у с п о к о е н и я от калейдоскопической пестроты русской жизни*».

Здесь Лесков вроде как противоречит своему земляку-орловцу И. С. Тургеневу, который издалека, из этой самой европейской заграницы благодарил Россию за ее чарующий покой и простор, где нет «ни замков, ни лесов, ни гор» — речь идет об орловском, родном для него, равнинном предстепье. Но русский европеец Тургенев видит внешние разнообразия заграничной жизни с ее «замками, лесами, горами», противопоставляя им равнинный покой России. Лесков же первоочередно видит «внезапнейшие разнообразия» русской жизни — в противовес дисциплинированной безликости Европы — именно в многоукладности таковой, в исторически сложившейся индивидуальности русских характеров. То есть Тургенев и Лесков, имея по орловскому землячеству одни и те же «родные родники», именно лишь *внешне* противоречат друг другу. И не больше!

В «Соборянах» в наивысшей полноте представлено это разнообразие русских характеров и «калейдоскопической пестроты» их жизни во внешнем спокойствии и дремотной тишине обычного уездного города. И сам роман начинается умиротворяющее: «*Люди, житье-бытье которых составит предмет этого рассказа, суть жители старгородской соборной поповки****. Это — протоиерей Савелий Туберозов, священник Захария Бенефактов и дьякон Ахилла Десницын*».

...Как у Достоевского в «Братьях Карамазовых» в лицах главных героев представлены три основных, преобладающих типа русских характеров, так и в «Соборянах» обитатели старгородской поповки суть триединство — в полном внешнем, поведенческом различии — тех же русских типов. Их сугубая принадлежность к церковному клиру особого значения в данном обобщении на русскую жизнь не имеет. Как, впрочем, и религиозная устремленность Алеши Карамазова у Достоевского... Да и по внешним, образным и житейским, характеристикам все трое очень даже своеобразно различны. «Чающий движения воды», всю свою жизнь родеющий о возвращении Христовых норм морали современной ему русской православной церкви, как учреждения, так и особенно духовного жизненного начала, Савелий Туберозов, бездетно проживающий с тихой своей, любящей и любимой протопопицей Натальей Николаевной. И сам он высок ростом, хотя уже тучен, но еще бодр и подвижен, с «отлично красивой головой», с волосами «как кудри Фидиева Зевса».

Кроток и смирен, тщедушен телом, чуть старше Туберозова его подчиненный,

---

* Не вспомню, кому и по какому поводу Федор Михайлович говорил в том смысле, что хорошо было Льву Толстому с его усадьбой и доходами бесконечно отшлифовывать свою «Войну и мир», а у меня долги и обеспечение жизни семьи, торопиться надо... Что-то в этом смысле.

** Традиционно церкви в селах, отчасти даже в городах, ставились несколько обособленно от других зданий, на самой высокой точке местности, а рядом с церковью — поповка, жилые дома церковного причта: священника, дьякона, дьячков и причетников...

второй соборный священник Захария Бенефактов, счастливый отец множества детей мал мала меньше. Просто уездный попик без какого-либо полета мысли и вдохновения. Весь колорит обитателей старгородской поповки вобрал в себя дьякон Ахилла, холостякующий, громадный и по характеру словно запорожский казак с известной картины Репина, волею судеб облаченный в церковное одеяние, с истинным дьяконовским басом. «*Недостаточно, думаю, будет тебя и дубиной называть, поелику в моих глазах ты по малости целый воз дров*»,— так определил Ахиллу ректор духовного училища, которое тот так и не завершил, будучи отчисленным на причетническую должность в архиерейский хор. И из хора за «уязвленность» характера Ахиллу изгнали, отправив на дьяконство в Старый Город. При избушке своей он постоянно держал верховых, под казацкое седло, скакунов.

♦ Итак, три лесковских типа русских характеров, внешне, по образу жизни и занятиям, отнесенным к священно (Туборозов и Бенефактов) — и церковно (Ахилла) служителям. Если «чающий движения воды» Савелий Туберозов суть духовный подвижник, устремленный к моральным идеалам, в крохотном, уездном масштабе слепок с учеников-апостолов Христа, то Захария Бенефактов и дьякон Ахилла есть олицетворение народных типов, всецело водительствуемые словами и убеждениями своего протопопа. Ахилла — первозданная стихия без удержу во всем, а тихий и тщедушный Бенефактов — скромный, безпретенциозный труженник: на какое место поставили, на том и пригож своей безропотностью и исполнительностью.

И если у Гоголя мчится, рвется непонятно куда и в какие просторы-окоемы, пугая чужеземные народы, тройка Русь, а у Достоевского та же тройка братьев разламывают русскую жизнь на морально обособляющиеся части — от «карамазовщины» до святого во плоти Алеши Карамазова, то вот у Лескова нет ни гоголевской вздыбленности, ни разлома Достоевского, а на уездном пространстве русской равнины и во времени жизни до почти одновременной кончины («*Старгородская хроника кончается, и последнюю ее точкой должен быть гвоздь, забитый в крышку гроба Захарии*») обитателей соборной поповки разворачивается сценарий *глубокого единения* столь внешне непохожих, во многом противопоставленных образов и характеров — соборности русской жизни в ее диалектическом единстве и противоречии. Слово «борьба» в гегелевской этой формуле здесь не совсем к месту... И остальные герои романа, старгородские обитатели в их композиционном взаимоотношении друг с другом, а главное — с основными персонажами хроники, все вписываются в таковое единение и сокращенную формулу Гегеля.

Не особо далеко ушел в духовном философствовании Савелий Туберозов, да он и не стремится к какому-либо первенству, даже в мыслях не замахивать на что-то первооткрывающее. Как пишет Лесков в «Захудалом роде»: «*Если бы Вольтер знал этого нашего земляка, то он должен был бы сознаться, что не ему одному казалось удобнее молиться после обеда, чем перед обедом, но наши натуральные философы, вероятно, никогда не получат известности, постоянно предвосхищаемой у них чужеземцами*».

Но дело свое туго знает, стоя за истинную православную веру. И жизнь его сплошные тернии и обиды со стороны церковного начальства, мало чем отличающегося в административно устроенном государстве от иных ведомств и канцелярой.

...Все же не борения духовные протопопа Туберозова, не тихость и исправная служба священника Бенефактова, не сплошные чудачества наивного в душе, аки младенец, дьякона Ахиллы, не широко развернутый в романе уездный быт создают «Соборянам» ни с чем не сравнимый колорит с оттенком истинной русскости — даже в наималейшей степени не приукрашенный в смысле нарочитой стилизации. Нет в нем и намека на «роман с направлением», хотя бы на его страницах очень даже активны карикатуры на «нигилистов» уездного ро́злива: те же учитель Варнава Препотенский, чиновница Бизюкина, прохиндей с большой дороги Термосесов — явный

шарж на Петра Верховенского из «Бесов» Достоевского. И нет сколь-либо декларативного обличения. Не считать же за таковые наскоки глуповатого Варнавы: «*Вы читали Тургенева? «Дым»... Это дворянский писатель, и у него доказано, что в России все дым: «кнута, и того сами не выдумали*».

Словом, если подходить к «Соборянам» с бытописательской стороны, то ведь Лесков вроде ничего нового не сказал, что «упустили» русские писатели, так сказать, первого ряда, те же Тургенев и Достоевский, и — особенно — истинные бытописатели, современные Лескову: Глеб и Николай Успенские, Писемский, Помяловский и... еще два-три десятка имен, у которых даже более выпукло, хара́ктерно выписаны священники, мещане, купцы, чиновники всех ведомств, губернский и уездный бомонд, чудаки и чудики всех мастей, которыми так обильна провинциальная русская жизнь. В «Смехе и горе» Лесков пишет: «*Так вот-с, сударь,— заговорил, выпрямляясь во весь рост генерал,— вот вам в наш век кто на всех угодит, кто всем тон задаст и кто прочнее всех на земле водворится: это — б е з н а т у р н ы й д у р а к (выд. Н. С. Лесковым.— А.Я.)!*»

— И таковые персонажи не Лесковым одним выведены.

А неподражаемый колорит «Соборян» именно в их *невыдуманной списанности* с живого полотна русского быта, чем отличается в своем творчестве Лесков... нет, правильнее сказать: чем выделяется он на фоне всей обширной по дарованиям великой русской литературы ее золотого века. Из всей великолепной тройки выдающихся «орловцев» — Тургенева, Лескова и Бунина, только у Николая Семеновича не персонаж развертывает сюжет, но последний создает персонажа с его сугубым характером. «Безнатурный дурак», ревнитель истинной христовой веры, матерый уездный или губернский чиновник, вольтерянствующая дама, глуповатый «постнигилист», отчаянный правдолюб с наивной душой ребенка и так далее — все они у Лескова, а особенно в «Соборянах», хотя бы в неравных долях, но являются равноправными движетелями сюжетного полотна. Главное и существенное — они же все *непорицаемые* вышли из-под пера автора, как *непорицаема* сама русская жизнь с ее «внезапнейшими разнообразиями».

Опять же в рамках «великолепной тройки» этого мы не находим у Тургенева, стоявшего у истоков «романов с направлением». А у Бунина, коль скоро свою замечательную прозу, «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи» первоочередно, он создавал во второй половине своей творческой жизни, в <добровольном> изгнании, то в ней превалирует асимметрирующее вырисовывание характеров, нота тоски по ушедшей для него русской жизни. Непроизвольно при чтении эмигрантской прозы Бунина возникает почти осязаемый музыкальный фон, а именно — известный полонез Огинского...

♦ В вырисовывании характеров своих героев Лесков, прошедший всю <европейскую> Россию вдоль и поперек, меток в использовании фольклора: «На трудовые гроши годовой псалтыри не закажешь», «Земляной рубль тонок да долог, а торговый широк да короток», «Бог пристанет и пастыря приставит»... А в «Грабеже» персонажи и вовсе из писания изъясняются: «Егда люди потрапезуют и, помоляся уснут, в тот час восстают татие и исходя грабят».

Это мы опять возвратились к языку произведений Лескова, но в том аспекте, что, мысля научными категориями, язык не просто способ общения людей. Или, как сейчас навязчиво талдычут,— способ передачи межличностной информации... последнее слово чем-то суконно-цинковым отдает; так и лезет при его упоминании в голову «инфузория». Ну-у, это все к тому же все слову, а понятие языка далеко не так просто определяется, а именно: язык есть сугубый, основной, пожалуй и единственный, *предмет логики*, ибо язык суть средство познания, ибо последнее реализуется в языке, посредством языка. Любые же продукты познания всегда фиксируются в языке. Мы не столь самонадеянны (тому сдерживающее начало в симбиозе нашего военно-

морского, заполярного и старообрядческого воспитания — о последнем см. у Лескова всеподробнейше...), чтобы приводить такое определение языка без ссылок, например, на мнение выдающегося советского и российского ученого, философа и публициста А. А. Зиновьева, создателя комплексной <многозначной> логики. Но — ближе к сути развиваемой мысли.

Трансформируя определение связи языка, логики и познания для ареала литературного творчества, а еще конкретнее — для творчества Лескова, можно <уже со ссылкой выше на авторитеты науки> утверждать, что непорицаемость отображаемой Лесковым русской жизни, как творческий акт познания, является логически непротиворечивой в части ее, русской жизни, реальности, подтверждающим свидетельством чего является сугубая языковая специфика произведений Лескова. Именно в таковой специфике, где современный автору язык, в сумме своей и в образности от просторечия до всевозможных сословных, образовательных, включая «образованщину» и иных аргоизмов, органично и ненавязчиво переплетается с «живыми» фольклорными и диалектическими истоками русского литературного языка, и сложился феномен лесковской словесности. Надеемся, не запутали в таковых определениях нашего читателя...

Конечно, понятна «языковая направленность» в отдельных, хотя и многих, произведениях Лескова: уже упомянутая стилизация и неологизация в «Левше», чисто орловский говор в «Грабеже», язык купцов в «Чертогоне» и так далее. Но именно в «Соборянах», «Очарованном страннике» и «Запечатленном ангеле», несмотря на религиозно-догматическую сюжетную линию последнего, в полной мере явлена *непорицаемость* русской жизни, что во многом достигается указанной выше специфической структурой языка Лескова. Извиняемся за казенное слово. Кстати, коль скоро употребили «казенное», то вспомним, что одним из основных доводов официального — синоним казенного — литературоведения двадцатых — начала пятидесятых годов, когда Лескова практически и не печатали, что-де произведения данного автора «невостребованы советским читателем и пр.», являлись упреки в чрезмерной церковности и «реакционной поповщине». Воистину здесь Лесков оказался между «долгоиграющими» молотом и наковальней: если после революции комиссионеры от Луначарского и Крупской «упразднили» Лескова за эту самую поповщину, то царская цензура и редактора журналов — от «реакционера» Каткова до либерала Суворина — воистину пропускали «Соборяне», повести и рассказы с сюжетами, имеющими отношение к церковной жизни, через евангельское игольное ушко... в другом, разумеется, контексте. И если «комиссионеров», в духе тогдашней «воинственной безбожности» (так именовалась организация Губельмана — Ярославского), вообще упоминание о церкви не устраивало по идеологическим доводам, то императорскому Свщ. Синоду русской православной церкви, как сугубо государственно-бюрократического учреждения, в произведениях Лескова претило незавуалированное разделение автором (мы уже касались кратко этого выше) церкви-учреждения и церкви-духа Христовой морали. Кстати, по той же причине Синод противостоял Льву Толстому. Правда, руки коротки у Синода оказались против мирового классика, так что решение о временном отпадении Толстого от русской православной церкви (ни в коем случае не отлучение, тем более не анафематствование, как писали и пишут СМИ, одинаково безграмотные и тогда и сейчас...) скорее знак бессилия Синода. А вот Николай Семенович мировой известности не имел, да и не мог иметь ввиду подчеркнутой русскости (а таковая всегда Европу раздражала!) своих произведений. С другой стороны, не мог себе позволить ссориться с цензурой, тем более с Синодом, ибо являлся профессиональным писателем, то есть жил исключительно «тощими литературными опресноками» (см. выше), толстовских имений в Ясной Поляне и в Поволжье не имел... Это не в упрек гению русской словесности, но — сугубо к слову о Лескове.

Наконец, по определению своего характера и своего творческого кредо, Лесков и

не мыслил «торговать убеждениями», которые он так определял (в письмах к С. Н. Шубинскому, своему постоянному корреспонденту, от 17 и 20 августа 1883 г.): «*Скучно, тяжко и вокруг столь подло и столь глупо, что не знаешь, где и дух перевести... Все истинно честное и благородное сникло,— оно вредно и отстраняется,— люди, достойные одного презрения, идут в гору... Бедная родина! С кем она встретит испытания, если они суждены ей?*»

...И ничего иного Лескову не оставалось, блюдя свою литературную честность, не ссорясь с цензурой и Синодом, дабы не лишиться потребных для <физической> жизни «литературных опресноков», как со скорбью и внутренним гневом соглашаться на урезание «ножницами цензора» своих произведений целыми главами и даже частями... История публикации «Соборян» тому ярчайший пример. У Андрея Лескова в его книге об отце это подробно описано.

♦ ...Если дело в мире — с изоляцией России — под водительством Великого глобализатора, он же Великий инквизитор Достоевского, и дальше столь успешно пойдет, в чем сомнений нет, то скоро уже мало останется русских — в смысле из России — людей, что вживую лицезрели с высокого киевского берега с монументом князя Владимира с крестом низменную черниговскую заднепровскую сторону. И соединяющий их мост, построенный академиком Патоном — вроде как в последние полвека он не перестраивался. *Nostalgia*.

А первый киевский мост через Днепр был построен английской компанией в середине позапрошлого века. Строился он под управлением английских инженеров набранными по всей России артелями каменщиков, преимущественно из старообрядцев, людей трезвых и умелых в своей профессии, строился четыре с лишним года на каменных быках цепным висячим (сразу вспоминается визитная карточка Лондона с характерного вида мостом перед Тауэром...).

Как всякое долговременное действие с привлечением множества рабочего и — особенно — досужего народа, да еще в таком крупном городе как Киев, оно породило множество былей, слухов и просто анекдотов. Впрочем, в те благодатные и честные времена, но несколько растяпистые, и анекдоты срисовывались с действительно бывшего, хотя бы и преувеличенного. Одна из таких анекдотических былей рассказывает о некоем калужском каменщике, что был послан своими артельщиками во время пасхальной заутрени по натянутым уже цепям (но еще без мостовой!) с киевского берега на черниговский за водкой, которая там продавалась много дешевле. Иным способом переправиться с берега на берег было невозможно из-за ледохода. Закупившись, каменщик повесил бочонок водки себе на шею и балансируя взятым в руки шестом, возвратился на киевский берег, выполнив заказ товарищей-артельщиков. Как говорится, дорого яичко в пасхальный день. Попутно заметим, что по церковному уставу поздравлять с пасхой дозволяется до самой Троицы, то есть сорок дней...

О происшествии с героическим калужским каменщиком и сам Лесков в «Печорских антиках» пишет — через десять лет после напечатания в «Русском вестнике» своего «Запечатленного ангела», один из центральных эпизодов которого рассказывает о переходе в ледоход через Днепр по натянутым уже цепям строящегося моста артельщика — старообрядца с черниговской стороны на киевскую. Но уже не с бочонком водки, а с изготовленной изографом точной копией высокочтимой староверами иконы ангела-хранителя. Следовало ее срочно, пока рождественская (на Днепре иной раз и под рождество лед трогается) служба не закончилась в киевской монастырской церкви. Доставить туда и тайно подменить новоделом оригинальный образ, конфискованный по доносу властями у старообрядцев-артельщиков и «запечатленный», то есть проштемпелеванный сургучной печатью прямо по лику ангела.

...А столь пространное вступление к «Запечатленному ангелу» мы по той причине не предпослали, чтобы показать: все сюжеты у Лескова именно с реальной жизни

взяты, не нафантазированы! (см. его высказывание выше — «литература есть записанная жизнь»), хотя бы и трансформированы самым решительным образом. Даже «с пьяного на святое», как в «Запечатленном ангеле». Характерно, что именно Достоевский (а о их с Лесковым «холодных» взаимоотношениях уже говорилось) дал очень верное определение своеобразия речи персонажей и авторского описания у Лескова, впервые с такой же полнотой проявившееся в «Запечатленном ангеле». Это дорогого стоит! Таковое же своеобразие Достоевский, очень даже положительно оценивший это произведение, назвал *эссенциями*, то есть персонажи Лескова говорят не как «по записанному», чем многие писатели грешат, но — здесь мы попробуем расшифровать определение *эссенции* Достоевского («Дневник писателя», статья «Ряженый»*). Для чего мы собственно и выделили особо рассмотерение «Запечатленного ангела» в данном очерке.

Достоевский особо указывает на «нетипичность» характерного языка произведений Лескова, то есть это не некая литературно-книжная усредненность, которую «*публика хвалит, ну а опытного старого литератора не надуете*». Но ведь и разборчивой публике не всегда потрафишь этим «типичным языком»? Вот здесь-то и появляется тот круг читателей, как он появился к началу — первой половине 1880-х годов у Лескова, все более и более разрастающийся — в итоге сравнимый со всей читающей Россией,— в восприятии которого непроизвольно, подсознательно, совершается отход от *типического* к эссенциальному, то есть языку *единичного*, своеобразного... хотя бы язык Лескова есть *квинтэссенция* непридуманного, «непричесанного» (под литературную традицию), истинного русского языка! Так мы поняли высказывание Достоевского о «Запечатленном ангеле», расширив его на все творчество зрелого Лескова.

На фоне такой *эссенции* в том же «Запечатленном ангеле» у читателя даже не возникает вопроса об определенной направленности этого повествования, которая суть тема русского старообрядчества; как тогда было принято его называть в России. Сам Лесков, тем более имевший в родословной священников официальной русской православной церкви, которую, в свою очередь, даже сейчас мои родственники-староверы иначе как *никонианской* не именуют, в быту и творчестве не совсем одобрительно, точнее — неодобрительно, относился к староверчеству. В тех же «Соборянах» живущие в Старом Городе раскольники малосимпатичны и вредны для духовно-нравственного порядка. Сам Лесков составил таковое мнение, что называется, по-книжному (сам этого не отрицал), в основном, по художественным («В лесах», «На горах») и публицистическим («Очерки поповщины») произведениями Мельникова-Печерского. Тот же, в свою очередь, являясь председателем государственной комиссии по изучению современного быта и пр. старообрядцев, относился к ним хотя и вдумчиво, объективно, но — с позиций официальной русской православной церкви.

Однако в «Запечатленном ангеле» Лесков вовсе не останавливается на религиозно-догматических сторонах старообрядчества, но в это время он очень заинтересовался древнерусской живописью, то есть иконописанием, изографией. Из его переписки и воспоминаний сына Андрея в «Жизни Николая Лескова» видно, что писатель внимательно ознакомился с самыми известными трудами по старорусской иконописи. То есть Лесков обнаружил для себя в раскольниках-старообрядцах единственных и ревнительных хранителей древнерусского искусства, поскольку староверы признавали и почитали только старописанные иконы дониконовской поры — допускались и новоделы, но написанные по старинным образцам или просто в стилевых манерах ранее признанных старорусских иконописных школ. Так и в «Запечатленном ангеле» изограф Севастьян, приглашенный старообрядцами-артельщиками для написания

* На нее указывает составитель примечаний к Т. 4 Собрания сочинений Н. С. Лескова в 11 тт. И.З. Серман, С. 544.

копии иконы ангела-хранителя, придерживается традиций строгановской школы «мелкого письма» (строгановская школа возникла из новгородской в Сольвычегодске и Великом Устюге — изографы, переселившиеся в эти города из Новгорода). Сохранять же старописанные иконы старообрядцами было делом сложным и небезопасным. Вот и Лесков в «Запечатленном ангеле» описывает как поступали чиновники от официальной церкви с конфискованными старыми святынями: иконы просверливали (напомним, что иконы пишутся на досках), нанизовали столбцом на металлический прут с винтовой резьбой на концах, завинчивали гайками, припечатывали сургучом (см. выше) и складывали в сырых подвалах монастырей или консисторских губернских епархиальных управ.

...Пресловутые «большевики» себе этого не позволяли. Так перед взрывом храма Христа Спасителя все иконы, фрески и пр. изымались и направлялись в музейные хранилища.* Но — это к слову опять же.

Короткое резюме у этому разделу очерка: даже в произведениях, в которых в той или иной степени проявляется авторское «направление», как в «Запечатленном ангеле» сугубо художественный интерес Лескова к старорусской иконописи, что было бы невозможным встроить в композицию без персонажей из староверов, писатель, в силу данного ему «нетипического» таланта, достиг все того же эффекта *эссенции* — по определению Достоевского, *единично* присущего «очарованному страннику» русской литературы.

♦ В том же 1873 году, когда был опубликован в «Русском вестнике» «Запечатленный ангел», в семнадцати номерах газеты «Русский мир» печатается новое произведение Лескова под <первоначальным> названием «Очарованный странник, его жизнь, опыты, мнения и приключения. Рассказ. Посвящается Сергею Егоровичу Кушелеву». Жанр «рассказа», определенный автором, надо понимать условным, ибо это классическая «повесть в квадрате»: по жанровому построению и собственно по композиционному приему: пространный рассказ монастырского послушника-черноризца Ивана Северьяновича Флягина своим слушателям — пассажирам плывущего по Ладожскому озеру — о всей своей жизни, изобилующей самыми невероятными, но не фантазийными, а волею непредвиденного случая выпавшими, событиями и приключениями. Литературоведы, что называется сходу, сравнивают «Очарованного странника» и с гоголевским Чичиковым (по композиции), и с романом Фенелона о путешествиях Телемака в поисках Одиссея, и много еще с чем. Не совсем корректным было бы искать сравнения с многоликим двадцатым веком, поэтому упомянем только «Улисса» Джойса и упомянутый выше в сноске роман «У» Вс. Иванова... Другие параллели читатель мигом подберет.

Не слишком большая беда — для повести, конечно, не для несколько огорченного автора,— что современная ему критика оставила без внимания (может просто не поняла?) такую художественную новацию Лескова в «Очарованном страннике», как «бесцентровость» (это Н. К. Михайловский пишет: «*отсутствие какого бы то ни было центра*») повествования, то есть отсутствие единой, центровой фабулы, а дробление последней на «нанизанные» друг на друга взаимосвязанные фабулы в рассказе Ивана Северьяновича. Навроде как у Гоголя и Лермонтова — но не подражательно, само собой, а в своей, сугубо лесковской, художественной манере. Впрочем, оставим все это самим литературоведам... Мы же пишем об «очарованном страннике» — Лескове — по нивам русской литературы, художественными средствами которой, но в своем, *едином* своеобразии, писатель и очаровал всю читающую Россию.

... Не случайно мы выше оговорились по части жанра «Очарованного странника», что-де это есть повесть по всем литературным канонам, а не названная Лесковым

* В частности, это описано очевидцем, известным советским писателем Всеволодом Ивановым в романе «У», кстати, только один раз изданным — в библиофильской серии «Из литературного наследия» (Иванов В. В. «У», Дикие люди.— М.: Книга, 1988.— 399 с., тираж 15000 экз.)

«рассказом». Я, что называется, читательски, а потом и писательски, «вырос в Лескове» — позволю себе повториться в этом очерке. А Николай Семенович суть непревзойденный в русской литературе рассказчик — не по формальному определению этого жанра, а именно *всежанровый рассказчик*. Потому все его художественные произведения, да отчасти и литературная публицистика, суть *рассказы*.

...В наше славное время «административный регламент» и до изящной словесности добрался. Вот и литературные журналы, как-то и не сговариваясь между собой, уже явочным порядком «таксу объема» пожанрово ввели, в каковой рассказу отведены десяток-полтора стандартных машинописных страниц, то есть половина авторского листа. В таких ежовых руковицах Николаю Семеновичу было бы несдобровать. Да он и сам, как человек по жизни малосдержанный и вспыльчивый, а в домашнем быту (см. «Жизнь Николая Лескова») и вовсе дисциплинирующий домостроевец, перестал бы в оные «куранты» корреспондировать. Опять мы к окончанию очерка отвлеклись на злободневность...

«Очарованный странник» есть повесть, рассказанная *очарованным персонажем* — Иваном Северьяновичем — и больше ни полслова о жанровой классификации! Но опять же въедливые литературоведы — но ведь это их профессия, что отчасти извинительно для них — после появления «Очарованного странника» тотчас разобрали по косточкам самые хара́ктерные эпизоды странствии Ивана Северьяновича: десятилетний плен его у астраханских степных кочевников? — так это же толстовский «Кавказский пленник»! А сюжет с князем и выкупленной им из табора цыганкой Грушей — ведь прямая перекличка с известным персонажем Лермонтова... И в своей профессиональной увлеченности как-то отстраняются они от фактора *типичности*, но не в смысле определения Достоевского, о чем выше говорилось, но о *типичности русской жизни*. Разве не типичен Печорин во всем девятнадцатом веке, хотя и в совершенно различных ипостасях? Ведь не от Байрана же «лишние люди» пришли в русскую жизнь? — Хотя бы в литературных образах и есть определенные наметки на преемственность «байронической тоски» в обликах Онегина и Печорина. Типичность же «пленников» не подлежит сомнению: слишком много, почти постоянно, Россия вела окраинные войны с полудикими племенами, а если и не вела их с «мирны́ми» инородцами, то они-то еще жили по своим племенным законам. Много было кавказских и азиатских пленников, что стали уже литературными типами.

Наконец, цыганка Груша из табора, сами цыгане — это всероссийский колорит России. Ну-ка, назовите навскидку хоть одного русского писателя, который бы «обошелся» без цыган — от их конского воровства и жульничества до знаменитого: «В Стрельну! К «Яру»! К цыганам, господа!» ...Только к началу века двадцатого цыганские хоры потеснили несколько «румыны». Впрочем, те же цыгане, но только прибывшие в российские столицы на заработки из Румынии и называвшие себя влахами (дунайское княжество Валахия — самоназвание будущей Румынии).

Легко отыскивать аналогии в типичном, но создать нетипическую *эссенцию*, используя типичные сюжеты обыденной русской жизни, есть задача своеобразного писателя. Это мы, конечно, о Лескове говорим.

«*Проговорив это, очарованный странник, как бы вновь ощутил на себе наитие вещательного духа и впал в тихую сосредоточенность, которой никто из собеседников не позволил себе прервать ни одним новым вопросом. Да и о чем было его еще больше расспрашивать? повествования своего минувшего он исповедал со всею откровенностью своей простой души, а провещания его остаются до времени в руке сокрывающего судьбы свои от умных и разумных и только иногда открывающего их младенцам*».

Этими проникновенными словами завершается «Очарованный странник». Полагаем, что этимология слова «провещания» понятна читателю...

♦ Настоящий очерк не есть, даже в сколь-либо малой степени, литературоведческим анализом отдельных произведений Лескова. Даже некоторый акцент на «Соборянах», «Запечатленном ангеле» и «Очарованном страннике» есть не разбор их содержания, улавливание «направлений» и пр., но просто подчеркивание их наибольшей имманентности главенствующей творческой манере писателя. Таким образом, в части такового (отсутствующего у нас) «обзора» очерк этот расчитан на читателя, в определенной степени знакомого с произведениями Лескова, хотя бы с теми из них, что и через полтора столетия ни в малейшей степени не утратили своей художественной значимости. Про пресловутую «актуальность» умолчим, поскольку таковая для произведений этого рода есть всего лишь «служебная канва». Как нотный стан для композитора. Сознаемся, несколько неловкая аналогия, но по существу верная.

Тем более об актуальности, не только в отношении Лескова, но и всей мировой классической литературы, неудобосказуемо даже случайно вспоминать при нынешнем торжестве Великого глобализатора; вполне достижимым, причем в самое ближайшее время, «идеалом» члена социума, глобализованного по всему земному шару, является умозамещенный человек-цифрофреник. А по Лескову — им определенный «безнатурный дурак».

Даже об актуальности норм христианской морали с ее двухтысячелетним торжеством в ощутимой части мира, которой пронизано все творчество Лескова, сейчас не стоит говорить, поскольку эти нормы сведены к нулю.* В тех же Европах — Америках остались лишь церкви-учреждения, как внешний артефакт «пройденного историей» христианства, а собственно от Христовой Нагорной проповеди и Заповедей блаженств Нового Завета — то, что мы называем «моралью по вызову».

Опять же объясним преамбулу последнего раздела очерка. Тем более, что вовремя эта «актуальность» подвернулась на кончик пера (пишу только «от руки» и уже два десятка лет паркером, подаренным — после успешной защиты — моим самым умным аспирантом...).

В своем бессмертном «Левше» Лесков писал: «*Машины сравняли неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности*».

Не подлежит сомнению, что таковое «сравнение» писатель провидчески (уже сама его действительность подсказывала!) переносил и на все остальные, доселе творческие, рода деятельности человека. Нам же, живущим в «час волка», он же, говоря по-военному, *день X* торжества Великого глобализатора, и разъяснять что-либо подробно излишне.

С таких позиций творчество Лескова с его отличительной художественной манерой вроде как тоже по части артефакта давно минувших «творческих эпох» (это название цикла произведений Ромена Роллана, потому в кавычках) проходит. Действительно, социуму безнатурных дураков, хотя бы пока еще (у нас) пассивно, явочным порядком сопротивляющемуся <см. выше> переходу на американо-нижегородскую мову под управлением СМИ, умозамещению и даже директивному — не мытьем, так катаньем — оцифровыванию, Лесков не нужен с его обитателями старгородской соборной поповки, очарованным странником Иваном Северьяновичем Флягиным и разноликими персонажами «Запечатленного ангела». Иные времена, нравы и образцы для поддержания, в основном, по части общечеловеческих ценностей, то есть доллара и евро. А скоро может и юаня.

Но не так скоропостижно и просто избавить человека, даже искуснейшему Великому глобализатору, от генофенотипической памяти. Допустим, проснется посреди ночи в полнолуние иной почти что *обезнатуренный*, но еще не полный дурак... отче-

---

* См. в нашей естественно-философской и литературно-публицистической дилогии «Апология христианства» и «Апология человека» (в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru и других сайтах — по поисковику). В 2020 году эта дилогия была удостоена православной литературной премии им. Святителя Макария, митрополита Алтайского.

го проснется? — А может на ночь фастфуда или иной пищевой химии переел, либо сериалов на американо-нижегородском наречии с бройлерными инкубаторскими кобылицами пересмотрел... да мало ли *актуальных* причин наберется; главное факт — проснулся в час третей стражи, где-то между двумя и тремя ночи. Посмотрел со своей «досадной укушетки», как у атамана Платова в «Левше», в незашторенное окно, а там в угольно-черном небе серебром сияет полная луна в полной тишине спящих городских улиц, проспектов и переулков. Ни единого взвизга частнособственнических авто отверточной сборки: канули в лету веселые девяностые и нулевые, когда на всех улицах вовсю кипела ночная жизнь... Да и бензин в самой нефтедобывающей стране все дорожает и дорожает. Почивают в своих «хрущевках» старшие поколения, поминая добром советскую жизнь, которую так напоминают тихие по ночам улицы и т.п.

Глядит почти что обезнатуренный на полную луну; и по законам биологии, физиологии и психологии начинает он, как в явлении дежавю, вспоминать вовсе не с ним бывшее, но с далекими предками, например, по времени, от скорого ожидания благодетельного избавления от крепости с дарованием земли* царем Александром Освободителем до окончания земных дней другого Александра, который звался Миротворцем. Не то что конкретное из далекого быта видит неурочно проснувшийся, но *in summa* всю тамошнюю жизнь всеми органами чувств, сознанием и подсознанием ощущает.

Удивительную умиротворенность он в голове ощущает, как следствие мигом забытых умозамещения и цифрофрении, телеящика с его инкубаторскими сериалами и американо-нижегородским языком (словарный запас фифти-фифти по 250...300 слов американских и из обычного русского языка), одуряющего «инта» с его 99 %-м информационным шумом. Где-то далеко-далеко, на окраине империи, промозглый чиновный Петербург; поближе и породнее Первопрестольная с ее размеренностью, купцами-миллионщиками и тысячниками, иной торгово-мещанской мелкотою и сорока сороками золоченных церковных куполов. А на бескрайней равнине, она же «равнина русской словесности», на берегах неспешных рек, далеко текущих до Черного и Белого, Балтийского и Каспийского морей, старинные губернские и уездные города, меж которыми многие тысячи сел и деревень. Всюду несуетная жизнь течет, подобно тем же неспешным рекам, на лоне почти что первозданной природы: только леса под пашни за тысячу лет заметно повырублены, да железная дорога, «чугунка», уже начинает разбегаться от Москвы на все четыре стороны империи. В заутреню, обедню и вечернюю службу по всей равнине колокольный звон: от одной колокольни до другой**, не обойдет он ни одни уши.

...Забытый сейчас исторический сочинитель Загоскин в романе «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» (если только не ошибся в точности названия?) писал что-то в таком смысле: *добрый* наш народ, купцы и крестьяне, бояре и стрельцы, шиши (то есть разбойники) и пр. Обширно понимаемая доброта и в характере разнообразнейших жителей той великой равнины. Незлобивы помещики, если только не дурашливы от прежней вольницы. А если порой и впадут в дурь, то — ведь это в любом русском человеке может проявиться. Основное по численности население — тягловые крестьяне, барщинные и оброчные до реформы, как при барине жили в общине, так и вольными в ней остались — до столыпинского ее разрушения и окулачи-

---

* При всем уважении к советской школе, заметим, что в курсе истории как-то невнятно (идеологическая установка!) пояснялась великая реформа 1861-го года: дескать, освободили крестьян, но за землю многие выплачивали «выкупные» до 1905-го года... В действительности крестьяне освобождались с достаточным земельным наделом в 4—5 десятин (десятина = 1,6 гектар), за который с помещиками расплачивалась казна...

** В густонаселенной срединной России сельские церкви ставились на возвышенных местах с тем расчетом, чтобы с верха колокольни можно было увидеть таковые же окрестных храмов.

вания. Нелегкое дело примитивное землепашество, да исстари привычное, как говорится, ни слез умиления здесь не лить, ни преувеличивать страдания: все соответствовало веку и стране. Сельские батюшки и кабатчики-целовальники, старосты барские, а опосля выборные, наезжающие приставы и исправники, судейские — все при своем деле, для кого-то правом, для иных не своем. А потом земская, судебная, воинская и другие реформы облегчение крестьянству доставили.

В городах другой расклад, несколько отличный от сиволапого деревенского и помещичье-усадебного, но характеры все те же исконно русские. Духовенство пообразованнее, умеренно запьянцовское. Типичность — в лесковском Захарии Бенефактове, но нередки и правдолюбцы как Савелий Туберозов. Русский же дьякон, кочующий из романа в роман нашей классики, всегда Ахилла в том или ином своеобразии... как, например, дьякон Ферапонт в «Угрюм-реке» В. Я. Шишкова. Все они одним ахилловым миром мазаны...

Городские купцы, приказчики, мещане и ремесленники тоже по сущности своей незлобивы. Немного смешновата городская интеллигенция, учителя, врачи, земцы-статистики, но это скорее от их растерянности: дел много, а их мало. Опять же темнота простонародная. Как Лесков пишет: «*Когда летом 1892 года, в самом конце девятнадцатого века, появилась в нашей стране холера, немедленно же появилось и разномыслие, что́ надо делать. «Врачи говорили, что надо убить запятую (вибрион холеры.— А.Я.), а народ думал, что надо убить врачей*» («Импровизаторы (картинка с натуры)»).

Великолепно и обширно городское, особенно губернское, чиновничество. Оно похитрее всего остального народа — чины обязывают! Но русские ведь люди; как дети радуются трудами <порой неправедными> выслуженному статскому ордену: *Владимиру* ли, *Анне* или *Белому Орлу**. И чиновники нерусского корня, остзейские немцы и поляки, которых цари весь век расселяли из вечно бунтующей Польши по просторам России (бунтовщиками заселяли Сибирь, а шляхту — потенциальных заводил бунтов — чиновниками по губернским и уездным городам Европейской России), очень быстро ассимилировались по части приобретения местных нравов и характеров...

Даже не заставшему советскую эпоху самого читающего в мире народа, завороженному полной луной проснувшемуся в час волка Обезнатуренному вся эта пестрота старинной русской жизни как наяву представилась. Поежился тот от такого чудно́го видения, и хотя почти непьющий (баранку своей машины с утра до вечера крутит, работенка разъездная), но сходил на кухню, ввел в организм стопарик поддельного самогонного вискаря — соображать по случаю видения наеву ловчее стал, потянуло на вольнолюбивые рассуждения самле-собой, вовсе не свойственные по жизни суетной. И обычное отупление, вязкое почти что наощупь, уступило место полнейшей ясности мысли. Думалось с вдохновляющим восторгом: да какая же разнообразная жизнь была во время оно́! Вроде бы и нелепая, дурашливая порой, где неприглядная, а у кого-то довольственная, но ведь не прикованная виртуальными, зато самыми крепкими, цепями к компу, своей китайской машине отверточной сборки, к дурману телеящика, к вечной погоне за деньгами... а зачем они, деревянные или зеленые, окромя как на жрачку и ширпотреб? Если подумать, то и незачем.

Так зачем налита́я тусклым серебром полуночного света полная луна разбудила его и подсунула такое странное видение? Еще ясно стало в голове после второй стопки виски подмосковной фабрикации, мысль ощупью подбиралась к возможному ответу на заданные им самому себе вопросы. Не приученная к функциональной гра-

* Высший польский орден. После включения Польши в состав Российской империи при Екатерине Второй, польские ордена (Белый Орел, Станислав, Виртути милитари и др.) были включены в число всероссийских наград, то есть независимо от национальных (тогда ее заменяло вероисповедание) и места проживания награждаемых.

мотности мышления голова Обезнатуренного, пусть в неловких, ломаных по синтаксису и логике, фразах, все же вплотную приблизилась к ответу. С его <условного> разрешения переведем таковой ответ на *русский* язык.

Видение далекого прошлого, на расстоянии пяти-шести поколений пращуров, которое нам порой посылает полная луна, пробуждающая подсознание человека, ставя его в положение очарованного странника, есть не напоминание о чем-то бывшем в неразрывной поколенной цепи, но — остерег: человек нынешний! останавливайся иногда на миг, оглядывайся округ себя и думай: куда идешь? и своим ли путем идешь?

...От себя добавим к мыслям Обезнатуренного: в такой миг лунного прозрения не столько сам-один человек размышляет, но это говорит в нем «память отцов» (это определение выдающегося русского философа-космиста Н. Ф. Федорова), доселе упрятанная в пыльных и забытых чердаках подсознания. Это как нынешнее интернетовское облако...

Наш очерк суть пространная рефлексия на самобытное творчество Лескова... и осознание вселенской тоски по уходящему человеку биологическому, которому на смену приходит оцифрованный придаток к глобальным информационным сетям. Увы!

К ЮБИЛЕЮ Н. С. ЛЕСКОВА

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

ЧЕСТНОЕ СЛОВО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ
(к 190-летию Н.С. Лескова)

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, историк литературы, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Знаменательные и памятные даты — хороший повод, чтобы всерьез приобщаться к нашему духовному и творческому наследию, которое с годами не только не устаревает, но во многом опережает нынешнее время. 16 февраля 2021 года исполнится 190 лет со дня рождения Николая Семеновича Лескова (1831—1895) — одного из крупнейших русских христианских писателей-классиков.

Небывалый талант Лескова, созданный им самобытный художественный мир ни при жизни писателя, ни долгое время после его смерти не был оценен по достоинству. Стихотворная строчка Игоря Северянина о Лескове: «Достоевскому равный, он — прозеванный гений»,— до недавнего времени звучала горькой истиной. Тот же поэт приблизился к постижению сущности творчества Лескова, когда образно сравнил писателя со священнослужителем:

Придет весна, светла как Божья Матерь,
И повелит держать пасхальный звон,
И выйдет, как священник на амвон,
Писатель…

Пожалуй, наиболее точную характеристику дал литературный критик М. О. Меньшиков, назвавший лесковское творчество «художественной проповедью»*.

Лесков был убежден в том, что книги должны «не только занять внимание читателя, но дать какое-нибудь доброе направление его мыслям». Это «доброе направление» писатель связывал прежде всего с верой в Бога, отмечая, что «цели христианства *вечны*»**. Лесков говорил, что всегда имел в виду «важность Евангелия», в котором, по его убеждению, «сокрыт глубочайший *смысл жизни*» (XI, 233). «Истина,

* Меньшиков М.О. Художественная проповедь (XI том сочинений Н.С. Лескова) // Меньшиков М.О. Критические очерки.— СПб., 1899.

** Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т.— М.: ГИХЛ, 1956 — 1958.— Т. 11.— С. 287. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

добро и красота» — в этой триединой формуле он выразил идеал, к которому необходимо стремиться.

«Литература — тяжелое, требующее великого духа поприще»,— говорил Лесков и самоотверженно шел этим путем, который можно расценить как настоящий писательский подвиг. На склоне лет художник «непостыдной совести» мог по праву заявить: «Я отдал литературе всю жизнь и передал ей все, что мог получить приятного в этой жизни, а потому я не в силах трактовать о ней с точки зрения поставщичьей. <…> я верую так, как говорю, и этой верою жив я и крепок во всех утеснениях. Из этого я не уступлю никому и ничего,— и лгать не стану, и дурное назову дурным кому угодно»*.

В своем творчестве Лесков изобразил многокрасочную полноту мира, мозаично пестрые картины жизни России. Как былинного богатыря, писателя, по его словам, «“тяготила тяга” знания родной земли». Лесковское творчество проникнуто подлинным, некнижным знанием народной жизни. В цикле статей «Русское общество в Париже» (1863) автор заявлял: «Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я *вырос в народе* на гостомельском выгоне <…>, так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. Я с народом был свой человек». Будучи «насквозь русским», зная русского человека «в самую его глубь», писатель воплотил в своих героях — с их речью, мироощущением, душевными порывами — все существенные особенности национального характера. Томас Манн справедливо отмечал, что Лесков писал «чудеснейшим русским языком и провозвестил душу своего народа так, как это, кроме него, сделал только один — Достоевский».

Лесков вступил на писательскую стезю в 1860-е годы, будучи уже зрелым, сформировавшимся человеком с большим жизненным опытом и огромным запасом житейских наблюдений. Не завершив образования в орловской гимназии, «свои университеты» будущий писатель постигал «самоучкой». В литературе он выступил прежде всего как публицист. Он сотрудничал в разных периодических изданиях Москвы и Петербурга, и уже первые публикации «новейшего орловца» привлекли внимание читателей актуальной проблематикой, живой достоверностью и объемностью знаний, честной авторской позицией, искренней интонацией. Стремясь, по его словам, «пролить в массы свет разумения», Лесков — публицист-просветитель поднимал множество тем: «Торговая кабала», «Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе», «Русские женщины и эмансипация», «Как относятся взгляды некоторых просветителей к народному просвещению», «Русские люди, состоящие “не у дел”» и др. В своих заметках, статьях, очерках, многие из которых и сегодня воспринимаются как остроактуальные, автор не просто высказывал собственное мнение по животрепещущим социально-экономическим, политическим, культурным вопросам, но и обращался к самой сути жизни России, ни на минуту не забывая об ответственной позиции «глашатая истины», призванного к активной борьбе со злом, произволом, деспотизмом, невежеством, косностью, коррупцией и другими пороками.

После статьи о петербургских пожарах, в которой автор призывал бездействующую власть либо опровергнуть слухи о поджигателях, либо — если толки небеспочвенны — найти и наказать злодеев, Лесков оказался в положении «между двух огней». В раскаленной политической атмосфере тех лет «пожарная статья» вызвала суровые нападки «справа» и «слева»: со стороны правящего лагеря свое неодобрение выразил Александр II, а радикальная литературная критика фактически объявила Лескову бойкот. Писатель, по его словам, был «распят заживо».

С тех пор он прокладывал себе «третий» путь — «против течений», искал «противоположную всем дорогу». «Не подчиняясь ни партийным, ни каким другим дав-

* Цит. по: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2-х т.— Т. 2.— М.: Худож. лит.,1984.— С. 348.

лениям» (XI, 222), Лесков отказывался «с притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленского штандарта» (XI, 234). «*Свое уединенное положение*» (XI, 425) писатель подчеркивал в показательной самохарактеристике: «Дело просто: я не нигилист и не аутократ, не абсолютист и не ищу славы моея, но славы пославшего мя Отца» (XI, 425).

О пастырском служении — «учить, вразумлять, отклонять от всякого <…> вздора и суеверий» — размышлял Лесков уже в своем дебютном художественном произведении «Погасшее дело («Засуха»)» (1862). Знаменательно, что первым героем лесковской беллетристики стал сельский священник — отец Илиодор. В подзаголовке помечено: *«Из записок моего деда».* Дед Лескова умер еще до рождения внука, но будущий писатель знал о нем от родных: «всегда упоминалось о бедности и честности деда моего, священника Димитрия Лескова». В характере героя «Засухи» многое предвещает центральную фигуру романа-хроники «Соборяне» (1872) — Савелия Туберозова. Болея душой за судьбу Родины, этот «мятежный протопоп» и бесстрашный проповедник убежден, что нельзя жить «без идеала, без веры, без почтения к деяниям предков великих… это сгубит Россию» (IV, 183).

С целью опровержения крайне пессимистического заявления А. Ф. Писемского, объявившего, что он видит во всех своих соотечественниках одни только «мерзости», Лесков в предисловии к рассказу «Однодум» (1879) возвестил: «Мне это было и ужасно и несносно, и пошел я искать праведных, пошел с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трех праведных, без которых “несть граду стояния”» (VI, 642). Эти поиски стали магистральными в творчестве писателя. «У нас не переводились, да и не переведутся праведные,— утверждал он в рассказе «Кадетский монастырь» (1880).— Их только не замечают, а если стать присматриваться — они есть». «Это своего рода маяки»,— писал Лесков в очерке «Вычегодская Диана (Попадья-охотница)» (1883). Почти в каждом его произведении, начиная с ранних, оживают типы людей «высокой пробы» всех сословий и званий. В этом отношении Лесков — уникальная фигура в истории литературы.

В противовес сегодняшней всеобщей жажде наживы и продажности, «замечаемому ныне чрезмерному усилению в нашем обществе холодного и бесстрастного эгоизма и безучастия»,— как говорил писатель,— в его цикле о праведниках изображены «отрадные явления русской жизни», «сердца», что «были немножко потеплее и души поучастливее». По словам Бориса Константиновича Зайцева, жизнь лесковских героев-праведников — это «рука, протянутая человеком к человеку во имя Бога».

«Живой дух веры», самоотверженная любовь к Богу и ближнему в соединении с практическим деланием показаны Лесковым в разнообразных проявлениях. Таковы, например, неподкупность «неберущего квартального» Рыжова («Однодум»); бессребреничество Николая Фермора, стремление к святости Брянчанинова и Чихачева («Инженеры-бессребреники»); совестливость, благородство, участливость воспитателей-наставников («Кадетский монастырь»); духовный свет «русских богоносцев» — священнослужителей («Некрещеный поп», «Владычный суд», «На краю света»); патриотизм и талантливость Левши («Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе»). Готовы на подвиг самоотвержения во имя высокого человеколюбия герои рассказов «Павлин», «Пигмей», «Русский демократ в Польше», «Несмертельный Голован», «Тупейный художник», «Человек на часах», «Пугало», «Дурачок», «Томление духа», «Фигура» и многих других.

Праведники, которых Лесков разыскивал на протяжении всего творческого пути и среди священников, и среди мирян — среди всех сословий и социальных групп российского общества,— давали повод для оптимизма, для *оправдания* Руси. Однако в «банковый период» ситуация обострялась тем, что христианские порывы лесковских героев не могли кардинально изменить «безбожную» действительность, приблизить обетование пророчества Исаии о том времени, когда «земля будет наполнена ведением

Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11: 9). Вот почему в последние годы писатель обращается к обличительному, остро сатирическому изображению жизни.

Россия — страна, где человека постоянно подстерегают «метаморфозы», «сюрпризы» и «внезапности»: «что ни шаг, то сюрприз, и притом самый скверный» (III, 383). Лесков остро ощущал хрупкость и алогичность человеческого существования в условиях «гнусной рассейской действительности»: «смех и горе», любовь и ненависть, надежда и отчаяние — эти сильнейшие колебания «эмоционального маятника» создавали ощущение разбалансированности, крайней неустойчивости бытия, которое могло бы быть цементировано христианской верой, следованием заповедям Нового Завета. Усиление критического пафоса в лесковских произведениях последнего периода творчества связано прежде всего с созидательной задачей «стремления к высшему идеалу» (X, 440).

Именно «вера в прекрасное», несмотря на «полное вырождение общества», питала проповеднический энтузиазм Лескова. Задачу писателя составляло не только стремление затормозить процесс нравственного оскудения, но и восстановить утраченный тип «высокого вдохновения», духовный потенциал человека. При перечитывании Нового Завета Лесков обращает внимание на «прямое указание, что Христа озабочивает, чтобы упразднить всякое начальство и всякую власть и силу, и что без этого дело Его здесь не кончится»*. В Евангелии читаем: «А затем конец, когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство, и всякую власть, и силу» (1 Коринф. 15: 24).

Писатель решает воочию показать, насколько общество отклонилось от идеала христианства. «Мои последние произведения о русском обществе весьма жестоки,— таково авторское самоопределение.— <…> Эти вещи не нравятся публике за цинизм и простоту. Да я и не хочу нравиться публике. Пусть она хоть давится моими рассказами, да читает. <…> Я хочу бичевать ее и мучить»**. Это целительное бичевание в атмосфере полнейшего цинизма и нравственной индифферентности сродни тому бичеванию, которым Христос изгонял торгующих из храма.

Писатель чаще всего использовал излюбленную им форму «рассказа кстати» — точнее это можно назвать лесковской литературной тактикой. Все его произведения (не только собранные в цикл «Рассказы кстати») — так или иначе «по поводу» и «кстати». Верный своей «журналистской жилке», отталкиваясь от конкретного животрепещущего, актуального события, Лесков постепенно поднимается до больших художественных обобщений. Многие из «рассказов кстати», в том числе малоизвестные, не вошедшие в одноименный цикл,— «Два свинопаса», «Новозаветные евреи», «Уха без рыбы» и др.,— показательная иллюстрация религиозных размышлений и философских идей Лескова.

В рассказе «Старинные психопаты» (1885) писатель показывает религиозные воззрения «легендарного оригинала» «самодумного» пана Вишневского: «В вопросах веры он был невежда круглый и ни в критику, ни в философию религиозных вопросов не пускался, находя, что “се діло поповское”, а как “лыцарь” он только ограждал и отстаивал “свою веру” от всех “иноверных”, и в этом пункте смотрел на дело взглядом народным, почитая “христианами” одних православных, а всех прочих, так называемых “инославных” христиан — считал “недоверками”, а евреев и “всю остальную сволочь” — *поганцами*» (7, 296).

Рисуя теплоту искренней веры в рассказе «Интересные мужчины» (1885), писатель указал и на иную — настораживающую — фигуру. «Колдун», «мистик» Август Матвеич, в облике которого рассказчику чудится что-то холодное и безучастно-механистическое: «похож на никогда не изменяющие себе английские часы в длин-

* Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями.— М.: Гослитиздат, 1962.— С. 546 — 547.

** Цит. по: Фаресов А. И. Против течений. Н. С. Лесков, его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем.— СПб., 1904.— С. 382.

ном футляре <…> указать они могут все, отметят все — и останутся сами собой (7, 329—330). В то же время этот «человек-часовой механизм» имеет в своем облике нечто инфернальное: «красная шелковая фуфайка, как кровь, сверкает из-под белых манжет. Точно он снял с себя живую кожу да чем-то только обернулся» (7, 330). «Живой часовой механизм» Август Матвеич бормочет себе под нос польские стихи, от которых рассказчику делается жутко, «не по себе»:

Я Бога не хочу, я не чую неба,
Я на небо не пойду… (7, 332).

Именно «не хотят Бога, не чуют неба» многие персонажи последних остро критических произведений Лескова. «Чиновники с виду», администраторы, власть предержащие, «чертовы куклы» (так называется последний роман Лескова) объективно избирают сторону зла, занимают позицию доброненавистников.

Праведник Рыжов («Однодум») заявляет губернатору, что власти «ленивы, алчны и пред престолом криводушны». Таковы, к примеру, герои «Совместителей» (1884), «совмещающие» служебный долг с альковными обязанностями в постели одной и той же дамы. Таково «Умершее сословие» (1888) губернаторов типа «невразумительного» Трубецкого, «охотника пошуметь», который «знал и понимал в делах очень мало, но безмерно любил власть и страдал охотою вмешиваться во все» (7, 421).

Таково привычное для чиновной России явление, названное Лесковым «Административная грация» с подзаголовком «Zahme dressur… < ручная дрессировка (нем.).> в жандармской аранжировке» (по мнению сына писателя, рассказ был создан в 1893 г. При жизни Лескова не публиковался). «Цирковой» трюк состоит в том, что «умелому администратору грация помогает самое неприятное дело развязать так, чтобы на его ведомстве не оказалось ни пятнышка, а вся грязь осталась на тарелке, то есть на самом обществе».

Понятен и органичен устрашающий библейский эпиграф к рассказу «Административная грация»: *«Оскверни беззакония всю землю и наполнена суть дела их вредная. Ездры. III кн. гл. XV, 6”*. Нравственно разлагающуюся, смердящую современность Лесков уже именует не просто временем “разгильдяйства и шатаний” (XI, 300), “всяческих уродств и кривляний”, но прямо называет *“смрадными днями”»*.

В развернутой метафоре рассказа «Загон» (1893) автор констатирует: «это был уже не город, а какое-то разбойное становище». И далее естественны библейские аллюзии: «И увидел Бог, что злы здесь дела всех <…> не обретя ни одного праведного» (12, 105 — 106).

Отсюда уже совсем недалеко до «Содома и Гоморры»* рассказа “Зимний день» (1894). Налицо эмоционально-семантическая общность библейских эпиграфов, которые под пером Лескова становятся универсальными нравственно-философскими метафорами. К “пейзажу и жанру» “Зимнего дня» подобран эпиграф не менее жуткий: *“Днем они сретают тьму и в полдень ходят ощупью, как ночью» Иова, V, 14»* (12, 4).

Лесков показал картину всеобщего разложения, продажности, подкупа, шпионства, доносов, предательства, разврата и разгула чувственной похоти — «*свинопасения»* (если использовать образ его рассказа «Два свинопаса»). Как известно из Евангелия, бесы, вселившись в свиней, побудили их броситься в бездну. Писатель видит глубину этой гибельной бездны и не может не ужасаться ей: «“Содом”,— говорят <…> Правильно. Каково общество, таков и “Зимний день”»**.

«Содом» неминуемо был бы испепелен гневом Божиим, если бы не те немногие праведники, ради которых Господь изрек: *«Пощажу»* (Быт. 18: 26). В центре «Зимнего дня» — образ Лидии — идеальной героини, «женщины будущего», согласно ха-

* Редактор «Вестника Европы» М. Стасюлевич, которому Лесков предложил рассказ, опасаясь публиковать его, отозвался о «Зимнем дне»: «Это — отрывок из “Содома и Гоморры”, и я не дерзаю выступить с таким отрывком на Божий свет» (Цит. по: Лесков А. Н. Указ. соч. Т. 1.— С. 19).

** Цит. по: Фаресов А. И. Парадоксы Н. С. Лескова // Слово. 1905. № 147. 11 мая.

рактеристике Лескова. Она следует Новому Завету; в споре с теткой, считающей, что «общество не так устроено, чтобы все по Евангелию, и нельзя от нас разом всего этого требовать» (12, 19),— именно евангельское слово помогает Лидии одержать духовно-нравственную победу. Было отмечено, что героиня целиком выражает лесковскую позицию. Это, по выражению сына писателя, как бы «фонограф автора».

Рассказ очень идеологичен: герои много говорят и спорят о Л. Н. Толстом и «толстовцах»: «не так страшен черт, как его малютки». Разжалованные Лесковым «малютки», «лепетуны», «ковырялки», «непротивленыши» были страшно обижены, сам же «яснополянский учитель» хранил молчание*.

В отношении к Л. Толстому Лесков сохранял независимость суждений и право на «разномыслие» с «яснополянским наставником». Не случайно Толстой проницательно определил Лескова с их первой встречи: «Какой умный и оригинальный человек!»** В плане «ума и оригинальности» показательна следующая «нотатка» в одной из лесковских записных книжек: «В разъяснениях и толкованиях Л. Н. Т. есть “нечто неудобовразумительное” (как выражался Апостол Петр об Апостоле Павле), но он поднял современных ему людей на высоту, не достижимую для пошлости, не восходящей выше соображения “выгодности и невыгодности”, но во всех людях, тронутых им, наверное, уцелеет если не убеждение, то сознание или понятие, что “мы живем не так, как следует жить”»***.

Народная жизнь — это «юдоль плача». Лесков видит затравленного, полусумасшедшего, до крайности нищего — *«лишенного» — «порционного мужика»* («Импровизаторы» — 1892): «амкнул — и нет его» (11, 223). Это такой же *«продукт природы»*, как и мужики-переселенцы в рассказе с одноименным названием (1893). Они делаются «продуктом» и для съедающих их вшей, и для социальных паразитов всех мастей. Длящаяся агония невыносима. «Столько уже этого вошеводства, что зуд делается от воспоминаний» (XI, 556),— восклицает в одном из писем Лесков.

И все же его последние произведения, полные ужаса, горечи и сарказма, освещаются изнутри светом Христовой истины. Так, в эпическом полотне *«рапсодии»* «Юдоль», когда «голод тела» и «голод души» доводит народ до тягчайших преступлений: воровства, разбоя, проституции, убийств, каннибализма,— когда кажется, что ниже упасть духовно и нравственно уже *некуда*,— основной тональностью, лейтмотивом звучат знаменательные слова: *«Надо подниматься!»* (XI, 298).

Лесков в своей «художественной проповеди» выступает не только как писатель, но и как духовный наставник своих читателей. В рассказе *«из отроческих воспоминаний»* «Томленье духа» (1890) герой открыто говорит сильным мира сего неудобоваримые для них истины, за что лишается хозяевами места детского наставника. Рассказ завершается длинной прощальной проповедью на дороге. Пострадавший за правду, изгнанный учитель внушает провожающим его детям истины Евангелия, совершающие «поворот вовнутрь себя» (XI, 525); намечает духовно-нравственные ориентиры на всю дальнейшую жизнь: «Без клятвы будь правдив <…> не лги ни словом, ни лицом… Не бойся никого» (12, 395).

Как и во многих прежних произведениях («Пугало», «Зверь», «Привидение в Инженерном замке», «Несмертельный Голован» и др.), Лесков поднимает проблему *любви и страха* и устами героя доказывает, что с явлением Христа страх был побежден совершенной любовью: «Здесь трое нас, и кто между нас?.. <…> Страх? Нет, не страх, а наш Христос!» (12, 395). Религиозно-нравственная позиция автора выливается в проповедническое душеспасительное наставничество: «Чистая совесть где хотите покажет Бога, а ложь где хотите удалит от Бога. Никого не бойтесь и ни для чего не лгите» (12, 396).

---

* Подробнее об этом см.: Лесков А. Н. Указ. соч.— Т. 2.— С. 410 — 415.

** Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т.— Т. 86.— С. 49.

*** Цит. по: Лесков А.Н. Указ. соч.— Т. 2.— С. 407.

Ценитель и знаток искусства иконописи, Лесков находил, что и на русской иконе изображен не страшный Судия мира, а добрый *Спасъ*, готовый прийти на помощь. Являя «гениальное чутье к Православию»*, писатель был убежден, что у русского человека — «Христос за пазушкой» («На краю света»).

Оставшийся неизданным при жизни Лескова «Заячий ремиз»** — *«лебединая песнь»* писателя, которая под его пером вылилась в вековечную мечту о *жар-птице.* Повесть притягивает внимание, ей посвящаются обстоятельные исследования, однако ни одно из них пока не исчерпало религиозно-нравственную и философскую глубину лесковского текста. Основанный на Библии, он по сути неисчерпаем и открывает все новые и новые возможности для интерпретации.

В «Заячьем ремизе», впервые изданном в 1917 г.— «в эти абсолютно нелитературные времена»,— «загробный голос Лескова прозвучал со страниц “Нивы” как призывный колокол»***. Д. Философов сравнил выход повести в предисловии к ней с «белоснежным пшеничным хлебом русской литературы»****, который получили голодные физически и духовно читатели.

Загадочное название повести несколько проясняется в письме Лескова к Б. М. Бубнову <1891 г.>: «“<…> *мнимый покой”.— “Зайца обманчивый сон!..”* Именно все это “заячий сон”, с одним закрытым глазом и хлопающими ушами от страха утратить все, чем владеешь. Кажи нам, что есть крепкого,— за что можно удержаться, не делаясь жертвой случайностей и чужих прихотей, часто как раз рассчитанных на то, чтобы понизить в тебе “Сына человеческого”, Которого ты обязан “вознести”, и других к тому же склонить, и убедить, и ’’укрепить слабеющие руки’’» (XI, 501). Письмо это, написанное по иному поводу, глубоко иллюстрирует концепцию «Заячьего ремиза».

Сатирическая сторона произведения: когда герою только и остается, что «скрыться» в своем частном сумасшествии от всеобщей невменяемости и безумия общественного устройства, а также все, что ведет к расчеловечиванию, «оболванию» Ономрия Перегуда, подробно описаны исследователями. Важно сосредоточить основное внимание на противоположно направленном изменении «натуры» героя: на пути его возвращения от «оболванивания» к «истинному человеку», то есть Божественному началу, скрытому тенью «телесного болвана», «пониженному», «жесточайше уменьчтоженному» (497). Перегуд осознает необходимость отыскать в самом себе и «вознести» «невидимую и присносущную силу и Божество того человека, коего все наши болваны суть аки бы зерцаловидные тени» (496).

Не только эпиграф, взятый из «Диалога, или разглагола о древнем мире» Григория Сковороды (1722—1794), но и другие христианские идеи украинского философа воплощает Лесков в своей повести. Основная из них — «надо идти и тащить вперед своего ’’телесного болвана’’» (580), не позволяя ему взять верх над «истинным» — духовным — человеком.

Заразившись хронической «инфекцией» государственной политики — «ловитвой потрясователей основ», что «троны шатают»,— Ономрий Перегуд перерождается: внутренние изменения происходят и на внешнем уровне (не раз проходит мотив зеркального отражения — *«зерцаловидной тени»*,— заявленный в философском эпиграфе): «у меня вид в лице моем переменился <…> и стали у меня, як у тых, очи як све-

---

* Дурылин С. Н. О религиозном творчестве Н.С. Лескова // Христианская мысль.— Киев, 1916.— № XI.— С. 77.

** В феврале 1895 г. (за несколько дней до кончины Лескова) М. Стасюлевич, редактор «Вестника Европы», испугавшись цензуры, отказался печатать повесть, извиняясь перед автором его же остроумной шуткой, позаимствованной из «Заячьего ремиза»: «можно очень самому обремизиться <…> подвергнуться участи “разгневанного налима” <…> и непременно попадете в архиерейскую уху». Цит. по: Лесков Н. С. Собр. соч.: В 3-х т.— Т. 3.— М.: Худож. лит., 1988.— С. 646. Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте.

*** Философов Д. Пшеничный хлеб // Нива.— 1917.— №№ 41—43.— 28 октября.

**** Там же.

щи потухлы, а зубы обнаженны… Тпфу, какое препоганьство!» (539). В зеркале Перегуд видит именно то, о чем предупреждал когда-то его родителей, решающих судьбу сына, умница-архиерей (образ колоритный, привлекательный, симпатичный и близкий самому Лескову): «Еще что за удовольствие определять сына в ловитчики! <…> “Се стражи адовные, стоящие яко аспиды: очеса их яко свещи потухлы и зубы обнаженны”» (516).

Жуткий *образ* «адова стража» из библейской Книги Еноха настойчиво повторяется на протяжении всей истории маниакальной одержимости героя подозрительностью, шпионством, доносами, погонями за мнимыми «сицилистами». Перегуд в прямом смысле теряет свою человеческую сущность, окончательно сходит с ума, когда выясняется, что «дерзновеннейший потрясователь» был его собственный кучер-орловец Теренька: «О, Боже мій милій! А кто же был я? Вот только это и есть неизвестно» (573).

С очами, «яко свещи потухлы», Ономрий Перегуд-становой безмерно далек от того мальчика-певчего, посвященного в стихари, каким он был, когда «перед всеми посередь дни свечою стоял и светил» (517). Он утрачивает божественный свет «истинного человека», окончательно превращаясь в «болвана».

В эпизоде с «подозрительной» Юлией Семеновной — «коса ей урезана, и в очках, а научена на все познания в Петербургской педагогии» (544) — Перегуд, дабы разузнать, что скрывают темные очки, просит позволения посмотреть в ее «окуляры» и ведет себя почти как в крыловской басне «Мартышка и очки». Он начисто лишается своего прежнего духовного опыта, забывает Священное Писание, которому был учен у архиерея, и попадает в преглупейшее положение, когда пытается «вывести на чистую воду» стриженую, в «окулярах» Юлию Семеновну, заставляя девушку написать о том, что она думает о богатстве и бедности. Ее записи, не распознав в них текстов Нового Завета (Мф. 13: 22; Иак. 2: 6), становой отсылает начальству как донос.

«Вот наинесчастнейший человек, который охотился за чужими “волосами”, а явился сам острижен. Какое смешное и жалкое состояние, и сколь подло то, что их до этого доводят» (573),— таково резюме автора.

Уже будучи в сумасшедшем доме, Перегуд верно трактует свое прежнее безумие, объясняя его причины «гордыней» и «безмернейшим честолюбием» (536). Другими словами — «он впал в искушение» (531), забыв слова молитвы Христовой: «И не введи нас во искушение…»

Показатель духовного выздоровления, освобождения героя из сетей «бесовского наущения» (ловя «потрясователя», он сам был пойман и запутан в «сети», подобно приснопамятному «огорченному налиму») — следующая самооценка Перегуда: «когда я <…> вспоминаю об этих безумных мечтах моих, то не поверите, а мне делается ужасно!» (536). Импульс к освобождению из адских сетей способствует торжеству человека.

«Цыпленок зачинается в яйце тогда, когда оно портится» (576),— этим замечанием философа Григория Сковороды поясняется процесс, происходящий в герое: пусть он уже не годится для прежней «социабельной» жизни, зато в духе его «поднимается лучшее» (576).

В доме для умалишенных Перегуд приближается к высшим истинам: он избавился от цивилизации, в которой все было скрыто мраком, перемешано (точнее — *помешано*). Теперь у героя «вырастают крылья», и по ночам он «улетает отсюда “в болото” и там высиживает среди кочек цаплины яйца, из которых непременно должны выйти жар-птицы» (579). Все стараются вывести жар-птиц, «только пока еще не выходят потому, что в нас много гордости» (580).

Знаменателен этот мифопоэтический образ жар-птицы — «золотой» небожительницы, обитательницы нового «Небесного града», символизирующей в новом контексте духовную просветленность, вознесенность к идеалу.

Духовное прозрение Перегуда ведет его к евангельской истине о том, что из несовершенного, греховного не может зародиться нечто совершенное. Люди пока дале-

ки от обожения, от заповеди Христовой: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5: 48),— хотя по гордыне своей уже мнят себя будущими творцами «жар-птиц». Однако «высидеть», духовно переродить «цаплины яйца» человеку без Божьей помощи не под силу.

Не случайно в повести несколько раз цитируется Овидий, запрещавший людям «“пожирать своих кормильцев’’, а люди не слышат и не видят» (581). В обществе все «пожирают» друг друга, также и «цаплиным яйцом» человек хочет просто воспользоваться для пропитания своего «телесного болвана», а не «высиживать» нечто духовно высшее: «Жар-птица не зачинается, когда все сами хотят цаплины яйца съесть» (580).

Перегуд видит «цивилизацию» в сатанинском коловращении «игры с болванами», социальными ролями, масками: «Для чего все очами бочут, а устами гогочут, и меняются, як луна, и беспокоятся, як сатана?» (580). Всеобщее лицемерие, бесовское лицедейство, замкнутый порочный круг обмана отразился в Перегудовой «грамматике», которая только внешне кажется бредом сумасшедшего: «я хожу по ковру, и я хожу, пока вру, и ты ходишь, пока врешь, и он ходит, пока врет, и мы ходим, пока врем, и они ходят, пока врут… Пожалей всех, Господи, пожалей!» (580). Это прямое обращение к Богу — *молитва за всех*, характерная для творений Лескова. Все достойны Божьей милости и жалости: одни страдают от сознания своей греховности, другие тоже страдают, потому что не ведают о собственном несовершенстве.

Приобщившись к этой истине, Перегуд «победил смерть» духовно. «Посему мы не унываем,— говорит Апостол Павел,— но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2-е Коринф. 4: 16). Эта евангельская истина проливает свет на «загадку» прощальной повести Лескова.

Картина грозовой «воробьиной ночи», развернутая в эпилоге в христианско-философское обобщение, приобретает поистине универсальный, космический масштаб. Громаднейшие буквы Г и Д — литеры, именуемые в азбуке «Глаголь», «Добро»,— вырезанные Перегудом, осветились «страшным великолепием» грозы и отразились «овамо и семо».

Так в последнем произведении Лескова метафорически исполняется его собственная мечта — писателя-проповедника добра и истины, преследуемого цензурой: настоящее изобретение не печатный станок Гуттенберга, ибо он «не может бороться с запрещениями», а то, «которому ничто не может помешать светить на весь мир <…> Он все напечатает прямо по небу» (581).

Однако герой, постигший истину, уже не может оставаться на грешной земле — тут же совершает он переход «в шатры Симовы».

Важная цель «позднего» Лескова — подготовка человека к выходу в другую жизнь: «Все чувствую, как будто ухожу…» — говорил писатель в одном из последних писем*. Происходит «раскрытие сердца, просветление духа, отверзание разумения»**. Так завершается «томленье духа» и происходит его освобождение. Свершается паломничество человека к своему священному предназначению: «Им же образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя ко Богу крепкому, Богу, благодеявшему мне» (7, 350).

Незадолго перед тем, как самому оставить надетую на него на земле «кожаную ризу», Лесков размышлял о «высокой правде» Божьего суда: «совершится над всяким усопшим суд нелицеприятный и праведный, по такой высокой правде, о которой мы при здешнем разуме понятия не имеем»***.

Всей «художественной проповедью» своего творчества Лесков сам стремился приблизиться к уяснению «высокой правды» и исполнить то, что «Богу угодно, чтобы “все приходили в *лучший разум* и в *познание истины”*»****.

---

* Цит. по: Лесков А. Н. Указ. соч.— Т. 2.— С. 468.

** Там же.

*** Цит. по: Лесков А. Н. Указ. соч.— Т. 2.— С. 467.

**** Там же.

Александр Балтин
(г. Москва)

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. ЛЕСКОВА

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в 5 томах), свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США. Лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

1

И в простоте заложена огромная сложность — трагедия тупейного художника не уступает внутренней панораме переживаний представителей привилегированного класса.

Русское, национальное, хлебом и землей пахнущее точно увеличено гигантской лупой повествовательного Лескова — и шествует по миру Левша, поражая умениями своими, которых сила не может быть заемной. Тем паче, поддельной.

Развернется огромным цветком страсть Леди Макбет — чтобы, начав гнить, превратиться в свою противоположность: страшную, трагедию рождающую...

Очарованность странников столь же естественна, сколь разнообразны, хотя похожи в чем-то, российские дороги; и тут подлинное прикосновение к душе выявляет корневую сущность русской реальности: душа важнее всего, именное ее необходимо развивать...

Брызги специфического — в том числе церковного — юмора разлетаются самородно по страницам, и увлекающийся Ахилла Десницын, с голосом, который, как пушка, стреляет, вторгается пением в простор тишины, когда служба уже закончена.

Могучее строение «Соборян» не подлежит сотрясению времени (хотя трудно представить представителей последнего поколения, способных внутренне обогатиться, читая роман, только дело тут не в произведении, а в пошлой низине нынешнего воспитания).

Лава слов течет, увлекая эстетически развитые души; плетение фраз столь же искусно, сколь и своеобразно, и сколько же странников, чудаков, страдальцев, праведников живописует Лесков! Он писал много — помимо художественной литературы, отдавал дать публицистике, и, казалось, не было тем, не волновавших его — и церковная жизнь, и мелочи архиерейского бытования, и особенности государственного устройства — всего касался выпуклый окуляр писательского взгляда.

...крутой нравом, коллекционер и знаток российских древностей, Лесков, вероятно, тяжело раскачивался, прежде чем захватить новый пласт российской действительности и положить его на бумагу: так, чтобы расцвели словесные сады — не подлежащие увяданию, не зависящие от времени.

2

Гудящая бездна содержания «Соборян»: нечто древле-русское, изначальное, кондовое, дремучее, родное...

Движение, прогресс, развитие — все словно парализовано застоявшейся — или устоявшейся — нормой бытия: церковно-правильной, не подразумевающей никаких изменений.

Плетется язык, словеса слагаются в орнаменты, в картины природы такие, что залюбуешься, в человеческие характеры, какие и пожелав забыть — не забудешь...

Выходит на сцену Ахилла Десницын — с голосом, какой яко пушка стреляет; увлекающийся Ахилла, продолжающий петь, даже когда служба закончена.

Савелий Туберозов, точно в Византии застрявший, правильный, домовитый...

Старгородская поповка; предводитель дворянства, везущий в Старгород три трости: две с золотыми набалдашниками, одну с серебряным, для Ахиллы, чем наводит на того сомнения...

И событий в Старгороде полно, даже с точки зрения Захарии Бенефактова, что воплощает собой кротость и смирение: такие, что, мол, в трубочку свернулся, свитки священные полагая в середке сущности своей; учитель Варнава ставит опыт над утопленником, чем уязвляет Десницына; во время купания, когда пейзаж представляет простоту жизни, Ахилла выезжает из реки на красном коне, и рассказывает, что отобрал у учителя кости, но их снова украли; Ахиллой-вином просит называть себя Десницын, обещая «выдушить вольнодумную кость» из города...

И далее происходят события повседневности, цепляясь крючочками своей незначительности за такие же — пустые, очень важные для живущих.

Густота человеческой плазмы, представляемой Лесковым, чрезвычайно велика; и лица, выступающие из нее — пусть не столь важная для повествования просвирня — всегда обладают отчетливостью людей, с которыми сводит читателя жизнь.

Поправка на время?

Конечно...

Но ведь и в сегодняшней церкви можно встретить огромнотелого, трубногласого Ахиллу, или почти не разгибающегося Бенефактова...

И язык Лескова, являясь дополнительным (когда не основным) персонажем, гудит, льется, играет красками и бликует оттенками оных великолепно, колдовски, магически...

3

Уездный город с его сонной жизнью и сонной дичью; возвращение осужденного в прошлом по политическому делу Висленева, сестра, встречающая его, бывшая невестка, вышедшая за генерала, о котором идет ужасная слава...

Тишина...

Нет — гниль, зреющая, как плод.

Не зря же и называется роман жестко: «На ножах».

Плетение словес Лескова не делается иным, какие бы сюжеты он не использовал, против чего не писал бы; или наоборот — что бы не воспевал...

Плетение густое, затканные плотной тканью страницы сияют перлами смыслов.

...кому же принадлежит привидевшееся Висленеву зеленое платье?

Ропшин, Подозеров — фамилии героев у Лескова бывают довольно странными: что может находиться под озером? Слои грязи?

Но из бреда молодых людей можно извлечь выгоды.

Так быстро понимает Горданов, провозглашающий «иезуитизм» заменой нигилизма.

Хрен редьки не слаще.

Авантюрность романа точно запутывает его в самом себе, что отмечали уже современники, в частности Достоевский: может быть, так отображается путаница, царящая в головах людей?

Или сам нигилизм, черной массой накатывавший на российское общество, не предполагал ясности?

Темные дела творились, черные планы вызревали...

В «Некуда» возникает долго живший за границей социалист Райнер: толком не представляющий русской жизни.

Нигилистка Лиза Бахарева прорисовывается даже и с симпатией; однако вожди движения даются сгустками властолюбия, безнравственности; соль их жизни — удовлетворение собственных амбиций; суть их душ: сплошные изломы.

Пустота страшна тем, что человек сам не знает, чем ее получится заполнить.

И Лесков, убежденный в чрезвычайном вреде нигилизма, точно противопоставлял грядущее и патриархальное: в котором тоже много изъянов: однако, именно оно позволяло долго стоять земле русской.

4

Космос Лескова от древности русской, глубины ее, своеобразия, густоты, иконописи, церковности.

Космос его — и от страсти — неистовой, ярой: хоть леди Макбет Мценского уезда, будто вынутая из недр шекспировской яви, хоть Язвительный...

Мастера из «Запечатленного ангела» не грамотны, но как изощренно понимают они богословие; какие насыщенные разговоры ведут.

Вера для Лескова не отделима от церкви, от православия, известного ему до корней, до нюансов догматики, до церковного быта.

Растут «Мелочи архиерейской жизни».

Высятся типажи: кротость Савелия Туберозова компенсируется добродушной мощью Ахиллы Десницына...

А вот страшным мороком наползают на реальность «На ножах» и «Некуда»: гниет мысль и ее гниение дает ужасы нигилизма: и духовно-тлетворный дух идет на действительность из провинциальных дыр: страшно, смрадно.

Но... сколько типажей выписано волшебными словесами: хоть тупейный художник, хоть Левша, хоть очарованный странник.

И густота языковая не ветшает, по-прежнему изображая глубины русскости.

5

Очарованность, как сопричастность тайне: отчасти неизреченной, отчасти проступающей образами мест тогдашней России.

Очарованный странник изучает ее версты, как книгу книг: и боль, и страдания, выпадающие на его долю, обозначены такой же необходимостью, как радость восхода.

20 глав: каждая, как часть пути: а вернее — часть жития, согласно канонам которого и написана словесным серебром повесть...

Детство развернется, детали будут колоритны, подробности заиграют, как ювелирные украшения; тема коней проявляется, как порывы красоты и силы; а дальше — распустятся ленты искушений, богата которыми жизнь, и неизвестно для чего они, зачем заполняют столь изрядное пространство; но и отношение к бытию героя — спокойно-стойкое, нежное, истинно очарованное...

А контрастен ли Ивану Северьяновичу язвительный?

Язвительность, как характеристика, сама по себе достаточно едкая — и не ред-

кая; человек подобного нрава точно изучает реальность под собственным углом, и градус его приятия или неприятия оной зависит от окраса того фрагмента реальности, какой он видит.

«Воительница» — повествующая о том, как жизнь все расставит на свои места, и Домна Платоновна, убежденная, что все люди злые и подлые, кроме нее, сама попадет в положение жертвы... любви...

Каждый рассказ или повесть Лескова — как новая краска в бесконечном исследовании русской особенности, русскости, как феномена, отдельного характера, как судьбы всеобщности: и все, описанное некогда классиком, мы можем наблюдать в другом антураже в недрах и нынешней жизни...

6

Какие слова!

Из неведомой руды взяты, обработаны, поданы: мелкоскоп, Аболон полведерский...

Можно выписывать и выписывать, впитывать и впитывать...

Млеко русской речи не знает пределов питательности...

Каков задор Левши — мол, нимфозория нимфозорией, а отечество позорить не дадим, и Платову доложим: сами не знаем, что — но предпримем что-нибудь обязательно...

И предприняли, всех удивив, и мелкоскоп, как известно, не потребен, коли глаз пристрелямши...

Есть ли метафизика в знаменитом сказе?

...даже метафизика русскости в нем сокрыта: или открыта рудою великолепно выплавленных слов.

Светится сказ: точно жар-птица пролетела, обронив перо, и Лесков умудрился, как Левша, не нуждаясь в мелкоскопе, расшифровать все его золотящиеся крапинки, пятнышки, узоры: сложные, скрывающие в себе нити судеб...

Кроткие мастера — могущие превзойти кого угодно.

Незлобивые — хотя если надо и пистолю такую сделаем, что англичане своею посчитают.

Да и не завистливы мы: многое можем, а хвалиться не будем.

Тем паче — бахвалиться.

И сияют, переливаются на солнце духа великолепные, дивные слова, поражающие в нынешних, техногенностью сызмальства отмеченных детей — слушают они Левшу, заслушиваются...

7

Можно ли рассматривать историю человечества как подъем — постепенный, всех, очень неспешный?

Сложно увидеть — да?

Но — и сложно не согласиться, что сейчас грамотных на много порядков больше, чем триста лет назад, а пытки — по крайней мере, официально — не применяются нигде...

Тем не менее, способность доставлять другому боль развита в человеке чрезвычайно: и чтение, перечитывание «Тупейного художника» потрясает: кажется — из сегодняшнего далека: так быть не может, и то, что это было меньше двухсот лет назад, заставляет волосы вставать дыбом.

Крепостное право,— что проклятье России, учитывая насколько оно затянулось, имея в виду все, чем оно задавила сознания и души людей...

Человек-предмет, человек-вещь, человек, даже не задумывающийся, что может быть иначе.

...бунт Аркадия, выламывающего плечом окно и пытающегося бежать с Любой — как светлое пятна в недрах безнадежности, представляемой рассказом, который не мог закончится хорошо: из одного его можно вывести насущную необходимость революции, зревшей чрезвычайно долго: пока окончательно не переполнились духовным гноем многие нарывы на теле империи...

...в чем-то противоположна «Тупейному художнику» «Леди Макбет Мценского уезда»: сколь персонажи первого не мыслят себя вне рабства, столь герои второй — сплошь порыв к абсолютному свободоволию...

Его не бывает, и трагедия наслаивается на трагедию, страсть любовная превращается в чувство с обратным знаком.

Катастрофа каторги кошмарна: как деревянное спокойствие Катерины Львовны — когда вся партия во главе с Сергеем над ней издевается.

Гордость выше всего, выше любых страхов: даже пред Богом, расплатой, посмертным существованием, в которое тогдашние люди верили автоматически,— Измайлова совершает убийство и самоубийство...

Сила и слабость: сила, обращенная во зло, слабость не позволяющая рвануться к силе: таковы мотивы двух этих произведений Лескова — сделанных столь сильно, что пыль времени не оседает на них.

8

Преизящество богозданной природы велико есмь...

Марой, напоминающий верблуда, изобретает такой способ разбивать болты, что о староверах слава сильная пускается...

Язык «Запечатленного ангела» сугубо лесковский: с густотой непредставимых ныне словес, организующих колорит повести в не меньшей мере, чем плетение сюжета.

Некоторых событий в результате, запечатывают жандармы, напавшие на жилище, иконы бурым сургучом, а бурый, о чем не сказано у Лескова — цвет греха.

Иконы, сваленные в подвал, а одна, приглянувшаяся архиерею, в алтарь ставится; да решают староверы выкрасть и распечатать...

...Маркуша, объясняющий Якову Яковлевичу, что ныне мастерство утеряно, рассуждает о тонкости иконописи с тою мерою прозрения, что потрясает не причастного к предмету...

Многое еще свершится, заклубится волшебным языком, заставит погрузиться в прозрачно наполненный котел былых событий...

Почувствовать ли ныне: изображенная, как надо, небесная слава помогает Писание уразуметь, а о деньгах и всей славе земной думать, как о мерзости перед Господом?

Многого не почувствовать ныне, не понять-познать, не ввести в ум, соблазнами оплетенный...

Знал Лесков, как плетутся они, ведал, как можно ангела распечатлеть, а миру поведал про контраст между внутренним и внешним: в тяжело писанной, на икону словесную похожей повести своей...

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ПОВЕСТЬ

Игорь Карлов
(г. Москва)

ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ПОВЕСТЬ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ПРЕЗИДЕНТА СССР ГОРБАЧЕВА М. С.

(Глава из повести)

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Наш постоянный автор.

IX

Так что же им делать? Что всем им делать теперь? Что делать после произошедшего?

Голова шла кругом... Хотелось, но не получалось сосредоточиться, вернуться к некой исходной точке: сегодня столько пришлось передумать, столько пережить, что первоначальный импульс, побудивший каждого из них прийти в общежитие, уже забылся. Потребовалось время, потребовались усилия, чтобы вспомнить, как и для чего они оказались здесь.

Один только Рогов не потерял из виду конечную цель своих действий. Спору нет, гибкостью ума упрямый революционер не отличался, зато сбить его с однажды выбранного пути было трудновато. Остальные, выслушав Машину отповедь, растерялись, размякли, расслабились, но Рогов неуклонно гнул свою линию: «А как же теперь быть с ребенком? А как наши предложения о замужестве?»

Эти правильные по сути, однако казавшиеся сейчас нетактичными, даже пошлыми вопросы будто бы отбросили всех на час назад, в ту безвозвратно ушедшую эпоху, когда они еще ничего не знали друг о друге, да и о себе знали не так уж много. Рогов со своей туповатой прямолинейностью словно резко дернул за невидимый поводок, как иногда собаковод, выгуливающий щенка, раздраженно окорачивает разрезвившегося питомца. Грубый попятный рывок, сдавивший горло ошейником реальности, оказался чрезвычайно болезненным, чрезвычайно обидным и вызвал всеобщее озлобление. Кто-то с недовольным видом отвернулся к окну. Кто-то с досады махнул рукой: «Ну вот, ничего не понял!» Кто-то брюзгливо поморщился: «Зачем он так?! Ведь все было сказано!»

Рогов же, ясно видевший, что возбуждает возмущение окружающих (не понимая, кстати, чем), отступать не собирался. Он был свято убежден в своей правоте, а потому во что бы то ни стало собирался довести начатое дело до конца. Не разобравшись в причинах внезапной агрессии собеседников, Рогов ярился загнанным зверем и от

безысходности ринулся напролом сквозь бурелом этики и здравого смысла — предложил в духе нашего демократического времени решить дальнейшую судьбу матери и дитя голосованием, поставив на него два вопроса. Первый: остались ли желающие усыновить ребенка товарища Володиной. Второй: кто из оставшихся кандидатов в отцы и мужья, по мнению собравшихся, более достоин воспитывать данного ребенка.

Это анекдотическое предложение, нелепое даже на фоне праздновавшегося сегодня безоговорочного триумфа нелепости, столь наглядно подчеркнуло абсурд всего происходящего, что разрядило обстановку сдержанным, но искренним смехом. Тихонько, почти беззвучно смеялись мужчины, беззлобно уже смеялись, в ехидных складках вокруг глаз пряча снисходительность к неугомонному правдоискателю. И лишь Марии не было смешно. Марию Роговский почин жестоко оскорбил, ибо означал одно: ее, ту, чьим речам вот только что внимали, словно голосу свыше, перестали воспринимать всерьез, будто она превратилась вдруг в пассивный и послушный манекен. Ее мнение, если и учитывалось, то наравне с мнениями опостылевших гостей, которых давно пора гнать взашей!.. Так не пойдет!

В целом же, если не брать в расчет данный конкретный случай, огульные насмешки над самой идеей голосования как таковой — проявление заносчивой ограниченности. Голосование, может быть, самый правильный путь и есть. Этот способ разрешать затруднительные вопросы годился нашим предкам, послужит и нам. В нем содержится какая-то домотканая добротность, старомодная надежность, несуетная вдумчивость: простым подсчетом голосов выяснить, к чему стремится большинство. Да, этот способ справедливо называют чисто механическим, не учитывающим важные нюансы, но в нем есть нечасто встречающаяся в нашей жизни ответственность за поступок. Когда на тебя нацелены взгляды, пусть даже чужих, вроде бы безразличных тебе людей, поднять руку, наглядно обозначая, «за» что ты или «против» чего, оказывается, не так уж легко.

Под дотошными взорами воздевая руку в собрании равных, ты ощущаешь за спиной взволнованное дыхание Агоры и Новгородского веча, обретаешь обнадеживающую рассудительность. А уж вселившаяся в тебя вместе с дыханием древности степенная благоразумность подсказывает, как поступить дальше: пусть каждый выскажется свободно, но учтиво, пусть изложит свои доводы, не помышляя о своекорыстных ухищрениях, и пусть будет выслушан с уважительным вниманием. Возможно, кто-то, непредвзято внимая суждению прекословщика, уверится в его правоте, искренне раскается в собственных заблуждениях и откажется от прежних замыслов, через вотирование передав другому, более убедительному, свое право распорядиться будущим?

Но нет, не нашлось столь серьезных людей среди сброда, митинговавшего в четыреста первой комнате. Здесь после произошедшего решительного объяснения любое благоразумное пожелание вызвало бы лишь нервический смех — вот и предложение решить дело голосованием встретили кривыми ухмылками. Стало быть, самое время разойтись... Раз не научились побеждать в дебатах, раз в долгом споре не помогли родиться истине, раз, погнавшись за частной правотой, не смогли обрести согласия, раз боятся баллотироваться на должность мужа и отца — ничего другого не остается: пора идти восвояси.

...Гулкие до враждебности коридоры и лестницы казенного дома ждали за порогом. Безладный шум внезапно возникшего движения пробудил здесь дисгармонию пространства. От каждого шага с пыльных стен обезлюдевшего, притихшего здания взвивались пугающие мутные картины: не то конвой сопровождает смертника в расстрельный подвал, не то отряд горноспасателей спускается в аварийную шахту...

Отваженные женихи понуро плелись к выходу, храня постылое молчание, которое нельзя больше длить ни секунды, но и нарушить не представляется возможным. Шагать вот так (всем вместе, но вразнобой), нисходить друг за другом по неудобным, сбивающим с ритма ступеням оказалось настолько неприятно, что подступала дурно-

та. Тяжело было на сердце, тошно было на душе. Душе было тошно. Или, может, тошнило от переизбытка души? Для их заскорузлых душ соприкосновение с эфирной душой таинственной невесты оказалось отравой. Женихи опьянели от вольных махов Машиных крыльев, дерзновенно уносивших сквозь облака условностей яви к слепящему солнцу смысла, и теперь в хмельном угаре тщетно пытались соотнести свою расчетливую хитрость с открытой для всех и никому не покоряющейся щедростью.

Впрочем, они за благо почли бы, если бы их, надорвавшихся на каторжных работах постижения новых истин, всего лишь мутило от перенапряжения. Кроме подкатывавших к горлу позывов откровенности, кроме головокружения, усугубленного затягивающим вращением в стоке лестничных пролетов, беспокоил и другой, не столь сильный, но все-таки ощутимый симптом: побаливала уязвленная гордость отвергнутого мужчины.

Полученный отказ должен был бы показаться Саше обиднее, чем другим, ведь юноша (единственный из всех!) предлагал Марии руку и сердце безоглядно и бескорыстно. Пусть прозвучало его предложение в убогих декорациях комедии абсурда, на фоне которых прелесть старомодного прямодушия блекла, представала скучноватой приземленностью. Пусть! Саша, обуреваемый романтическим восторгом, искренне готов был подарить возлюбленной себя всего, всю свою молодую, полную надежд и энергии жизнь. Он размашисто бросил бы к ногам избранницы и искусство, и будущность, притом сделал бы это без рассуждений, без условий, без тайных умыслов... Пренебрежения такими подарками не прощают! И художник вряд ли смирился бы с отвлеченными умствованиями в ответ на ропот клокочущей страсти, кабы под занавес драмы не захватило его влечение более жгучее, чем любовь: творческое возрождение.

Иммануил же считал, что его следовало пожалеть раньше остальных... Другие выйдут за порог и сольются с толпой, неприметными мышками быстренько добегут до своих затхлых норок, юркнут туда да примутся привычно точить зубы о сухарь обиды. И тем утешатся. А Иммануилу утешения не найти. Некуда ему спрятаться: в дурацком колпаке, в грязно-белом балахоне он всем заметен, во всякой толпе отличен и чужероден. Любой может ткнуть пальцем, заглянуть в лицо, выведать тайную печаль. В иное время Иммануил ловко подцеплял в толпе любопытного прохожего (на праздное любопытство у него и был весь расчет), выволакивал простофилю, словно рака из-под камня, из-под гнета повседневных забот и выбрасывал на бережок. Рачишка падал в копошащуюся кучу подобных же беспомощных усачей, и тут такое начиналось, что у несчастного глаза невольно лезли из орбит. Новообращенные членистоногие сами не замечали, как оказывались в бурлящем котелке «братства», и сколь ни пятились задом — спасения уже не находили. С чуть брезгливым равнодушием профессионала Иммануил ссыпал их в крутой кипяток и с интересом наблюдал, как варятся раки, как безвольно никнут в бьющей ключом воде, как постепенно меняют цвет. Затем похотливый чревоугодник, пуская слюну, ждал, чтобы готовое блюдо остыло, и принимался хищно взламывать хитиновую броню, отрывать клешни, лакомиться нежной плотью... Когда наступало пресыщение, а красно-бурый панцирь был тщательно обсосан со всех сторон, Иммануил зашвыривал подальше ненужную скорлупу и, малость отдохнув, дав завязаться жирку, отправлялся за новой добычей... Да, в иное время вся эта кухня пыхтела безостановочно, но сегодня, после странных и смущающих происшествий нынешнего дня, гурману-вероучителю духу не достало бы прихватить какого-нибудь ротозея фирменной фразой: «Хочешь спастись?»

Изобретенный им же самим наряд — запыленные и в двух местах прожженные окурками одежды фальшивого праведника — вдруг опротивел Иммануилу до содрогания. На ходу, не прерывая общего движения вниз по общежитской лестнице, не нарушая негласно принесенного изгнанными женихами обета молчания, усталый проповедник стянул через голову осточертевший балахон, свернул измятые простыни в тючок, который раздраженно сунул под мышку. Разоблачившись, Иммануил предстал

перед собратьями по несчастью мосластым да ледащим нескладехой в растянутой футболке и потертых джинсах. В таком виде развенчанный пророк и вышел из общежития — чудаковатый пьянчуга да и только. В таком виде и затерялся среди сограждан...

А Шамсутдинову казалось, что как раз ему, Равилю Хуснуловичу, в сложившейся ситуации тяжелее, чем остальным. Безусловно, отказ Марии столь уважаемому человеку даже в личностном плане был крайне неприятен, но это еще как-то можно пережить; в ипостаси же неоцененного мыслителя-футуролога он не мог справиться с половодной рекой горькой обиды, неостановимо хлеставшей из сердца, затопляя прочие чувства. Мария и ее будущий ребенок уже казались Шамсутдинову набело вписанными в реестр подготовительных работ по строительству гармоничного государства, которое хотелось оставить в подарок человечеству,— но вот теперь все планы смешались. Полный провал! Впрочем, в этом Шамсутдинов винил и себя: в очередной раз не сумел преодолеть надменность при общении с простыми людьми (с течением лет высокомерие по отношению к согражданам, не обличенным властью, проявлялось у него все чаще и ярче); не смог использовать свой авторитет для убедительного утверждения истины... Шамсутдинов даже готов был согласиться, что его проект политического устройства не был досконально продуман, возможно, несколько отдавал утопизмом, содержал солидную долю наивности. Весьма возможно. Но наивность — не повод для того, чтобы без должного анализа отвергать начинание, показавшееся кому-то нежизненным. Надо бы сначала разобраться в деталях, попытаться воплотить идею в жизнь, хотя бы частично, на уровне модели, выводы же делать потом. Именно так поступали на Шамсутдиновской фабрике — создавали рабочие группы, экспериментальные участки... Однако в четыреста первой комнате не оказалось не то чтобы единомышленника, смелого экспериментатора, а даже вдумчивого слушателя... Бригантина лучезарного державного восторга с ходу напоролась на коварные рифы действительности и разбилась вдребезги. Теперь все государственные мечтания Шамсутдинова тяжким грузом навалились на его плечи, навалились немилосердно, словно злорадствуя над поверженным теоретиком, и вот давят, вот гнут к земле, а скоро, видать, совсем в землю вгонят.

Чернышев... Тот, пожалуй, был единственным из неудачливых женихов, кто, спускаясь по гулкой казенной лестнице, не полагал, что нисходит в преисподнюю одинокого дальнейшего существования. Каких-то серьезных переживаний не было. Прогнали? Унизили? Опозорили? Да ерунда! Все это уже неоднократно случалось с ним в жизни... Бывали и похуже переплеты! Чернышев знал по опыту, что не следует зацикливаться на неудаче. Не получилось начать новую жизнь? Не беда. Купим еще новей! Пронырливый ум оборотистого дельца уже строил планы возможного возвращения в общежитие (только одному, конечно, без лохмандеющих конкурентов), подыскивал основные темы бесед с Марией и ее отцом на предмет продолжения знакомства, прикидывал сметы предполагаемых расходов на сближение и ухаживание.

Практичный Чернышев смог быстрее и вернее других оценить Марию, понять, сколь редкая птица спела для них сегодня свою песенку... Да не из Красной книги птичка — из книги добрых старых сказок. Сейчас, топая вразвалочку по холодным бетонным ступеням, Чернышев с беспощадной ясностью осознавал, что уходит от той, которая могла бы стать хозяйкой его судьбы. Никогда больше подобная женщина ему не встретится, не полюбит его, даже не поговорит с ним так откровенно, как сегодня Мария. И уж конечно, не найти ему такой среди торгашек, с которыми предстоит якшаться до скончания дней. Но... Большое «НО» сидело в мозгу. А будет ли Чернышев счастлив с Марией? Долго ли сможет уживаться со строптивой диковинкой? Не накладно ли пускать Марию в свою биографию? Слишком многое придется изменить и в жизни, и в отношении к жизни... Тут надо выбирать: привычное комфортное существование или женщина. Мария не потерпела бы иного, а Чернышев не хотел меняться. И потому он не особенно переживал.

Зато шагавший замыкающим Рогов испытывал и боль, и тревогу, и растерянность. В голове, словно у находящегося в нокауте боксера, вспышками пульсировали безответные вопросы: в чем он ошибся? с какой стороны пропустил сокрушительный удар судьбы? Доколе его будут преследовать неудачи? Чем он не приглянулся Марии?.. Нет, Рогов вполне допускал, что сам по себе, в качестве представителя сильного пола, мог не понравиться или даже вызвать неприязнь, поскольку на статую Давида походил не больше, чем американский герб на голубя мира. Это Рогов четко понимал, однако ему было глубоко плевать, соответствует ли он сомнительным определениям таких туманных понятий как мужская привлекательность и стать. Ведь не внешние данные определяют выбор спутника жизни, но общность интересов и взглядов. А взгляды Рогова не могут не вызывать симпатии. Разве ради притягательности благородных убеждений не следует смириться с невзрачностью человека, до самозабвения служащего тем убеждениям? Разве совершенство идеи не ложится одухотворяющим отблеском на заурядное обличье своего защитника? Разве не отражается в физиономии Рогова красота лиц всех революционеров?

Думая о героях революции и гражданской войны, Рогов неизменно представлял их мужественно-красивыми, такими, какими показаны они в фильмах, какими нарисованы на плакатах, на поздравительных открытках к очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Рогов понимал, конечно, что в реальности среди большевиков не могли все быть писаными красавцами, но причастность к грандиозным свершениям полностью преображала борцов за народное дело. Даже фамилии их начинали звенеть завораживающей музыкой: Лацис, Кун, Лазо... Коллонтай... Инесса Арманд, Виталий Бонивур... Феликс Эдмундович Дзержинский!.. Произносить-то одно удовольствие! Как будто пароль называешь. Как будто шепчешь заклятие, вызывающее дух аристократичной доблести. Люди со столь необычными именами, несомненно, устремлены к чему-то возвышенному, яркому. Как же им не поверить? Обязательно надо поверить. Так, наверное, происходило в Средние века, когда в сонные феоды и города являлись рыцари с гордыми, громкими титулами и увлекали закисавшую людскую массу в великие походы, на славные битвы, к истокам империй. Вот как варяги на Руси, например. Среди борек да володек появляется вдруг Рюрик, Ингвар Ингваревич... Звучит! За таким именем можно и на смерть пойти. А в начале двадцатого века заезжие красавцы, Бонч-Бруевичи, Кржижановские, Рудзутаки, умницы, светлые головы, повели наш народ к счастливому будущему. И вот привели, и вот общее выше частного. И вот все как один. Большинством принимаем решения. Большинство всегда право...

Стоп! Тогда получается, что полчаса назад, издеваясь над Роговым, высмеивая его призывы продолжать революцию (в индивидуальном порядке, но дисциплинированно и с неослабевающим энтузиазмом), большинство было право? С этим Рогов не мог согласиться... Или, допустим, большая часть граждан СССР решит отказаться от завоеваний социализма (к сожалению, на текущий исторический момент оппортунистическая опасность налицо). Опять большинство окажется правым? Ну уж нет!.. Выходит, не всегда голосованием утверждают правоту! Подчас несознательная масса проваливается в мелкобуржуазное болото, и, чтобы не допустить подобного провала, за настроениями большинства необходимо бдительно следить, управлять необходимо большинством. Вот для чего нужна партия, вот почему она есть руководящая и направляющая сила нашего общества! Только куда партия сегодня направляет общество? К самоликвидации? Нонсенс! Либо предательство... Предательство, гнуснее которого и представить нельзя!

Только вообразив подобное, Рогов содрогнулся, будто его молния поразила. И хотя жгучие стрелы сомнений уже не единожды терзали его ранее, на сей раз мысль об измене прошила тело столь болезненным разрядом, что в груди защемило. Рогов даже был вынужден приостановиться на предпоследней лестничной площадке, чтобы

несколько прийти в себя. Сердце заходилось в аритмии, голова кружилась, словно он не с четвертого этажа спускался, а из подоблачной выси кувыркнулся, как горьковский Сокол, в гнилое ужиное ущелье.

Капризный мозг, похоже, принявший решение снова вырубиться напрочь, как давеча в комнате, завозился в черепной коробке, стараясь поплотнее закутаться в ватное одеяло обморока, укрыться под ним от утомившей реальности. Рогов едва успел ухватить за краешек ускользающее лоскутное покрывало бреда, резко сорвал цветистую верюгу с серого вещества, успевшего укутаться, уютно угнездиться перед окончательной отключкой, безвольно расслабить все свои извилины. Несгибаемый большевик, только представив себе, что повторно лишится чувств на глазах вновь обретенных товарищей, нехорошо, натужно побагровел и громогласно рявкнул в пустоту своего внутреннего двора-колодца: «Не спать!» Впавшее было в унылую квелость сознание встрепенулось, вскочило зябко подрагивающим бодрячком: «Я не сплю! Не сплю: смотри!» И вот пошло ворочать гири размышлений, и вот уже в качестве утренней зарядки выжимает стопудовый афоризм, показавшийся чеканной формулой на все времена, не хуже максим основоположника социалистического реализма: «Самое страшное предательство совершают не отступники, а вожди, не ведающие, куда ведут».

Кто другой, глядишь, возгордился бы, явив миру столь роскошную сентенцию. Возможно, всю оставшуюся жизнь каждый разговор сводил бы к одному финалу: «Я вот тут подумал... Самое страшное предательство совершают не отступники...» Другой, небось, в любое письмо вворачивал бы: «В конце концов, самое страшное предательство совершают...» Другой, может, на надгробном памятнике завещал бы выбить: «Самое страшное предательство...» Другой, но не Рогов. Тот с радостью отказался бы и от прижизненной славы, и от посмертного признания, лишь бы на сто процентов увериться в своей ошибке относительно сути, лишь бы знать наверняка, что измена никоим образом не проникнет в высшие эшелоны власти, в самое ядро советской системы. Однако, похоже, ошибки не было: ничем иным, кроме ренегатства, Рогов не мог объяснить проводимую руководством линию.

Жгучая желчь сушила рот шершавой промокашкой. Рогов облизал моментально пересохшие губы, огляделся дурным глазом, как осматривается внезапно очнувшийся от тревожного забытья человек, ощущающий, что во время сна у него стащили нечто ценное. Сейчас Рогову до отвращения чужим казалось все вокруг: и обшарпанные стены казенного дома, и шумливая улица за стенами, и родной город, и вся страна... Словно бы вмиг состарившийся, он почти равнодушно констатировал: ничего своего, ничего дорогого не осталось: ни державы, ни революции... Опавшими листьями шуршали под ногами бесполезные отныне лозунги «Даешь!» и «Революция продолжается!»... Сквозь безжалостный осенний свет между обнаженными стволами семидесяти советских лет вспыхнула горькой правдой кровавая рябина: кончилась революция.

Она не сегодня кончилась, не сию минуту. Сию минуту это только осозналось, произошло же гораздо раньше. Когда? Когда Горбачев объявил политику перестройки? А может, революция выдохлась во времена брежневского застоя? Или разбилась вдребезги от стука хрущевского кулака? Или еще при Сталине прихлопнули революционную вольницу во имя построения государства?.. Откручивая дальше, дальше назад киноленту хроники, Рогов нашел-таки: революция кончилась 7 ноября (25 октября по старому стилю) 1917 года. Да, да, в час своего триумфа революция и прекращается! Ровно в тот момент, когда Ленин на съезде Советов объявлял о переходе власти в руки большевистского правительства, все завершилось: мечтательная ревромантика оказалась переведена в плоскость неизбежных шагов, предопределенных деяний, и оказалось, что действовать надо исходя не из идеалов свободы, равенства и братства, а из жестокой практической необходимости. Каждый новый день укрепления Советской власти убивал революцию.

Под ноги тем, кто нес ее гроб, падали сломанные цветы: Блок, Горький, Маяков-

ский, Мейерхольд... Потом потянулись этапы в сталинский ГУЛАГ, потом заметалась страна, пытаясь предугадать очередной Никиткин бзик, потом навалилась дрема застоя, но все это не имело отношения к революции. Революции давно уже не было. Остались только фразы, лозунги, изрекаемые игрушечными комиссарами из папье-маше и невсамделишными целлулоидными буденовцами,— словесная шелуха, тоже с годами облетавшая, постепенно обнажавшая стынущую на ветрах поздней осени историческую правду. Никакой связи между ленинской гвардией двадцатых годов и советскими коммунистами конца века не существовало. Абсолютно ничего общего! Вот почему Рогов напрасно пытался отыскать искры революционности в работниках Дома политпросвещения!

А-а-а! Ну почему же все так сложно и несправедливо в жизни?! Просто мочи нет выносить эту пытку! Трахнуться, что ли, со всей дури башкой о стену?.. Вот интересно, какой звук раздастся тогда под гулкими сводами общаги? Трекнется ли голова с хрустом, как орех, или невнятно чвакнет, как подгнивший арбуз?

Но пока, слава богу, лишь эхо удаляющихся шагов тревожило тишину казенных коридоров и лестниц. Надо бы догнать товарищей по несчастью... Ох!.. Рогов всего-то ступил на нижнюю ступеньку, а уж уши заложило, словно от перепада высот в горах. Однако в распухшие слуховые проходы каким-то чудом продолжал влетать приглушенный топот чужих каблуков одновременно с невнятным гулом чужих мыслей, перегудом невразумительных идей волшебного преображения всеобщей жизни и личной судьбы каждого из опозоренных женихов.

Есть ли шанс в этом шуме разобрать нечто доступное человеческому пониманию? Да и кто возьмется искать смысла в нечленораздельном вое по недостижимому идеалу? Разве тот, кто зачем-то собрал в одном месте Иванов-царевичей, оказавшихся на деле Иванами-дураками... Кому и зачем они понадобились здесь накануне грозных исторических событий, предчувствием которых их теперь заразили? С какой стати им выпало на долю биться над вопросами будущего страны? Отчего они заблаговременно не ушли в отпуск, а остались на рабочем посту? Почему именно им отдуваться за всех отдыхающих, безмятежно нежащихся сейчас на пляжах, рыбачащих, попивающих парное молоко?

Закатное солнце, слабо пробивавшееся через запыленные окна на лестничных площадках, словно специально высвечивало неровности стен, скосы стертых ступеней... В тревожных сдержанно-малиновых отсветах общежитие представало неким заброшенным святилищем, заглянув в которое невольно становишься адептом культа искажений. Странным образом ребристые, непараллельные плоскости ведущих вниз пролетов удостоверяли деформацию важнейших сущностей: представлений о справедливости, о причинно-следственных связях, о ходе истории... Отныне описать окружающую действительность можно было банальнейшим трюизмом: что-то пошло не так. Еще не ясно, что, но где-то в высших сферах нечто уже стронулось с места, и теперь лишь время отделяет нас, обитателей дольнего мира, от начала перемен, масштабы коих даже представить сейчас трудно.

Так же трудно, как трудно увериться в том, что на твоих глазах пришли в движение жернова старой мельницы. Казавшиеся незыблемыми глыбы пока лишь чуть дрогнули, даже не подвинулись; пока ничто не изменилось ни во вселенной, ни в затаившейся до срока дощатой постройке. Ты пока даже не убежден, действительно ли уловил начало вращения... Не обман ли зрения? Не показалось ли?

Потом, когда остов истории разойдется, когда мука времени безостановочно посыплется в пеклеванный мешок вечности, сомнений не остается, но в первый-то миг невозможно представить, что громадные каменные круги по-прежнему, как миллионы лет назад, на ходу, что ты видишь то же самое, чему свидетелями были все, посетившие сей мир в его минуты роковые.

Эти минуты возносят великих людей. Но даже тот, кто не отмечен печатью из-

бранности, обращается тогда мыслями к вечному — к Богу, к Родине... Если в обиходе рядовой гражданин не сверяет каждодневно свое бытование с бытием государства, то в час испытаний родная земля оказывается единственным якорем и критерием истины: коль страна развалится, обесценится жизнь человека, уйдет почва из-под ног его.

Ощущение уходящей из-под ног почвы сказочное. Только почему-то муторное до холодного пота... Хорошо добрым молодцам на завалинке или на печке: слушают бабушкины небывальщины, да знай извлекают уроки, один полезнее другого. Худо добрым молодцам в волшебном краю, где за каждым кустом подкарауливает нечисть... Вот жил да был ты в родимой деревеньке, где все вокруг знакомо вплоть до мельчайшей кочки на выпасе, собирался и дальше мирно жить-поживать, да добра наживать... И вдруг сотрясается деревенская улица, кособочатся крыши на домах, разлетаются колья из тына... Задышала, заходила боками родная землица... Глядь — не земля это вовсе, а Чудо-юдо рыба-кит. И вот заныривает Чудо-юдо в глубины моря-окияна со всеми пригревшимися на его спине обывателями, со всем их накопленным скарбом, со всей мелочью обзавода... Тут и сказочке конец. И тебе вместе с ней...

А пока апокалипсис далек, никто о конце не думает. Никто не вглядывается в грядущее, никто не оборачивается к былому. Мутное течение повседневности скрывает от наших глаз омуты и подводные камни русла истории. Однако неизбежно настает миг, когда настоящее превращается в прошлое, и ты (самое удивительное!) это понимаешь. Оказывается, время осязаемо. Оно колючее, словно терновый куст. И через него надо продираться, оставляя ошметки души на обрызганных кровью шипах. Но то, что мучительно для тебя, тварного существа, неощутимо для Хроноса. Время безразлично к твари. Ты кричишь от боли, тебе кажется, что тебя терзают преднамеренно, ты вопиешь о несправедливости, о предательстве. Да нет ни умысла, ни предательства, ни даже справедливости! Есть лишь перетекание истории через тебя как через свою частичку, частичку, по какому-то недоразумению наделенную возможностью осознать происходящее.

«Так, так, так»,— покрикивало на гулкой лестнице эхо шагов спускающихся мужчин. «Не так, не так, не так»,— в ответ стучали спорщики-сердца. Неизбывная горечь пощипывала веки наворачивавшимися слезинками. Казалось, где-то тут рядом (вероятнее всего, за дверью недавно покинутой обшарпанной комнаты) лежит мертвое тело издавна дорогого и душевно близкого родственника. Половину себя каждый изгнанный жених похоронил в склепе за номером четыреста один, и теперь усеченная вдвое душа еще долго будет подвержена фантомным болям.

Несчастные калеки, они навсегда уходили от Марии, от себя самих — прежних; уходили к смутным горизонтам штормового будущего. Неудержимый ветер перемен гнал их прочь от обжитых берегов. На долгом пути к новой тихой гавани им предстоит каждодневно бороться с океаном невзгод, пересечь ревущие широты истории, изведать все буйство времени-цунами. Однако в потаенном уголке сознания пульсировала неосознаваемая надежда на то, что когда-нибудь они вынырнут из пучин житейского хаоса в том же самом месте, которое покидают теперь, широко раскинут обессилевшие в борьбе со стихией руки и, покачиваясь на стихающих волнах среди мусора воспоминаний, жадными ртами втянут в легкие настоявшийся на хлорке воздух чужого обиталища. И вот тогда, через десятки лет предначертанных им скитаний по бурлящим просторам судьбы, во внезапно наступившей тишине расслышат затихающие шаги происходящего сейчас своего ухода.

...Печально шествовали они мимо общежитской вахты, а на лицах их все еще не разгладились глубокие складки — печать обращенной внутрь себя мысли. И вахтерша посмотрела на них — и отвернулась, ничего не сказав, против своего обыкновения, хотя было у нее приготовлено немало слов-буравчиков. Злостные нарушители один за другим покидали вверенное Евдокии помещение; можно было бы поднять тревогу, вызвать милицию... Но не хотелось. Она отпускала их, отпускала им пре-

грешения перед Правилами Внутреннего Распорядка, сей скрижалью нравственности, подписанной самим Комендантом.

Нет, не присутствие Шамсутдинова (как-никак начальника) удерживало бабу Дусю от скандала, а то, что исход нечестивцев виделся ей сквозь какую-то дрожащую, плавящуюся дымку, неожиданно застившую глаза. Ретировавшиеся колобродники проплывали мимо старухи расплывчатыми, тенеобразными силуэтами, словно и впрямь летучие голландцы.

Оцепеневшая Дусинея лишь провожала взглядом скитальцев, безнаказанно выпуская их из своей акватории. На исчезавших в сгущающейся мгле мачтах мерцали таинственные огоньки, прощально махали Дусе маленькие фонарики за кормой. Она же — миниатюрная точеная фигурка в трепещущей на ветру широкой юбке, статуэтка с ответно вскинутой рукой, со струящимися по прихоти бриза волосами — черным абрисом вырезана на фоне закатного пожара... Такое секундное видение посетило Евдокию... Чего только не померещится пожилой женщине, страдающей мигренью, чего не почудится разминувшейся с алым парусом Ассоли, на старости лет подвизающейся хозяйкой дешевой таверны.

...Словно литавра на коду норвежской сюиты, бухнула захлопнувшаяся дверь. Вздрогнула вахтерша: что тут? кто? Кафельный вестибюль отозвался тишиной и безлюдьем довоенного госпиталя. Евдокия горестно вздохнула, подперла ладонью щеку. Голова ее чуть заметно тряслась, как будто старуха про себя тихонько, но решительно заявляла невидимому оппоненту: «Нет, тысячу раз нет!» Перед неподвижным взглядом квадраты напольных плиток расплылись, превратились в круги. Неспешные и невеселые думки потянулись привычной чередой: «Чтой-то башка у меня кружиться стала. Все плыветь. От ить работка у меня: весь день на нервах, за все переживаешь, на всех брешешь. А кому это надо? Мне что ли? Да мне ничего не надо!» И баба Дуся пригорюнилась, сердечно переживая мысль о том, что ей и вправду ничего не надо. Стоит она на околице жизни, на дорожке, ведущей к погосту; хорошего теперь уж ждать не приходится, одна надежда: может, получится спрятаться от парализующего страха смерти за бесцеремонностью, от пустоты существования — за напускной важностью.

А задумчивая процессия, молча прошествовавшая мимо Дусиного поста, уже сгрудилась на общежитском крыльце, да тут ненадолго замерла — навстречу тихонечко потянул прохладный приземный ветерок, словно ладони выставил: «Стоп!»

Был тот удивительный предвечерний час, когда весь доступный человеческому восприятию вещный мир запредельно насыщается сущностью, обретает гипертрофированную отчетливость, до непереносимости резко обличая ирреальность действительности. Дневной свет перед окончательным помрачением утверждает себя как желтый, наступающие сумерки являются иссиня-зелеными. Густо-малиновая полоса заката, заранее уступив авансцену медленно темнеющей бледности, занимает ровно одну восьмую необъятного небосвода, и на этом полотне несмешивающихся красок сосуществуют солнце, луна и звезды. Отдаленный лай собаки, шаги проходящих мимо пар, фырканье автомобиля за углом, невнятные голоса, доносящиеся из ближайшего распахнутого окна,— все эти звуки кажутся нарочито многозначительными, то слитыми в симфонию остывающего полиса, то намеренно разделенными генеральной паузой. Незаметно повзрослевший ветер на этот раз всерьез ударил упругой волной по увядающей листве, неся с собой нездешний запах напоенного солнцем травостоя взамен загазованному, запыленному городскому эрзацу озона.

Мужчинам, покинувшим обитель неприступной невесты, приятно было удостовериться, что смутная будущность, с которой они боялись столкнуться, выйдя за порог дома разбитых сердец, на деле совсем не страшна. Еще минуту назад столь пугавшая, неизвестность оказалась наполнена предметами привычного обихода: на понятном языке шептались тополя, шли мимо люди с угадываемыми заботами на ли-

цах, фонари на столбах, пробужденные чьей-то невидимой рукой для исполнения всенощной светоносной должности, весело перемаргивались, будто старые знакомые.

Отверженные женихи невольно расправили плечи, наслаждаясь свежим воздухом, глубоко вбирали его в легкие и нехотя выдыхали. После духоты казенных помещений респираторная свобода наполняла бодростью, силой, легкостью, пьянила чуть ли не до галлюцинаций. И вот растрескавшееся бетонное крыльцо общежития предстало стартовой площадкой для прыжка в загадочное Завтра, а они, все пятеро, казались себе героями некоего фантастического эпоса — самоотверженными путешественниками во времени, отважными покорителями Хроноса, готовыми во имя счастливого будущего человечества торить трассы в Великое Неизведанное, идти на штурм Незнаемого. Одно только смущало: не выглядят ли первопроходцы новой жизни нелепо среди привычных, даже поднадоевших декораций жизни старой? Что: эти ветхие пятиэтажки вокруг заброшенного пустыря, этот заглохший сквер напротив общаги непременно надо тащить с собой в наступающий день? А родные с детства звуки и запахи станут фоном для небывалых прежде событий?..

Еще один порыв почти уже ночного, почти уже осеннего ветра безвозвратно рассеял и мечтательность, и недоумение. Саша судорожно передернул плечами; Иммануил повернул лицо вслед убегающему сквозняку, раздувая ноздри и глубоко дыша; Чернышев вытягивал из пачки сигарету; Шамсутдинов заложил руки в карманы; Рогов провел пальцами по волосам. Нечто удалое, лихое, гусарское поднималось в душе. Напряжение, вызванное разговором с Марией, постепенно спадало, какая-то мальчишеская проказливость разгоралась в крови, подзуживала на озорство. Лица кривились лукаво-смущенными полуулыбками: «Да что такое, в конце концов, случилось? О какой «новой жизни» идет речь? Это даже забавно! Увлеклись, увлеклись излишним психологизмом... Кто такая эта Маша, чтобы нас поучать?! Если уж сказать откровенно... Ладно, не будем. И ведь непонятное что-то она говорила. Точно! Ничего не разберешь, бред какой-то. Возьмись сейчас повторить — не выйдет. Все очень абстрактно, очень далеко от реальной жизни. А реальная жизнь это... Это... Это штука такая... Кстати! У нас же дел много. Мы тут прохлаждаемся, а дела не ждут».

И пятеро мужчин, облученных чернобыльской правдой бытия, разошлись в разные стороны, не проронив ни звука (только Чернышев присвистнул, поднеся близко к лицу циферблат наручных часов), даже не взглянув друг на друга. С показной целеустремленностью они ринулись навстречу черной мгле, с каждым шагом отдаляясь от самых откровенных своих товарищей, теряя единственную свою избранницу, обрекая себя на потемки одиночества. А густеющая ночь столь же решительно надвигалась на них. И вскоре поглотила.

Виктор Алексеевич видел это из окна Машкиной комнаты. По-хозяйски навалившись животом на подоконник и по плечи высунувшись наружу, сельчанин наблюдал, как один за другим выходили на крыльцо его недавние собеседники, которым совсем недавно он считал себя вправе давать глубокомысленные советы о том, что стоит, а чего не стоит делать в жизни. Теперь, глядя со стороны, Володин не узнавал их, будто это были совершенно посторонние люди, никогда не распахивавшие перед ним тревожные чемоданчики своих душ, будто он никогда раньше никого из них не встречал. Удивительно, насколько парни преобразились, пройдя без него несколько десятков метров по коридорам общежития, как резко почужели. И все только потому, что несостоявшийся тесть разглядывал неудавшихся зятьев с высоты четвертого этажа?.. Как же важен угол зрения для восприятия картины мира!

«А этот, татарин-то, лысеть начал,— отметил про себя Виктор Алексеевич.— А этот маленький, коммунист-то, совсем сутулый». Володин видел, как все пятеро с минуту постояли на порожках, крутя по сторонам головами. Видел, как одновременно, словно по команде, они глубоко вздохнули, как веером рассыпались, раскатились по тротуару. Никто даже не оглянулся на распахнутое окно. Только самый молодой,

отойдя немного, стал замедлять шаги и вскоре остановился, повернул было голову, но махнул рукой и ушел окончательно. А может, и оглянулся он?.. Точно не скажешь: видно было смутно.

«Неужели же все?.. Все ушли? Бросили ее одну?» — Виктор Алексеевич не мог поверить: невдавне же женихов было целых пять штук! Никаких сомнений в том, что судьба дочери устроится благополучно! А теперь вот Машка осталась бесповоротно и навсегда одна?.. Сама виновата, дура! Нечего было рассуждать. Наговорила она, конечно, много, да как еще наговорила! Диву даешься, где только научилась так балакать. Да что толку?! Чем краснобайствовать, лучше бы бабьим умом притихла, показала свою слабинку перед мужиками — глядишь, и оказалась бы уважаемой замужней женщиной, матерью семейства. А сейчас вот что? В подоле принесет? В подоле принесет... Странное какое выражение... Всего два слова, а прям как кино из старой жизни: вот молодая крестьянка идет на работу в поле, да в поле и рожает; одна, без вспомоществования, брошенная мужчиной, отвергнутая родней, опозоренная. Чуть ли не зубами перегрызя пуповину, заворачивает она свое незаконное дитя в рабочий фартук и несет младенца в дом родителей. Куда же еще? Родители не прогонят, не откажутся от внука...

Что уж теперь говорить... В подоле, так в подоле! Все равно ведь — новая жизнь зародилась на земле. А жизнь, она не спрашивает, как ей явиться в мир: окруженной заботами хлопотливых повитух, сопровождаемой теплыми взглядами персонала роддома, встречаемой восхищенными криками сродников и сводников, или вот так, в неприкаянности и сиротстве. Жизнь права самим ходом своим, проявления же ее часто бывают неприглядны, а то и отвратительны. В подоле, так в подоле!

Ну а те спесивцы, которые сейчас этакими фертами отчалили в ночь, еще образумятся. Оценят они Марию, затоскуют без нее. Поймут рано или поздно, что прошли мимо важнейшего в своей жизни. Поймут, что не им, недостойным, следовало оказывать покровительство дщери крестьянской. Это у нее нужно было просить благосклонного внимания, словно высшей милости. Может быть, еще и прибегут женишки обратно; может, на коленях станут умолять простить их.

Володину настолько живо представились утешительные картины неизбежного возвращения посрамленных кандидатов в Манькины мужья, что он, рискуя соскользнуть с подоконника и брякнуться оземь, подался корпусом вперед и до хруста позвонков вытянул шею, как бы высматривая в темноте будущего зятя. Вдруг самый догадливый кавалер уже поспешает к столь опрометчиво оставленному крыльцу? Вдруг ранее других раскаявшийся в совершенной ошибке миннезингер уже стоит у порога, в отчаянии ломая руки? Вдруг и впрямь какой-нибудь коленопреклоненный идальго уже взирает на заветное оконце в надежде получить прощение?.. Но внизу окончательно смокнулись волны непроглядного мрака, а дежурная не спешила зажечь фонарь над входом в общежитие, поэтому ничего нельзя было разглядеть.

Сколь ни пяль глаза на пяльцы ночи, не прозреть сквозь траурный бархат оборотную сторону гобелена бытия, не распознать изнанку материи, усеянную узелками судеб до того причудливо, что оторопь берет. И, пожалуй, недаром скрыт от глаз людских этот испод сущего, являющий издевательски извращенную, непривычно перевернутую картину действительности, которую лишь равновеликий создателю вышивальщик оценит, воздав должное и величию замысла, и тонкости работы.

Впрочем, такие вот отвлеченные умствования в духе агностицизма сейчас меньше всего должны были бы занимать отца опозоренной невесты; а между тем он не находил сил, чтобы оторвать взгляд от медленно возрастающей черноты и вернуться к насущным потребностям текущего момента... Словно зловещей ворожбой кто-то принудил Володина до потери зрения, до помрачения ума созерцать непроглядное нечто. Казалось, моргни он — и предаст мечту о будущей благоустроенной и беззаботной жизни всей семьи, подведет дочь, изменит самому себе.

Упрямый мужик никак не желал смириться с очевидным: что-то очень-очень важное безвозвратно завершилось... Подошел к концу затянувшийся водевильчик «Поездка в город»; спущен занавес в балагане длинных и суматошных дней; отзвучали растянувшиеся чуть ли не на годы задушевно-бестолковые диалоги; стихли за кулисами шаги резонеров-любителей, которые, как представлялось теперь, десятилетиями не сходили со сцены; исполняется кода. Публика еще под обаянием зрелища, лицедеи еще в восхищении собой, никто и думать не думает о том, что последует за финалом. А Виктор Алексеевич уже предчувствовал весь трагизм следующего акта, уже мучился ожиданием неимоверной трудности своей роли. Да ведь и догадаться об этом несложно было, поскольку амплуа его всегда одинаково: тритагонист, глупый слуга, простак...

Между тем, именно Володин (он лишь один среди всех участников шоу!) мог бы с уверенностью рассказать о том, что произойдет непосредственно после бурлескного представления. Именно он обладал знанием... да не знанием даже, а нутряным разумением извечного ответа на любой проклятый вопрос. Именно этот далекий от велеречивости и суемудрия, хлебнувший жизни человек способен был открыть издергавшимся и изверившимся современникам заветное слово — отзыв на самый замысловатый из паролей, которые в нынешнем веке столь часто и безрассудно меняют ненадежные командиры наши. Одно только слово, неизменное слово — труд. Что бы ни происходило в стране, чем бы ни бредил мир, как бы ни лихорадило вселенную, русский ответ на все и всегда будет один и тот же: надо трудиться.

Надо много и тяжело работать, не рассчитывая на соразмерное усилиям вознаграждение, не видя конечной цели работы (ибо она сама по себе цель), не вникая подчас в ее смысл. Вот если трудиться, тогда смысл и появляется. Тогда обретаешь дар мышления, дар речи. Тогда доходишь своим умом, что ответить — негромко, но с достоинством — и предкам, и потомкам, и современникам на их неотступные каждодневные вопрошания. Более того: тогда сами вопросы получают логическую завершенность, отливаются в чеканные формулировки.

Уясняют это легче прочих те потомки Адама, для которых возделывание земли — не ветхозаветная заповедь, а ежегодно повторяющийся круг обиходных дел. Всякий пахарь не единожды наглядно убеждался: капли пота, уроненные весной в почву, неизменно всходят по осени урожаем; и чем обильнее орошение, тем гуще всходы.

Вот и Виктор Алексеевич, с малолетства привыкший примечать, как возвышающий, непреходящий смысл произрастает из раздражающе утомительных забот, сейчас, вперив остекленевшие зрачки в непроницаемую темень, провидел свое будущее с отчетливостью, резкой чуть ли не до болезненности: отныне ему предстоит гораздо больше работать, чтобы обеспечить не только себя со старухой, но и Машку, и ее ребенка... Да, придется без роздыху горбатиться, ишачить, рвать жилы. Вкалывать, не разгибаясь, вламывать до самой смерти, до последнего часа, который, похоже, уже не за горами. Только бы сил хватило! Только бы хватило сил еще на десяток лет напряженного, плодотворного труда...

Глаза вдруг заволокло мутноватой влагой, защипало, как будто едкая щелочь сочилась из-под ресниц. Володин заморгал-заморгал, отвел, наконец, взгляд от давно опустевшего крыльца и запрокинул лицо, стараясь удержать соленые озера в подрагивающих берегах век.

И оказалось, что в небесах еще можно различить — сквозь тусклые линзы слез, сквозь туманящую взор печаль, сквозь все гуще ткущуюся черноту вуали вечера — неброское малиновое сияние! Если в нижнем суетном мире прочно воцарился непроглядный мрак, то на своде небесном был явственно заметен уверенный в своей всепобеждающей силе, хотя и вынужденный временно отступить на заранее подготовленные позиции, свет. Значит, где-то по-прежнему лучится Солнце, пусть и не видимое пока с Земли; значит, планеты в неизменном порядке обращаются вокруг своей

звезды; значит, все во вселенной идет установленным чередом, без сбоев, без заминок, без неурядиц.

Пораженный этим открытием, словно приступом столбняка, Виктор Алексеевич вновь оцепенел, на этот раз созерцая верхнюю бездну. Спина его напряженно выгнулась, подбородок вознесся до неприличности, не прикрытое даже воротом рубахи, обтянутое тонкой, почти что бумажной, кожей адамово яблоко легкомысленно выставилось далеко вперед. Беззащитный (голыми руками бери!) кадык, заросший редкими щетинками, до которых неделями тщетно пытались дотянуться роторные ножи слабосильной электробритвы «Харьков», временами судорожно двигался вверх-вниз, как цевье помпового ружья. И долго еще, застыв в неловкой позе, крестьянин безотрывно разглядывал надзвездные сферы, изредка поводя носом, будто что-то учуял. А потом сказал, не оглядываясь на Марусю:

— Собирайся, дочка. Поедем домой.

Послесловие

Итак, любезный читатель, мы добрались до финала данной неказистой повести с неказистым, как и указано в предисловии, названием. Поневоле приходится повториться: заголовок оказался неудачным, вычурным, претенциозным, связанным с содержанием книги чисто формально.

С другой стороны, само это содержание настолько мелкотравчато, что какое заглавие ни подбери — все будет неладно. В самом деле, какова фабула предложенного нам литературного опуса? Говоря лаконически, она заключается в следующем: случайно сходятся вместе малознакомые люди, вступают в бестолковый диалог, расходятся, так ничего для себя и не выяснив... Ерунда какая-то!

Автор, изображая всклокоченный внутренний мир обрисованных им типов, пытается намекнуть, якобы данный эпизод оказался чрезвычайно значимым для каждого из них, якобы во время их краткого общения произошло нечто очень важное. Но что же именно? Какой разговор состоялся в комнате героини? Каких аспектов он касался и в каких выражениях велся? Нам предлагается дойти до этого своим умом, догадаться по предложенным смутным ассоциациям, по попыткам персонажей рефлексировать, по реминисценциям и аллюзиям, что, возможно, небезынтересно, однако требует затрат времени и душевных сил, а их у современного человека кот наплакал. Создатель повести вроде бы и пытается облегчить нам процесс постижения сути написанного произведения, раскрывая отдельные поведенческие алгоритмы, рисуя некоторые схемы духовно-интеллектуальной деятельности героев, однако взять читателя за руку и сопроводить его по страницам книги от начала до конца, подвести к четкому выводу даже не пытается. При этом следует отметить, что подобное «отстраненное» отношение к читателю, к художественному образу, ко всему произведению превратилось в тенденцию актуальной литературы. В тревожную тенденцию, реализуя которую нынешние сочинители насобачились за определенными формальными приемами прятать мелкотемье и безыдейность.

Дабы обличить пагубность охватившей нашу словесность в целом вакханалии безответственности, мы решили прямо указать на очевидные недостатки данной конкретной повести, подробнее остановиться на разборе ее основных художественных принципов. Сначала о вопиющих просчетах.

Во-первых, в книге явно нарушены законы построения литературного текста. Вы вот сейчас читаете послесловие, а переверните пару-тройку страниц — и увидите «Эпилог». Это зачем так делается?! Где же видано, чтобы сразу — и «Послесловие», и «Эпилог»? Абсурд!.. Ну, допустим, исходя из каких-то соображений (да а какие тут могут быть соображения? дешевое оригинальничание, скорее всего, и только), автору понадобился указанный композиционный выверт. Допустим. Но и тогда ординарная

формальная логика должна была бы подсказать, что сначала надо поместить «Эпилог», задача которого рассказать о важнейших событиях, произошедших с героями произведения через какое-то время после описанных перипетий, а затем уж давать «Послесловие», отражающее собственно авторскую позицию. Нет, в анализируемом сочинении все наоборот.

Второе. Раз уж писать завершающее книжку обращение к читателям, то в нем беллетристу, если, конечно, он с должным уважением относится к ознакомившимся с его вещицей людям, стоило бы детально разъяснить ключевые для осмысления сути повествования моменты, поскольку только что прочитанный финал вызывает закономерное недоумение. Беременна ли главная героиня или нет? А если да, то от кого? На эти вопросы, несомненно, более всего интересующие широкую публику, наш прозаик не дает прямого ответа. Удалось ли остальным персонажам реализовать свои планы? Тоже непонятно.

Далее. Среди всех нестыковок, нелепостей, неясностей самое туманное в повести — позиция автора. Что он, собственно говоря, хотел выразить? Как относится к изображенным коллизиям и созданным его творческой фантазией персонажам? В тексте сам он крайне неохотно прибегает к однозначным характеристикам, а ежели где и удается прочитать нечто внятное, лишенное двусмысленности, то такая оценка все же не является окончательной, нередко сменяется высказыванием с прямо противоположной коннотацией... Очень все это попахивает конформизмом, а пытаться стяжать лавры на писательском поприще, не сумев сформировать основательных и внутренне непротиворечивых воззрений, как нам представляется, есть чистой воды шарлатанство.

Впрочем, не станем настаивать на обвинении нашего сочинителя в сознательном плутовстве. По зрелом размышлении за его манерой, так сказать, «бережного» изображения действительности можно увидеть не отсутствие, но своеобразие мировоззренческих и творческих принципов. Рискнем предположить, что автор на страницах своей книги хотел дать объемные портреты персонажей, показать все многообразие внутреннего мира героев и тем самым поддержать традиции реализма на современном витке развития литературного процесса. Такое предположение кажется нам любопытным, и чуть ниже мы к нему вернемся. А пока еще несколько слов в довершение анализа действующих лиц.

Насколько мы можем судить, каждый образ продумывался с прицелом не только на психологическую достоверность, но и на возможность представить оный в качестве «ходячей идеи», то бишь воплощения некой концепции. В таком случае создателю повести следовало бы выявить капитальную систему взглядов, которую читателю предлагалось бы принять за образец, и раскрыть ее во всей полноте и сложности. Однако ни одна жизненная философия, воплощенная в ком-либо из персонажей, писателем не поддержана безоговорочно, не заявлена в качестве предпочтительной. Критикуя иные поведенческие схемы и идейные построения, литератор сам никому ничего советовать не решается. Автор, похоже, не в состоянии определиться относительно правоты либо неправоты своих героев, мечется между идеологическими противоречиями, настойчиво, но безуспешно пытается подвергнуть конвергенции антагонистичные позиции, тщетно пробует свести ту какофонию, что устроили солисты, им же собственнолично выведенные на сцену, в подобие симфонического звучания.

Ну, и как оценивать подобное произведение? Как составить мнение о нем? Как, наконец, поддерживая реноме интеллигентного, мыслящего и начитанного человека, пересказать коллегам и родственникам содержание очередной проштудированной книжонки?!

У читателя остается еще надежда, дескать, эпилог поможет пролить свет на маловразумительные места. Сразу хочется предостеречь: надежда призрачная. Из эпилога ничего вы не поймете, напротив, только еще больше запутаетесь. Как уже отмечалось, эпилог нужен, чтобы показать логическое завершение развития художествен-

ных образов. В данном случае мы такого не имеем. Более того, ни один из персонажей повести в эпилоге не только не появляется, но даже не упоминается... Короче говоря, ни в чем нельзя положиться на этого автора!

Отчасти (но только отчасти!) вскрытые нами недостатки произведения могут быть объяснены самой его тематикой, тем, что повествователь отваживается бытописать сложную, переломную эпоху, предопределившую явные отклонения в поведении героев книги, а также, видимо, сказавшуюся на, мягко говоря, специфическом душевном состоянии сочинителя... Поневоле приходится согласиться с психологами, утверждающими, будто в критические моменты истории коллективное бессознательное подталкивает наиболее возбудимых субъектов к эксцентричному образу мыслей и действий...

Если же говорить конкретно о позднесоветском периоде, то тут мы и вовсе имеем дело с феноменом не только не исследованным, но, похоже, даже не описанным до сих пор в литературе. Указанный феномен заключался в небывалом размахе охватившей страну (наряду с эпидемией недавно подаренного СПИДа) эпидемии апатии. Да, собственно, даже не апатии, а какой-то необъяснимой энтропии, распространявшейся на все, что составляло привычный образ жизни: производственные связи, приятельские и земляческие отношения, эстетические вкусы, национальные пристрастия, государственные символы... Объяснить данное явление мы, право, затрудняемся... Отчего исполнение крепко-накрепко зазубренного гимна вдруг стало вызывать плохо скрываемое отвращение? Почему былые достижения начали восприниматься достойными исключительно осмеяния и поругания? С какой стати наличествовавшие недостатки представились нигде и никогда доселе не бывшими, настолько чудовищными, что одно лишь упоминание о них отравляло существование великому множеству народа?

Это тем более удивительно, что направленность советской идеологии была прямо противоположной: наступательно заостренной против всяческого упадничества, нацеленной на формирование единой социальной общности, на воспитание населения в духе сплоченности, верности идеалам, гордости за свой строй. По нашему скромному мнению, вышеописанное коллективное переживание фрустрации обусловлено причинами исключительно мистического свойства. Мы неоднократно пытались разрешить для себя указанную проблему, используя инструменты логики, причинно-следственных связей, и всякий раз в бессилии опускали руки, ибо всякий раз очевидным для нас становилось, что большинство реалий тех лет невозможно истолковать с точки зрения рациональных схем.

Впрочем, в отношении общественно-политических дисциплин наука отвергает любые намеки на метафизику... Посему остается одно: терпеливо ждать, когда же въедливые исследователи вынесут онтологически обоснованное и многократно ревизованное суждение. Суждение окончательное и исчерпывающее. Мы же со своей стороны можем лишь повторно свидетельствовать, что в интересующий нас период необъяснимое, доходящее до животной тупости безразличие к собственной судьбе всецело овладело массами, отчего неотвратимость роковой развязки проступала все явственней.

Соблюдая стилистику художественного текста, для иллюстрации вышеприведенного тезиса нам следовало бы ввернуть метафору, или даже ряд метафор... Минуточку! Сейчас, сейчас... Вот, готово! Словно бы безалаберный и злобный киномеханик прервал фильм на самом интересном месте: на кого-то разобидевшись, решив сорвать зло на зрителях, во время сеанса грубо крутанул бобину с лентой, и проекционный аппарат, прежде исправно воспроизводивший звуки да изображения, «зажевывая» пленку, понемногу останавливается, бормоча отвратительную тягомотную невнятицу, подобную бреду слюнявого идиота. Словно бы по завершении важнейшего опыта сердитый от собственной серьезности экспериментатор отключил питание электрической цепи, и вживленный в нее магнит, колоритно щетинившийся металли-

ческими опилками, безвозвратно теряет былую притягательность, по-осеннему вяло роняет железное крошево, каковое могло бы дисциплинировано красоваться в математически-четких шеренгах силовых линий, а вместо того грудится анархистской кучей. Словно бы на наших глазах рушится некая сложная инженерная конструкция, из которой в одночасье извлекли скрепляющий стержень, после чего она начала распадаться на блоки, агрегаты, детали... А раскатившиеся в беспорядке человеческие обломки той установки (на вид еще вполне функционально пригодные) оказались изржавевшими в труху: дотронься только — взорвутся ядовито-рыжей пылью.

Отчего это люди предстали миру такими пустотелыми, будто выгорели изнутри?.. Обратились в шлак от жара клокочущего разочарования? Обуглились от обиды, окончательно поняв, что соблазнившие их некогда картины великой в своем совершенстве будущности были всего-навсего теоретическими выкладками, умозрительным проектом, одной из тех интеллектуальных блесен, на которые ловятся неопытные, но азартные дельцы? Испепелили сердца неугасающим раздраженным самокопанием, как некий сверхсрочник-кладовщик, постоянно злобившийся на себя прежнего — восторженного призывника, грезившего о воинской славе? Сомлели от безмерной усталости часового, забытого на никому не нужном посту? Оглохли, ослепли, онемели, контуженные динамитным веком? Надорвались, впали в бесчувствие провалившегося боками коняги, столетие не выпрягавшегося из хомута? Одеревенели от нескончаемых лишений, утрат, похорон? Нарочно испростали нутро, дабы больше не начинало начальство (что до того повторялось с печальным постоянством) рыться в тайниках душ подчиненных да, так ни в чем и не разобравшись, не плевало бы на нетленную суть человеческую? Привыкли без рассуждений повиноваться стороннему авторитету, а потому вовсе утратили вкус к жизни, вся прелесть которой заключена в возможности думать самим, самим находить решения и самим отвечать за них, свободно волить и чувствовать?.. Ответов не знаем. Знаем только, что позднесоветский человек стал неуправляем и невменяем.

Хотя, справедливости ради, следует заметить: даже в стабильной общественно-политической ситуации отдельные представители социума доводят себя до такого состояния, что подчас не могут отдать отчет в том, чего они хотят, зачем куда-то идут, почему оказываются в тех или иных местах, порой самых неожиданных, как это случилось с героями прочитанной нами повести. Спорить нечего — нарезал автор правду-матку жирными ломтями.

Еще одно обстоятельство тоже верно подмечено писателем... Некоторые представительницы лучшей половины человечества, действительно, обнаруживают, что беременны, на достаточно позднем сроке, когда уже невозможно что-либо изменить. Поневоле приходится переводить общение с подобными особами на новый уровень, готовиться к событиям, ранее не запланированным. Случается такое в жизни, случается... И тут писателем поднята серьезная проблема, как семейной жизни, так и взаимоотношений мужчины и женщины до вступления в законный брак... Но, пожалуй, сейчас мы себя остановим, поскольку затронутый вопрос представляется нам наиинтимнейшим, и касаться его публично мы считаем бестактностью. Кроме того, развивая данную тему, мы можем быть заподозрены в нездоровой сексуальности и аморализме. Не будем же давать повода для инсинуаций!

Лучше похвалим автора повести за ту добросовестность, с которой он старался разобраться в напластованиях мыслей, в наслоениях эмоций, возникающих во внутреннем мире человека при отображении реалий окружающей действительности. Сдается нам, здорово пробираться этаким увлеченным спелеологом по потаенным пещерам созданных тобой характеров, вести за собой читателя по причудливым дебрям стремящихся к неизбежному слиянию сталактитов экзогенных впечатлений и сталагмитов эмпиризма. Сдается нам, это гораздо достойнее, правильнее это, чем раскатывать километры текстов неряшливой сюжетно-бытовой скорописи, аки большин-

ство нынешних беллетристов, начхавших и на диалектику души, и на слезу ребенка, и на миссионерство русской литературы: мол, я не Лермонтов, не Пушкин, пусть кто другой занимается пресловутым психологизмом, кто подурней да победней.

Возможно, автор анализируемой книги провел свое художественное исследование без особого блеска, без необходимой философской фундаментальности... Возможно. Но он ставил перед собой дерзкую творческую задачу, и уже одно это вызывает уважение. Будем же снисходительны к тяжелому, неблагодарному труду честного литератора!

Итак, не за страх, а за совесть произведя разбор почитанного произведения, без экивоков указав положительные и отрицательные его стороны, мы подошли к самому интересному. Теперь как раз уместно поговорить о художественном методе автора в целом. Следует ли из всего вышесказанного, что реальность воссоздана писателем всесторонне и глубоко? Иными словами, придерживается ли автор концепции реализма? На наш взгляд, нет. Если это и реализм, то какой-то... как бы сказать... психоделический, что ли, реализм.

Однако здесь мы вторгаемся в сферу сложных эстетических категорий, запутанных литературоведческих дискуссий, которые к читателю прямого отношения не имеют. Читатель сделал свое дело — ознакомился с повестью. Если у него осталось время и желание, он, возможно, дочитает и эпилог. Остальное же — удел критиков и других чудаков, которым не лень спорить на отвлеченные темы. Читателя это уже не касается.

Эпилог

Март неловко называть весенним месяцем. Какая уж там весна! Зима это, конечно. Просто уцелевшие после неистового февраля люди — ветреники, торопыги — не могут заставить себя прожить лишний денек при зимней власти, вот и придумали отговорку: мол, март, весна, Масленица и все такое... Нет. Зима, зима и зима.

Вместе с тем, (нельзя не признать) зимний дворец постепенно оседает, кособочится, утрачивает дух стылой надменности. Интерьеры уже не те. Не стало монументально-мраморных сугробов, содран сияющий ледяной паркет. Ухари-дворники с размаху швыряют на расчищенные участки асфальта смерзшиеся глыбы — прямо под ноги мимоидущим. Плиты изъязвленного капелью, покрывшегося траурными кружевами снега с замогильным стуком падают на тротуар, разбиваются, словно потускневшие древние зеркала, их осколки нехотя расползаются, издавая угрожающее шипение. Да кого теперь напугаешь?! Наоборот, каждый прохожий норовит злорадно пнуть крутящийся и шкворчащий, будто на сковороде, шматок снежного сала, наросшего чуть не за полгода. Грязно-серые куски спрессованного прошлого с циничным удовольствием крошат подошвами, растаптывают в крупу, и вскоре, пригретые солнцем, они теряют дерзость заостренных ломаных очертаний, начинают точить слезки, растекаются лужицами.

На проезжей части другая напасть: замешанная на снегу грязь затопила улицу во всю ширь. Пронесется по дороге автомобиль — оставит за собой отпечаток шин, наполненный мутной водой; если идущая следом машина угодит в тот оттиск, то из-под колес веером разлетятся сгустки липкой мокроты, окатят толпящихся на остановке пассажиров, стоящих у светофора пешеходов. Возмущенные такой наглостью люди смешно и страшно таращат глаза, пытаются, пятясь или неуклюже дергаясь, спастись от слякотного душа. Тщетно! Раз довелось тебе жить весной, выбор невелик: либо подставляйся под грязные брызги, либо вязни по щиколотку в холоднющей трясине. Впрочем, двигаться колонной машинам не с руки. Каждое транспортное средство стремится оставить собственный след в истории, проложить собственную колею. И нескончаемо пластичное перемещение грядок тающего месива среди полосок талой воды.

Словом, приятным март не назовешь. Прежние хозяева погоды — морозы — изгнаны тепленькими сквозняками, известными продувными бестиями. Однако самостоятельно установить новый порядок нувориши-временщики не в силах, и приходится им помогать. Дворники, прохожие и автомобилисты — все вносят посильную лепту. Но более других стараются дети. Вот кто готов выстроить целую систему водоотводных каналов, вот кто безостановочно расширяет и углубляет русла ручьев, вот кто азартно обламывает каблуками кромку почерневших ледяных наростов, нависших над решетками сточных колодцев.

Стало быть, есть в ранней весне нечто обнадеживающее! Вдруг грянет горячее властное солнце, и каждая лужица, каждая расхлябанная колея, каждый налитый водой следок захотят его отразить. Тогда сияние (подлинно *неземное* сияние!) исходит от грязной, истоптанной земли. Такое ослепительное свечение вокруг, что невольно прикрываешь глаза, блаженно щуришься, как разомлевший котяра на припеке, глуповато улыбаешься, и так же поступают все вокруг. И кажется, будто люди искренне радуются друг другу, будто они абсолютно счастливы, будто испытывают ничем не омраченный, детский восторг перед прелестью бытия.

Или, столь же внезапно, как явилось яркое солнышко среди низких облаков, пахнет ветерок, принесет с собой тепло, да такое настоящее, такое летнее, что вялые, зачахшие за зиму легкие, что измученные, почти разорванные приступами кашля бронхи распускаются, подобно первоцветам. Чувствуя внутри себя это волшебное раскрытие бутонов, упиваешься прогретым воздухом, но не глотаешь сразу, а сначала перекатываешь капельку во рту, пробуешь небом, стараешься разобрать весь букет: оказывается, пахнет взрезанным арбузом; и мимозой пахнет, и бензином, и (странно!) морскими водорослями, и (удивительно!) сеном... Потом уже, услышав тончайшие оттенки ароматов, начинаешь вдыхать жадно, стаканами, литрами, быстро пьянеешь, и мерещатся тебе грядущие хорошие новости, выигрыш в лотерею и любовь прекрасной незнакомки, встреча с которой случится за ближайшим поворотом. Наверное, поэтому весной часто тянет без видимой причины изменить привычный маршрут делового горожанина, профланировать по какой-нибудь неизвестной улице, пройтись чужим двором.

...Но непродолжительны славные минуты мартовского безмятежного довольства. Скрылось солнце за тучкой, померкло сияние, потянуло холодом — стало скучно. А если еще промочишь ноги в луже, или обрызгает тебя проехавший грузовик, или, бесцельно глазея на витрину магазина, ненароком разглядишь собственное расплывчатое отражение (искаженное, как в комнате смеха, осунувшееся, пожелтевшее от авитаминоза лицо), то только горестно покачаешь головою: «Да! Март...»

На самом донышке зимы он, этот месяц. На самом-самом донце испитой тобой зимы... Ты помнишь ли? Поздней осенью, в тот вечер, когда окончательно лег снег, не зажигая свет на кухне, нальешь до краев граненый стакан «Русской», осторожно поднимешь его, резко выдохнешь и начинаешь комками вливать в себя горькую, с каждым глотком отчетливее ощущая, как учащается пульсация сердечных клапанов, как подводит живот, как подступают горловые спазмы; одновременно (внутренне собравшись, полностью сосредоточившись на том, чтобы непременно допить, красиво и четко выполнить старинный мужской обряд) представляешь себе, как все это смотрится со стороны: вот в сумерках стоит у обклеенного ярко-белыми полосками бумаги оконного переплета человек с запрокинутой головой и воздетой рукой, а за стеклом — заснеженная земля; и во вставшей перед глазами картине становится очевидна композиционная законченность, которую некоторые называют грустным словом *неизбежность*...

Точно так же, в три больших глотка, проживают зиму со всеми ее метелями, заморозками, поземками, настами, пушистыми снежинками и низким солнцем, похожим на желток ядреного яйца деревенской курицы. В марте кажется: стакан вроде

опорожнен досуха, но по опыту известно, что стенки его обволакивает не различимая глазом влага, и можно сделать еще четверть глоточка, поэтому ты не двигаешься, по-прежнему держа на весу посудину, исподволь обретая новую точку зрения, глядя на мир через зеленоватую толщу граней, через полупрозрачное днище с проступившими на нем лунными знаками, изобретенными на энском стекольном заводе таинственными символами, подобными надписи надгробной на непонятном языке... А на ободке чарки тем временем неспешно набухает микроскопическая капля, вытягивается глицериновым головастиком и срывается тебе прямо в зев. И только сглотнув, наконец, капельку-последышек, вдруг ощущаешь резкий запах маслянистой сивухи, столь сильно шибающий в нос, как будто это не ты опрокинул стаканчик, а тебя втянуло в него; только впитав остатнюю бисеринку водки, понимаешь, что таки да, дело сделано, и ты оказался по другую сторону трех судорожных месяцев. Ты даже немного удивляешься произошедшему: как это я сумел? как это я засандалил цельный стаканище? Как это я пережил зиму? Ты, оглушенный крепостью сорокоградусных морозов, выбираешься из-под завалов засыпавшего тебя бесцветного ледяного хрусталя и не можешь поверить, что все позади... Однако понемногу выравниваешь задержанное памятным осенним вечером дыхание и начинаешь новую жизнь.

Каждый раз в марте — новая жизнь. А в тот год это чувствовалось особенно остро. С отчасти даже болезненной резкостью осознавалось, что затеплилась первая весна новейшей истории новейшего государства. Мы только привыкали произносить «Российская Федерация»... Как бы стеснялись выговаривать диковинное название, ломали язык, коверкали не легшее на слух словосочетание. Непонятно было, каким образом и откуда возникла неведомая страна, неясно, что последует далее. Неизвестно было, полюбим ли мы свою новую родину. Очевидно было одно: на российской земле тает советский снег.

К слову сказать, погода тогда основательно подпортила нам торжество обретения страны. Как-то все было обыденно и грязновато. Холодновато как-то. Неуютно. Нет бы, например, солнцу включиться на полную катушку и установить температурный рекорд столетия. Нет бы деревьям распуститься досрочно и встретить первую весну новой России благоуханием нежных цветов. Отнюдь! Все осталось таким же, каким запомнилось при старом режиме. То же непрогретое выцветшее небо, те же обветшалые дома, те же немытые машины, тот же затопленный слякотью перекресток. Даже люди, похоже, ничуть не изменились с прошлой весны.

Трудно было ожидать от них (да еще на фоне столь неприглядного пейзажа) всплеска пассионарного патриотизма, адреналинного выброса гражданских чувств, триумфального порыва к державной идентичности. Но, черт меня побери, что-то подобное проблескивало, когда лучи глянувшего в просвет облаков солнца россыпями бриллиантов переливались в лужах. Острая свежесть весеннего ветерка опасной бритвой скользила по щекам, по горлу, дразнила и пугала холодком беспредельной свободы. От земли тянуло стылой сыростью избытого прошлого, а ласковое тепло будущего лета уверенно, но без панибратства обнимало за плечи зимние пальто, оглаживало ватные спины. Перекресток нервно курился выхлопами, злобно урчал, плевался — никак не хотел пропустить заждавшихся пешеходов.

Однако все же сморгнул, а затем и погас воспаленный глазок светофора, ринулись через дорогу долготерпцы. Первые шаги по переходу давались им нелегко, поскольку у бордюрного камня студеная жижа стояла вскрай, и двигаться здесь надлежало сноровисто, расчетливо. Женщины кокетливыми складками подбирали полы одежды, тянули носочки, будто в гимнастическом зале, с легким подскоком переступали туда, где, мнилось им, не так глубоко, где брызг поменьше. Просто балет на льду! Или, точнее, водная феерия: пикантно, грациозно, аккуратно. Женщины это умеют. Мужики... те форсировали лужу на разный манер: кто залихватским прыжком перемахивал талый затон и, циркулем ставя ноги, поспешал далее; кто, предусмотрительно поддернув

штанины, вразвалочку, по-гусиному семенил на пяточках по мозглому болотцу, смешно потряхивая благоприобретенным животиком и дряблыми ягодицами.

Среди забавно кривлявшихся прохожих, невольных участников уличного парада-алле, выделялся один паренек: шлепал, не разбирая дороги, прямо по воде. Быстрые ручьи бурлили вокруг его лодыжек, словно вскрывшиеся реки вокруг мостовых опор, слякотные лиманы коварно захлестывали его обувь — юноше все было нипочем. Казалось, ему даже доставляло удовольствие при каждом шаге погружать голенастые ноги в хляби вешние, хотя наверняка ботинки его давно промокли и злорадно чавкает в них ломящая стопы ледяная влага. Однако задорно и с вызовом блестели глаза бесшабашного молодого человека, а на губах подрагивала полуулыбка, готовая расплыться от уха до уха в ответ на мимолетную вспышку пробившегося сквозь хмарь солнышка или чей-нибудь беглый дружелюбный взгляд.

По обличью молодца легко было догадаться, что он, и без того явно не отличающийся собранностью субъект, выскакивал из дома впопыхах: шарф, подвязанный крупным узлом поверх воротника куцей болоньевой курточки, съехал на сторону; брючины черных джинсов пропитались сыростью до самых колен, стояли колом; головного убора в помине нет. Длинные прямые волосы постоянно спадали на лоб, лезли в глаза, и парень мосластой пятерней поминутно откидывал назад взъерошенные космы. Мало того, его нечесаные патлы дергал, сплетал самым причудливым образом мартовский ветрюган-малолетка, которого авторитетные и при делах братаны засылают вперед — позырить, че к чему на районе, постоять на стреме или даже подначить кого-нибудь из чужаков, вызвать на драку.

Юноша шел по улице с ощущением полного, гармоничного, незаслуженного счастья. Таким неимоверным счастьем невозможно ни с кем поделиться, и поэтому жалко становится окружающих, жестоко обиженных фортуной, не имеющих ни малейшего представления о том, сколь прекрасен подлунный мир! Может быть, они, обездоленные ближние наши, простят счастливому миг блаженной эйфории, если увидят размокшую обувь да растрепанную прическу? Может быть, чуточку меньше станут завидовать?

Как бы не так! У нас любой увязший в распутице пешеход (карабкается ли он вместе с тобой по осклизлому склону, ползет ли на полусогнутых встречь) оснащен не хуже того энтомолога — всегда наготове сачок здравомыслия, наполненная парами житейского опыта склянка с притертой пробкой, а уж взглядов-булавок припасен целый арсенал: тут и изучающий рентгеноподобный зырк, и осуждающий зрак, и укоризненный взор, и недоуменное подрагивание ресниц, и настороженный прищур... Какой бы умопомрачительно красивой, невиданно редкостной бабочкой не воспарила твоя душа в минутном упоении, обязательно тебя поймают, усыпят и пришпилят к картонному планшету в соответствии с придуманной кем-то классификацией.

Но что за дело счастливцу до нацеленных со всех сторон косых взглядов! Пусть прохожие разят сотнями язвительных жал, пусть стынет грудь под порывами ветра, пусть схватываются ледяной коркой ступни, пусть завтра он потеряет голос, сляжет с горячечным бредом — ничто не может лишить его роскошного ощущения счастья.

Легко обогнав толпу на переходе, юноша в три шага перемахнул проезжую часть, чуть не бегом направился вдоль решетчатого металлического забора городской больницы к воротам. Он спешил в седьмой корпус, в родильное отделение. Он час назад узнал о рождении сына.

Поскольку этот окрыленный молодой человек впервые появляется в нашей повести, мы ничего определенного не можем о нем сказать. Что это за персонаж? Откуда он взялся? Какое имеет отношение к тому, что происходило ранее?

Данные вопросы останутся без ответа. А раз нечего более сообщить, то и писать дальше не стоит.

Инна Начарова
(г. Уфа)

ДИВА
(повесть)

Писатель, переводчик, председатель Международной литературной ассоциации писателей России, Болгарии и Сербии. Лауреат Уральской премии «Белое крыло» (2007 г.) и всероссийской литературной премии «Белая скрижаль» (2013 г.). Диплом в номинации «За мастерство» Третьего международного конкурса в Дюссельдорфе (Германия), лауреат международной премии «Литература средство дипломатии» (2019 г., Болгария). Член Союза писателей Республики Сербия. Автор прозаических произведений в жанре «женская проза». Произведения опубликованы в России, Австрии, Германии, Болгарии и Сербии.

– 1 –

Нежнейший аромат духов из картонной коробочки пастельных тонов заставлял мечтать. Сегодня она купила их у местного коммерсанта Пишика. Он не был фарцой в чистом виде, лишь иногда приторговывал фирмОй. Пишик был весьма упитанным кооператором, открыв первое кафе при заводской столовой. Без арендной платы пускал комитетчиков от комсомола на дискотеки в свое кафе. Коктейли уже, конечно, были за плату. За эти «щедроты» он и поехал по комсомольской путевке в далекую и волшебную Югославию. Югославия это вам не Болгария. Там все по-другому. И комитетчики шагали за Пишиком по старинным улочкам городков этой страны. Потому как Пишик быстро соображал, где и почем что купить и где выгодно поменять рубли на динары. Эта валюта практически олицетворяла доллары. Само собой Пишик прикупил товаров на продажу. И эти югославские духи. И она купила эти духи. Пишик скидки не сделал. Да она и не просила. Ее зарплата секретаря комитета комсомола крупнейшего советского завода позволяла не торговаться. Разноцветные лампы мигали под потолком, крутился шар из кусочков зеркал, отражая с сумасшедшей скоростью разноцветные огни. Музыка грохотала, вынуждая танцующих только улыбаться друг другу. Голосов было не разобрать. Все счастливы. Счастлив и Пишик. Коктейлей сегодня заводские комсомольцы заказали столько, что это позволило окупить ему расходы на заграничную поездку. Наборные каблуки польских, болгарских и венгерских босоножек на столь дефицитном капроне стройных ножек юных комсомолок лихо отплясывали под итальянцев. «Феличиту» пели все и даже на застольях. Теряя итальянское произношение, но не теряя энтузиазма. Пишик привез с собой кассету одной югославской певицы. Приятные балканские мелодии, сильный голос. Певица носила непривычное для русского уха имя Милица. И Пишик поставил ее кассету, делая передышку от итальянцев. Медляк. Но энергичный. На всякий случай сказал в микрофон:

— Белый танец!

Комсомолки кинулись приглашать комсомольцев. Но медляк быстро сменился на

лихие балканские хоровые. И медляк затоптался, парочки рассыпались, как бисер от многослойных бус. И вот уже все пляшут, лихо взявшись за руки.

— Пишик, кто это?— слышатся вопросы от танцующих.

— Югославская певица! Специально для вас привез!

— Дай переписать!

— Не бесплатно. Нет вопросов. Ноу халява,— уточнил предприимчивый Пишик.

— А то! Сколько хочешь?

— Кассета по пятере. Меньше не могу, ребят,— жалился Пишик. И все знали, что меньше пятеры не опустит никогда.

Все стали расходиться. Пишик закрывал заведение. Культурно и настойчиво выпроваживая пытающихся остаться. Комсомольская дискотека закончена. Выходят группами, разбиваются на парочки и исчезают в темноте близлежащих дворов.

– 2 –

— Вон, видишь его? — Милица стучала пальцем в стекло поезда, пытаясь показать на переезде мальчугана своему спутнику.— Он всегда встречает и провожает все поезда из Загреба в Белград и обратно.

— Его отец обходчик? — спросил ее спутник.

— Не знаю. Может быть.— Милица пожала плечами в модной кожаной куртке-косухе. Руководитель ансамбля, в котором она пела, строго следил за имиджем своих артистов. Она подстригла каскад и сделала крутую «химку». Ее волосы и без того были пышными и густыми, но химка дань моде и она не могла ей не следовать. На подходе запись нового диска и все предвещают ему невероятный успех. Милица ехала домой к родителям и сестре. Привезла ей много красивых модных нарядов и гостинцев родителям и дедушке. Дедушка растрогался от гордости за нее, его старшую внучку, ставшую знаменитой певицей на Балканах. Дедушка помнил войну. Называл русских братушками и в день Девятого мая каждый год пил ракию по два стаканчика. В этот раз она приехала не одна, а с Радованом. Радован деду не понравился, и это заметил ее спутник. И только сестра за столом шептала ей в ухо:

— Он и вправду руководитель «Южного ветра»?

Милица смешно закатывала глаза и кивала в ответ сестре.

Потом они гуляли по окрестностям. Трава в поле пахла детством, солнечными знойными деньками с ароматом чесночницы и прозрачными крыльями стрекоз. Под мостиком через речку цвели кувшинки. Мама напекла ароматного хлеба и сварила любимую ею гречневую кашу. Большой солнечный кусок топленого масла плавился в ней не торопясь. Милица схватила ложку и зачерпнула еще горячей каши. Протянула ее Радовану. Но он отрицательно качнул головой.

— Не любишь кашу? — по-детски удивилась Милица.

— Наелся в детстве,— сдержанно ответил Радован.

Когда они уезжали, мама и сестра плакали на перроне, а Милица долго махала им, высунувшись из окна.

– 3 –

Узкий переход между зданиями заводоуправления и конструкторского бюро всегда полон людей. Место перекуров. Кто с кем, когда и как — темы здешних бесед. На выходе из перехода дверь заводского комитета комсомола. Лара не ходила через переход, стараясь обойти шутящих курильщиков через улицу. Даже в лютые морозы, в капроне и туфельках с игриво накинутым на плечи пальто, она героически ходила через улицу.

Сегодня заседание комитета комсомола завода по важному вопросу: распределение путевок в солнечную Югославию. Лара знала, что одна путевка для нее. Но в

совсем посторонней кампании ехать не хотелось. Когда все собрались, она написала на бумажках фамилии претендентов, скомкала эти бумажки и положила в большую деревянную вазу, стоявшую на подоконнике с незапамятных времен. При извлечении этих бумажек в порядке очередности возникла суета. Перспективный молодой конструктор первым достал из вазы бумажку, развернул и прочитал фамилию. Да не ту, которую ей хотелось.

— Вы почему торопитесь? — строго сказала она ему.— Я еще не дала старт жеребьевке, а вы уже достаете.

В момент этой гневной речи Лара выбросила в мусорную корзину эту первую появившуюся из вазы бумажку.

— Итак, начнем,— торжественно объявив начало, Лара собственноручно достала из вазы следующую бумажку. Оказалось, что с нужной ей фамилией. Она повернулась к молоденькой комсомолке, работавшей технологом в одном из заводских цехов:

— Начинайте вести протокол нашего собрания. Пишите фамилию первого претендента.

В это время суетливый и все время улыбающийся комсорг заводоуправления выудил из вазы очередную бумажку, и опять не ту, на которую она рассчитывала.

— Товарищи, я требую соблюдать регламент! Это же важное официальное мероприятие. Прошу без самодеятельности! — она выбросила и эту бумажку в корзину.— Итак, продолжаем!

Ее рука достала из вазы бумажный комок. Фамилия в нем оказалась нужной.

— Мы завершаем голосование по кандидатурам для поощрения туристическими путевками в братскую республику Югославию. Все свободны. Идите, работайте, товарищи.

Все потянулись к выходу. Для поездки оставалось пройти собеседование в райкоме, да купить две бутылки водки, один фотоаппарат «Смена» и наручные часы «Чайка». Это разрешалось провозить через границу и эти товары из СССР югославы охотно покупали.

– 4 –

До концерта в селе оставалось не так уж много времени. Из Румынии Радован привез ткань. Милица с сестрой шили и по ночам новое концертное платье. Новомодный люрекс переливался, как снег на солнце, обещая еще ярче сверкать при свете клубных софитов. В Загребе открылась зимняя олимпиада. На ее открытии советская делегация была одета в дубленки с накинутыми поверх них яркими цветными павлово-посадскими шалями. Милица теперь замечтала о такой шали и думала, где ее раздобыть. Может быть, у спортсменок попробовать купить.

Мама сварила бульон из домашней курицы и накармливала Милицу, причитая, что дочь совсем исхудала на гастролях.

— Мама, мне нужна фигура! — твердила ей Милица.

— А мне нужны внуки,— возражала мама.— А с таким весом кому ты можешь понравится, кожа да кости!

Милица ела наваристый суп, а потом за домом прыгала на скакалке. Отец собирался в Белград на какую-то манифестацию «Югославия для славян». Ходили разговоры, что жители Косово устраивают там же свою манифестацию «Косово косоварам». Но эта гражданская неразбериха мало волновала Милицу. Платье было готово. Маленькое мини с открытым декольте и плечами повергло маму в шок, а отцу и не показывали его вовсе. Современная эстрада требовала блеска и максимальной оголенности. Туфли на высоченной шпильке куплены у частных продавцов. В магазинах продается только «удобная» обувь. Драгана снова уезжала из дома. Мама заботливо паковала отварную курицу ей в дорогу.

— Мама, ну куда же я с ней?! — противилась звезда.

Но курица благополучно доехала до места назначения и была враз съедена музыкантами «Южного ветра» под ароматную виноградную ракию.

Протяжные переливы ее голоса со сцены заставляли зрителей в зале то плакать, то смеяться. Они аплодировали ей стоя. Кричали, какая она прекрасная и талантливая. Ее земляки. Она любила их как каждый любит свой народ, единый по крови и вере. Эти люди целыми днями работали в полях и на фермах, как и ее родители. Варили своим детям куриный бульон и жарили по праздникам свинину. Запивали ее ракией и частенько пели их народные песни. Те, что поет сейчас для них она.

– 5 –

В уличном кафе все столики были заняты. Официанты юрко сновали между гостями с чашками послеобеденного кофе. Его аромат витал над столиками и разносился по всему кварталу центрального Белграда. Здесь кофейни всюду. Вывески «Кафана», как осколки турецкого ига, рассыпались по улочкам этого древнего города.

Милица словно кошка щурилась на солнце, наслаждаясь древним напитком. Она изящно держала чашку рукой, одетой в кружевную митенку. Тренд сезона в сочетании с кожаной курткой. Из-за ее спины возник букет цветов. Ромашки. Миодраг обогнул ее и, чмокнув в напудренную и нарумяненную щеку, сел за столик.

— Мио, я же просила тебя: никаких полевых цветов! — надула губки Милица.

— Букетик нежности не по вкусу фолк-звезде? — Миодраг заливисто рассмеялся, запрокинув голову, и его черные густые волосы растекались по плечам.

— Смеется тот, кто смеется последним,— сумничала Милица.

— Последним смеется тот, кто не понял шутки, детка,— возразил Мио.

— По поводу звезды ты ошибся. Меня сегодня выперли из «Южного ветра»! — чуть не плача сказала ему Милица.

— Да? И кого же они взяли на твое место?

— Естественно новую пассию Радавана!

Они допили кофе и пошли к мотоциклу Мио. Ромашки остались на столе, грустно глядя им вслед желтыми своими очами. Мотоцикл рванул с места и понесся по улицам, петляя среди машин и пешеходов. Милица счастливо смеялась, крепко держась за Мио.

— Вот он, настоящий южный ветер, милая! — кричал ей Мио, и его слова расхватал ветер, не пуская их к Милице.

— Куда мы приехали? — спросила Милица, когда мотоцикл остановился около входа в советское посольство.

— Мы едем в тур. В тур по Советскому Союзу! — Мио протянул ей руку, приглашая подняться по ступеням посольства.

— Ущипни меня! Как ты это организовал? И с кем я буду выступать? Где ты возьмешь музыкантов для этого тура? — Милица не верила своим ушам.

— Я все устроил, детка. Идем получать въездные визы. А с твоими будущими музыкантами я познакомлю тебя позже. Тебе предстоят большие репетиции.

Она кинулась к Мио на шею. Целовала его и обнимала. Прыгала вокруг него со словами: «Я теперь звезда!» Наконец ему удалось затащить ее внутрь.

– 6 –

Сегодня Лара достала из упаковки единственную новую пару колготок небесно-голубого цвета с черной блестящей пальмой на щиколотке. Из шифоньера извлечено клетчатое розово-бирюзовое платье — только что от портнихи. Надо нарядиться. В заводском дворце культуры сегодня концерт югославской певицы. Ее закадычная

подруга Ольга к такому случаю связала новый зеленый костюм с разноцветными бантиками на кофте. Прямая мини-юбка открывала ее ноги не совсем по моде, но очень секси. Все женщины большой страны стремились к такой длине своей одежды. Новые номера журнала «Бурда» передавались из рук в руки и сотрудницы цехов и отделов завода без устали кроили и шили. Кто не умел, копировали модели в отделе технической документации на огромном станке под названием «ЭРА», оставляли шоколадки работнице «Эры» и бежали с этими черно-белыми листочками к своим портнихам. Таблетки гидроперита толкли в кулинарных ступках, смешивали их с аммиаком и красили волосы. Блондинами хотели быть все. Ее подруга была блондинкой от природы. Длинные волосы завивала на бигуди и закалывала ассиметрично с боку заколкой — автоматом. Перламутровая помада и перламутровые стального или голубого цвета тени дополняли образ каждой модницы.

Вечером фойе ДК сверкало и переливалось люрексом одежды, блестками бижутерии. Аплодировали югославской певице от души. Протяжный и одновременно зажигательный балканский турбо-фолк пришелся по душе зрителям в зале. Здесь все знали друг друга. На заводе работают семьями и целыми династиями. Женщины из зала внимательно разглядывают одежду, прическу и украшения зарубежной певицы. После концерта Лара с Ольгой на эмоциональном подъеме перешли дорогу и заказали по коктейлю в баре у Пишика, немного потанцевали и разошлись по домам.

– 7 –

Запись песни на югославском телевидении — это слава. Белая широкополая шляпа, белые брюки и белый двубортный пиджак оттеняли ее черные кудри. Перламутровая помада подчеркивала смуглость кожи. Она пела на вентилятор. Камера снимала ее развевающиеся от ветра локоны. Она пела о свидании на берегу, и все зрители у экранов телевизоров были уверены, что ей в лицо дует морской бриз, а не старый редакционный вентилятор с треснувшими кое-где лопастями. Съемки закончены после операторского выкрика: «Снято!» Все враз, словно воздушные шарики, сдулись. Милица вытирает грим влажной салфеткой и идет к кофейному автомату, снимая на ходу белоснежный пиджак.

— Мадам Милица! — кричит на весь коридор ассистент оператора.— Вас просят к телефону!

Милица, вздохнув, разворачивается и идет обратно, перекинув пиджак через руку. Проходя мимо ассистента, замечает:

— Не мадам, а мадмуазель.

— Но вас спрашивает мужской голос,— ехидничает ассистент, неловко поправляя на носу круглые очки в тонкой металлической оправе. А Милица уже кричит в трубку:

— Да, дедушка! Слышу тебя! Я привезу Радице фотокарточку! Обязательно! Так и скажи ей!

Милица кладет трубку на рычаг и оборачивается к ассистенту:

— Ты запомнил: мадмуазель?

Она берет сумку и уходит, даже не взглянув на кофейный автомат в коридоре. У крыльца на мотоцикле ее ждет Мио. Она целует его и садится сзади. Ветер ловит его слова, а ей бросает лишь осколки. Она кричит ему:

— Все хорошо! Я теперь звезда! Звонил дедушка и просил для соседей мои фото с автографом!

Она не знает, доносит ли ветер ее слова до Мио. На берегу Дуная они сидят прямо на песке. Целоваться уже нет сил. Солнце сегодня ласковое и потакает июньскому ветру, играющему с водами реки, отражающими тысячу солнц. Дунай — река любви.

– 8 –

С утра Пишик отирался в комитете комсомола. Давал Ларе советы, что, где и как купить в Югославии, а свое продать. Валюты меняли совсем мало, а хотелось красивых импортных нарядов и косметики. Она слушала его вполуха. Разбирала бумаги на столе и составляла список на выдачу комсомольских билетов и значков вновь вступившим. Затем кабинет заполнился людьми, внесли корзину с цветами. Гвоздики в корзине были крупные и свежие. К означенному часу все двинулись к выходу, перешли дорогу и выстроились в ровную шеренгу перед памятником героям Великой Отечественной войны. Сегодня, двадцать второго июня, в день памяти и скорби, они возлагают цветы. Потом все спешат на обед. Кто-то в заводскую столовую, а кто-то в ресторанную закусочную через дорогу. В заводской столовой дешевле, а в ресторанной закусочной разнообразнее. Пишик, конечно же, идет в сторону ресторана. Большинство — к заводу. К Ларе подходит ее подруга Ольга:

— В столовую идем?

— Да. Очень есть хочется,— отвечает Лара.

— Что с собой брать то? — взволнованно вздыхает подружка.

— Купальник не забудь. На море будем несколько дней.

— Я на море никогда не была,— вздыхает подружка.

— А я один раз в детстве с родителями,— отвечает она,— но уже ничего не помню, кроме самого моря.

Они смеются. В столовой берут по салату, суп и второе. Ну и конечно компот из сухофруктов! Царь любого советского обеда.

— Кто еще с нами едет? — спрашивает подружка.

— Пока не знаю,— отвечает она.

К ним подсаживается Яна из второго цеха.

— Привет, девочки! Как дела? — жизнерадостная Яна скоро выходит замуж. У нее будет настоящая комсомольская свадьба в кооперативном кафе у Пишика. Комитет комсомола уже подготовил сценарий и поздравления молодым.

— Все хорошо!— отвечает Лара.— Ты туфли свадебные купила?

— Уф! С туфлями целая эпопея. По талону в Свадебном салоне туфли только тридцать девятого размера. Мама на какой-то базе обувной в Черниковке договорилась обменять их на мой тридцать седьмой. Но зато они венгерские!

— Здорово! — воскликнули в один голос Лара и Ольга.

— Ян, дай талон в Свадебный салон, я сейчас туда сбегаю и шорты себе красные куплю. Там их вчера продавали. Но без талона из ЗАГСа никак. Я как только продавщицу не уговаривала. А шортики тоже импортные. По-моему, чешские.

Яна достала из сумочки заветный талон и отдала его Ольге.

— Только не потеряй! Я еще жениху там рубашку на свадьбу не купила!

Но Ольга уже неслась к выходу.

– 9 –

Наконец-то поезд, чухнув, остановился на перроне Белградского вокзала. В тамбуре у выхода возникла толкотня. Все спешили на свежий воздух. Трое суток из Москвы транзитом через Румынию с ее бесконечными виноградниками и горами деревянных тарных ящиков вдоль железнодорожного полотна. На станциях оборванные и нечесаные цыгане жестами просили закурить. Цыганки в пестрых одеждах спали на скамейках. Двери на станциях в транзитных поездах не открывали. И вот прокуренные тамбуры выпустили весь дорожный дым. А проводницы по купе собирали в мешки пустые бутылки из-под русской водки, так и не успевшие стать контрабандой.

Солнце буквально окружило всех и каждого. Туристический автобус ждал на

привокзальной площади. К соседнему вагону подошла компания молодых людей с пышными модными стрижками. В руках цветы, на лицах радость. Из вагона спустилась девушка в кожаной короткой куртке и с такой же прической, как у встречающей ее компании. Все кинулись к ней, обнимали, целовали, передавали букеты.

Ольга сказала Ларе:

— Узнаешь? Это ведь та югославская певица, что у нас во дворце культуры выступала!

— Точно! Значит, она с нами в одном поезде ехала?

— Пойдем автограф у нее возьмем! — не унималась подруга.

— А можно? — заинтересовалась Лара. Но Ольга уже бежала к соседнему вагону, волоча в одной руке набитую дорожную сумку с надписью «СПОРТ». Она протиснулась сквозь группу встречающих и протянула певице блокнот и ручку. Улыбалась и повторяла:

— Автограф, пожалуйста, дайте!

Певица повернулась к встречающим и что-то сказала. Они рассмеялись. А она взяла блокнот и ручку, что-то написала и протянула обратно Ольге со словами:

— Я люблю Россия. Я там пела!

Ольга закивала головой:

— Знаю, знаю. Мы были на вашем концерте!

Певица удивленно вскинула брови, затем протянула Ольге руку:

— О! Я очень радость!

Оля пожала руку певицы и, помахав остальным, пошла к туристическому автобусу. Автобус тронулся и из динамиков зазвучало: «Мой маленький плот вовсе не так уж плох».

— Ой, посмотри, что это? — раздавалось со всех сторон в отельном ресторане за завтраком. Наряду с традиционными кашами, яйцами и колбасами на столах разложены маленькие коробочки с маслом и ягодными джемами.

— Надо взять их с собой домой,— деловито сказала Ольга, напихивая этими коробочками карманы спортивной мастерки. Так делали все. И Лара тоже положила несколько коробочек в карман.

После завтрака все погрузились в автобус и поехали на экскурсию по Белграду.

Белград оказался городом старинным. Они смотрели в окна автобуса, восхищались обилием роз на улицах, вечером после ужина собрались всей группой в одном из номеров и пили водку, которая сохранилась только у Ольги в дорожной сумке. Закуски нанесли с ужина из отельного ресторана с избытком. Грезили о том, кто что купит.

Утро в отельном окне обещало солнечный и интересный день. После завтрака уезжали в Нови—Сад. Ехали долго, останавливались пару раз в маленьких городках. Сидели в кафе, курили, пили кофе, ели огромные югославские персики, купленные у местных. Сок от персиков тек по подбородкам, было вкусно и весело. На очередном таком привале за соседним столиком увидели ту самую знакомую певицу. Ольга бросилась к ней с объятиями. Певица обрадовалась ей как старой знакомой.

И вот уже все сидят за одним столиком, поют «Дунай, Дунай, а ну узнай, где чей подарок...». Певица вполне сносно говорила на русском языке, называла Ольгу и Лару «другарками». А вечером они встретились в условленном месте в городке Нови-Сад и отправились на дискотеку. Утром после завтрака руководитель группы распекала их за самовольство. Они кивали головами и знали, что самовольство повторится... Югославская певица с гастрольным туром ехала по тому же маршруту к морскому берегу в Дубровнике.

Берег этот был невероятно хорош! С мягким теплым песком и нежным морем. Сосны на берегу делали воздух нереальным. Это место, где ты счастлив. Даже если в других местах мира ты этого не знал. Их югославская подружка пела на дискотеках и сборных концертах. Раздавала им свои букеты и водила по барам.

– 10 –

— Мио! — кричала она, идя к морю. Ноги утопали в теплом бархате песка. Ярко-лимонный бикини бледнел на ее уже загорелом теле.

— Мио! — она вошла в воду, ступая по отмели. Вода приятно ласкала ступни. Мио шел к ней по морской глади, стройный и мускулистый. Мокрые волосы мелкими спиральками спадали на его загорелые плечи. Она невольно вновь залюбовалась им. Он целовал ее нежно, как ребенок, который боится, что пирожное рассыплется. В мире царила нега. А вечером Ольга говорила Ларе, что нельзя уводить парней подруг.

— Она мне не подруга! — возразила Лара.

— Но ты с ней знакома! — не сдавалась Ольга.— Мио ее парень!

— Он что, крепостной?— Лара засмеялась.

— Она к нам хорошо относится, а ты?

— Что я?

— А ты увела у нее парня!

Ольга села на свою кровать в их четырехместном бунгало с раковиной и обеденным столом. В этом прибрежном молодежном туристическом лагере в центре Европы удобства были на улице, словно в какой-нибудь советской деревне. Лара смотрела, как Ольга, сосредоточенно глядя в зеркало, втирает тональный крем в кожу лица и шеи, как наносит румяна на скулы и аккуратно, почти не дыша, выводит модные стрелки на верхних веках.

Лара вытряхнула из косметички вазелин и намазала им губы. Забрала волосы в хвост и надела новый бирюзовый джемпер, купленный здесь два дня назад. После ужина в столовой их ждали дискотека, местные коктейли, а Лару еще и поцелуи от Мио. Во всяком случае она на это рассчитывала.

Когда подруги уже собрались выходить, с пляжа вернулась их соседка по комнате. Со словами «Подождите меня», она засунула голову под кран в раковине. Отжала мокрые волосы. Химическая завивка на волосах от воды стала мелкими завитушками. Соседка называла это «мокрой» химкой. С удовольствием оглядев себя в зеркале, она повернулась к Ольге и Ларе:

— Ну что, пошли, девчули?

Те кивнули и все вместе, не торопясь, пошли в сторону столовой. Завтра они уезжают домой.

Автобус остановился у Белградского вокзала. Все забирали свои сумки, пакеты и шли к перрону. Московский поезд уже подали, как всегда, на первый путь. Мио с огромным букетом роз стоял на перроне. Ольга укоризненно посмотрела на Лару.

— И что? Я уезжаю, а он остается этой певичке,— ответила она на безмолвный вопрос подруги.

Мио отдал Ларе розы и ушел не прощаясь.

— Розы — мужские слезы,— пропела Ольга.

— Не смеши. Розы завянут в поезде через пять минут,— печально ответила Лара.

— А кто сказал, что мужские слезы — это надолго?

Лара с Ольгой зашли в поезд и стали накрывать столик в купе. Достали из пакетов брынзу, лече, конфеты. Последней появилась бутылка ракии.

— С утра? — вскинула удивленно брови Лара.

— За высохшие слезы,— ответила Ольга.

Поезд тронулся, замелькали в окне люди, дома, поля.

— А все-таки она хорошо поет,— задумчиво, глядя в окно, проговорила Ольга.

Лара поджала губы и, кивнув на розы, лежащие рядом с ней на полке, ответила:

— Похоже, не очень.

Подруги засмеялись.

– 11 –

На комсомольской свадьбе Яны гуляли весело в кооперативном кафе у Пишика. Лара, пытаясь перекричать подвыпивших гостей, провозгласила:

— А сейчас конкурс! Кто быстрее и больше надует воздушный шарик!

Все стали хватать у нее из рук шарики, слышались хлопки лопающихся и девичий визг. И вот уже с десяток надутых воздушных шаров трепыхаются вокруг праздничного стола. Лара внимательно их оглядела. Приметила один и, глянув на слегка не трезвого комсомольца, держащего этот шарик, спросила:

— Ты надул?

Комсомолец кивнул. Лара громогласно провозгласила:

— Вот он! Лучший надувальщик коллектива! — и вручила ему блокнот в качестве приза.

Затем все принялись снова пить за молодых. В зал вошли двое милиционеров в форме. Мама невесты взволнованно бросилась к стражам порядка со словами:

— Проходите! Угощайтесь! У нас свадьба безалкогольная, комсомольская.

Стражи порядка важно закивали. И все понимали, что на столах в бутылках из-под минералки разлита водка.

Мама невесты сунула одному из милиционеров двадцатипятирублевую купюру. Тот засунул ее в карман кителя, и они ушли. Подружки невесты и друзья жениха потянулись в туалет курить. Невеста грустно смотрела им вслед. Ребята из приглашенного ансамбля заиграли «Дорогу к морю». Подвыпивший пожилой родственник пытался танцевать «Яблочко». Новоявленная теща урезонивала его:

— Иван, не мешай уж. Молодежь гуляет.

Иван, не сдаваясь, выкаблучивал по старой морской привычке.

К Ларе подошла невеста и спросила:

— Саню не видели?

Лара пожала плечами. Знала, что жених с Ольгой либо в мужском туалете, либо в подсобке кафе. А куда еще деться жениху на собственной свадьбе, если его бывшая подружка на этой свадьбе не его невеста и ее тоже нет в зале. И бывшая ли…

— Курит, наверное,— ответила Лара.

— Нет его там,— невеста еще раз обвела взглядом зал. Тут Иван стал вокруг нее плясать свое «Яблочко», наступая на белый кружевной подол.

— Мужчина, отстаньте от невесты! — строжила гостя Лара.— Она и так устала.

Заметила, как в зале появился жених и Ольга. Лара облегченно выдохнула и завела новый конкурс.

– 12 –

Импресарио в Вене вполне сносно говорил на сербо-хорватском языке. Милица кивала в такт его словам.

— Уважаемая госпожа Милица, один австрийский меценат, хорват по происхождению, пожелал оплатить все расходы по организации ваших концертов здесь, в Вене.

Милица удивленно подняла брови.

— Да! Да! — продолжал импресарио.— Он же ваш земляк! И теперь вы можете дать у нас не один, а три концерта!

Не успела Милица, ошарашенная таким поворотом событий, ответить, как в дверях появился высокий импозантный мужчина. Импресарио бросился к нему:

— Здравствуйте, уважаемый господин Николич! Как я рад вашему визиту! А вот и наша молодая голосистая птичка! — импресарио повернулся к Милице.

— О, очень приятно! — мужчина галантно прикоснулся к ее руке.— Я ваш поклонник!

Милица растерянно улыбалась. Господин Николич понял ее смущение и дружелюбно добавил:

— Надеюсь, ваши концерты пройдут с аншлагом! В Вене небольшая диаспора сербов и хорватов, но у нас много австрийских друзей здесь, которые любят балканскую музыку. Тем более в таком прекрасном исполнении!

Милица раскраснелась. Импресарио подобострастно смотрел на мецената. Господин Николич заторопился и со словами: «До скорой встречи!» удалился.

— Теперь вы понимаете, как вам повезло, милая? — вернулся к ее персоне сухощавый организатор.

Милица пришла в себя и резко ответила:

— Во-первых, никогда не называйте меня птичкой. А во-вторых, запомните, что мне не повезло, а я родилась с талантом!

Она вышла, не попрощавшись.

Импресарио прошелестел ей вслед:

— Как быстро привыкают к хорошему.

Милица вышла на улицу и медленно шла вдоль домов и скверов этого старинного города. Думала, что когда-нибудь привезет сюда сестру, родителей и дедушку. Невзирая на удачное финансовое решение, она пообедала в дешевом уличном рыбном ресторанчике. А на следующий день после концерта она уже сидела с господином Николичем в самой дорогой кондитерской этого города. Смаковала легендарный торт «Демель» и слушала комплименты своего так неожиданно появившегося покровителя. Хрусталь старинных люстр отражал множество ламп, словно тысячи солнц. Она вспомнила Дунай и Мио. На мгновение. Это кафе напоминало ей сцену. И вот господин Николич уже предлагает ей снять клип в Вене. Милица улыбается и спрашивает:

— На каких условиях?

Господин Николич без тени улыбки отвечает:

— Я бизнесмен. И рассчитываю получить с этого клипа прибыль, транслируя его на своем телеканале. Вы получите гонорар в полном объеме, но авторские права будут принадлежать мне.

Милица легкомысленно согласилась.

– 13 –

Сегодня субботник. Праздник физического труда. Комсомольцы собираются у здания третьего цеха. Здесь свалка промышленного мусора. Осколки старой арматуры, железяки, обрезки труб. Из динамика на стене цеха звучит известная всем песня: «...и Ленин такой молодой, и юный октябрь впереди». Лара в модных дутышах сероголубого цвета, коротенькая шубка, обрезанная из маминой искусственной под верблюжью. Теплая вязаная шапка и намотанный вокруг шеи шарф. Красоту и на субботнике никто не отменял. Приветственная речь участникам — и все начинают разбирать мусор, грузить в контейнер. Шутки, смех, как бусины, стукаются о металл и осколки кирпичей, и вновь звонко летят в светлое осеннее небо. Небо дышит снегом. Завтра демонстрация на день седьмого ноября. Праздник революции празднуют с размахом. Ольга шепчет Ларе на ухо, отогнув рукой край ее вязаной шапки:

— Ты только посмотри, стоит, матрену свою караулит. Можно подумать, что она кому-то нужна кроме него. Зубы у нее, как у лошади.

Лара шепчет ей в ответ:

— Тише ты. Не красиво. Она моя подруга.

— С такой чукоткой и дружить стыдно,— не унимается Ольга.

Лара наклоняется, чтобы поднять обрезок трубы. Ольга берет его с другой стороны. Тут перед ними возникает Саня и со словами «Девушки, разрешите», берет трубу у них из рук. Слышатся возгласы:

— Ну, ты герой!

— Кавалер!

— Жена-то тебя съест, чужим красоткам помогаешь!

Лара пресекает шутки:

— Если бы все вы парни так делали, то ваши жены вами бы гордились.

Комсомольцы притихают. И только неугомонный Пишик возражает:

— Так у нас равенство мужчин и женщин! Восьмое марта потому и празднуем!

Все смеются. Ольга кокетливо благодарит Саню. К ним подходит Яна и берет мужа под руку. Лара по обыкновению спасает положение:

— Спасибо, Саша! Привык жене помогать. Эх, Яночка, хороший у тебя муж!

— А мне плохой-то зачем? Да и кому плохие мужья нужны! — Яна обводит рукой, показывая на собравшихся, и продолжает.— Вон их сколько! И красавцев, и умников. А чего-то не больно разобрали... Видать, с изъяном товар — вот и залежался!

Девушки заливисто смеются, а парни выкрикивают: мол, выбирают, это для них подходящих девушек нет.

Яна поворачивается к Ольге и продолжает:

— А за моим вон очередь! Оль, за тобой кто занимал? Или ты по-прежнему последняя?

— Дура ты, Янка! — Ольга демонстративно начинает собирать мусор, а Лара начинает раздавать указания к завтрашней демонстрации. Музыка из динамика придает колорита песней «Комсомольцы-добровольцы».

Технолог конструкторского бюро Танечка вполголоса спрашивает у Лары, где она купила дутыши.

— В Москве. К тетке в отпуск ездила, у нее соседка торгует дефицитом. Вот сапоги эти купила и парочку платков индийских.

— Один платок не продашь?

— Нет. Маме подарила. Про сапоги у Пишика спроси, может у него есть.

– 14 –

Проспект таял. Ровно посредине тротуара образовалась проталина, полная воды. Лара не совсем уверенно балансировала между сугробами и лужами в новехоньких итальянских сапогах на высоченной шпильке яркого кораллового цвета. Сапоги эти они с Ольгой купили в ГУМе. Выстояв огромную очередь, ухватили последнюю пару ее размера. Прохожие смотрели на Лару с восхищением. Ну, во всяком случае, ей так казалось. Зачем она потащилась пешком с завода в такую распутицу,— корила Лара сама себя. Конечно, цель такого пешего похода была. Она договорилась с одной малознакомой женщиной, некогда соседкой по больничной палате, работающей в кондитерском магазине, о том, что та оставит ей свежий торт «Маска». Вот за этим тортом она и шла. Завтра у Ольги день рождения и она решила ее удивить. В продаже были только кремовые бисквитные торты. Но «Маска» случалась в продаже редко и за ней надо было выстоять очередь. Тортик забрала. Зашла в соседний гастроном. Там «выбросили» майонез. Очередь двигалась быстро, и Лара встала в конце. Через полчаса она стала обладательницей четырех стеклянных маленьких баночек майонеза «Провансаль». Обрадует и родителей. Можно делать селедку под «шубой». В троллейбус садиться не стала, побоялась помять торт. Так и шла, как эквилибрист, пешком. Из телефона-автомата позвонила Ольге домой и сказала, чтобы она торт не покупала и не пекла. Ольга обрадовалась.

Подруга сияла в новом платье. Все ее поздравляли. Дарили духи «Жизель» и «Москвичка» в коробочках, коробки конфет и шоколадки, букеты красных и белых гвоздик. Лара любит аромат «Жизели». Воздушный и цветочный. Хотя у соседа-фарцовщика Васьки-супа они с мамой покупают «Клема» и это необыкновенно. Аро-

мат духов этих был везде: на платьях, волосах, шарфах, шелковых платках. Васька-суп торговал всем: от французских духов до австрийских сапог. Лара в них и ходила зимой. Зарплата у Лары в комитете комсомола была как у ведущего инженера в конструкторском бюро. И к отпуску приплачивали еще размер оклада за сложность работы.

Вечером компанией отправились к Пишику в бар. Возвращались поздно. Поймали у кафе такси и разъехались по домам вскладчину. В такси Ольга шептала Ларе на ушко:

— Как ты думаешь, если я Саньку на концерт «Веселых ребят» приглашу, пойдет?

Лара повернулась к подруге:

— Ольга! Ты с ума сошла! Его жена моя подруга!

— Твоя. Твоя подруга, Лара. Не моя. А Санька мне давно нравится.

— Я этого не слышала.

Ольга засмеялась:

— Слышала! Слышала!

Таксист с армянским акцентом весело добавил:

— И я слишаль.

Они обе засмеялись. Лара спохватилась и строго сказала таксисту:

— Ведите машину. Вас не спрашивают.

Таксист ответил:

— Какой ты грубий девишка. Вот твой подружка очень даже хороший!

Ольга повернулась к Ларе:

— Слышала! Я хороший! А ты забыла красавчика Мио? Его подружка была и моей подружкой!

— Господи! Они оба остались там. А мы-то все здесь.— На последних словах Лара грустно улыбнулась.— Хотя лучше Мио может быть, наверное, только Мио.

Ольга попыталась утешить подругу и спросила у водителя:

— Где тут ближайший бар?

— Милий девишка, тэпэр только в Хелсинки! Время уже одиннадцать и все бары закрыты. Люди спят.

– 15 –

С боснийкой Ханкой Палдум Милица теперь часто давала совместные концерты. Предконцертная подготовка позволяла поболтать за фужером вина и чашкой кофе. Ханка любит большие блестящие украшения, сияющий атлас и яркий шелк. Милица смотрит на нее, как на королеву сцены. Ханка и держит себя по-королевски. За кулисами говорят, что живет она в настоящем замке в горах.

— У тебя отличный парень! Он очень красив и видно, что любит тебя,— говорит ей Ханка.

Милица задумчиво отвечает ей:

— У этой любви нет крыльев…

Ханка внимательно посмотрела Милице в глаза:

— Значит ты его не любишь, девочка…. Любовь не бывает бескрылой.

Милица вздохнула и развела руками. Ханка рассмеялась:

— Молодость и не должна быть мудрой. На то она и молодость!

Они пели дуэтом проникновенную песню об одном мужчине двух женщин. Зал плакал. Потом взорвался аплодисментами. Цветы не вмещались в объятия. Милица счастливо улыбалась. Потом в гримерке они пили красное сербское вино и Милица спросила:

— Почему на всех наших концертах именно эта песня пользуется наибольшим успехом?

— Потому что она про жизнь, девочка! — отвечала ей Ханка.

— А я никогда ни одного мужчину не стану делить с другой женщиной!

— Дай Бог, девочка! Дай Бог, чтобы тебе не пришлось это пережить. Пусть для тебя это будет только песня,— Ханка сложила руки как для намаза и рассмеялась.— Концерт окончен! Благодарю тебя за дуэт, другарица! С тобой легко работается.

Милица в свою очередь поблагодарила Ханку и добавила:

— Я хочу быть похожей на вас. И стать лучше вас!

Ханка захлопала в ладоши:

— Ты станешь звездой! В тебе есть фарт!

— А разве теперь я не звезда? — удивилась Милица.

— Звезда, девочка! Но у тебя большое будущее: ты станешь мега-звездой для наших соотечественников по всему миру!

— Так и будет,— храбро ответила Милица и стала прощаться с Ханкой.

— У вас очень красивое колье,— добавила Милица.

— Хочешь, я подарю тебе его?— с готовностью ответила Ханка.

— Нет. Спасибо. У меня будет свое. И оно будет лучше этого,— Милица помахала Ханке и исчезла за дверью гримерной.

— Дай Бог, девочка. Дай тебе Бог,— прошептала ей вслед Ханка и пригубила вина из высокого фужера. Оглядела цветочное великолепие букетов.

— Мир вертится по прежнему благодаря людскому тщеславию,— сказала Ханка своему отражению в зеркале, встала, накинула палантин и пошла к выходу. Дома ее ждали два персидских кота и новая видеокассета с фильмом «Время цыган» обожаемого ею Эмира Кустурицы. Он в свое время говорил ей, что война не поделила их:

— Мы как были югославами, так и останемся, все остальное блеф.

Тогда она возразила ему, что в их жилах течет разная кровь. И он перестал ей звонить и приходить на ее концерты. СМИ называют его сербским националистом. А его фильмы говорят о нем как о космополите, исповедывающем общечеловеческие ценности. И за это Ханка любит его. За его огромный талант, поглощающий все остальное. Как море, которое выносит на берег осколки ракушек и останки кораблей. Но оно море.

– 16 –

В комитет комсомола влетела взбудораженная Ольга:

— Вот гад! Видите ли, он на концерт со мной идти не может! У него жена! Вот новость!

Лара картинно закатила глаза, встала из-за стола, обошла его и села на стол напротив Ольги.

— А ты не знала?

— Ой, вот не надо! Ты знаешь, о чем я! — отмахнулась Ольга.

— Вместо Саньки на концерт с тобой пойду я,— радостно сообщила подруге Лара.

— Ну да, а что еще остается,— Ольга направилась к выходу.— До вечера.

В конце рабочего дня во дворце культуры начался общезаводской смотр патриотической песни. Зал полон. На сцене, сменяя друг друга, выступают самодеятельные таланты. Лара поет в составе группы комсомольцев из семи человек. «Мы молоды и снова мы к подвигу готовы», летит в зал со сцены. Люди в зале подпевают, аплодируют. Жюри конкурса расположилось в первом ряду зрительного зала. Председательствует парторг завода.

После смотра все остаются на концерт популярной группы «Веселые ребята». В зале Лара садится рядом с Ольгой. Ольга шепчет Ларе:

— Хочу автограф!

Лара в ответ:

— Каак?

— Ты же комсомольский вожак, тире волшебник,— не унимается Ольга.

— Ладно, попробуем.

После концерта они проталкиваются к сцене, спускаются по лестнице вниз. Ольга открывает дверь в гримерку с сияющей улыбкой:

— Здравствуйте!

Из гримерки раздаются голоса:

— О, девочки! Заходите!

Ольга смело входит. За ней Лара. Красавчик — солист сидит на стуле, закинув ноги на гримерный стол. Оценивающе их оглядывает:

— Девочки, вы любите музыку?

Ольга подходит к каждому из музыкантов по очереди и дает им блокнот и ручку для автографа. Они улыбаются, расписываются в ее блокноте. Лара столбом стоит в дверях. Солист продолжает:

— А под музыку любите?

Ларе кажется, что она краснеет. Ольга уже направляется в сторону солиста, и он вальяжно добавляет:

— Ну давай я дам тебе автограф, а ты…

Ольга проходит мимо него к двери и перебивает поп-небожителя:

— А ваш-то мне и не нужен.

Они чинно выходят и слышат за спинами дружный хохот. Кто-то из музыкантов говорит:

— Вот она тебя сделала! Молодец, герла!

— Ты ж хотела его автограф,— тихо сказала Лара подруге.

— Да пошел он! — Ольга сложила блокнот и ручку в сумочку.— Кому показывать? Тебе? Так ты и так все видела!

Подруги засмеялись и заторопились в гардероб.

– 17 –

— Жизнь любой комсомольской организации во многом зависит от того, как работает комсорг,— Лара говорила с трибуны уверенно, бросая строгие взгляды в зал. Заводское партийное собрание всегда уделяло время докладу комсомольцев. Сегодня в докладе Лара бичевала прогульщиков, выпивох и не усердных комсоргов некоторых цехов и отделов. Легко апеллировала материалами двадцать седьмого съезда партии. Когда она закончила свою пламенную речь словами «Требование времени — перестроить стиль работы, проявив при этом активность», зал зааплодировал. Лара села в президиум на сцене вместе с парторгом и секретарем райкома партии. Через два часа уже все участники собрания смотрели в этом же зале новое кино под названием «Асса». Перед началом сеанса искусствовед уточняла пороки героев.

Ольга догнала Лару на выходе из дворца культуры и зашептала ей на ухо:

— Мне наша подружка Милица письмо прислала! Красивущую ручку шариковую и жевачку!

Лара повернулась к Ольге:

— А что она пишет про Мио? Они поженились?

— Как бы не так! Милица бросила Мио и теперь выходит замуж за миллионера-капиталиста!

— Тише ты,— одернула подругу Лара.— Пойдем уже прогуляемся, и ты мне все расскажешь.

Они отправились пешком до следующей остановки, и Ольга взахлеб рассказывала новости из письма Милицы. Лара слушала ее вполуха, вспоминая Мио на Солнечном берегу. Как жаль, что она никогда не сможет больше увидеть его. Ольга дергала подругу за рукав:

— Кончай грезить! Слушай внимательно. Я узнала у секретарши в райкоме комсомола, что нам на завод выделяют пять путевок в Чехословакию!

— И что?

— Ты совсем не соображаешь! Это твой шанс встретиться с Мио! В Чехословакии! Понимаешь?

— Угу. А ты понимаешь, что ничего не понимаешь,— Лара картинно закатила глаза.— Как он узнает, что я его там хожу и жду?

— Вопрос...— задумалась Ольга.— Может, через Милицу? Он же ей уже и не нужен.

— Типа, передай своего парня мне, раз ты нашла другого?

— Ну да. А что тут такого? Хочешь, я напишу ей?

— Не выдумывай! Вон лучше в кафе-мороженое зайдем.

Лара с Ольгой заказали по вазочке мороженого. Ольга хитро посмотрела на Лару:

— Может, по шампусику?

— Ешь мороженое. Сегодня без шампусика.

В тишине пустого кафе они съели мороженое из металлических, на длинных ножках вазочек и вышли на улицу. Когда Лара садилась в подошедший автобус, она обернулась и сказала Ольге:

— Напиши ей мой адрес для Мио.

Ольга радостно кивала и махала ей вслед рукой.

– 18 –

Милица смотрела на Мио и не испытывала никаких эмоций. Теперь он ей никто. Просто парень. Просто человек. Она выходит замуж за самого прекрасного, за самого фантастического мужчину на земле. Она уезжает к нему навсегда. Она смотрит на Мио, как и на многих людей, проходящих мимо нее в жизни.

— Деньги,— вздохнул Мио,— конечно, деньги. Милая, но деньги — это не сама жизнь. Динар ничто в сравнении с твоей улыбкой.

Милица пожала плечами и ответила:

— Моя улыбка стоит не один динар. И я люблю его не за деньги. Он подарил мне мир, счастье петь. А не искать музыкантов, не уговаривать организаторов. Он подарил мне возможность думать о более приятных вещах. Понимаешь? Я хочу думать о моде, о счастье, а не о динарах.

Мио пошел прочь по улице, по которой они когда-то любили бродить, взявшись за руки, целоваться под каштанами на этой улице и пить кофе в уличных кафе. Он уходил от ее слов, а не от нее. От нее он не сможет уйти. Никогда. Так думал Мио и вечером, и еще много следующих дней. Пока не раздался звонок телефона в его квартире.

— Мио? — звучал в трубке звонкий счастливый девичий голос.

— Да, я Мио,— в замешательство отвечал он.

— Это я, Лара! Я приехала в Прагу! Ты сможешь приехать сюда?

— Лара? Здравствуй Лара! — Мио вспомнил эту хрупкую русскую девушку со стальным характером, которая любила целоваться.— Я приеду! — спешно добавил Мио.

Лара назвала ему отель, в котором остановилась их туристическая группа.

Они встретились на следующий день на Карловом мосту. И это было как сон наяву. Они делали вид, что любуются Влтавой, а сами внимательно прислушивались к прикосновениям, к словам. Он ни разу за этот день не вспомнил Милицу. Он смотрел на Лару и верил, что перед ним его счастье. Невозможное счастье. Она уедет в Россию через неделю. И он вряд ли увидит ее еще раз. Он искал выход. Искал возможность быть вместе. И не находил. А вечером в его отельный номер позвонила Милица и спросила:

— Ты встретился с этой русской девушкой?

— Да,— без колебаний ответил Мио.

— Мой будущий муж имеет контракт в России на поставку и монтаж оборудования для газопровода. Поедешь туда работать? Мой жених готов оказать тебе всяческое содействие.

— Да! — Мио уже просто кричал в трубку, что он согласен.

Он ворочался всю ночь. Сон не шел к нему. Он видел лицо Лары. Прекрасное. Он благодарил Милицу и ее будущего мужа, который совсем недавно был его соперником. Он не знал ничего про Россию, про этот газопровод, про оформление документов. Он был готов ко всему. Такова любовь. Лара увидела его красные глаза.

— Ты не спал?

— Нет, милая. Я думал о тебе. Я думал о нас.

— Про то, что у наших отношений нет будущего? — грустно спросила Лара.

— Теперь это будущее у нас есть! Я скоро приеду к тебе в Россию. Работать по контракту! — возбужденно говорил ей Мио, целуя ее пальцы.

— Это невозможно?— удивилась Лара.

— Никогда нет ничего невозможного для того, кто любит! Верь мне, девочка! И я сделаю тебя счастливой! — запальчиво заверял Лару Мио. Потом они ели огромные картофельные драники и пили янтарное пиво в ресторанчике под мостом, на берегу Влтавы. Реки, которая видела на своем веку множество счастливых встреч и грустных расставаний.

– 19 –

Милица после концерта с местной почты звонила домой и сестра плакала в трубку, когда говорила, что отца больше нет. Его застрелили на митинге в Белграде. Вместе с предводителем «Красных тигров» Милошем Иветовичем. Милица сидела у телефона, положив трубку на колени, горько плакала. На похоронах отца она впервые встретилась с молодой певицей Радиславой, теперь молодой вдовой отважного Милоша. Их хоронили с воинскими почестями, которые переросли в стихийный митинг. И наутро по телевидению все смотрели кадры обстрела боснийских городов. Убийство ее отца и Милоша Иветовича стали последней точкой терпения сербского народа.

Она помнила, как восемнадцатилетней девушкой ездила с отцом и сестрой в Сараево помогать расчищать снег на олимпийских объектах. Много людей со всей Югославии съезжалось сюда, чтобы всем миром помочь сделать эту олимпиаду лучшей. И никто в ту пору не мог и представить, что все эти прекрасные спортивные комплексы, арены, новые отели разрушит безжалостная рука войны. Заберет тысячи невинных жизней по обе стороны баррикад. Развалившаяся федерация была бы похожа на рассыпанные бусы, если бы не рванула, словно кровавый фейерверк, на множественные осколки. И имя этой кровавой руке — национализм. Мир хотел предотвратить и изобретал эсперанто. Но каждый по-прежнему хотел говорить на родном языке. Так словенский спортсмен нес флаг Югославии на открытии олимпиады, а приветственную речь говорил не на официальном языке страны, а на своем родном словенском. Почему? Ответ прогремел через восемь лет. Началась Боснийская война и осада олимпийского Сараево. Национализм — словно снежный ком, который катился и увеличивался в размерах, крушил все на своем пути. Снежный ком возвеличенного национализма. Мир в одночасье утратил человеческое лицо, явив всем оскал бесчеловечности.

На похоронах отца Милица шла рядом с Радиславой. Красивая, уверенная в себе девушка. Такой и она была в ее возрасте. Но было в Радиславе еще что-то очень харизматичное. Милица слышала много разных разговоров о финансовых аферах при покупке гандбольного клуба ее мужем. Конечно же, партия сербского единства помогла в организации похорон и ее отца. Радислава, несмотря на молодость, почетный

председатель этой партии. Милица всегда уважала женщин, которые могли и умели что-то еще, кроме красоты и вокала. Если бы не разница в возрасте, возможно, они стали бы подругами.

Радислава повернулась к Милице и спросила:

— Мы сможем выпить вместе кофе завтра?

– 20 –

Сегодня комсомольцы завода едут собирать свеклу. В крытой грузовой машине тесно, все подпрыгивают на ухабах сельских дорог. Лара придерживает цветную сетку с термосом и бутербродами. Этот набор, состоящий из термоса с горячим чаем и бутербродов, есть у каждого. Выдергивать свеклу в тягучей полевой грязи под осенним дождем работа малоприятная. А вот перерыв с чаем и бутербродами, с шутками и анекдотами — это самая приятная часть программы помощи сельскому населению в уборке урожая. В конце дня рядом с термосами в сетки набивалась колхозная свекла. Натурпродукт был бонусом к тяжелой физической работе на холоде. Лара вместе с колхозным агрономом определила объем работы. Вокруг сыпались шутки в стиле «от забора и до обеда». На всех городских работниках были резиновые сапоги и штормовки или болоневые куртки. В поле дул сильный ветер. Перчатки резиновые одевали на шерстяные и сноровисто собирали свеклу в тарные ящики. Лара периодически покрикивала на тех, кто пытался отлынивать от работы. Все вздыхали и продолжали собирать свеклу. Чай пили здесь же на мокрой траве. Кое-кто прихватил с собой фляжки спирта с завода. Плескали по глотку в крышки от термосов, залпом выпивали и сюда же наливали чай. Лора сама пила только чай и делала вид, что не видит фляжки. Ольга же глотнула спирта, поморщилась и замахала у рта руками.

— А ты че хотела? Говна в Советском Союзе не делают! — хамовато подбодрил ее кто-то из мужчин.

Ольга демонстративно не подходила к Сане, хотя Яна с ними не поехала. В конце месяца на заводе всегда аврал. Цеха гонят план. Поэтому едут только инженерно-технические работники.

Пока ждали машину в обратный путь, пели хором песни. Ольга горланила громче всех и Ларе было понятно, что сей сольник исключительного для скучающего в сторонке Саньки.

Лара смеялась над Ольгиным вокалом и хлопала громко, когда та заканчивала одну песню и переходила к другой. Мужики уже не стесняясь пили спирт, занюхивая его рукавами штормовок вместо закуски. Анекдоты становились ниже пояса. Лара вздохнула с облегчением, увидев у кромки поля движущийся к ним грузовик.

— Товарищи! Собираемся! Не забываем вещи!

Все затолпились у двери кузова, помогая женщинам подняться, затем ловко прыгали через борт. Саня запрыгнул последним и сел между Ольгой и Ларой.

— С чего это? — повернулась к нему Ольга.

— Да ладно тебе!

Он приобнял Ольгу. Лара делала вид, что ничего не происходит. Расставаясь у грузовика, Лара бросила Ольге через плечо:

— Позвони мне вечером!

И Ольга потащилась вечером к телефону-автомату, потому что разговаривать при родителях с Ларой не хотелось. Она знала, что подруга снова будет корить ее за Саню.

—Не может быть! Какие танки?! — взволнованно кричала Ольга в трубку телефона-автомата.

— Оля, в Москве у Белого дома танки! — говорила ей в трубку Лара.— В нашей стране переворот!

— Ой, Ларчик, что же с нами теперь будет? — испуганно пискнула Ольга.

— Не знаю. Сегодня наш секретарь райкома вернулся оттуда из командировки. Так он в шоке. Кругом демонстрации, митинги! Ты можешь себе представить?

— Неет,— прошептала Ольга.

— Он говорит, что к нему бабка на улице подошла и как стала кричать: «Интеллигент! А хлеб где?» Ты можешь себе представить?

— Неет,— снова прошептала в трубку Ольга.

— Не забудь, завтра с утра в Красном уголке политинформация. К нам приедет секретарь райкома. Не опаздывай,— строго завершила разговор Лара.

— Как опоздать то,— вешая трубку на рычаг, шептала Ольга. У кабины телефона-автомата скопилась небольшая очередь из трех человек. Стоящая первой дородная тетка в красном вязанном берете фыркнула на Ольгу:

— С полюбовниками все не наговорятся!

Ольга обернулась к ней:

— Тетя, какие полюбовники? В стране переворот!

Тетка, заходя в кабину, ответила:

— Вот из-за таких распущенных и страну перевернули!

Дверь за теткой закрылась. Ольга пошла к дому, зябко кутаясь в наспех накинутый плащ.

– 21 –

Радислава шла по брусчатке столичной мостовой уверенно. Высокий тонкий каблук делал ее ноги бесконечными. Милица поставила чашку с кофе со следом своей вишневой помады.

— Здравствуйте, мадам Милица,— Радислава села за столик напротив нее.

— Кофе?— спросила Милица, собираясь позвать официанта.

— Нет, дорогая, я пью только горячий шоколад,— Радислава элегантно махнула официанту. Тонкие, но дорогие браслеты поблескивали на ее запястье. Черная кожаная куртка на черном шелковом платье выше колен. На шее массивный крест на массивной цепочке. Милица знала по слухам, что «Красные тигры» занимаются не совсем законным бизнесом, прикрываясь борьбой за свободу. Продолжатели дела легендарного Че Гевары не святым духом питались. В собственности у покойного мужа Радиславы была целая гандбольная команда и это кафе, в котором они сейчас сидели.

— Я твоя поклонница,— начала Радислава, сделав заказ.

Милица смотрела на нее и улыбалась:

— Добавь еще, что ты выросла на моих песнях.

Они обе рассмеялись.

— Так чего ты хочешь? — перешла к делу Милица.

— Ты снова уедешь в Вену, а я останусь здесь. Я всегда здесь. И в войне, и в мире. Мой муж погиб за свободу нашей с тобой родины,— пафосно заговорила Радислава,— Ты, наверное, слышала, что наша семья владеет гандбольным клубом? Так вот, я намерена его продать. Дорого. Твоему мужу.

Милица рассмеялась:

— Наша семья не ведет спортивный бизнес. Только концертный и телевизионный.

— Ты меня не поняла. Я продаю команду твоему супругу. Дорого. А эти деньги пойдут на отстаивание интересов нашего народа.

— Мой муж хорват. И он отстаивает интересы нашей семьи. Он космополит.

— А ты?

— Раскол Югославии — это моя боль. Шрам на всей моей жизни. Только всепрощение и любовь спасут всех нас,— печально ответила Милица.

— Ты неверно толкуешь Библию,— ответила Радислава, вставая из-за стола.— И ты предала свой народ.

Радислава не сказала ей «до свидания». Она просто пошла прочь от кафе по

брусчатке так же уверенно. Милица задумчиво смотрела ей вслед. Нет, она была другой в ее возрасте семь лет назад. Она была занята мужем и детьми. Она была счастлива. Впрочем, как и сейчас. Была ли Радислава счастлива с отчаянным парнем из «Красных тигров»?

Вечером в поезде на Вену она читала свежие газеты. Первая полоса словенской «Катедра» писала о домашнем аресте Радиславы из-за финансовых махинаций при покупке гандбольной команды.

Милица отложила газеты и смотрела в окно на мелькающие пролеты моста через Дунай. Вспомнила, как пела несколько лет тому назад с веселыми русскими туристками песню про Дунай. Вспомнила Мио. Как сложилась его судьба? Мост закончился, в окне полотном скользили пригороды Белграда, домики сел, поля. «Если бы я осталась с Мио, мы бы тоже были в рядах «Красных тигров»,— так думала Милица.— «И какое счастье, что этого не случилось».

– 22 –

Ольга с Ларой шли из кинотеатра по вечерней улице. Свет фонарей выхватывал снежинки предновогоднего снегопада.

— Теперь ты можешь поехать к нему! — уверенно говорила Ольга.— Все! Нет границ! Демократия!

Лара горько усмехнулась:

— Куда к нему? Я не знаю, где он живет. Я ничего не знаю о нем. В Югославии идет война. Бывает, что мечты не сбываются, подруга.

Ольга натянула шарф на подбородок. Мороз к ночи крепчал.

— Да... война. Какой ужас!— Согласилась Ольга.— Я напишу Милице письмо.

Новый год они встречали вместе. Заказали столик в ресторане. Пили шампанское, танцевали. Катались с ледяной горки на площади перед рестораном. Заливисто смеялись, стряхивая снег с пальто друг друга. Под утро разошлись по домам.

А через час ей звонила Ольга:

— Ларчик, ты только не плачь!

Лара аж подпрыгнула:

— Что случилось?!

— Я смотрела новости по телевизору и видела Мио!

Лара выдохнула:

— Не говори глупости!

А Ольга всхлипнула в трубке:

— Я видела... как его убили.

— Говори же ты ясней! — кричала Лара.

— В новостях показывали репортаж из Югославии. Война. Его показали крупным планом. Как он упал убитый…

Лара не знала, что и думать. Ольга фантазерка и это был не Мио. Почему? Он вполне мог воевать. Это его страна. Лара не уснула до утра. А когда заснула, видела во сне море, наполненное солнцем, и слышала голос, который шептал ей: «Прощай, милая».

– 23 –

Туристическую путевку в Белград Лара купила не так уж и дорого. Хотя ориентироваться в нынешних миллионах было сложновато. В самолете она сидела рядом с миловидной дамой, которая вспоминала, как в советское время, будучи студенткой Политеха ездила в стройотряд в Югославию:

— Кроме нас в лагере стояли отряды из Черногории, Сербии, Македонии, Словении, Хорватии, Албании и Польши. Утром мы работали до одиннадцати, а потом

после сиесты пели, танцевали, играли в карты, путешествовали по окрестностям Загреба. Какое-то бесконечное ощущение праздника, несмотря на жару и отсутствие удобств в наших бараках. Моя подруга сербка Фахрета очень увлекалась хиромантией и заглядывала по рукам в наше будущее. И почему то у всех наших боснийских друзей — мужчин линия жизни обрывалась очень рано. Мы тогда решили, что хиромантия это полная ерунда. А через три года началась война…

— А вы сейчас зачем туда летите? — спросила собеседницу Лара.

— Той подруге своей Фахрете помочь еду. Она боснийка. Вышла замуж за серба. Помогу ей переезжать на юг. Устали они от неустроенности. Бояться устали. Детки у нее.

— А виза? Разве за неделю можно успеть? — любопытствовала Лара, потому что у нее тоже была семидневная виза.

— Бог с ней, с визой! Назад все равно пустят,— махнула рукой женщина.— А ты будешь наслаждаться красотами Сербии?

Лара помялась и промямлила:

— Я жениха еду искать. Моя подруга в новостях видела, что он погиб. А я не верю. Может ранили. Или не он.

— Жених твой доброволец из России?

— Нет. Серб.

— Сложно...— задумчиво вздохнула соседка.— Поедем со мной в Вышеград! Моя подруга и ее муж помогут тебе. Одна-то ты как?

Лара с видимым облегчением выдохнула:

— Спасибо! А то у меня и плана не было четкого. Куда, как ехать.

– 24 –

Попутчицу Лары звали Надеждой. И для Лары ее имя стало символичным. В аэропорту они взяли такси и поехали в сторону Вышеграда. Мимо пролетали холмы и поля Шумадии, аккуратные города и поселки. Меж тем, равнины сменились горами. Проехали Ужицу и за стеклами замелькали туннели, обрывы, горные озера и монастыри. Леса были еще в зелени, хотя в России вовсю шел снег. Картины достатка и мирного спокойствия впервые нарушил пограничный контроль на Боснийской границе. Несколько мужчин с карабинами, в зеленых шинелях стояли у шлагбаума. За КПП пошли совсем иные картины: сожжены дома и целые села. Следы пуль на стенах, полное безлюдье.

Лара поежилась:

— Это война?

Надежда не успела ответить, как водитель сказал:

— Сами виноваты.

Они обе удивленно посмотрели на него. Но водитель молчал. Машина остановилась у большого аккуратного дома. Из калитки выбежала необыкновенно красивая длинноволосая блондинка и бросилась к Надежде на шею. Они обнимались, чмокали друг друга. Наконец обе обернулись к Ларе.

— Фахрета, познакомься, это Лара. Мы познакомились с ней в самолете.

Фахрета протянула Ларе руку и Лара непривычно пожала ее.

— Здравствуй! Я Фахрета Ячич, певица! Я боснийка, а мой муж серб. Но война здесь стала возможной между боснийцами и сербами. Мои родители были мусульманами. Мои брат и сестра мусульмане. А я приняла христианство, потому что мой муж православный.

Она говорила быстро, напористо, но с вселенской грустью.

— Пойдем в дом!

С ними вышли поздороваться четверо детей Фахреты.

— А где Петран? — спросила хозяйку Надежда.

— Здесь ему быть опасно. Он будет ждать нас завтра в Вышеграде. Я писала тебе, что мы переезжаем в Нови-Козяк, подальше отсюда. Это глушь, и о концертах пока придется забыть.

Лара удивленно посмотрела на Фахрету. Надежда и Фахрета рассмеялись.

— Фахрета Ячич известнейшая боснийская певица! — пояснила Надежда.

Потом они сидели за столом, ели тефтельки в соусе, выпили по стаканчику раки и закусили вяленой козлятиной. Ларе все показалось очень вкусным и острым. Надежда рассказала Фахрете про цель Лариной поездки.

— А в каком городе он жил?

— В Белграде.

— Милица давно живет в Вене с мужем. У нее двое детей. Но она часто приезжает сюда с концертами. Я даже разок пела с ней в одном сборном концерте,— рассказывала Фахрета.

Вскоре стали собираться. С наступлением темноты ездить здесь опасно.

— А где ваши вещи? — оглядела комнату Надежда.

— Я почти все уже перевезла. А с детьми ехать одной боязно. Не за себя. За них,— Фахрета нежно посмотрела на притихших малышей.

У машины, когда хозяйка ушла в дом за вещами, Лара спросила Надежду, неужели она прилетела сюда только за тем, чтобы доехать с Фахретой и ее детьми отсюда до Белграда.

— Год назад здесь у Фахреты похитили сына. Попросили огромный выкуп. Фахрета с Петраном отдали тогда все, что она заработала на эстраде. И этот дом теперь тоже уже не ее. Они оформляют рабочие визы в Америку. А пока поживут в Белграде. Там безопаснее.

— Господи! Как в средние века на Востоке, а не в Центре Европы в двадцатом веке! — ужаснулась Лара.

— А у нас? — хмыкнула Надежда.— Бандиты, рекетиры. Жить и у нас страшно теперь.

Лара согласно кивнула.

– 25 –

Через два дня они приехали в Белград. Фахрета договорилась со своей коллегой по сцене о встрече. Ее покойный муж участвовал в боях Боснийской войны и, может быть, она что-то слышала о Мио.

Радислава царственно их оглядела, снисходительно поздоровалась и, повесив сумочку на ручку стула, элегантно воссела. По другому это и не описать. Лара с Надеждой были очень смущены видом этой шикарной женщины.

— Радислава, моя русская подруга разыскивает своего сербского жениха. Он воевал с твоим мужем в «Красных тиграх». Его зовут Миодраг. Ты ничего не слышала об этом человеке? Подруга говорит, что он молодой и красивый.

Лара покраснела. Радислава без стеснения разглядывала Лару. Надменно улыбнулась:

— Что он в тебе нашел после Милицы? Хотя… Если бы она его любила, то тебе он бы уж точно не достался.

Радислава изящно достала сигарету из красивой, явно американского производства, пачки и продолжала:

— Но он не достался никому. Его застрелили муслики в Сараево.

Фахрета напряглась при слове «муслики».

— Он был настоящим сербом и погиб как герой,— Радислава закурила.

Все замолчали, лишь Лара всхлипывала и слезы катились по ее щекам. Надежда обняла ее за плечи и ласково гладила по волосам.

Радислава оглядела своих собеседниц:

— Есть еще вопросы?

Они отрицательно мотнули головами.

— Ну тогда я пошла. Прощайте!

Она удалилась также, как и пришла: эффектно и легко.

— Мне пора возвращаться,— всхлипнула Лара.

— И мне,— как эхо отозвалась Надежда.

— Спасибо вам, другарки, за помощь,— теперь слезы блестели уже и в глазах Фахреты.

– 26 –

Аэропорт в Белграде только в непогоду становится многолюдным. Сегодня же погода летная, солнце во всех огромных окнах аэропорта. Лара бесцельно бродит среди немногочисленных магазинчиков дьютифри. В парфюмерном бутике красивая ярко одетая женщина выбирает духи. Все продавцы окружили ее. Лара узнала в ней Милицу.

— Милица! Здравствуйте! Вы меня узнаете? — Лара спешит к ней.

Милица повернулась в сторону Лары, разулыбалась и, обращаясь к продавцам, сказала:

— Несколько лет тому назад эта русская красавица увела у меня парня!

Милица смеялась заразительно. «Как Мио»,— подумала Лара, а вслух сказала:

— Он погиб...

Милица перестала смеяться и удивленно вздернула брови.

— Его убили в Боснии,— пояснила Лара.

— Кто сказал тебе такую чушь?! Он давно работает в России по контракту! Ты разве не знала?

— Нет...

— Пойдем, выпьем кофе и поболтаем немного. На мой рейс в Вену скоро объявят посадку.

Лара не чуяла под собой ног. Она смотрела на Милицу во все глаза.

— Не могу сказать, что я рада тебя видеть, но в память о моих отношениях с Мио,— не совсем галантно начала Милица.

Да Ларе было глубоко плевать на ее отношение к ней. Важно узнать правду о судьбе прекрасного Мио.

— Радислава — подлая змея. Такая же, как и ее покойный супруг. Два сапога пара. Бандиты с большой дороги,— не скупилась на эпитеты Милица, после того, как Лара рассказала ей о своей поездке. Она отхлебнула ароматный кофе и, поставив чашку на стол, продолжала:

— Мой муж дал ему работу в России. Он в Сибири строит газопровод. Я спрошу у мужа контакты и пришлю для тебя Ольге. Как она с тобой дружит? Ты плохая другарка. Не сердись, но я честный человек и не умею лгать.

Объявили посадку на самолет в Вену. Милица заторопилась и сказала Ларе вместо прощальных слов:

— Спасибо за информацию о Фахрете Ячич! Я организую концерт для благотворителей в ее поддержку. Она талантливая певица.

Лара сидела за столиком с остывшим кофе и смотрела вслед Милице. Эта женщина вернула ей жажду жизни в очередной раз.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Асташкин
(г. Омск)

НЕУДЕРЖИМЫЙ

Журналист и писатель-прозаик. Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах и альманахах «Истоки», «Муза», «Невский альманах», «День и ночь», «Приокские зори», «Нива», «Крылья», «Северо-Муйские огни», «Голоса Сибири», «Складчина», «Литературный Омск». Автор 18 художественных книг. Дипломант областного конкурса «Лучший рассказ XXI века», лонг-лист международного литературного конкурса «Чистая книга» им. Федора Абрамова (2019), лауреат международного конкурса «Они сражались за Родину» (2020).

Он стоял возле приземистой ограды, орнаментированной приваренными к прутьям кольцами, в вылинявшей робе, с коротким седым бобриком, не по годам жилистый, и торжествующе сверлил своего молодого шефа выцветшими зрачками на задубленном солнцем лице.

— Читал мое вчерашнее заявление? — с явным удовлетворением спросил он у Михаила Вешкина.

Поняв по ответному молчанию, что успел-таки доставить неприятности директору станции юных техников, весомо добавил:

— Сегодня я занес второе заявление на счет тебя...

Полюбовавшись на произведенный эффект, присовокупил:

— А завтра напишу третье...

После этого он довольно отправился в сторону своего дома, по пути еще раз оглянувшись на паренька, которому годился в отцы.

«Да хоть рулон испиши»,— подумал ко всему привыкший Михаил. Эка невидаль. Дедку уже под семьдесят, на кружке почти всех детей поразогнал своими окриками. Уж помолчал бы, ему ли «выступать»?..

В коридоре Вешкин столкнулся с заведующей райотдела образования Валентиной Ивановной. Поскольку его лицо сводила саркастическая улыбка, проницательная заведующая по-свойски спросила у него, тоже с усмешкой:

— Уже в курсе?

— Петрович мне все в лоб выпалил, думал напугать детской выходкой...

— Что вы с ним не поделили? Строчит про тебя всякую галиматью...

— Обиделся, что не взяли в компанию, когда устанавливали станки в его кабинете.

— Понятно,— утолилось любопытство заведующей доходчивым ответом.— Не дали и ему подзаработать.

— Он же был в отпуске. Да мы и без него справились...

Неугомонный дедок Петр Петрович действительно держался «на честном слове» в Доме творчества, включающем в себя Дом пионеров со станцией «Юный техник» и музыкальную школу на втором этаже. На полную ставку руководителю кружка требовалось набрать по нормативам четыре группы по пятнадцать человек. Это было нереально, даже одну полновесную группу не наберешь при всем желании. Нынешних школьников трудно чем-то заманить. Михаил Вешкин не раз бывал на областной станции юных техников, сокращенно СЮТ, и там тоже на кружках раз, два и обчелся. Разные проверяющие истинную наполняемость прекрасно знают. Но кто соблазнится копеечной работой? Пенсионер, инвалид или вчерашний выпускник школы, которому надо где-то перекантоваться до армии. Пусть бы хоть аккуратно заполняли журнал посещений для блезира. Но Петр Петрович и этого не желал делать. Приходилось перед проверками вписывать за него фамилии школьников в графы и выставлять числа.

Последние годы дед увлекся садоводством. На окраине города, за трассой отгородил горбылем бесхозный участок. Поставил емкость, куда ему знакомый водовоз за литровку самогона раз в неделю сливал машину ишимской воды. Там он и ночевал в картонной халабуде, еду приносили толстоногие внучки-близняшки запионерского возраста, обитавшие у деда с бабкой — родная мамаша во втором замужестве ушла жить к новому суженому, потомство там мешало, вот и навещала дочерей от случая к случаю.

Осенью предприимчивый дедуля всегда с хорошим барышом: прямо на дому мешками покупают яблоки, да и бабка сидит на базаре каждый день. Что Петровичу эта доля за установку станков? Или думал, что без него не обойдутся? Взял и пошел на принцип...

Противостояние закончилось так же быстро, как и началось. Через несколько дней шантаж закончился. Заведующая просто сказала пенсионеру:

— Не нравится — пишите заявление...

Тот и накарябал его, думая, что еще будут ходить к нему с поклоном да уговаривать вернуться.

Теперь Михаила зажало нешуточным цейтнотом. Не найдет за считанные дни двух руководителей кружков на полную ставку — прикроют за милую душу его СЮТ, где он провел пять не самых плохих лет. По сути, это местечко ему нравилось больше всех остальных, где ему приходилось зарабатывать на хлеб насущный. А тут начались повальные сокращения. Только теперь люд разглядел во всей красе истинное лицо перестройки, поначалу казавшейся заманчивой. Она стала безжалостно сметать одно за другим не только мелкие фирмочки, но и незыблемые местные мастодонты: строительные и дорожные организации, автобазы с огромным парком транспорта. На ладан дышали молзавод, швейная фабрика и ремзавод.

Все это заменяла сплошная перепродажа. В опустевших помещениях открывали частные магазины, где на огромных витринах едва разглядишь несколько жалких жвачек, чупа-чупсов и сигаретных пачек.

Было такое ощущение, что весь установившийся уклад скоро ухнется в бездонную яму — вот это будет апофеоз! Не «милицанера», а хуже. Всего карточного домика Перестройки. Опять собственными руками все разрушим — до основанья. А затем?.. Кто был никем, станет трижды никем. А какой-нибудь пострел выловит в мутной луже целого кита...

Михаил решил посоветоваться с завхозом школы. Дядька матерый. Сейчас на нем висит ремонт всех помещений к новому учебному году. Может, что подскажет.

Сначала надо заглянуть на склад, где хранятся стройматериалы. А если завхоза там не окажется, придется шастать по всем корпусам, отыскивая по шуму, где сейчас орудует бригада шабашников.

До школы недалеко — выйдешь через дворы меж типовых двухэтажек — и сразу перед тобой растянувшаяся на целый квартал бывшая альма-матер, куда и он ходил. Михаилу повезло: завхоз разбирал какие-то бумаги у себя, где оборудовал уголок со столиком и парой списанных кресел. Краснолицый здоровяк, тертый калач. Себе на уме, однако сразу дал Михаилу «наколку»:

— Да вот тут рядом, в Школьном переулке живет один татарин с русской фамилией Захаров. Мастак. Как раз оказался не у дел. Он плотничал в ПМК-154. Организация занималась новым спортивным комплексом. Захаров сделал там всю резьбу на отделке. Это было просто чудо...

Вешкин слышал об этом необычном объекте, издалека виден арочный огромный ангар, покрытый листовым оцинкованным железом. Такого строения еще не знал райцентр. Близился день сдачи, а потом случилось непонятное. Недосмотрели, не подумали об охране. Детвора ночью сорвала хлипкий замок на двери и стала среди этих поистине царских покоев забавляться. Сделали коптилку на керосине и в конце концов устроили поджог. Все внутри выгорело дотла, а отвечать некому.

— Такая была тонкая работа, и все пошло прахом! — сокрушался деятельный завхоз.— Больше такой стройки не будет. Начался развал. Теперь растаскивают обгорелые листы с ангара все кому не лень. Захарову даже не заплатили за ту работу. Да ты, наверное, слышал, что он гонялся с топором за своим начальником вокруг конторы. За это и уволили. Тебе бы как раз подошел такой мастер для кружковой работы. Только ты не говори заведующей о его выходке. Он и к нам просился в бригаду хоть кем, но директор школы — жуткий перестраховщик, побоялся взять его.

Завхоз уточнил дорогу к дому краснодеревщика:

— По левую сторону напротив детсада увидишь дом, узнаешь его по воротам — на них тоже какие-то деревянные узоры. Да вот еще что. Говорят, он топтал зону. Но ты об этом тоже не говори заведующей, а то не допустит до работы...

Михаила покорежило от столь «радужного» известия. С такой биографией нельзя и близко подпускать к детям. Хотел даже пройти мимо этого дома, но ведь другого выхода нет. Хоть бы еще с годик продержалась их станция. Каждый раз ему приходится набирать новый штат. Правда, внезапно напросился вести у него кружок по дартсу давний знакомый Олег Крымов — гулена, ходок, каких свет не видывал. Не зря его прозвали в народе Крым-рымов. Лет пять назад он окончил пединститут. Его поставили завучем в интернате. Значит, турнули оттуда. И там завел шашни с преподавательницами. Как только терпит все это молодая жена? Бросила благоустроенный Кустанай и поехала за ним в эту дыру. Да куда ей деваться — ждет второго ребенка...

Еще согласился вести на полставки радиотехнический кружок другой знакомый — Семен Шумилов, начальник вневедомственной охраны, которую тоже сильно потрепало. Из-за массовой ликвидации контор и сторожа теряют работу. Именно этот хваткий Шумилов и предложил на пару установить новые токарные станки. Неделю потрудились — и еще одна зарплата в кармане. Михаилу пришлось долго вручную просверливать бетонную стену, чтобы напрямую запитать кабель от пакетника с той стороны. Все руки изорвал, орудуя ручками метровой трубки с приваренным сверлом. Петрович сам все время нудил: будут станки, тогда и детей можно заманить. А потом вместо благодарности неожиданно стал кляузничать. И на что надеялся?..

Еще у Михаила есть в сельских школах три трудовика, которые взяли часы технического творчества от СЮТ. Если согласится вести кружок резьбы этот Захаров, тогда станция уцелеет...

Так по дороге размышлял Вешкин, пока не утонул взглядом в вычурных воротах — на обеих половинках какие-то разноцветные резные клоуны. На стук в калитку

вышла сдобная женщина — смуглая, с усиками, тоже из земляков мужа. Взгляд ее был лишен малейших проблесков интеллекта, она являла собой распространенный образец придавленности бытом.

— Он как раз спит,— шепотом объявила она опасливо, узнав о цели визита незнакомца.— Ох, и не любит, когда его будят! Даже не знаю, что делать...

— Придется разбудить. Ему же нужна работа?

Вдвоем прошли в саманный домик скромных размеров и оказались в зале, где на диване прикорнул пегий от седовласости хозяин. Убранство было очень скудным, лишь на стене инородно красовалась трехсекционная полочка с резными дверцами в верхнем отсеке. Снизу были приделаны штыри, на которых висели свеженькие скалки, разделочные доски, еще не применявшиеся по своему прямому назначению.

Женщина поднесла свои телеса к дивану и стала аккуратно тормошить лежащего. Тот резко приподнялся на локтях и разразился бранью:

— Сколько раз предупреждал тебя! По зубам захотела, дурында?..

— Тебя зовут на работу,— стала оправдываться хозяйка.

Мужик недовольно откинулся на спинку дивана, протирая глаза. Только теперь он заметил в дверях постороннюю фигуру.

— Говорят, вы хороший резчик,— стал объяснять Михаил свое непрошеное вторжение.— Я директор станции юных техников, хотя это громко сказано. Вы бы нам подошли...

Мужик мгновенно переменился. Он резво нащупал ногами шлепанцы. Угодливо сгорбился перед незнакомцем, щетинистый, малорослый. Подобострастие в глазах.

— Извините, а чем там занимаются?

— Вы могли бы открыть кружок резьбы по дереву. Зарплата, правда, так себе, но зато особо не перерабатываемся. Вот я вижу на стене — гарнитур под старину. Ваша работа?

— Балуюсь помаленьку,— закивал головой хозяин, улыбаясь железными зубами.

— Покажи ему и шкатулку,— засуетилась супружница.

Плотник юркнул в спаленку и вынес небольшой лаковый ларец, весь ребрящийся ромбиками резьбы.

— Такое не купишь ни в одном магазине,— оценил Михаил тонкость работы.— Я как раз недавно видел в культтоварах набор резцов...

— Это дешевка, если не сказать хуже,— сморщился Захаров.— Ими невозможно работать — сразу тупятся. У меня свои резцы.

Седовласый оставил ларец на диване и взял с подоконника фанерную коробку, в которой звякнули железяки.

— Вот какой у меня инструмент! Выточил из полотен, которыми пилят рельсы. Только такая сталь годится.

Резцы были очень замысловатой формы, двусторонними, похожими на раскрытые крылья птиц. Вместо ручек обмотки синей изоленты.

— А из какой древесины режете? Не из сосны же...

— Липа. Только липа...

— А где ее достанешь в наших краях? Даже не представляю...

— Пойдемте, что-то покажу в сарае, у меня там мастерская,— загадочно произнес мастер.

Во дворе рядом с сараем была сделана пристройка. Там стоял верстак, а в углу высился целый стеллаж ровненьких досточек по полтора метра длиной, без единого сучка.

— Я разглядел эти рейки на складе в ПМК. Там даже не догадывались, что это за ценность, думали осина, балбесы. Я не будь дурак, потихоньку все до одной рейки перетаскал домой, а то бы сколотили из них штакетник. Слишком жирно было бы. Этого мне надолго хватит. Можно наделать целую кучу шкатулок.

Начальник СЮТ посмотрел на часы.

— Еще полтора часа у нас есть. Давайте прямо сейчас сходим на станцию, покажу кабинет, где будете полным хозяином. А потом — к заведующей. Надо срочно заполнить штатную ведомость, чтобы утвердили в области.

Хозяйка опять встряла в мужской разговор:

— Ильяс, может, наденешь пиджак?

— Буду я еще выряжаться! — опять вспылил плотник.— Не праздник...

И добавил уже для Михаила:

— Что возьмешь с бабы, кроме анализов. Волос длинный, ум короткий...

Хозяйка проглотила незаслуженную пилюлю, видно, привыкла к такому обращению. Захаров только накинул на себя спецовку.

— Давайте захватим шкатулку, покажем заведующей,— сообразил Вешкин, зная: рано или поздно заведующей шепнут, что у нового руководителя кружка криминальное прошлое. Надо подсуетиться.

На станции Захаров деловито осмотрел токарные станки. Брезгливо подержал в руках прилагавшиеся к ним резцы с деревянными ручками.

— Я сделаю получше — из плоских напильников. Здесь же выделяют средства на инструмент?

— Конечно, я все закуплю, составьте список.

Отправились к заведующей,— к концу рабочего дня даже удобней, наверняка она уже не занята. Валентина Ивановна оказалась одна в кабинете.

— Вот, нашел кудесника! — с порога возгласил Михаил, подталкивая вперед жмущегося плотника.— Продемонстрируйте-ка свой шедевр...

Захаров на полусогнутых подсеменил к заведующей и стал суетливо разворачивать газетный сверток.

— Вот, оно...

Красноречием он не отличался.

— Боже мой! — всплеснула руками Валентина Ивановна, увидев переливающуюся лаком и подрумяненную морилкой шкатулку.

Ее владелец открыл крышку, внутри вещица была отделана бордовым бархатом. Поставил ее на стол перед заведующей и угодливо отошел назад, комкая в руках газету.

— Вот...

— Так что это, подарок? — она не верила своим глазам, не имея сил отказаться от такого неожиданного и вроде бы незаслуженного презента.

Захаров помялся и что-то утвердительно гукнул; видно, ему самому только что спонтанно пришло в голову подарить свое изделие хорошему человеку.

— Вот это да! Спасибочки!

Валентина Ивановна перевела взгляд на директора СЮТ.

— Помогите ему написать заявление и пусть секретарша зарегистрирует...

* * *

В сентябре Михаил Вешкин намалевал на ватмане приглашение записываться на кружки: дартса, радиотехнический, резьбы по дереву и фотодело, который вел сам. Сходил в школу и прикрепил кнопками лист на стенде объявлений.

Буквально через пару часов на половину СЮТ зашла директор Дома пионеров, почти ровесница Сауле Талгатовна и приватно известила коллегу, что его плакат сняла со школьной доски завуч, занудная старая дева: «Нечего здесь распоряжаться чужакам!» Валентина Ивановна такое бы не поощрила, но Михаил не любил ввязываться в контры с женщинами. В таком случае придется пройтись по шестым-седьмым классам, чтобы сагитировать кого-то на кружки.

Михаил мобилизовал Крымова и Захарова походить по классам, желательно не попадаясь на глаза вездесущему завучу, иначе и здесь вдохновится на препоны. Все учителя в школе были знакомы, не бранились, когда троица вваливалась в класс посреди урока, и разрешали сделать объявление. Крымов демонстрировал подросткам дротик дартса, а Захаров зеркальце в резной рамке с ручкой вполне музейного вида. Детвора почти всем скопом бездумно поднимала руки, записываясь в кружки. Вешкин на ходу записывал в блокнот фамилии, называл дни и часы занятий. Пусть в Дом творчества явится лишь треть из записавшихся — и этого будет достаточно.

Поначалу детвора действительно стала после уроков со своими портфелями заскакивать в Дом творчества. В кабинете Крымова слышались хлопанья по мишени оперенных дротиков. Захаров тоже занимался делом. Он склеил, зажав винтами в стусле, новую заготовку для шкатулки. Выдержав какое-то время, освободил ее и стал расчерчивать на ней карандашом под линейку узоры, а кружочки выводил циркулем. Детвора, сугубо мальчишки, обступала его, сидящего у верстака на стуле. Он давил резцом по черте, глубоко вгрызаясь в древесину. Резал не от себя, а на себя. Михаил невольно ежился: если так попробуют действовать ребята, могут по неосторожности поранить себя.

Мастер на глазах за полчаса покрыл резьбой одну сторону шкатулки. На ее углах не было шиповой связки, планки соединялись проще — в два ножовочных пропила вставлялся кусочек деревянной линейки, а когда клей подсыхал, резцом срезали выступы. Корпус шкатулки становился прочным, резьбой можно было покрывать и углы.

На следующей неделе все бока шкатулки пестрели геометрическими узорами. Захаров приготовил из более толстого куска липы два бруска, по всему периметру срезал на них полсантиметра с краев. В центре оказался выступающий прямоугольник, ровно входящий в пустые места заготовки — дно и крышка. Посадил все это на клей и зажал в верстаке. На очередном занятии разрисовал узорами крышку. В центре был круг в виде солнца с расходящимися конусами лучей. Донную часть обработал резцом только сбоку.

— А как она будет открываться? — недоумевали школьники.

— Глядите, неучи! — подстрекнул их довольный вниманием Захаров.

Взял лучевую пилу и отпилил верх шкатулки, отступив от крышки на сантиметр. В этом месте среди узоров оставалась свободная полоса. Теперь крышка просто снималась. Руководитель вынул из кармана спецовки маленькие навесики.

— Теперь осталось врезать эти штуки.

— А по-другому нельзя делать шкатулку? — кто-то надеялся на более легкий вариант.

— Если делать крышку отдельно, очень трудно ее подгонять,— щедро раскрывал свои секреты плотник.— Получится шире или уже, а то и наперекосяк. А так все идеально подходит...

Намедни Захаров покрыл шкатулку вишневой морилкой, разведя в воде горсточку бордового порошка. На очередном занятии объявил:

— Теперь можно покрывать лаком.

И заработал мелкой беличьей кисточкой, тщательно на три раза промазывая все углубления. Когда лак просох, прошелся везде шкуркой-нулевкой, убирая поднявшийся ворс. Потом стал той же кисточкой прохаживаться по изделию растворителем.

— Зачем? — опять кто-то не понял таких действий.— Смоется лак...

— Чтобы блестело, господа прогульщики! — поучающее откликнулся старикашка.

И действительно — шкатулка засияла при свете электролампочки под потолком.

Даже Михаил подивился, насколько замысловата технология изготовления. В школе одноклассники на трудах выпиливали шкатулки из магазинных фанерных наборов, но это такой примитив! А у этого умельца можно перенять между делом массу секретов.

На заключительном этапе Захаров попросил на кружке кройки и шитья Дома пионеров обрезки плотной ткани. Его щедро снабдили лазурным бархатом — то что надо!

Кружковцы думали, что каждому из них на занятиях сделают по шкатулке, но руководитель быстро охладил их пыл.

— У вас есть дома липовые доски? То-то! Можно, конечно, резать из осины или клена, но такая древесина гораздо тверже, замучаешься давить резцом, и со временем дерево может покоробиться, изойти трещинами.

И добавил скорее для находившегося рядом начальника:

— Свой материал не могу разбазаривать. Сейчас начну делать для областной выставки этажерку, на нее тоже немало уйдет реек из моих запасов...

Детвора заметно приуныла, пришлось вмешаться Михаилу:

— Тогда, может, детишкам заняться разделочными досками — маме в подарок...

— Это дело,— подхватил мастер и скомандовал кружковцам: — Ищите дома березовые доски. Отпилите нужный кусок, только без сучков. Здесь обстругаем и сделаем все остальное...

Ребята принесли нужные доски, кроме одного мальчишки, который жил в пятиэтажке, и у него не было сарая с дровами и досками. Захаров выудил из своих запасов кусок многослойной фанеры и нанес на него контур разделочной доски. Протянул пацану:

— Вот, отпиливай лишнее, балбес, только, поосторожней...

Ножовка у него была так тщательно заточена, что сама вгрызалась в древесину.

Школьники не обижались на то, что наставник все время величает их недоумками. Он же не всерьез...

* * *

Захаров в течение месяца сделал прелестную этажерку с разными отсеками и ящичками. Высший пилотаж! На итоговой выставке «с разгону» оценят высшим баллом.

Про его искусство уже прослышали, и однажды в мастерскую забрела технолог общепита разбитная разведенка Баженова, являя собой очень лакомый кус — в расцвете сил, яркая без всякой косметики. Михаил заметил: как только на горизонте появляются фемины, у Захарова неестественно разгораются глаза — наверное, истосковался по женщинам во время длительной отсидки, недобрал своего. А Баженову он просто поедал взглядом, тем более что она явилась именно к нему. Месяц назад разнеслась по городку весть, изрядно позабавившая обывателей. Заведующий общепитом вез Баженову и ее подругу с какой-то загородной пирушки, устроенной в рабочее время, и на полном ходу врезался в первый же городской столб, безбожно смяв капот своей легковушки. При этом подруга Баженовой сломала ключицу. Незамедлительно подъехали сотрудники ГАИ и разглядели, что завобщепитом в изрядном подпитии. Так все тайное вылезло наружу. История умалчивает, устраивала ли разборки жена общепитовца. Однако сейчас Баженова выглядела вполне невозмутимой.

— Дружище,— по-свойски подкатила она к Захарову, зная цену своей неразменной привлекательности,— я слышала, ты штампуешь разделочные доски. Мне как раз нужна одна для ресторана.

Захаров не спешил с ответом, чтобы его хорошенько поупрашивали.

— Что? — не поняла она его заторможенность.— Думаешь, я бесплатно? Я заплачу.

— Гусары с женщин денег не берут,— попробовал пошутить Захаров с прозрачным намеком.

— Да ладно тебе! — заученно отговорилась гостья, пылая спелым румянцем на щеках.— Ты уже возрастной...

— Старый конь борозды не портит,— опять потянуло старичка на примитив, более оригинального он не мог сходу придумать.

— Ну, не ломайся,— напирала раскрасавица.— Я знаю, у тебя есть в запасе...

Захаров игриво затопал в угол походкой крадущегося кота, приговаривая на каждом шажке «Ох, ох, ох...» Выудил из своего тайника разделочную доску небывалой ширины — и где он только раздобыл такой массив? Той же перекачкой подошел к разведенке, поднося дар. Выглядел он перед ней очень куце, так как был ниже на полголовы и не таким упитанным. Баженова протянула деньги, но он с брезгливым видом отстранился, делано поморщившись. Михаил, оценив его дурость, кивал со стороны: бери, бери! Но тот решил покрасоваться на славу.

Баженова довольной ушла восвояси. Михаил не выдержал:

— Ну и напрасно не взяли деньгу. Больше от нее ничего не дождетесь...

— Посмотрим...

— Она гуляет только с начальством. Это ее фишка. Так что все бесполезно...

— Тогда я сделаю ей шанкир,— в который раз употребил Захаров непонятное словечко, нахмурившись. Михаил не стал уточнять, что это такое, наверное, тюремный жаргон.

Стали уже задерживать зарплату. Михаил удивлялся непрактичности своего работника, которого называл просто Захарыч. С его золотыми руками другой бы озолотился, а у него все идет не впрок. На днях начальника СЮТ отправляли в область на недельные курсы. В гостинице он познакомился с двумя пронырливыми людьми, которые открыли кооператив по ширпотребу. Он рассказал им про своего умельца, те сразу заинтересовались.

— Пусть наделает шкатулок и разного прочего, чтобы поместилось в фургон «Москвича-пирожка». Мы же не поедем из-за двух-трех шкатулок. Вот наш адрес и телефон. Звоните, условимся о цене,— которая устроит вашего работника и по которой мы реально сможем реализовать товар.

Когда Михаил поставил об этом в известность Захарова, тот вместо делового разговора начал выделываться:

— У них есть миллион долларов?

И приподнял с пола свою завидную этажерку.

— Такому место лишь в музее!..

— Захарыч, давайте поближе к реальности. Может, и я подключусь, вместе подзаработаем.

Но он так и не сказал ничего вразумительного. Зато вскорости стал хамить из-за длящейся задержки зарплаты:

— Не можешь пробить. Какой тогда ты начальник?..

А поначалу величал его по имени-отчеству: Михаил Иванович.

— Я и сам в таком же положении,— оправдывался Михаил.— В кассе немного ссужают остронуждающимся...

— А мы не нуждаемся? — упорно твердил Захаров.

Сам же взял и просто так, что называется от балды, отдал разделочную доску, да еще такую редкостную. Баженова не промах девица. Возьмет в хозмаге липовый счет, оформит эту доску и присвоит себе чужой заработок.

А с этажеркой и вовсе произошел казус — глупее не придумаешь. Собираясь домой на обед, Михаил заглянул в приоткрытую дверь мастерской и увидел, что Захаров демонстрирует какому-то барыге свою этажерку. Подумал, торгуются. Ну и ладно, пусть хоть что-то заработает, меньше станет ворчать...

После обеда директор застал в мастерской дивную картину: Захаров мертвецки спит прямо среди стружек, на верстаке опорожненная бутылка водки, остатки закуски. «Налакался! — поморщился Михаил.— Обмывал что ли продажу...»

Быстренько закрыл на ключ комнату и пошел в свою фотомастерскую. К нему

тоже стало все меньше и меньше ходить кружковцев. Он специально устраивал фотосессии, чтобы у школьников была хоть такая заинтересованность. Тут же проявляли пленку, сушили ее под настольной лампой, чтоб побыстрей. Садились за фотоувеличитель, делали карточки. Ребятам не терпелось взять домой свои фотки, они лишь слегка прополаскивали снимки после закрепителя, забрызгивая панели, и тут же к глянцевателю. Сколько ни предупреждал руководитель кружка, что такие отпечатки очень быстро пожелтеют, ничего не помогало — ребята лихорадочно торопились, словно сделать снимки — все равно что быстрее всех пробежать стометровку.

Потом и вовсе стали являться на кружок по два-три человека.

— Остальные сказали, что больше не будут ходить...

В первый год работы Михаил набрал такую классную группу! Спаялись, летом даже брали палатку, садились на велосипеды и ехали полевыми дорогами на озеро Копытное за пятнадцать километров. Вот это была компания — веселая, с юмором! Брал ребят с собой на областную выставку, разок они даже попали на передачу местного телевидения. Теперь эти ребята в выпускном классе — им не до кружков. Да и всему научились уже, свободно фотографируют, без подсказок.

Через пару часов Михаил отпер мастерскую. Захаров по-прежнему похрапывал на полу. Стал тормошить его.

— А? Что? — взметнулся он недовольно, словно был в своем доме.

Проморгался и понял, что все-таки на работе в таком непрезентабельном виде.

— Что ж вы так, Захарыч? Хорошо хоть никто этого не увидел...

— А где моя этажерка? — оглянулся он вокруг себя.

Его изделие действительно исчезло.

— Я думал, вы ее продали...

— Где этот мужик? — вскочил на ноги Захаров. Выбежал на улицу, заглянул за угол Дома творчества. Михаил ходил следом за ним.

— Ты не знаешь его? — растерянно спрашивал Захаров.

— Я думал, вы знакомы. Ну, тогда ищи ветра в поле...

Хитрый мужик подпоил Захарова и унес этажерку, хотя через дорогу сверкал одинарными стеклами в алюминиевых рамах новый трехэтажный корпус милиции. Скорее всего, хват ушел дворами...

* * *

После этого случая Захаров начал срывать злость на кружковцах: постоянно одергивал их, передразнивал. Вскоре стал пропадать инструмент. После занятий недосчитывались многого. Первым делом испарились надфили, которыми школьники обрабатывали разделочные доски и другую мелочь. Их легко можно спрятать в карманах. Потом дело дошло до напильников, на глазах таяла наждачная бумага. Директор СЮТ посоветовал записывать, что кому выдано, а после занятий делать сверку. Но и это не помогало. Кто-то отправлялся на улицу якобы «до ветра», а потом не возвращался. Вместе с такими ловкачами исчезали очередные напильники, пилочки, плоскогубцы,— не будешь же каждого обыскивать.

— Да они ходят сюда лишь для того, чтобы что-то спереть,— возмущался Захаров, прохаживаясь по опустевшему кабинету.

Такого раньше действительно не было. Наступали другие времена, когда с телеэкранов стали внедрять в сознание, что теперь каждый сам за себя, а за место под солнцем надо бороться со всей изворотливостью. И сам городок подавал заразительный пример: деятельные индивидуумы приватизировали не только государственный транспорт, но и целые здания.

От Захарова теперь чаще несло сивушным душком, он стал не в меру раздражительным. На кружке дартса тоже воцарилось затишье. Школьники сами накупили

дротиков и упражнялись в меткости уже у себя дома. Крымов беспечно разводил руками, видя недовольное лицо директора станции.

— Могу водить с собой сынка для блезира — вроде, тоже кружковец...

— А то не видно, что он еще не дорос до школы...

— Буду говорить, что он вундеркинд,— посмеивался ловелас.

— Посмотри, на вязальном кружке всего пять-шесть человек, одни и те же лица, но я никогда не видел, чтобы хоть одно занятие было пропущено полным составом. Хоть кто-то да сидит...

— То девочки, они всегда сознательней...

Однажды Крымов подманил пальцем своего шефа-дружбана и с таинственным видом спросил вполголоса:

— Ты хоть знаешь, за что парился твой хваленый мастер?..

Михаил внутренне сжался: ну, сейчас выдадут! И — точно:

— За убийство своей жены.

— Вот это да!..

— Наверно, Валентина Ивановна еще не в курсе,— догадливо протянул Крымов, с сочувственным лицом демонстрируя собеседнику свою полезность.

— Ты хоть пока никому не трезвонь. Надо продержаться этот год. Сам видишь, что сейчас творится. Придумали хитрое слово оптимизация — и давай сокращать каждого второго...

От нечего делать втроем собирались у Захарова послушать его тюремные байки. Он действительно частенько выдавал настоящий эксклюзив из запроволочного специфического быта.

— На «химии» я был в Альметьевске, это у нашего брата — у татар. В основном строили дома. Иногда шабашили у частников. Которые пощедрее, тем все делали на совесть. А попадались такие жлобы! Не хотят платить, и давай придумывать разные отговорки. Но таких мы могли здорово проучить — век будут помнить. Можно сделать так, чтобы в доме всегда отдавало тухлятиной, а хозяин не докопается, от чего это.

— Как? — живо настораживался авантюрный Крымов, видимо, жаждая пополнить свою копилку, вдруг пригодится на жизненных росстанях.

— Когда штукатурим, замуровываем в углублении яйцо, а потом шилом протыкаем в том месте дырочку. Яйцо протухнет, и потянутся невыносимые вонизмы...

Михаил с Олегом переглянулись: додумался же кто-то до такого трюка! Наверное, не от хорошей жизни...

— А еще можно сделать так, что печная труба будет выть — хоть уши затыкай. Одному жлобу мы сделали фирменный подвох, чтобы он не мог как следует протопить дом. В подвальных стенах оставили хитрые щели — не напрямую, а зигзагом, чтоб не светилось. Можно и в кирпичной кладке такое сотворить. Жмотов учить надо, правильно я говорю?..

Слушатели согласно поддакивали.

— Вот директор Карамов прихватизировал целый ремзавод. Почему не мне или слесарю Иванову-Петрову он достался? Специально обанкротили завод, сократили рабочих и давай дербанить. Мне сказали, что сейчас Карамов под шумок грузит заводские станки на платформы и отправляет в Казань. Видно, туда решил махнуть. По какому праву все ему одному досталось?..

Захаров аж скрипнул зубами.

— Жил бы поближе, я бы ему устроил. Подложил бы что-то в бензобак, чтобы через полчаса жахнуло...

Он вскочил со стула и нервно зашагал по мастерской, пиная стружки.

— Ничего, настанет время, и этих олигархов будут подвешивать на березах вверх ногами...

Его ненависть к нуворишам не знала границ. Подбежал к шкафу, выудил железную фляжку и хлопнул стаканчик мутного зелья.

— Захарыч, не в рабочее же время! — возмутился для порядка директор СЮТ.

— Ильяс Батькович! — подмигнул Олег шефу.— Между нами, здесь все свои. Нам интересно, что у вас произошло с первой женой? Если в лом, можете не говорить...

— Как что? — встрепенулся он и добавил почти плача: — Загуляла на всю катушку, а мне — убивай?..

Словно жаловался, что ему пришлось совершить такое.

Вешкин с Крымовым потихоньку исчезли из мастерской и опомнились в кабинете напротив, где на стене висела побитая мишень для дартса.

— Да,— протянул Олег, давая понять, что он не возводил напраслину на плотника, и дальновидно добавил: — Он когда-нибудь тебе сделает!..

Директор не знал, что и сказать. Крымов усмехнулся:

— Я вижу, у тебя работают одни...

Он затруднился с подбором синонима к просящемуся диагностическому слову.

— Я понял. Да разве найдешь нормального на смешную зарплату? Один шустряк, да ты его знаешь, Мухортов, в прошлом году навязался вести радиотехнику. Я чувствовал, что толку не дождешься. Потом его призвали в армию, и он напоследок унес домой музыкальный центр. Я ему по-хорошему: верни! С меня бы высчитали недостачу. Увиливает. А когда ему пришла повестка из угро, сразу прибежал. Мол, зачем так, мама расстроилась. А как еще с такими?..

— Он так и не пошел служить, наверно, отмазался,— вставил всезнающе Крымов.— А еще у тебя вертелся этот сынок инспекторши финотдела, редкий бездельник...

— Он нигде не хотел работать. Мамаша привела его, упросила взять. А он пару раз показался и надолго исчез. Думал, просто так будут давать зарплату. Уволил его, а мамаша оскорбилась и устроила проверку. Ходили, считали детей. А потом этот Петрович устроил бучу. И так каждый раз, только и жди от кого-нибудь сюрприза...

* * *

После Нового года Крымов бросил свой осиротевший кружок и подался в предприниматели — собирать металлолом на заброшенных предприятиях. Михаил боялся, вдруг до Валентины Ивановны дойдет новость, что у Захарова тяжелая статья, несовместимая с такой работой, но ее внезапно положили в областную клинику на операцию. Мало кто знал, что она уже проходила химиотерапию и облучение по поводу онкологии.

В Дом творчества стал заглядывать муж заведующей Валерий Сергеевич, который был в том же РОНО инспектором по трудовому обучению. Простодыра, немного напоминающий киношного Шурика в очках. Забавно было наблюдать на планерках, как Валентина Ивановна выслушивает отчеты сотрудников о проделанной за неделю работе, в том числе и его. Он, как школьник, вскакивал за общим столом и тараторил, называя свою жену по имени-отчеству. Она его так же на полном серьезе, словно дома все это не обговорили со всех сторон. Теперь он, единственный мужчина отдела, искал возможности выговориться в мужской компании. От него и узнавали о положении дел.

— Вчера Валентине Ивановне ампутировали часть прямой кишки...

Все понимали, что это означает такая сложная операция. Пациенту выводят кишку на животе, и всю оставшуюся жизнь придется ходить с упрятанной под бельем резиновой уткой. Вряд ли такой человек сможет остаться на руководящей должности.

Но Валентина Ивановна вернулась на свой пост. Выглядела она довольно бодро, проводя совещание с директорами и завучами школ в актовом зале Дома творчества. Михаил замечал, что все присматриваются к ее фигуре и одежде, но не было видно никаких изменений. Вот и славненько! Еще поработает. Такие специалисты, что на-

зывается, штучны. Она все решала по справедливости, юлить перед ней себе во вред, лучше говорить начистоту, она всегда поймет и поступит правильно...

В школах и во внешкольных учреждениях начались массовые проверки. Значит, готовилась очередная оптимизация. Ищут слабые звенья, а это в первую очередь — наполняемость кружков. Ясное дело, что сократят СЮТ, если даже огромный ремзавод приказал долго жить.

Хорошо хоть всех заранее оповещали, куда сегодня направят стопы областные проверяющие. Михаил сообразил сходить на большой перемене к школе. Собрал во дворе пацанов средних классов и пообещал показать видеофильм, если те придут после занятий и разойдутся по кружкам, делая вид, что занимаются. В городке мало пока было видеомагнитофонов, и ребятня клюнула на это.

После обеда Вешкин принес из дома видак, выпросил у Сауле Талгатовны телевизор, объяснив ситуацию. Проверяющие убедились, что дети присутствуют, однако не везде ведутся журналы посещаемости. На станции они действительно давно не заполнялись. После ухода комиссии детвора собралась в выставочной комнате СЮТ, как самой большой. Старые модели Михаил упрятал в кладовку, зная, какая участь их может ожидать.

После просмотра боевика «Коммандо», который закончился уже в нерабочее время, Михаил обнаружил в комнате настоящий погром, иначе это и не назовешь. Все декоративные элементы и ручки были выковыряны с облицовки серванта, пол усеян толстым слоем семечной шелухи. Какой-то умник специально на протяжении всего сеанса посылал плевки в одно место, отчего образовалась вызывающе огромная пенная лужица. Прямо в книгу рекордов Гиннеса! Если все это увидит техничка, она откажется убирать, да еще и нажалуется заведующей.

Пришлось директору самому браться за веник и выметать мусор. Особенно противно было ликвидировать наплеванное. Оказалось, что и стенды с фотографиями исписаны неприличными словесами, а на том, где были приклеены разноцветные прямоугольнички-упаковки от различных видов фотопленки, в том числе и импортной, сорваны самые красивые и редкие, чего не бывает в продаже. Михаил все это выпрашивал в разных лабораториях.

После такого Вешкин утвердился во мнении: да пусть закрывают станцию! Она больше не нужна, раз пошла такая молодежь. Прежде все вытягивались по струнке перед взрослыми, а теперь творят, что хотят, и ничего нельзя возразить — сам окажешься виноватым. Он сам от себя не ожидал, что окажется в стане пессимистов.

* * *

В марте должна была состояться областная выставка технического творчества. На сей раз в створ рыночных отношений ее решили сделать коммерческой — кое-что пустить на продажу, чтобы и внешкольные учреждения приносили хоть какой-то доход.

Захаров для своей жены потихоньку делал электрическую прялку. Это было заковыристо, так как он действовал не по чертежам, а на глазок. Увидел у кого-то, перерисовал узлы и решил скопировать. Сам вытачивал из дерева кругляши и шкивы с углублениями на ребрах для натягивания шнуров.

Когда прялка вчерне была готова, пригласил шефа и директора Дома пионеров, чтобы продемонстрировать свое умение и в этом. Он даже запасся куском шерсти. Сауле Талгатовна восхищенно затараторила:

— Ой, какая вещь! У нас ножная, уже древняя, скоро рассыплется. Мамаша постоянно вяжет носки. Неплохо бы иметь такую дома...

Захаров включил прялку, она затарахтела, задвигала мослами. Он хотел сам попробовать спрячь несколько витков, но директриса азартно сунулась вперед.

— Дайте я попробую...

Присела на маленькую табуретку возле прялки, попыталась скрутить нить пряжи, но не тут-то было. Прялка тянула руку вместе с пряжей, всякий раз обрывая нить. Сколько ни пыталась директриса приноровиться, совершенно ничего не получалась.

— Захарыч, да твоя прялка бешеная. За ней невозможно угнаться!..

Плотник выключил прялку, почесывая за ухом. Приглашенная ушла к себе разочарованная.

— Не подрассчитал с диаметром шкива,— стал оправдываться сконфуженный Захаров.— Надо переделывать...

На радиотехническом кружке Шумилов для выставки пообещал сделать настоящий ресивер. Он увлекался радиоэфиром на коротких волнах и кое-что в этом понимал. С наполняемостью кружка его выручал старший сын-восьмиклассник, который приводил с собой двух приятелей с серьезными лицами. Занятия у них начинались поздно, когда начальник охраны освобождался на основной работе. Ну, хотя бы так. Ребята что-то паяли для себя. Могли смастрячить зарядное устройство или другую мелочь, полезную в хозяйстве.

На сельских филиалах тоже пообещали что-то подготовить для выставки. Один трудовик закончил сборку веломобиля из старых велосипедов. Оставалось все покрасить. А на продажу привезет разные скалки с толкушками. Михаил со своей стороны готовил из больших листов картона раскладушку с фотографиями. Он несколько раз выходил с ребятами на пленэр. Снимали виды с крутого берега Ишима, тальниковые заросли и заводи, панорамы окрестных улиц.

За это время Захаров дважды устраивал фокусы. На станцию прибегала его законная недотепа, чтобы спасти ситуацию. В первый раз после семейного скандала Захаров собрал сумку и подался на автовокзал, чтобы вечерним автобусом уехать к сыну, который жил в совхозе Донской за пятьдесят километров, в самой глуши. Вдвоем еле уговорили его вернуться, сын обещал его устроить плотником на ферме. Во второй раз его вызволяли уже из кутузки. Женушка сама сдала его за пьяный дебош. Михаилу пришлось обращаться к дальнему родственнику, работавшему в органах, чтобы помог вызволить буяна. Захаров вовсе не обрадовался, когда открыли камеру. Тут же стал злобно препираться с охранником, чем-то ему насолившему; Михаил уволок сотрудника за рукав, пока его снова не запечатали.

Но перед выставкой Захаров устроил целый «концерт». В восемь утра он должен был ждать в мастерской, собрав в дорогу прялку и разделочные доски. Еще Михаил попросил его принести из дома ту многоэтажную полочку, чтобы блеснуть на выставке и занять хоть какое-то место. Все работники станций так же беспардонно лукавили. Рассматривая привезенные экспонаты, трудно было поверить, что все это сделано руками тринадцатилетних.

В назначенное время Захарова на месте не оказалось. Михаил сам собрал все нужное в его кабинете и отнес в автолавку, где собралась делегация: два совместителя из совхозных школ, директриса Дома пионеров с сотрудницей, муж заведующей и еще одна инспекторша. Веломобиль тоже находился среди вещей. Сама заведующая сидела в кабине, ерзая от нетерпения.

Михаил стремглав понесся к нерадивому сотруднику. Слава богу, субботний день, на улицах никого. Миновал захламленные дворы, забежал на школьный двор и, обогнув главный корпус слева, влился в Школьный переулок. Остановился, задыхаясь, у знакомых ворот и стал ломиться в калитку. Никто из домочадцев не реагировал, хотя уже разрывался на части злющий дворовый пес. Михаил перепрыгнул через штакетник палисадника и стал стучать в окно зала. Наконец вышла заспанная толстушка и стала объяснять, что ночью опоросилась свинья, поэтому Ильяс почти не спал.

Михаил стал будить Захарова, конечно же, от него несло перегаром. Он недовольно разлепил глаза, не торопясь вставать.

— Быстрее, машина уже ждет!..

Тот стал ворчать, что сильно устал.

— Да там ничего не надо делать, просто сидеть с экспонатами...

— Я не бритый...

— Некогда уже, сойдет и так...

Вешкин больше всего боялся, что не получится прихватить на выставку эту аховую полочку, а без самого Захарова могли бы свободно обойтись. Хозяин тяжко встал и стал одеваться. Опять отказался облачаться в костюм, привыкший к своей видавшей виды черной спецовке. Михаил стал убирать с полочки разные флаконы, за это время обосновавшиеся там. Снял ее с гвоздей.

— Я сам понесу...

Двинулись в путь. Захаров еле передвигал ноги, нисколько не подгоняемый тем, что их давно ждут и могут из-за него опоздать на выставку — ехать больше ста километров по разбитой вдребезги трассе. Когда подошли к автолавке, заведующая разразилась бранью в открытое окно машины:

— Ну, сколько можно, в самом деле? Что это за сборы?..

Михаил успел занести в будку массивную полочку, высматривая, куда бы ее притулить среди людей и вещей. Валентина Ивановна еще что-то выдала, задевшее за живое Захарова. Он вдруг перешел на ругань:

— Мне на фиг не сперлась ваша выставка!..

— Ну и ступай домой! — отреагировала заведующая.

Но Захаров протянул руки в будку к своему шефу:

— Давай сюда полочку! Давай, сказал!..

Дело приняло совсем нехороший оборот, когда кого-то на глазах у всех понесло «в разнос».

— Да отдай ему! — крикнула из машины заведующая.

Михаил раздосадовано вернул сотруднику его добро.

— А теперь мою прялку! — не успокаивался плотник.

— Хочешь сорвать выставку? — тоже перешел на «ты» директор СЮТ.

— Давай ее сюда! Раз такие умники, без меня обойдетесь...

— Да поехали уже! — вмешался шофер, бывший «афганец».— И так опаздываем...

— Ну, я с тобой разберусь в понедельник! — пригрозила Валентина Ивановна, и машина наконец тронулась с места.

В Аркалыке на центральной площади уже заканчивали расставлять экспонаты. Опоздавшие типчакцы стали «в темпе вальса» вытаскивать из машины свое. Михаил сам выбирал место для выставочных вещей, а предназначавшееся на продажу упокоилось на столах. Еще надо было прикрепить заранее приготовленные бирки с описанием экспонатов. Успели-таки...

С десяти любопытствующий народец стал скапливаться на площади. Комиссия областной СЮТ оценивала экспонаты, выставляя баллы. В конце концов, жюри объявило, что типчакцы заняли второе место, на это Михаил особо не рассчитывал. Заведующая посмотрела на него с явным уважением.

Народ раскупал деревянный ширпотреб. Кто-то вожделенно присматривался к веломобилю, но он, к сожалению, не продавался. Тут к Вешкину и стоявшему рядом Валерию Сергеевичу обратился какой-то аксакал, заехавший сюда на лошади, он привязал ее к дереву поодаль.

— Работает?

Он кнутом показывал на прялку, которую к выставке покрыли лаком.

— Работает,— автоматически ответил Михаил.

— Продавай моей бабка...

— Это не продается.

— Зашем? Все продается... Сто рублей даю.

Валерий Сергеевич извилисто ответил на немой вопрос в глазах Михаила:

— Вообще-то нам нужно заправлять бензином машину. Мы тут со скалками заработали только на пирожки. Все копеечное — по два-три рубля...

— Захарыч обидится.

Аксакал не уходил:

— Сто двадцать даю. Мало? Больше нету...

— Продай,— давал добро муж заведующей.— Захарову же платят зарплату за что-то. Тем более так вызывающе себя повел...

Аксакал хотел удостовериться, что прялка рабочая. Сходили в ближний магазин, где опробовали ее, подключив к розетке. Михаил отдал деньги заведующей. И только тут вспомнил, заполошно выдохнув в сторону Валерия Сергеевича:

— Совсем забыл! Прялка-то крутит, как ненормальная. Захаров не рассчитал со шкивом и не успел переделать ее. На ней невозможно прясть...

Валерий Сергеевич не сдержался, рассыпавшись в смехе:

— Вот расшумится апайка, когда попробует на ней прясть!..

Оглянулись по сторонам, но аксакал уже уехал на своей лошади...

После выставки Захаров помалкивал первую неделю, опасаясь, что его выгонят. Но Валентина Ивановна опять прихворнула, ее срочно положили в областную клинику. Потом Захаров словно очнулся:

— А где мои деньги за прялку?

— На них заправили машину, я же говорил...

— Меня это не касается. Пусть отдают мое!..

— Ладно, я скажу Валерию Сергеевичу...

А он и сам на следующий день зашел на станцию пообщаться с мужиками. Михаил перехватил его у входа и завел к себе. Поведал о претензиях распоясавшегося плотника. Он, наверное, совсем разругался со своей половинкой несмотря на то, что она пустила его к себе на постой. Поставил в мастерской топчан, ночует там. Сауле Талгатовна шепнула коллеге, что ночью проходила мимо и видела свет в окне мастерской. А все это бросается в глаза с крыльца милиции. Еще начнут интересоваться, с какой стати кто-то устроил в учреждении ночлежку.

— Да пусть скажет спасибо, что уцелел,— возмутился «трудовик».— Если бы не попала в больницу Валентина Ивановна, она бы его давно уволила. А сейчас не до него. Что-то не видно у него кружковцев, всех распугал...

И стал делиться горем:

— У Валентины Ивановны выходил наружу гной... ну, ты меня понимаешь. Врачи стали выдавливать его, и вдруг как выскочит наружу салфетка! Оказывается, ее забыли внутри во время операции. Такая вот халатность. Теперь совсем худо дело...

Вскоре заведующую вернули домой, так как рак перешел в четвертую стадию, а медицина тут бессильна. Ей каждый день колют морфий, чтобы не мучили адские боли. С трудом достали этот препарат, выходили аж на министерство. Кругом ведь сплошной дефицит. А все наркотическое контролируется, пустые ампулы надо сдавать.

Начальник СЮТ дал понять Захарову, что пусть больше не вспоминает о прялке. Тот, видно, подумал, что присвоили его деньги и ощерился:

— Если не отдадут деньги, тогда...

— Что тогда?..

У Захарова недобро вспыхнули глаза. Он ищуще огляделся в кабинете, словно искал что-то увесистое и травмирующее. Если бы кинулся к топору, Михаил бы успел среагировать и заломить ему руку за спину. Хуже, если бы он выхватил нож. Даже самые опытные единоборцы в один голос заявляют, что от ножей нет эффективных приемов. Если не окажется под рукой палки, чтобы удерживать дистанцию, лучше вовремя ретироваться. Это в кино снимают красивые сказочки, как безоружный играючи уклоняется от ударов самурайского меча и побеждает противника голыми руками. Несусветная глупость.

Захаров, видно, понял, что может схлопотать не слабую ответку. Заворчал и сел на стул.

— Вы бы лучше заделали одеялом окно, ночью милиции виден свет,— проронил Вешкин, выходя из мастерской. Больше он не стал в нее заходить.

В апреле пришел из области приказ о закрытии станции юных техников. Уцелел лишь Захаров. Сауле Талгатовна пообещала перевести его кружок к себе,— вообще-то больше был нужен завхоз: вставить разбитое стекло, поменять на двери замок, починить мебель.

Это известие Захаров принял воодушевленно. Стал смотреть сквозь своего бывшего шефа, который отрабатывал последние два месяца. У плотника вырвалось на ходу:

— ...а то развелось начальников. Брось палку — обязательно попадешь в какого-нибудь начальничка.

Сауле Талгатовна навестила на дому Валентину Ивановну и потом поделилась с Михаилом:

— Она у меня спросила: «Как там себя чувствует Вешкин? Наверное, в трауре, что попал под сокращение...»

Вот это женщина, восхитился Михаил. Ее дни сочтены, а она еще думает о его судьбе. Он-то не пропадет, его стали звать на свадьбы и похороны — он единственный в районе может делать цветные фотографии. Михаил ни капли не переживает, наконец-то пустится в свободное плавание, он востребован.

После майских праздников наступил траур: Валентина Ивановна отмучилась. Ушел в небытие незаменимый руководитель, покровитель слабых и обиженных и просто человек прекрасной души. Михаила попросили сфотографировать процессию.

На похороны собралось немало народа. Гроб с телом Валентины Ивановны установили для прощания на площади рядом с райисполкомом. Михаил сделал последнюю съемку человека, которому был многим обязан.

Летом, после того, как Вешкин оказался вольной птицей, он стал заглядывать в РОНО, чтобы получить расчет, однако денег в кассе не было. В последний приход он увидел, что все сотрудники буквально не в себе, ходят по коридору, хватаясь за щеки.

— Что стряслось? — поинтересовался Михаил у взволнованного Валерия Сергеевича, который вышел на улицу покурить. Руки у него дрожали, когда он доставал из пачки сигарету.

— Да твой Захарыч сейчас устроил тут такое! Ворвался в контору и стал всех загонять в кассу. Потом дверь на ключ и приставил к горлу кассирши нож, мол, если сейчас не выдаст задолженность за три месяца, будет всем плохо. А нож он наточил, как бритву. Только что его скрутила милиция...

У Михаила шевельнулось в голове: как теперь будет существовать Валерий Сергеевич? Он такой беспомощный. Но «трудовик» словно понял его не озвученный вопрос:

— Уеду в Омск. Старший сын устроился переводчиком в немецкую компанию — совместное предприятие. Его там ценят, дали квартиру. Обещает меня забрать.

Михаил вспомнил, что у Валентины Ивановны девичья фамилия была немецкой. Поэтому сын так хорошо знает язык тевтонов.

— Младший сын тоже поступил в омский институт,— дымил сигаретой Валерий Иванович.— Мне до пенсии шесть лет, как-нибудь дотяну...

* * *

Захарову к его прежним восьми годам отсидки приплюсовали два года строгача — для ровного счета...

Алексей Яшин
(г. Тула)

ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ «БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»

«БОГ ПРИСТАНЕТ И ПАСТЫРЯ ПРИСТАВИТ»

Машины сравняли неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности.

Н. С. Лесков «Левша»

♦Одиннадцатиклассник Димон Третьюхин провел весенние каникулы в Москве в семье дяди, материного брата Константина Ильича. Семьи их еще не раздружились, как то бывает обычно между родственниками, живущими в столице и хотя в ближней, но в провинции. Особенно в нынешнее, разъединительное для людей время. Дело в том, что всего полтора года, как Константин Ильич, коренной тулуповец, служивший в областном следственном комитете, получил полковничью папаху и был переведен в Москву. Как он сам под хмельком за праздничным столом говорил, ничтоже сумняшеся — «в порядке передислокации кадров, чтобы не прикармливались особо на кумовских местах».

А с двоюродным брательником Сашком, ныне первокурсником юридического факультета первостатейного столичного вуза, они в Тулуповске и вовсе в одной школе учились с разницей в один класс, крепко дружили и друг о друге за глаза и в глаза говорили: «Он мне двоюродный, но лучше чем родной». Уже освоившись с московской житухой, Сашок весь уходящий учебный год, последний для Димона, зазывал брата на все каникулы «приобщиться к цивилизации». И Константин Ильич, когда служба позволяла успеть к домашнему ужину и пересечься в племянником, если того Сашок не увлекал в тот день до начала ночи на тусовку, воспитательно намекал Димону, что-де «у меня растут года», будущую кормовую профессию на финише школьных лет и вовсе пора в определенность переводить. «Бог пристанет и пастыря приставит»,— обращался он к племяннику с деревенской мудростью, ибо он, как и мать Димона, в первом поколении являлись городскими жителями, помнили еще сельскую образность мышления под разговор... и добрую стопку, разумеется.

— Я к тому, Дима, речь склоняю, что и твои мать с отцом не против, а я и вовсе... вот и Сашок поддержит — бери курс на юстицию. В наше славное время, будь не к ночи оно помянуто, по-евангельски не наживешь палат каменных трудом праведным. Нет, конечно, против морали, особенно сейчас, когда гайки по всей «вертикали» накрепко закручены и даже насечкой застопорены, идти не следует. Но быть юристом, лучше адвокатом, депутатом каким-никаким все же надежнее, чем в сомнительное по определению в нашей стране предпринимательство встраиваться. А другие рода занятий? — Наука... сомневаюсь, что таковая серьезная осталась. Учительство в школе или в университетах, инженерство — все, все как-то смято и унижено в социальном плане. Так что, дорогой мой, вот бог к тебе всех твоих родственников в пастыри при-

ставил! И все к одному склоняются: давай и в твоей родственной ветви продолжим нашу юридическую династию! Давай-ка по пятнадцать капель, братья.

Закусив — и в этом не совсем еще отошел от родной деревни — соленым огурчиком домашнего приготовления, пару трехлитровых банок которых мать всегда навязывала ворчащему Димону при поездке в Москву, Константин Ильич окончательно входил в роль богоданного пастыря — уже с четким, юрист ведь! расписанием по графам и разрядам:

— Опять же и ни на грамм хлопот с учебой, две остановки троллейбуса от дома до корпуса *нашего* политеха тулуповского, в котором юридическое отделение располагается...— с наблюдательностью матерого следователя подметив, как братья переглянулись, оговорился,— нет, нет, не думай даже, что отлуп тебе даю от Москвы! По моей должности мне пятихатка полагается. Вот еще годок «испытательного срока» и переедем — приезжай и живи не хочу! Просто, специфика *нашего* образования такова, в отличие, например, от физико-математического, медицинского и прочего, где важна традиция и преподавательские кадры, что римское право, лежащее в основе русской, потом советской, а ныне российской законности, создано латинянами абсолютно логично, просто и на все последующие века и тысячелетия. Ни убрать, ни прибавить. Другое дело — наша русская специфика практики, это где законы что дышло... Ну-у, это в образовательный курс не входит. Так что, если желание учиться имеется, память — а она у тебя недурственная! наличествует, левое полушарие головы, где логика сидит, соображает, то неважно где юриспруденцию постигать: в Москве, в Тулуповске, в Лондоне, куда мои высокопоставленные подследственные своих балбесов посылают. Хоть в Замухрайске на базе бывшего педучилища, ныне университета. Владимир Ильич Ленин и вовсе самолично, будучи изгнанным из Казанского же, но настоящего, не замухрайского! университета, все науки юридические изучил и экстерном сдал экзамены на присяжного поверенного, адвоката по-нынешнему. А практику осваивал в подполье и революциях.

Димон не мог не согласиться с юридически четкими, но и доходчивыми доводами полковника юстиции. И Сашок согласно кивнул головой.

— Вот я и говорю, ребята, не в обиду вам, да и мне самому будь сказано, что юриспруденция на базе римского права есть не творчество и не научно-прикладная отрасль. Это необходимый объем твердых, логически оформленных знаний, а потом работа, работа... работа до седьмого пота. Зато полная определенность в жизни. И здесь не имеет никакого смысла искать вуз попрестижней. Опять же — латинян древних в сочиненном ими праве не переплюнешь! А вопросов-сложностей с поступлением в Тулуповске у тебя никаких. Учишься ты хорошо, эту самую *еге* — обить-твою-жесть без труда осилишь. Да и фамилию мою назовешь, помнят меня в городе черти, откозыряют тебе на факультете.

Разохотившись — день пятничный, уикэндовый,— полковник опрокинул еще стопку, закусил сестринским, с дачи, огурчиком, продолжил пастырство:

— И не вбивай в голову, племяш, что-де юридичество наше есть не творчество, не наука, не полезные ремесла всякие, а сугубая практика исполнения закона. Да, мы не поем по праздникам «не кочегары мы, не плотники», хотя подхалимы всякие из артистов десятого ноября на День милиции, то бишь сейчас полиции — скажи я это слово в деревенском детстве в одобрительном смысле, так дед Егор меня бы арапником через спину протянул; меняются на глазах временны*е* ориентиры! — много всяких похвальных песенок споют... даже с пританцовкой и коленцами с выходом. Практика и есть практика, повторюсь. Потому и имен громких в нашей среде почти не имеется. Из позапрошлого века только адвокаты Кони и Плевако разве? Да обер-прокурор синода Победоносцев, но это больше по духовной части. Из совесткого времени Дзержинский с Менжинским, наркомы от Ягоды до Лаврентия Павловича — но сейчас все они в ничтожество сведены; тот же Вышинский, что на Нюрнбергском

процессе от СССР председательствовал. Вот и все: если слава, то глухая и порой сомнительная. И срам девяностых годов. Мы по определению есть трудовые винтики механизма закона. А таковая машина неумолимо сравнивает всех ее тружеников. Получается, что нет разницы между этими людьми, талант здесь излишен! Даже число звезд на погонах есть не признак неравенства, но токмо отметка практических заслуг. Исполнительный, аккуратный в поведении и ведении дел сотрудник быстрее и «звездится». Самое же существенное, что и во всей современной жизни, а чем дальше, тем все быстрее и явственнее, все меньше места остается талантам, дарованиям всяким — творческим художественным и научным. И что это значит? — А то, что наша юридистика уже не белая ворона на фоне остальных жизненных занятий и устремлений, но все и всея семимильными шагами в период глобализации, дурацкий термин! вливаются в рамки жесткой «машинной» логики. Как придуманное древними римское право.

♦Димон всю эту неделю московского пребывания, слушая здравые рассуждения Константина Ильича и оптимистические планы Сашка, чувствовал себя в положении того киногероя из случайно просмотренного по телевизору древнего совкового фильма, что кричал с обидой: «Чего это вы, товарищ парторг, меня за советскую власть агитируете!» Он и сам уже с прошлого года, имея пример успешной карьеры дядьки, а потом поступления Сашка на юрфак, все более склонялся последовать примеру их обоих. А с кого еще этот самый пример брать? Отец, правда, конструктор, недавно стал начальников отдела на одном из немногих сохранившихся в городе военных научно-исследовательских предприятий, а теперь, когда, по его слова, «в стране поняли, что зад надо чем-то прикрывать», заметно ожившем. Но всю жизнь, да еще с накануне чемпионата по футболу повышенным пенсионным возрастом, монотонно, с утра до вечера за забором с вахтерами на проходной ломать голову — по отцу же и знал — над формой зацепа пружины автоматической пушки? Опять же при его довольно холодных отношениях с точными науками, да еще шесть лет, вместо обычных пяти, учиться на военно-техническом факультете их универа? — Избавьте. Тоскливо при соблазнах, правда, почти недоступных, нынешней образцово-показной жизни. И уж не хлопотунья мать пример, что при совке на счетах и арифмометре «железный Феликс» начинала свою заводскую жизнь в финансово-бухгалтерской служба, а сейчас на компе те же самые сальдо-бульдо считает в почти что скобяной мастерской, оставшейся от приватизированного завода, распроданного новыми хозяевами на металлолом китайцам.

Бизнес? — Нет этой традиции в их родстве. Здесь хотя бы отца завбазой овощной или продавщицу мать надо иметь. В школах на уроках биологии пожилая, очень умная по части генов учительница все на месте в его голове расставила. А против биологии не попрешь. Да и опоздал он с годом своего появления на свет — другое бы дело «лихие девяностые», там пан или пропал. Сейчас же время совершенно иное, устаканенное, «олигархическое с толерантным лицемерием»,— как говорит Петька Подшибякин, одноклассник и функционер городской комсомольской организации. Ему-то, Димону, глубоко плевать с телевизионной вышки, что на южной окраине города, но все эти олигархизмы, капитализмы и пройденные, как классы школы, социализмы. Против лома нет приема, говорит отец, когда мать по-бабски малоразумно вздыхает по советской старине: пенсия в пятьдесят пять лет, колбаса и пельмени из мяса, молоко от коров, а не с китайского завода пищевой химии, бесплатное лечение и образование... А у Димона в классе, исключая Петьку Подшибякина и еще двух ребят с родительскими магазинами, все такие же поплевисты — поплевывают с телебашен. Впрочем, каждый со своей, индивидуальной. Время такое обособленное, все против всех, а каждый только за себя.

...Впрочем, с начала одиннадцатого класса все эти рассуждения приобрели для Димона этакую абстрактную второстепенность: с некоторым запозданием, явно по наследству от деревенских предков, что крепки задним умом, доставшимся, все по-

теснила влюбленность. Но и здесь все как-то ни шатко, ни валко шло. В первой четверти, по волнующей золотой осени с ее вечерними дымками и острыми запахами увядающей листвы в парке вроде бы сдружился с Златой из параллельного класса, но все и ограничилось этими прогулками по парку и парой посиделок в недорогом кафе. Все ему казалось, что она вроде присматривается к нему. Видать, не приглянулся: без объяснений, легко, как сигарету выкурить, перешла Злата к другому, мажору в своем классе. Петька Подшибякин разъяснил ему с комсомольских, классовых позиций: «У Златки, Димон, папаша, на паях правда, двумя автозаправками владеет. Так сказать, купец третьей гильдии. А у тебя папа-мама кто? Вот и подели и умножь в своей голове. Сейчас, в эпоху торжества мелкобуржуазного частнособственничества, даже на нижних его ступенях деток своих, особенно девиц, сызмальства приучают избегать мезальянса. Как это ни смешно, но *олигархерам* и мелочные торгаши подражают! Осталось только таким как Злата с началом полового созревания постоянно носить с собой как его... слово такое полуматерное есть: хештег или херштег с надписью: «Знакомлюсь и совокупляюсь с серьезными намерениями только с успешными парнями с доходом не менее 10000 *USD* в месяц». Ха-ха-ха, Димон, не бери в голову! Найдешь себе пару по размеру...».

Вот после новогодних каникул потянуло его к Ксюше, однокласснице, но только в прошлом году в конце десятого класса перешедшей к ним из другой школы и вообще из другого, районного города — родители переехали в областной центр. Здесь бы и Петька Подшибякин не отыскал «классового неравенства». Она не отказывалась встречаться наедине — у семейства Димона имелась пустующая однокомнатная квартира — чье-то родственное наследство его матери. В наем ее не сдавали, дескать, всех денег не заработаешь, а хлопот со сдачей в наше воровское время не оберешься, рассуждали мать с отцом, налетишь и вовсе лишишься! Знал Димон, что квартира эта (имелась еще сестра-восьмиклассница) предназначается ему при женитьбе. Вот и с Ксюшей там уединялся. Но и у той свои повадки, явно от «уездного воспитания» матерью, учительницей, да еще словесницы. На романах дочь взрослела.

И винца с ним выпить «для расслабления» не отказывалась, очень танцевать под лирическую музыку любила, а на диване, раскрасневшись, умеренно возбуждалась, даже постанывала в объятиях расходящегося Димона, но... объятиями, поцелуями, частичным раздеванием диванные дела и ограничивались. Даже усмехалась: «Димочка, не торопись, ведь не на поезд опаздываешь!» Димон умеренно раздражался. Тем более, в десятом классе после опять же новогодней вечеринки уже имел одноразовую постельную связишку с почти незнакомой девицей не из их школы. После случайно встречаясь на улице, спокойно оба говорили «привет»! и не останавливались.

«Что за динама? — размышлял он после очередного «уик-энда» на *своей* квартире,— чего она тянет? Боится что ли? Или мама со своей русской словесностью в районном городке так настропалила?» И он близок был к догадке. Перед самой поездкой на весенние каникулы к московским родичам, как-то бездумно валяясь на диванчике в своей комнате — а дома никого не случилось, тишина,— услышал он через тонкую, не капитальную стенку из соседней квартиры литературную запись рассказа Бунина «Натали». Он знал, что дед, патриарх соседского семейства, отставной профессор педуниверситета, хворал глазами, поэтому составил себе фонотеку записей русской классики. К тому же, будучи и глуховатым, включал на полную громкость в своей, смежной с димоновской, комнате. Так что тому даже и прислушиваться было не надо.

...И вот, слушая рассказ Бунина о любовных похождениях студента, в летние каникулы навещавшего родственное помещичье семейство с дочерью, только что окончившей гимназию, то есть двадцатилетней, уже «похожей на молодую, только что вышедшую замуж женщину», Димон уже с конкретным интересом слушал сцены ночных свиданий в отведенной студенту комнате, где «она уже позволяла всю себя целовать, но только целовать». Наконец она все же сказала: «Возьми меня, *всю* возьми!» ...К сожалению для них здесь им помешали.

«Так значит это все же обычная женская манера — подинамить вволю, а затем сблизиться,— усмехнулся Димон,— значит, подыграем и своего дождемся! Даже пикантно, что Ксюша не стандартная «трахалка», а с правильным воспитанием».

...Словом, роман с Ксюшей развивался по законам русской литературной классики, суля не мимолетное, но осмысленное, все более и более развивающееся чувственное удовольствие, возможно, перерастающее в искреннюю любовь? А любовь, как известно, все житейские перипетии, включая насущный выбор будущей профессии, отодвигает на неясное будущее.

♦Проводили уезжающего Димона по-московски. То есть супруга семейства чмокнула племянника и вручила — алаверды за соленые огурцы прошлогоднего урожая и пару литровых банок домашнего же варенья — пакет с московскими сувенирами. Обнялся с Сашком, извинившимся: срочно нужно, хотя и близко к вечеру, в универ, все же староста группы. А Константин Ильич на служебной машине с водителем довез его до Курского вокзала, дружески распрощался, вежливо выйдя из авто: «Ну-у, племяш, вижу ты уже морально готов к юридической карьере. Сложности — мало ли что? возникнут с поступлением — сразу звони. Урегулируем тотчас».

Прогуливаясь по перрону в ожидании вечернего экспресса — следующей до Тулуповска безостановочной электрички,— Димон увидел знакомую фигуру: этого красавца лет тридцати с небольшим, с мягким, доверительным взглядом карих глаз, с д'артаньяновской (так решилось; вроде как д'Артаньян безбородый?) аккуратной бородкой и усами, достаточно щегольски одетого, хорошо сложенного для своего среднего роста, он не более как пару месяцев назад видел на факультете с юридической специальностью — в воскресенье ходил туда на день открытых дверей. Представляя собравшимся в большой аудитории школьникам, среди прочих преподавателей, заведующий кафедрой, обращаясь к «нашим будущим коллегам», рекомендовал д'артаньяновца: «...А вот наш доцент, кандидат юридических наук Юрий Николаевич, являет собой замечательный пример плодотворного сочетания вузовской науки и практической адвокатской работы. Прошу любить и жаловать, когда мы с вами, вне всякого сомнения, встретимся в начале сентября месяца этого года!»

...Причем красоватый Юрий Николаевич не в одиночестве, как Димон, ожидал покойного в малом комфорте и скорого в движении экспресса: он беседовал с молоденькой, студенческого вида девушкой, не то что яркой красавицей, но с теми своеобразными фигурой, лицом и прической, что девушки моделируют на себе в период начала первой молодости, примеряясь к искусству обольщения с маской почти что невинных представлений о жизни вообще. Что-что, но уже имея какой-то опыт с Яной и Ксюшей, Димон, хотя бы и не в такой словесной интерпретации, грубовато проще, уже разбирался во внешнем виде девиц. Студенток тем паче.

По всей видимости, д'артаньяновец Юрий Николаевич, как человек компанейский, тем более препод и адвокат, любящий покрасоваться в среде молоденьких студенток, только что и завел на двухчасовую дорогу благодарную, пикантную по юной свежести слушательницу и спутницу. Здесь подали состав. Димон и отмеченная им парочка вошли в напротив их остановившийся вагон. Не имея никакой цели, Димон, поскольку входил за ними, и сел в кресло, из числа стоявших попарно, с удобными высокими спинками, так что не видно ни впереди, ни позади сидящих, за сдруживающейся парочкой. Состав тихо тронулся. Кресло рядом с Димоном осталось незанятым, поэтому он совершенно по-домашнему, не торопясь, выпил банку пива, пару которых всунул в материну сумку «с сувенирами» Сашок, мол, чтобы в дороге не скучал. От пивка, тем более под уходящий в темнеющий вечер заоконный вид, хорошо нагретого вагона, не более чем наполовину занятого пассажирами без гомона и шумных разговоров, Димона не то что в сон потянуло, но в приятнейшую дремоту завершающего свое путешествие странника. Спинки кресел полностью закрывали впереди сидящих, но в тишине вагона их разговор, по преимуществу россказни Юрия Николаевича, отчетливо втекали в Димоновы уши.

— ...Вы, наверное, Юрий Николаевич, очень заняты в университете? Сложно ведь совмещать с работой адвоката, да?

— Да нет, Юлечка, я в университете больше для души, что называется, для разнообразия, наконец, для своего рода отдыха — ведь знаете? Лучший отдых — перемена рода занятия — от адвокатской работы. Поэтому от стандартных дисциплин сразу отказался, а веду семинары, порой лекции читаю по специальным отраслям юриспруденции, в чем *штатные* преподаватели особо не сильны. Мой, так сказать, конек — история и практика смертной казни...

— Уй, что-то страшное, Юрий Николаевич, вы избрали,— подластилась к визави Юля.

— Да нет,— рисуясь бархатным, совсем чуточку, нарочито утомленным баритоном, успокоил Юрий Николаевич,— это специфика нашей профессии, когда следует постоянно отвлекаться от чувственной, эмоциональной стороны. Закон жесток, но это закон. По латыни *dura lex, sout lex*. А кроме смертной казни еще с удовольствием веду семинары по основаниям римского права. Здесь тоже штатные доценты и даже те два процессора, что у нас на кафедре, не совсем верно студентов научают. От торопливости и ежегодного повторения одного и того же, скорее всего...

— Это по истории юстиции?

— Нет, Юлечка, здесь речь об основных, базовых логических формулах, что положены в основу римского права. Ну-у, это всем известное: закон не имеет обратной силы, состязательность процесса в триединстве судьи, обвинения и защиты, презумпция невиновности и некоторые их конкретизации. А я студентам своим в лоб прямо-таки почему-то забытое базовое логическое правило: во время совершения преступления закон не действует! Они в ответ — нам этого никто не говорил. А я им — пошевелите нестандартно своими мозгами: ведь весь процессуальный кодекс на этой формуле основан! От права на самозащиту и действий сотрудников органов при задержании и так далее, в моральном плане — ведение войн даже! Как все это совместить с законом, понимаемым абсолютно?

— Ой, как интересно, Юрий Николаевич! И у нас на менеджменте, хотя бы неявно, тоже похоже. Как сейчас принято говорить: ничего лишнего, только бизнес! А расскажите что-нибудь из своей адвокатской практики. Вот где интересно, да?

— Извольте, дорогая моя. Недавно защищал одного своего клиента, прямо скажу не без успеха (Димон, не видя лица рассказчика, но по интонации зрительно представил изображение притворной скромности — слегка уткнулся д'артаньяновской бородкой в воротничок рубашки, стянутой галстуком), а дело, доложу тебе, Юлечка, вообще еще не имело прецедента, по крайней мере, у нас в России.

♦Слушая занимательный рассказ Юрия Николаевича, где увлекательная тема приятно оттенялась хорошо поставленным бархатным баритоном, в сухом тепле нарочито неярко освещенного вагона и все на контрасте со все уверенно наступающей темнотой за окном, от которой ощутимо представлялась морозящая к ночи позднемартовская погода и окрестные мчащемуся поезду невеселые окрестности с почерневшим, сгорающим днем, все более просаживающимся снегом и голыми ветвями сиротливого леса... словом, слегка прикрыв веки глаз, Димон совсем зауютился: словно смотришь спокойный фильм советской поры — о Шерлоке Холмсе или о Штирлице...

А щегольский адвокат не преминул для начала повествования все же дохвалить себя:

— Вот вы, дражайшая моя, от московской подруги домой возвращаешься, а я как раз одним днем ездил в столичную адвокатскую контору, где заинтересовались *моей* защитой. Она и здесь нашумела!

— Так вас, Юрий Николаевич, могут и в Москву позвать работать? Как здорово!

(Уже кое-чем умудренный в свои неполных восемнадцать лет, Димон желчно усмехнулся: бабы, наверное, еще в утробе матери предельно практически мыслят...)

— Ну-у, там посмотрим. Так вот, начало этому *громкому* процессу случилось по

прошедшей осени. Обратились ко мне общие со мной и одним известным в городе, слегка скандальным, но не по характеру, а по выбранному им *modus operandi* — это по юридической латыни значит образ действия, журналистом. С журналюгой этим я и сам пару раз в компаниях встречался, вообще много слышал — так он есть сочетание прирожденного правдолюбца и деятельного в своей профессии. Гремучая смесь! Потому неоднократно имел стычки с губернской властью имущими. Так и прошлой осенью стычка у него вышла с замом главы области. Сейчас уже оба бывшие, слышали, конечно, об уходе губернатора «по собственному желанию», а за ним и всей его команды. Статья-то предельно двусмысленная. Словом, тиснул наш журналист громобойную статейку в областной оппозиционной газетке, а вице-губернатор на него в суд за оскорбление личности и ложные обвинения, по-нашему диффамацию.

От тепла и ровно льющегося бархатного голоса Димон едва не задремал, но, вспомнив о второй банке пива, вынул ее из сумки, сделал пару хороших глотков, приободрился для дальнейшего слушания.

— ...Надо сказать, Юлечка, юриспруденция сугубо логическая вещь, все по букве закона, особенно если дело движется к обвинительному вердикту. Вот говорят в прессе, по телевидению во всех жанрах — от кинокомедий до бесед прикормившихся там «выдающихся политологов»,— что-де в эпоху сталинизма, в особенно часто поминаемом тридцать седьмом году, просто так, ни за что, хватали ни в чем не повинных людей на улицах, вытаскивали из квартир «дома на набережной», сажали в «воронки», далее в застенки и приговор тройки: к стенке или на «десять лет без права переписки». ...С хрущевских времен, хотя *мы с вами* их не застали, и по сей день и далее вперед на все «светлое будущее» это день ото дня талдычат. Утюг включишь — вроде как и он о жертвах сталинизма зловеще шипит.

— А-а, разве все не так?

— Понимаешь, Юлечка, я не с политической, так сказать, а с сугубо юридической позиции рассуждаю. Надо государству — закон по всей жестокости действует, как и было в эти самые «сталинские годы», а понадобится, что и было в «золотые» советские шестидесятые-восьмидесятые, то закон и в более мягкой своей ипостаси карает. Словом, «исправленному верить», взятие на поруки, общественные суды. Это наши родители и дедушки-бабушки все хорошо помнят и забыть не могут. Но — в любой своей форме, предельно жестокой и смягченной, никто никого бессудно к стенке не ставит или на поруки товарищам не выдает: все дóлжно по *форме закона*! А все это к тому, извиняюсь за юридический ликбез, что сейчас законы сформулированы, так сказать, расширительно. Их можно применять и со строгостью, и с послаблением. По всей видимости, когда их в девяностые годы писали, то много взяли с американцев. У них так принято исторически. Но, в то же время, большое внимание уделяется четкости формальных определений. Опять как у тех же американцев.

(Димон, особенно после пива, почувствовал некоторое уважение к юридической грамотности Юрия Николаевича).

— ...Это необходимое пояснение к делу журналиста, которого общие наши с ним друзья попросили меня защищать в суде. Я не отказался, альтруистически, понятно, откуда у оппозиционного журналиста деньги, да и процесс, учитывая вице-губернаторскую власть, заведомо проигрышный. Но — взялся по-дружески и максимум возможного на суде сделал: штрафы сейчас за диффамацию свирепые, в сотнях тысяч, а мне удалось на нижнюю планку свести, что несколько взбодрило моего подзащитного и неприятно подействовало на представителя истца; понятно дело, в области вице-губернатор есть персона малоприкасаемая и в суд за себя подчиненного чиновника посылает. Как у Салтыкова-Щедрина. Попиваем мы с журналистом коньячок вечером дня процесса, тот благодарит меня, но профессиональная злость в нем так и пышет: «Слушай, Николаич,— мы ровесники,— а нельзя ли так апелляцию поискуснее, ты ведь у нас в области адвокатский профи высокого класса! чтобы этого «вицика» и вовсе с носом оставить?» Попробую, отвечаю, у меня и у самого спор-

тивный интерес проявился. Наутро, все другие дела отложив, даже по телефону семинар в университете отменил, обдумывать апелляцию начал, ищу в судебном деле журналиста нашего закавыки и — о, удача! эврика настоящая! У нас по традиции сейчас судьи в основном из бывших судебных секретарей производятся. То есть и судья, и ее секретарь, особенно последняя, еще не в почтенном возрасте, то есть уши их попривыкли к современной речи, особенно в телевизорах, где с каждым днем все больше американизмов. Не утомил я вас скукой юридической?

— Нет, что вы, Юрий Николаевич, так интересно-о!

♦— Вот, по всей видимости, помощница, то есть секретарь судьи, наслушавшись новомодного словечка *фейк*, которым щеголяют не то что теледикторы, но и люди высокого чиновного ранга, и, ничтоже сумняшеся, дважды употребила его в материалах дела, не в тексте приговора, конечно, там бы судья вряд ли пропустила, но все же в *официальном документе*! И такую я, с позволения сказать, апелляцию сотворил! — Гоголь и все тот же Салтыков-Щедрин одобрили бы. Опять же, Юлечка, ведь ты в курсе, что сейчас власть официально объявила русский язык достоянием народа и государства? И этот довод в апелляции таким железобетонным оказался, что суд высшей инстанции без возражений отменил приговор, хотя бы по формальным признакам, возвратив все на круги своя, то есть на доследование. Правильно в народе говорят «пока суд да дело», словом, власть в области поменялась, а вице-губернатору стало не до копеечного иска к журналисту; ему впору от взяточной уголовки отмазываться... Извини, Юлечка, за жаргонизм — с кем порой общаешься, от того и набираешься.

Димон даже хихикнул от удовольствия: допитого пивка и ловкости адвоката. Вот и конец пути, состав вкатил на пристанционные пути Тулуповска и мягко затормозил у перрона. Как и входили в Москве в вагон — Димон за парой, таки вышли — сначала они, он за ними. Тем же строем шли к троллейбусной остановке. Димон отметил про себя: если сдружатся, то ненадолго, мимолетно, ибо как ни искусно Юля, а скорее всего любящая и заботливая ее мать, подбирали ей наряды, но все же в изящных с виду ее ножках, если приглядеться, присутствовал изъян не для женского гурмана: некоторая, хотя бы и на сантиметр-другой, непропорциональность длин бедер и голеней.

...На зимние каникулы следующего учебного года Димон приехал к московским родичам первокурсником Тулуповского университета по юридической специальности. Спасибо правильным пастырям!

Всем известно ленинское определение русского интеллигента, хотя, между нами, девочками, говоря, и сам Владимир Ильич начинал трудовую жизнь малоудачным либералом-адвокатом. Впрочем, скоро опомнился. В наше же волчье время интеллигент и вовсе гнойный нарост на умирающем теле национальной культуры и науки. Понятно, если он не другого пошиба, демократического... Самое существенное, что никакое время, никакие катаклизмы жизни народа и государства не изменили душевные и умственные устремления пресловутого i n t e l l e g e n c e: вкусно покушать три раза в день и с полдником, следовать линии партии (коммунистической, либеральной, монархической...— какая шишку во власти держит), немного диссидентствовать, с девками молодыми шалить. А что касается нравственного выбора, то его всегда выручает гадание на пальцах или на кофейной гуще.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Заматерелость в преданиях, и никакой идеи.

В. О. Ключевский
«Боярская дума древней Руси»

Нынче тоскует лишь тот, кто не украл миллиона.

Н. А. Некрасов

Читатель вправе назидательно заметить нам: что это вы, любезнейший, взявшись сочинять о молодой поросли народа российского, все пишите* или об окончивших «свои университеты», а то и о собирающихся в оные поступать. А где же самые студенты — многочисленнейшая группа, то есть миллионная масса современной молодежи! Как говорится, была бы честь предложена. Вот вам и о студенте, одной из фигур вселенского *gaudeamus igitur*.

♦Игорь Редькин, нимало не обижавшийся на свою сельскохозяйственную фамилию, завершил четвертый курс без усилий и напрягов, но и равнодушно не стремясь к высшим баллам — никакого смысла в этом не видел. И матерый доцентище Николай Андреянович, читавший им в весеннем семестре аэродинамику крылатых ракет, что относилась по программе к спецкурсам, в отличие от общей аэродинамики летательных аппаратов, выслушав на экзамене очень даже здравые рассуждения Игоря о флаттере, то есть резонансном дрожании специфических крыльев этих ракет, спросил его: «Может тебе сто баллов поставить, как сейчас по-американски принято, а по-советски — пятерку?»

— А зачем, Николай Андреянович? На пятерку господь бог все знает. И вы, как практик ракетостроения, не один десяток лет проработавший в военном конструкторском бюро, приближаетесь к такой оценке. А мне и четверки, по американо-нижегородски восьмидесяти баллов, достаточно...

Пораженный логически выстроенной иерархией знаний, тот все же поставил умному и здраво мыслящему студенту в зачетку и ведомость девяносто баллов. Примерно так же Игорь сдавал и остальные зачеты и экзамены за четвертый курс. К обоюдному удовольствию его и преподов.

Студенческое прозвище *Редька* к нему еще с первого курса не приклеилось, поскольку на вопросы однокашников, нагловатых бывших старшеклассников, он отвечал серьезно, что его дед, Трофим Епифанович, доживший до *миллениума* и даже до начала «мирового кризиса империализма две тысячи восьмого года», из тех солдат первого послевоенного призыва, что был отправлен в обезлюдевшую Курскую область солдатом-землепашцем одного из военных совхозов, в части организации которых Иосиф Виссарионович использовал опыт Аракчеевых военных поселений в бедных людьми северных губерниях Российской империи. А в Курской и в соседних Орловской, Белгородской и ряде других областей села совсем опустели: слишком долго там немцы хозяйничали, а потом мудрый Вождь принял стратегически верное решение: заселить исконно русским народом, тем более оставшимся на погорелом месте, очищенный от татар Крым, а от пруссаков — Калининградскую область. В военкоматах по всей стране тогда комиссарами находились боевые офицеры, списанные еще в войну по ранениям и инвалидностям, то есть люди многоопытные в жизненных познаниях. Поэтому заполняя разнарядки призывников по роду войск, они мудро отбирали ребят с исконно крестьянскими фамилиями по спискам в военные совхозы Средней России: пахать землю и убирать урожай в гимнастерках и галифе...

* Данное предуведомление для той категории читателей, которые читают не этот, отдельно взятый рассказ, но весь цикл таковых в последовательности их размещения.— Прим авт.

пока не обрастет людьми убитая в войну земля от оставшегося местного крестьянского населения. «Вот и мой дед, Трофим Епифанович Редькин, призванный с Вологодчины, прослужил положенное трактористом, женился на местной курской, там и остался. А уже отец, потом выписав деда с бабкой, был переведен в Тулуповск по своей работе — хотя и не номенклатурной особо, но специалисты тогда приказу подчинялись». После такого пространного объяснения все замолкали и прозвище овощное напрочь забывали. Не приклеилось.

Отец, успешно начавший в самые молодые годы, после окончания института, работу (слово *карьера* он и посейчас полагал паскудным) в части геодезии и картографии, и сейчас успешно продолжал ее в Тулуповске по государственному ведомству в полном расцвете сил, заматеревши, воспитав трех детей, Игорь младший — последыш, как любовно называл его дед Трофим Епифанович. Мать успела в последний год «ухватить» пенсию еще по советским меркам, сейчас вела домашнее хозяйство в собственном доме на ближней окраине города. Не вынося многоквартирных муравейников, в самом конце восьмидесятых глава семьи, Василий Трофимович, с еще бодрым Трофимом Епифановичем соорудили для семьи поместительный дом. Благо в Тулуповске с его двумя металлургическими заводами стройматериала для добротных и теплых зимой, прохладных летом литых шлакоблочных зданий имелось предостаточно — плата только за вывозящие с отвалов шлак самосвалы.

В девяностые и нулевые годы разгула мелочного частнособственничества — подготовки субординированного олигархата — в «пентагон», по принятому во всем городе наименованию корпуса, в котором базировались военно-технические специальности, шел, причем без всякого, даже символического конкурса, самый захудалый, троечный абитуриент с совершенно безлошадными родичами. А после окончания через пень-колоду обучения все эти безлошадные тройбанисты шли в магазинные приказчики и офисные креветки. В «пентагоне» обучение бесплатное...

Когда же в начале второй половины две тысячи десятых годов на специальность ракетостроения поступал Игорь, то ситуация в «пентагоне» заметно изменилась. В стране, где почти четверть века целенаправленно — с подачи кого надо через агентов влияния — разрушался и добивался бывший мощнейший в мире военно-промышленный потенциал, вдруг вспомнили слова Александра Третьего про единственных союзников России: ее армию и флот. Ну-у, флот дело долгое и очень дорогое, а вот в части сухопутной армии, авиации и ракетных войск можно было и спохватиться не на пустом еще месте. Во-первых, героическими усилиями виднейших генеральных конструкторов удалось спасти значительную часть крупнейших оборонных исследовательских и серийных промышленных предприятий. Во-вторых и в главных, в архивах этих предприятий сохранилась — с запасом опережения натовцев до двадцатых-тридцатых годов — техническая документация, а в испытательных цехах опытные образцы потенциальных новейших разработок.

Поскольку же за минувшую четверть века разрухи прежние, матерые оружейные кадры исследователей и разработчиков поизносились, на пенсию с отвращением ушли, а в основном не пожелали оцифровываться, переходить от карандашей и кульманов с ватманскими листами к компьютерным «автокадам», «маткадам» и прочему, то в значительном числе потребовались и новые, не с кондачка подготовленные кадры.

...И в Тулуповске усилиями неимоверными, благо характеры сформировались в прямой временно́й связи со сталинскими установками, академиком Гусаковым сохранилось в рабочем состоянии одно из первейших в стране ракетно-пушечное исследовательско-конструкторское объединение, а другим всесоюзно, потом всероссийски известным начальником и главным конструктором — того же ранга предприятие по более специализированному типу оружия. Для пополнения их инженерными кадрами скоренько подтянули «пентагон»: вместо тройбанистов с офисно-торговым прицелом начали привлекать — гарантированным трудоустройством на серьезных

предприятиях с вполне реальной оплатой — более серьезных ребят. И родители абитуриентов вспомнили те, не столь уж далекие времена, когда весь Тулуповск трудился на оборону, да и сами они, в практическом плане ныне рано взрослеющие, соображали: время мелких лавочек и офисов «купи-продай» проходит стремительно — власти для своей поддержки они уже в массовости своей не потребны. Значит, есть смысл ориентироваться на восстанавливаемую военную промышленность, хотя бы в «пентагоне» учиться шесть лет, а базовые дисциплины там в основном физико-математические.

Отчасти и по таковым соображениям Игорь Редькин, учась в школе изрядно, как по-гимназически говорили персонажи русских классических романов, поступил на «пентагоновскую» специальность; но он и самоличный, не зависящий от общественных веяний, пунктик имел: словно в генетическую компенсацию деду Трофиму Епифановичу, служившему солдатом-пахарем в курском военном совхозе, и отцу, вообще не служившему (кафедра военной геодезии и картографии не в счет) по причине учебы в институте, его с детских лет тянуло к оружию. Не в смысле стрелять-фехтовать, но изготавливать его. Рогатки, луки детства, а затем появившееся изобилие китайской игрушечной милитаризации — все это занимало Игорька, затем Игореху по-дворовому, в части устройства и принципов работы.

Поэтому выбору факультета и специальности никто не удивился в доме — родители и брат-аспирант — и вне его, то есть замужняя сестра, самая старшая из детей Василия Трофимовича и ее супруг, жившие отдельно, и весь круг знакомых Игоря, включая школьных одноклассников.

♦ Память Игорь — потому в школе и в университете учился не напрягаясь, но хорошо — имел отменную с детско-отроческих годов. Поэтому, когда в узком пацановском кругу, еще не до конца отмененном компом, кто-то затевал бренчать на гитаре и подпевать из вечного дворового навроде «В кейптаунском порту, с пробоиной в борту, «Жаннета» поправляла такелаж», то Игорь, занятый чем-то совершенно иным, мимоходом поправлял: «С какао на борту». И никто не возражал. А если иной Фома неверующий просил разъяснить, тот охотно и рассудительно это делал: «Речь в песенке идет о судах явно торговых, поэтому с пробоиной не вяжется никак. А парусные суда имели сложное, даже капризное хозяйство, поэтому требовали поправки такелажа перед каждым длительным переходом — здесь же везти груз какао-бобов из Кейптауна в Европу в огиб всей Африки. Это не фунт изюма!»

Доцент Николай Андреянович, ставший с четвертого курса, с которого собственно и начинались его дисциплины у студентов-ракетчиков, особо примечать Игоря Редькина, как-то заметил ему: «Ты вот просто Игорь сейчас, а у меня имеется давний, еще со времен «Меткости», друг, тоже Игорь, но с обязательным отчеством Васильевич, ибо всевозможный заслуженный и почетный, обладатель неоднократных ученых степеней и званий. И память у него абсолютная, то есть он все помнит с пятилетнего возраста: слышанное, самим сказанное и увиденное. Даже осязательная и вкусовая память у него в абсолюте! Например, он помнит вкус советского производства пива, которое делали естественным брожением с циклом шестьдесят дней. А потому уже почти тридцать лет, с кончины нашей родной и так далее, не берет в рот ни единой капли того скороспелого, в шесть дней забурлыживаемого, напитка, что именуют пивом. На самом деле — это недобродивший солод с добавлением химически произведенного спирта, всяких ароматизаторов и консервантов, а также закачанного — для пены — углекислого газа. ...Впрочем, по той же вкусовой памяти твой тезка по имени не употребляет вин. Все они порошковые, какие бы цены и этикетки к бутылке не были приставлены. Это как в «Бесприданнице» Островского, что вашему поколению более известна как «Жестокий романс» михалковский: дескать, сударь, по восемьдесят копеек бутылки кругом, а наклейки какие пожелаете наклеим. Ну-у, это все к слову, к примеру, а у тебя, не берусь по твоей молодости судить о винно-пивной памяти, но в научном плане таковая отменна!»

Игорь, конечно, уловил в похвальном его памяти монологе, что случился в преподавательской, куда он, как староста группы с первого курса, за пятнадцать минут до начала занятия зашел за семинарскими методичками, причину своеобразной трактовки абсолютной памяти: от матерого ракетного доцента слегка попахивало. Да он и сам ненароком оговорился, что с утра заходил к профессору Скородумову поздравить того с лауреатством почти безденежной, но ценимой в широких научных кругах премии...

Другая, уже обоюдная, не монологичная, беседа интересующегося мыслями и нравами современного юношества доцента с запомнившимся ему неординарным мышлением студентом состоялась на предэкзаменационном зачете. По неписанным, еще с советских времен, правилам студенческой жизни староста группы завершал зачеты и экзамены. Здесь сочетались и армейские традиции, созвучные с военной спецификой «пентагона» (по-чапаевски: в обороне командир с биноклем в тылу дивизии), и штатский либерализм: все равны, староста не выпячивается своими знаниями... равно и незнаниями. Худо-бедно, со скупыми поощрениями Николая Андреяновича, чаще с необидными его смешками и словесными подковырками, группа «зачлась». Игорю он подмахнул роспись в зачетке после пары вопросов на смекалку.

— Смекалка, дорогой мой,— благодушествовал доцент, явно не торопящийся, в два часа пополудни заседание кафедры, домой на обед, хотя и рядом живет, особого смысла идти нет,— в нашем *с тобой* инженерном деле суть интуиция мышления, на которое накладывается вся громада приобретаемого годами и десятилетиями конструкторского опыта. Но вот с твоей точки зрения: осталось ли место этой смекалке-интуиции в современной инженерной практике?

— Можно говорить, Николай Андреянович, без казенных словосочетаний?

— Конечно, конечно. Я ведь не советский парторг и не нынешний чиновник на официальном приеме у губернатора. Опять же всем в «пентагоне» известно, что я не профессиональный, как говорится, преподаватель, а пришел, по словам классика «пора на пенсию, в сенат», из военной промышленности. Так сказать, от кульмана и испытательного стенда... еще от язвительных неудовольств сурового, но справедливого академика Гусакова, в своем роде морального садиста, и отборной матерщины — в качестве обыденного разговорного языка — цеховых начальников и знающих себе цену работяг-уникумов...

— Я вас понял, Николай Андреянович. Вы имеете в виду стремительное оцифровывание всех инженерных работ и интернет?

— Во-во, Игорь Васильевич гордится изобретением нового слова *цифрофрения* — метко, по-нашему, по-оружейному! Так сказать, новая версия доброго старого русского мата. Итак?

— За себя могу сказать: всячески сопротивляюсь возможной утрате интуиции. Не хочется стать приложением к интернету, в смысле — брать уже готовые решения, а еще проще говоря — совсем отказаться от использования своей памяти, как оперативной, так и основной, подсознательной.

— Это сейчас в школьной биологии про виды памяти так просвещают?

— Нет, там все на тестовую зубодолбежку переведено. Читаю много. И брат аспирант в педуниверситете, диссертацию сочиняет по психолингвистике. Вообще-то он сугубый современный практик. Степень нужна для карьеры чиновника. Он это вовсе не скрывает. Но — далеко не дурак. Таковых у нас в семействе не наблюдается.

— И как соотносятся эти два вида памяти — я-то от Игоря Васильевича, это его конек, все знаю, в интернетовском оцифровывании?

— Очень просто, Николай Андреянович, соотносится. Оперативная память замещается справками из интернета, вплоть до мелочей: от правильного написания слова до формулы квадрата суммы двух чисел. То есть этот вид памяти в итоге суживается для указания пальцам рук нужных клавиш клавиатуры. Творческая же, под-

сознательная память и вовсе уходит в виртуальную реальность уже готовых компьютерных программ.

— Ну-у, батенька, как вы радикально с живым-то человеком разделываетесь! — восхитился Николай Андреянович, но в том же ключе еще минут двадцать побеседовал с оригинально мыслящим студентом, посоветовав тому стать читателем журнала, редактируемого профессором Скородумовым.

♦Оба живших в семье брата Редькины, аспирант и студент, понятно дело, работали. Аспиранту по нынешним временам было бы дико на шее у родителей сидеть. Игорю же отец, как значимый в области специалист, преимущественно по кадастровой части, необижаемый по окладу и иным легальным источникам, неоднократно предлагал «не отвлекаться от учебы, что у нас на прокорм и даже определенные карманные не хватит?» но и сам понимал: времена совершенно отличные от его студенческих бытований. Если в его студенчестве подработка являлась «поддержанием штанов» и совестливостью напрягать, будучи здоровенным лбом, родителей — то есть отягчающим, всего лишь сопутствующим основной учебе занятием, то на примере своих уже детей в годы их студенчества четко осознавал, что это уже поколенный образ жизни, когда *работа* заменила *труд*. Василий Трофимович в недурственной своей памяти (было в кого Игорю с его «абсолютом» пойти!) как-то не зафиксировал времени и ситуации, когда он, глядя на своих детей и молодых сотрудников по своей службе, пришел к открытию для себя разницы между трудом и работой. Толчком же послужила... рыбалка, основное и, пожалуй, единственное его увлечение-отдохновение. Благостное («ее же и монаси приемлют», в смысле вкушают рыбу вместо мяса) это занятие дарует человеку уйму времени для неторопких размышлений, в которых прошлое наслаивается на будущее, усредняясь в настоящем. Во время священного акта ужения плотвичек, что шли на баловство домовому коту, и задумался Василий Трофимович на тему сопоставления: почему в советское время слово *труд* заметно теснило вроде бы аналогичную по сути *работу*? Что и в официальных документах присутствует. Супруга его, как любая женщина, серьезно относящаяся к своему здоровью — дай, бог, и дальше вовсе не хлипкому! — тоже заметила, случайно заинтересовавшись: «А что это, Вась, раньше в больничных писали «Приступить к труду (с такого-то числа)», а сейчас ставят слово «к работе»?»

И на очередной субботней рыбалке сам-один, компаний здесь с обязательными «выпили-закусили», хотя бы в жизни стопку мимо рта не проносил, Василий Трофимович не терпел, его озарило, как открывателя-самоучку. Ведь работа — от слова *раб*, а труд есть осмысленное, в чем-то всегда творческое содержание жизни? — Получалось, что так оно и есть.

Игорь, став подрабатывать, как и все его сокурсники, с самого начала университетской жизни, вряд ли оттенил в памяти слова отца, в какой-то семейный праздник под тост сказанные. Именно — не оттенил, то есть не обратил нарочитого внимания. Да и не требовалась ему такая подсказка — осознание содержания вспомогательного к учебе занятия само собой и понималось именно как кем-то и чем-то незнаемым установленное, необходимое по определению «вычеркивание» из своей жизни стольких-то часов в день. А поскольку это привносило усталость, то, значит, такое же «вычеркивание» организменных сил. И далее он развивал мысль: удовольствие эта самая работа (в интернете, с компьютером — как у всех), какого-то удовлетворения не приносит; от денег, конечно, никто не отказывается, но особо они им и не востребованы. Деньги, как самоцель, под иной, нежели у него, да и всех его семейных, характер «деланы». Даже иной чем у Остапа Бендера — для сына турецкоподданного таковые тоже являлись не самоцелью, но всего лишь средством. И нынешняя реклама в телеящике клевещет на Остапа Ибрагимовича, заявляя в ролике, что-де Бендер являлся первым продюсером гениальных проектов, и в наши дни его имя возглавляло бы списки журнала «Форбс»... Нет, деньги для Игоря не самоцель, а по большому

счету даже и не средство. Получается, что именно сейчас в самой полной мере сбывается библейское проклятие первочеловеку: работа (а не творческий труд!) есть немотивированное ярмо человеческое. Первые две книги Ветхого Завета он со вниманием прочел еще учась в девятом классе — в доме имелась старозданная библия; как оттиснуто на титульном листе: «В русском переводе. 2-е Синодальное издание». Ее дед Трофим Епифанович, призванный и направленный в курский военный совхоз, обнаружил на чердаке пустого дома, в котором поначалу расквартировали его отделение...

До одиннадцатого класса Игорь пользовался интернетом и «гэджиками» — с язвительного языка Василия Трофимовича — как и все остальные, не задумываясь, не восторгаясь, но и не порицая все более и более новые разработки Силиконовой долины и их китайскую штамповку. Полагал: так надо, но кому надо? — не задумывался. Тот же поплевизм. Но в выпускном классе, когда его невидимая глазу белая ворона, пролетая по своим орнитологическим делам, слегка задела крылом, и задумчивость пришла: конечно, научно-технический прогресс со времен средневековых мануфактур (а на втором курсе уже с наслаждением читал в первом томе «Капитала» любовное описание Марксом таковых) неотменим и до появления радио, телевидения, вычислительных машин вроде бы никаких возражений и сомнений не вызывал. Бабушка с антресолей с керосиновой лампой из сочинения одесских классиков не в счет.

Но ужасающее ускорение последних лет в оцифровывании человечества, причем глобального, вызвала в голове старшего школьника Игоря Редькина какой-то ступор, что продлился до второго университетского курса. Здесь на него напала — после окончательной размолвки со Светкой, первой юношеской любовью — читательская лихорадка по естественным наукам. Благо он напал в интернете на каталог московского научного издательства, что специализировалось в последние двадцать лет на издании книг западных, преимущественно английских и американских, современных или почти современных, светил этих наук. Самое главное, все эти нобелисты и близкие (по своей относительной молодости) к ним ученые умели замечательно писать для широко образованного читателя ясным, но объективно научным языком. Наши высоколобые только начали осваивать такую манеру изложения. Часть таких книг он нашел в университетской библиотеке, иные, насколько позволяли «стукнешь по карману — не звенит», покупал через книгу-почтой. В Тулуповске все книжные магазины закрылись ввиду полной утраты спроса «на бумагу», а Москву с недавних пор стал полагать совсем другим государством, неуютным даже для дневного пребывания в «городе желтого дьявола».

Результатом такое целенаправленной читательской лихорадки и стало преодоление затянувшегося на годы ступора. Игорь пришел к точным по формулировкам выводам, сам-для-себя рекомендациям. А именно: традиционный человек обречен на перевоплощение в электронную, цифровую копию. А раз так, то в своей жизни, в которой с керосиновой лампой на антресолях не отсидишься — Василий Трофимович из того времени, когда последние поколения студентов наизусть цитировали страницы книги об Остапе Бендере, изустно в хорошем настроении пересказывал ее своим детям,— то следует усилиями воли сохранять человеческое, творческое мышление, хотя бы оно и есть «архитектурное излишество» для современного бытия; «человек — это звучит гордо!» в то же время, хотя бы и с брезгливостью, по необходимости нести на себе оцифрованное бремя.

...Через благоволящего к нему Николая Андреяновича Игорь был представлен своему тезке — по имени — профессору Скородумову и стал его молодым научным коллегой. А главное, на первом году инженерной работы встретил основную в своей жизни, уже непреходящую любовь. Сказке ли конец? — но для его возраста это стало ее началом.

Доцент философии Енукидзе не любил частной собственности. Чужой. Своей же не имел по причине низкой зарплаты и благодушной лени характера, хотя и был родом с предприимчивого Кавказа, точнее — Закавказья. Короче говоря, обрусел уже в третьем поколении, а истинный православный русский человек на эту самую собственность прибор положил... Нынешние идеологи объясняют такое странное свойство пресловутым, принудительным коллективизмом: замкнутые в глухих лесах роды племен вятичей и древлян, крестьянская община при крепостном праве и после него вплоть до Столыпиных реформ и революций; наконец, силой загнанные в колхозы-совхозы. Но зачем же сдвигать мотив на цель, как говорят философы,— ведь и в Европе была схожая история, но коллективизмом там не пахло и вовеки на запахнет. Все дело в православии, которое русские приняли, как дети, всей душой, а православное христианство напрочь отвергает частную собственность.

...Иногда снилось доценту Енукидзе, что он юн и с братишкой Гогой работают в сельской кузне: плавят, куют, вытачивают. Любо-дорого посмотреть на них со стороны! И самим весело, хотя и жара банная от горнового пламени, от раскаленного инструмента и остывающих поковок.

Проснется доцент, потянется в постели, заулыбается. И тут же заугрюмился: «Вот-вот, так эта зараза и затягивает. Хорошо детям играться в кузнецов. А подрастут, женятся, и бабы алчные стравят их с Гогой на почве дележа прибыли, топоры в руки возьмут. В итоге — один на вечный покой, другой — лес валить в Коми-республику...»

Юрий Мартишин
(г. Электросталь)

КИНОМАН

Наш постоянный автор.

Как много людей работают без души, отрабатывая свою трудовую вахту от безвыходности положения, ища и не находя себя в этой жизни! Как много народа мечтает о профессии, которую никогда не смогут приобрести в силу определенных обстоятельств...

1. Охранник-контролер

Его звали Николай Бабин. Сей субьект был фанатом кинематографа. Все, что показывали Бабину по ящику, он проглатывал с утра до глубокой ночи. Работал Петрович охранником-контролером в мясном магазине со звучным названием «Вырезка». Работу свою не любил, начальника презирал.

— Да за что ее, треклятую, любить-то можно? — шептал Николай мяснику Аникею.— Денег платят восемнадцать тысяч рублей в месяц. А походи за эти деньги двенадцать часов, два через два, а?

Аникей Михайлович дружески мотал головой.

Немолод был наш герой — шел киноману пятьдесят четвертый год. Большая часть жизни данного индивида была, попросту сказать, профукана. Мыкался Коленька по жизни туда-сюда, менял профессии как перчатки. Вот его послужной список: медбрат, официант, продавец, грузчик, мерчендайзер, торговый представитель. Докатился до охранника. И хотя жизнь Николая Бабина была, мягко сказать, не совсем налажена, он продолжал мечтать о съемках в кино. Как говорится, если сильно хотеть, Бог тебя услышит. Ну, не в кино попал, но героем телепередачи Петрович стал и даже пожалел об этом — конфуз на съемочной площадке случился.

А было это так. Шел две тысячи второй год, пора зарождения разных скандальных телешоу и телесериалов. После программы «Моя жизнь» Павла Мисарова выходит в свет его же проект «Форточки» с ведущим Дмитрием Гереевым. Вот в эти «Форточки» Петрович и залетел. Сын его Аким учился тогда в московском институте на телеоператора. Так вот, агент телепередачи в вузе, где учился младший Бабин, разместила на доске объявлений листок следующего содержания: все желающие, которые хотят сняться на телевидении в следующем проекте (название), звоните мне по данному номеру. Внизу имя и фамилия: агент Рита Юшкевич. И самое главное: мероприятие это не бесплатное. Чем больше роль, тем и оплата выше.

Молодым всегда деньги нужны, сами понимаете. Снялся тогда Аким в этой мыльной опере. Всей семьей смотрели выпуск. Николай Петрович во время просмотра все ерзал и смотрел на сына в ящике с расширенными от удивления глазами.

— Ну ты даешь, Акимка! — кричал он, не давая смотреть домочадцам передачу.— Я знал: есть у нашего рода природный дар к актерству!

— Да замолчи ты, пень старый! — возмущалась Клавдия Сергеевна, жена киномана.— Не ори, дай сына посмотреть, старый деспот.

— А я говорил: «Иди на актера учиться, парень»,— не унимался возбужденный охранник.— Не послушал отца, гордец. Мол, это не его.

— Ты посмотри, что вытворяет, мать, как он этому дядьке говорит: «Я уже взрослый, хочу — женюсь». Аким, а как зовут этого актера?

— Какого актера?

— Ну, отца твоего сценического.

— Он, папа, простой инженер, любитель сниматься.

— Да,— присвистнул Петрович и прилип к телевизору, поедая инженера глазами.

Всю ночь после этой программы кинофанат не спал. А не сомкнул он глаз вот почему: роль отца сынули сыграл какой-то инженер его лет. А почему он, охранник-контролер, не может тоже сыграть роль отца какого-нибудь парня? Чем он хуже? И задумал Николай сняться в этом ток-шоу. Правда, это не кино, но какая драматургия! Его сын спорил с инженером, говорил, что он уже самостоятельный и хочет жениться. Весь месяц потом Николай Петрович выпытывал у Акима тот заветный телефон агента Риты, оставленный в институте.

— Да какой из тебя артист? — обидно заключал молодой выскочка.— Ты же простой охранник, а там играть надо, импровизировать. Разве ты сможешь?

Петрович унижался перед сыном, клялся, что в молодости он участвовал в самодеятельности и небезуспешно, и вообще может сыграть любую роль.

— Это у меня от рождения,— говорил он.— По ошибке стал охранником.

Битва с молодым человеком была не из легких. «Проще,— думал киноман,— трех воров задержать, чем у сына телефон выклянчить». И вот, наконец, мальчик дрогнул, когда увидел Петровича с красными и влажными глазами. Протягивая клочок бумажки отцу, все же заметил:

— Не опозорь меня, папа.

Дозвониться и записаться на кастинг оказалось делом быстрым. Агент Маргарита спросила лишь:

— Кто дал вам мой номер?

Петрович объяснил, что сын у них снимался. Это развеяло все ее дурные мысли, откуда у взрослого мужика ее номер телефона.

2. Кастинг

Пора стояла зимняя, середина декабря. Николай Петрович приехал в Москву рано. Договаривались на восемнадцать, но уже в час дня Петрович ходил по Москве, интересуясь столичной жизнью. Кастинг на Профсоюзной улице показался киноману чем-то необыкновенным. В двенадцатиэтажном доме на первом этаже было много контор. Люди ходили туда-сюда. Бабин спросил у женщины в окошке, как попасть на кастинг. Та ответила, что он начнется с шести часов, выйдет девушка и заберет всех, кто пришел.

— А пока что только десять минут шестого,— взглянула она на часы,— так что подождите, молодой человек.

Петровичу было приятно такое обхождение: молодым человеком его давно уже никто не называл. Постепенно собрался народ. По людям было видно, что они пришли на кастинг: все какие-то нарядные, с огоньком в глазах; женщины накрашенные, как будто на свадьбу прибыли, мужчины чисто выбритые. Какой-то дед рассказывал двум молоденьким девчонкам, что здесь он уже был, но материал не пошел, и его пригласили снова. Петрович смотрел на всех восхищенными глазами.

Время пролетело незаметно. В семь минут седьмого выходит откуда-то, толкая вертушку, маленькая женщина в очках, с толстой тетрадкой под мышкой и объявляет

всем, что она пришла забрать людей на кастинг. Все стали записываться в ее толстую тетрадку. Записался и Петрович.

На третьем этаже в аудитории триста семьдесят пять стояли пять столов и с десяток стульев. За одним большим столом в конце аудитории сидели шесть молодых людей — две девушки и четыре парня. А напротив открывающейся двери в рядок стояли четыре маленьких столика, на одном из которых, а точнее, на крайнем к выходу, лежала стопка анкет. Запускали по четыре человека, остальные ждали своей очереди в коридоре. Киноман попал в третью группу.

— Проходите,— щебетала одна из студенток.— Заполняйте анкеты. Кто заполнил, проходите сначала ко мне для фото, потом — за сценарием,— указывала она на стол, где заседали ее сверстники.

Все дружно стали заполнять анкеты. После фотографирования подходили к строгим студентам. Те спрашивали их о разных вещах. Например, у молодой худощавой девушки смуглый высокий юноша спросил:

— А ты можешь заплакать?

И та, напрягаясь в имитации рыдания, стала громко кричать, совершенно не стесняясь окружающих. Было страшно и одновременно смешно. К удивлению Петровича, она получила желанный сценарий, по которому должна была сыграть женщину легкого поведения.

Потом к столу подошел толстый парень лет двадцати ростом под два метра. Ему на ушко что-то шепнула белокурая стройная студентка, и он стал громко ругаться матом и бить себя в грудь, орать, что никто его не понимает. Побагровев от натуги, юноша стал непроизвольно брызгать слюной, да так далеко, что замочил стоявших за ним кандидатов. Экзаменаторы были довольны, захлопав от впечатления в ладоши.

— Молодец, Вадик! — крикнула студентка, экзаменовавшая парня.

Глаза Петровича то расширялись, то сужались. Он ловил каждую реплику претендентов на роль, подмечая излишнюю эмоциональность одних и выделяя оригинальность других. Наконец-то очередь дошла и до него. После фотографирования он скромно подошел к столу со сценариями. Судьба подвела охранника к импульсивной белокурой студентке, которая восхищалась Вадиком. Окинув взглядом пятидесятитрехлетнего мужика, она подумала: «Что он здесь делает?» Вслух же с улыбкой спросила:

— Вы актер?

На это смутившийся и испуганный Петрович быстро произнес:

— Начинающий.

— Ну, раз так,— притворно удивилась студентка,— вот вам сценарий, учите. Прочитайте и своими словами расскажите. Вас как зовут?

— Николай Петрович,— промямлил испуганный пожилой мужик.

— Ну так вот, Николай Петрович, часа вам хватит?

Начинающий актер закивал головой. Было видно, что мужчина сильно волнуется. Взяв сценарий, Николай Петрович забился в уголок, пытаясь вникнуть в суть повествования. Буквы прыгали то вверх, то вниз. Претенденты на роль кричали до исступления. Сосредоточиться не удавалось. Прилагая неимоверные усилия, начинающий актер все-таки прочел животрепещущую драму.

Назывался сценарий «Письмо Татьяны». В нем рассказывалось о женщине, от которой ушел муж. Мужа звали Виктор. Этого недостойного супруга и должен был сыграть киноман. Ушел он под Новый год к соседке, живущей этажом выше. Разум у Татьяны помутился, и она стала писать письма Деду Морозу: мол, с детства верила в дедушку, который ей оставлял подарки под елочкой. Сказался, по-видимому, стресс от предательства мужа: одиноко стало, вот женщина и тронулась. Кидала письма она почему-то в свой почтовый ящик. Как-то раз, проходя мимо этих почтовых ящиков, счастливый Виктор увидел валявшееся письмо. Какая-то неведомая сила заставила

его поднять этот клочок бумаги. Бегло окинув конверт взглядом, изменник понял, что это письмо от его бывшей жены — ее почерк нельзя было спутать ни с каким другим: был он ровный, размашистый, буквы круглые, красивые завитушки у букв «у» и «р». Сначала Виктор смеялся от души: в письме Татьяна жаловалась Деду Морозу на него. Писала, что муж много ел: «Все деньги, что мы зарабатывали, уходили на продукты. Я, дедушка, кашки поем, ну, супа в обед, вечером — яблочко и все. А мужу, как встанет, с утра мясо подавай, винегрет делай, компот вари. С собой на работу кастрюлями носил щи, картошку с курицей, гречку с гуляшом. После работы — поджарку свиную, блины с вишней, пива литра три выпивал. В выходные от плиты не отходила. В результате следить за собой перестала. Да когда же тут всем заниматься? Да и на что? Все деньги на эту ненасытную хлеборезку уходили. Все съедал. И вот, дедушка Мороз, за все мое хорошее, за то, что кормила, обстирывала, обштопывала, ухаживала за ним, как за маленьким, он меня бросил. Ушел к соседке из нашего же дома. Перед людьми стыдно. Мусор выносить пошел, так и не вернулся. Плохо мне, дедушка. Ночами не сплю. Привыкла я к нему, изменнику проклятому. В выходные с утра до вечера лежу на кровати, в потолок смотрю. Даже телевизор не включаю, о нем думаю. Как он там, у чужой женщины, накормлен? На работе подруги жалеют, видят, что переживаю. Я кассиром в магазине работаю. Три раза уже недостачу оплачивала. Начальство ругает, грозится уволить. Дедушка, ты мне в детстве подарки под елкой оставлял. Верю я в тебя, хоть и взрослая уже. Вот уже год прошел, как Виктор ушел от меня. Прошу тебя: сделай чудо. Хочу в Новый год повстречать такого мужчину, чтобы он мало ел, много зарабатывал, был небольшого роста, а не как этот верзила, любил меня и не бросал. А я для него свитер свяжу и носки. Ухаживать буду, прямо на руках носить. Одной очень плохо, дедушка. На этом все, твоя Татьяна».

Когда Виктор дочитал до конца, ему очень жаль стало свою бывшую супругу, ведь столько лет вместе прожили. Пусть и с чудинкой и детей ему не родила, но ведь она страдает в одиночестве, а он счастливо живет с новой супругой младше его на десять лет. «Нет, это несправедливо»,— подумал Виктор про себя. У него на работе трудился холостой непьющий карлик. Судя по описанию бывшей супруги, именно такого она и просила у Деда Мороза. И вот решил счастливец свести свою бывшую жену с ним. «Пусть все будут счастливы»,— мечтательно сказал он и облегченно вздохнул.

Татьяна рассказывает свою историю всей стране и Гереееву. И тут неожиданно после слов Гереева: «Встречайте!» — на сцену студии должен выйти Дедушка Мороз с мешком — это по сценарию Виктор, бывший муж брошенной Татьяны. Из мешка выпрыгивает карлик, Дед Мороз снимает бороду, Татьяна узнает в деде Витю и... Короче, все счастливы. Карлик сидит на коленях у Татьяны, Виктор широко, по-детски, улыбается. Конец сюжета.

Петровича даже на слезу после чтения сценария пробило.

— Ну что, прочитали? — спросила студентка, видя, как к ней идет неопытный пожилой претендент.— Отойдем в сторонку, я вас послушаю.

И тут началось. Петрович как с цепи сорвался: стал ругаться со студенткой, изображая мужа Татьяны, да так натурально, что девушка попятилась в сторону, на миг испугавшись агрессии. Вытянувшиеся и внимательные лица экзаменаторов свидетельствовали о явном успехе киномана. И вот 20 декабря 2002 года в 12 часов ночи в дверь квартиры охранника Бабина постучал счастливый хозяин.

— Приняли! — крикнул он жене, открывшей дверь, и пулей влетел в квартиру.

Не поев и не сказав Клавдии больше ни слова, разделся и завалился спать. Сон великого актера, как и день, тоже был на высоте. Во сне он продолжал играть: ругался, смеялся и вообще шпарил без запинки текст, который, кстати, прочитал до этого один раз. Его партнерша, настоящая актриса театра и кино, постоянно сбивалась и

смотрела в текст, который был записан у нее в маленьком блокнотике, умещавшимся на ладони. Народ в зале возмущался и кричал на актрису, но она нечего не могла поделать — плохая память. Бабин сочувственно кивал головой и разводил руками, но про себя тоже возмущался вместе с народом: наберут, понимаете ли, бездарностей...

3. Телепередача

Съемка была назначена на 24 декабря. Снимали на Мосфильмовской. Перед съемкой должна была состояться генеральная репетиция. Дома все три дня у Бабиных был ад. Как вы сами догадываетесь, возмутителем спокойствия был актер-любитель Николай. Домочадцы часами ждали, когда освободится туалет, из-за двери которого доносились крики:

— Я не люблю тебя больше, Татьяна!

После этого шла длинная пауза, сопровождавшаяся шуршанием бумаги. И, наконец, звериный вой Бабина:

— Ну что ты делаешь со мной, любимая?!

Тяжелее всего эти дни перенесла Клавдия Сергеевна. Женская ревность сверлила и жгла, сосредоточенность мужа на роли делала ее для Николая невидимой и ненужной, а это то еще испытание для женщины.

И вот открывается дверь 65 аудитории, где проходят репетиции сюжетов для передачи «Форточки». Слышен шум репетирующих людей, уже так знакомый киноману. Вот и Вадик вытирает пот со лба, ходит из стороны в сторону; девчонка, изображавшая рыдания на кастинге,— все они снимаются. Вдруг Николай замечает маленького человека в ковбойской шляпе. Рядом с ним сидит мужчина лет тридцати, они увлечены беседой. Петрович инстинктивно подходит к ним и спрашивает, обращаясь к маленькому человеку:

— Извините, что прерываю вашу беседу. Вы пришли на съемки сюжета «Письмо Татьяны»?

— Да,— ничуть не удивившись, говорит карлик.— Это режиссер программы Борис Евгеньевич,— представил он мужчину, только что беседовавшего с ним.— А вы, очевидно, Виктор, муж Татьяны,— улыбается тридцатилетний мужчина, тряся руку киномана, и продолжает: — Ну что, батенька, будем играть трагикомедию?

Петрович смущенно, но бодро говорит:

— Будем.

— Сейчас подойдет наша дама,— не унимается Борис Евгеньевич,— и начнем репетировать,— при этом щурится и потирает руки.

Татьяной оказалась женщина плотного телосложения. В жизни актрису звали Вика. Была она, как и киноман, не профессионалкой, но как только начала говорить текст, киномана взяла робость: Татьяна так правдоподобно и без запинки рассказывала свою историю, что Петрович засомневался в своих артистических способностях, в которые за последнее время уверовал по-настоящему. Наступил момент, когда надо было вступать ему.

— Татьяна...— промычал он неуверенно и затих.

Пауза была тяжелой: Петрович забыл текст.

— Бывает,— бодро залепетал Евгеньевич.— Встаньте, как там вас, Николай,— прошипел киноман.— Да, бывают такие запинки, даже у великих! — добавил он, многозначительно подняв указательный палец вверх.— Давайте, дорогой мой дружок, расслабимся и попрыгаем на месте.

Глаза у Петровича округлились.

— Не удивляйтесь, друг мой, это упражнение по снятию стресса. Вы просто попали в непривычную для вас обстановку, вот вас и заклинило.

Киноман неуверенно, на глазах у всех стал подпрыгивать на месте. Было страшно

неловко. Вся аудитория затихла и смотрела на него, не понимая, что происходит. «Наверно, роль такая»,— подумали многие, и репетиции возобновились.

— А теперь, дружок, спойте,— произнес режиссер программы.

Киноман остановился как вкопанный.

— Что?! — произнес запыхавшийся охранник.

— Нет, вы продолжайте прыгать,— пропищал режиссер.

— А что петь? — заикаясь, промычал охранник-контролер.

— Ну, скажем, «В лесу родилась елочка»,— завершил он твердо.

И так, прыгая, наш герой запел дрожащим голоском про елочку. Все это упражнение по снятию стресса продолжалось минут пять, но Петровичу показалось, что это длилось вечно. После этого Петрович запел соловьем. Репетиция продолжилась.

— Ну наконец-то,— сказал режиссер, потирая ладони.— Вот что значат упражнения. Все хорошо, отрепетировали на пять. Готовимся выйти на сцену. Сергей,— махнул он рукой своему помощнику,— проводи актеров в костюмерную и на грим, да и объясни им, что и как.

И тут же к Николаю и Павлику — так звали малыша — подошел длинный долговязый прыщавый парень лет восемнадцати.

— Сергей,— представился он всей компании.— Вы, Виктория, сказал он даме, стоявшей поодаль,— выходите в зал первой.— Вы,— обратился он к Петровичу,— выходите после слов Гереева: «Встречайте: Дед Мороз!» Ну а вы,— опустил он взгляд на Павлика,— выходите вместе с Николаем в мешке. Сейчас же, мои дорогие, на костюм и на грим. Когда будете готовы, подождите меня, я вас провожу и объясню, что делаем дальше.

Костюм у киномана был шикарный: из атласной ткани благородного синего оттенка со вставками из белого меха. В комплект входили шуба, шапка, рукавицы, мешок, пояс, борода. Петрович вспомнил детство: в садике Дедом Морозом всегда была Екатерина Ивановна, воспитательница. В детстве же маленький Коля долго любовался шубой деда, она была ярко-красная со снежинками. Борода внушала уважение и страх. Пахло от Деда Мороза всегда женскими духами. Петрович теперь понимал, почему.

Костюмеры быстро помогли охраннику. И вот в костюмерной как по волшебству появился Дед Мороз. Все хвалили мужчину.

— Вот это настоящий Мороз, статный, не грех такого по ящику показать,— щебетала громче всех Егоровна, самая пожилая дама среди костюмеров.

Грим наложили тоже очень быстро.

И вот они с Павликом стоят у двери гримерной, молча волнуясь.

— Ну что, пойдемте,— крикнул на ходу бегущий Сергей.

За ним бежали Борис Евгеньевич и еще какой-то мужчина с черными коробочками, из которых торчали провода. И когда они поравнялись с Петровичем и маленьким человеком, Сергей, запыхавшись, сказал:

— Съемки уже начались, теперь очередь за вами.

Неказистый мужчина подошел сначала к Павлику, окинув его взглядом, быстро засунул ему коробочку с антенной за спину, а провода с микрофоном, протащив под рубашкой, закрепил на воротнике. То же он сделал и с Петровичем. И все быстро устремились за ним, кроме неказистого мужичка. Он, сделав свое дело, отправился назад. И вот, не дойдя метров пятьдесят до выхода на сцену, группа из четырех мужчин, один из которых был похож на толстого мексиканского мальчика, а еще один вообще был Дед Мороз, остановилась. Сергей, показав Петровичу на мешок, потом — на Павлика, сказал чуть слышно:

— Сажаешь его в мешок и несешь в зал. Ну а там — по сценарию.

Борис Евгеньевич, серьезно посмотрев на актеров, шепнул:

— Не подведите.

И руководство мгновенно исчезло. Киноман посмотрел на малыша, а тот, в свою очередь, снизу вверх на огромного Деда Мороза. Во взгляде маленького мужчины читалось очень искреннее детское доверие. Павлик как бы говорил Петровичу: «Ты же не уронишь меня, дядя Витя?» Петрович, будучи не очень сильным человеком, хоть и большим, отвел глаза в сторону. В зале плавно лилась речь Вики. «Скоро Гереев позовет»,— будто током ударило Николая.

— Ну что,— решительно сказал Дед Мороз, доставая из широкого кармана плотно сложенный мешок из атласной ткани. Развернув его и держа за края, он присел, поднося его к Павлику:

— Прыгай сюда, подарочек,— ухмыльнулся Петрович.

Подарок сделал серьезное лицо и бесстрашно встал в мешок, опираясь на плечо партнера.

— Я вешу пятьдесят шесть кило,— произнес он как приговор.

В голове у Петровича сначала потемнело, потом стало суммироваться: пятьдесят метров до зала, там по крутым ступенькам вниз метра три и до дивана еще метров восемь. «Шестьдесят один метр»,— присвистнул он. Холодный пот пробил киномана. Что же об этой гимнастике не сказал Борис Евгеньевич?

— Мать его за ногу! — выругался начинающий актер.

«Подстава,— пронеслось несколько раз в голове охранника.— Вот он, актерский тяжкий хлеб. Я же не осилю». Петрович с детства был маломощным, хотя и крупным. Мать постоянно оберегала Колечку, ставила ему банки, лечила антибиотиками, но к труду и физической культуре никогда не приучала любимого сына, считала это совершенно не нужным делом. «Мой сын,— говорила она,— будет актером». Вот, наверно, поэтому Петрович и мечтал об этой профессии.

— Я готов,— проговорил стоящий перед ним мешок.

Коленька собрался, схватившись за верхушку мешка, как за репку, и сразу отказался от этой затеи.

— Какой скользкий,— бурчал Петрович, пытаясь обнять атласный мешок и приподнять его, резко отрывая от пола.

От рукавичек пришлось отказаться сразу: в них скольжение увеличивалось. Хорошо еще Павлик молчал, не издавая ни звука. Вдруг речь Татьяны стихла, и звонкий голос Гареева таинственно произнес:

— Дед Мороз!!!

Петрович, схватившись за верхушку и одновременно за нижний уголок мешка, резко рванул вес на уровень живота, немного приподнимая его правым коленом,— так торгующие торговцы картошкой таскают мешки покупателям до машины. И, надув все жилы на лбу, сосредоточенно двинулся в зал. Под шапкой сочились струйки пота. Дыхание увеличивалось с каждым шагом, как у паровоза, набирающего скорость. Шаги, как невидимый метроном, отчитывали путь к избавлению от мук: шестьдесят пять, шестьдесят шесть. И вот Петрович видит перед собой зрительный зал. Светло и тихо, даже Гереев торжественно молчал, отдавая должное героическому появлению Деда Мороза в обнимку с мешком. Зрители гадали: почему Дед Мороз несет мешок не на плече, а как охапку дров? А Петрович в это время поглядел вниз, чтобы поставить ногу на спасительную ступеньку, и не увидел ее за телом Павлика. Проемы ступенек были очень широкими, ступеньки — крутыми. Киноман впал в ступор, ведь ему предстояло шагнуть в пропасть, в невидимую черную дыру, да не просто самому шагнуть, а с тяжелым телом Павлика, доверившего ему самое дорогое — свою жизнь. Со стороны вся эта картина напоминала какие-то соревнования Дедов Морозов.

Вот он замер с мешком в руках, готовясь к финальному прыжку в зал! Трибуны безмолвствовали. Молчал даже комментатор. И тут руки Петровича от невыносимого напряжения стали предательски слабеть, постепенно разжимая стальную хватку фио-

летовых пальцев, держащих ничего не подозревающего маленького человека. И, выскользнув из уже ничего не контролирующего захвата напуганного Петровича, мешок плавно покатился вниз. Удар о ступеньку был глухим, напоминающим шлепок мешка с картофелем, будто торговец не донес его до машины и уронил. Потом были вторая, третья, четвертая, пятая ступеньки. Мешок крутился, грохотал и, наконец, докатился до столика, за которым сидела Татьяна, уже без помощи Вити.

Николай Петрович мысленно представлял себя в наручниках, сзади его подталкивали к выходу два здоровых молодых милиционера. Холодное тело Павлика с болтающейся окровавленной головой на носилках уносили люди в белых халатах. Тишину прервал быстро нарастающий шепот зрительного зала:

— Убил жениха Дед Мороз!

— А что, там, в мешке, человек? — допытывалась полная пожилая дама во втором ряду у соседа, мальчика лет четырнадцати, привставшего со стула и пристально смотревшего на мешок.

— Там, бабуля, человек,— обернулся к ней с объяснениями мальчишка.— И по тому, как он выпал из рук Деда Мороза, ударившись о ступеньку, могу предположить, что он уже не дышит.

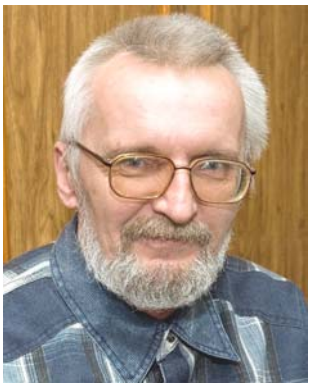
Время отсчитывало секунды, превращая их в минуты. Гереев тупо смотрел на неподвижный мешок. Операторы о чем-то тихо шептались. Зал гудел, как улей. И тут Петровича будто кто-то подтолкнул. Он понял, что надо действовать, пока не поздно. Лихо сбежав по уже хорошо и отчетливо видимым ступенькам, он устремился к мешку. Зал и съемочная группа затихли. Еще не успокоившись и тяжело дыша, но очень уверенно киноман подлетел к мешку, стоявшему возле большого сценического столика, обхватил его сделавшимися железными напряженными руками и рванул вверх. На этот раз мешок не выскальзывал из рук, но тихо возле уха Петровича раздался писк Павлика. Петрович обрадовался, про себя сказав: «Значит, живой подарочек!!!» Пройдя еще метра четыре, он аккуратно и торжественно усадил на диван в мешке живого, как он уже убедился, напарника. Как же стало хорошо старику, когда он увидел вылезавшего и довольного бодрого собрата по опасному актерскому мастерству!

Уезжая домой, Петрович мысленно сказал себе: «Чтобы я еще пошел сниматься...»

Эпилог

Сюжет доиграли до конца, никто не сбился. Когда артисты уходили со сцены, зал аплодисментами провожал героев, которые почему-то были грустны и сосредоточенны. Программу сняли и показали по телевизору, вырезав неудачный выход Деда Мороза. И, конечно же, все Бабины, кроме Николая Петровича, смотрели телешоу. А он в этот день был на работе.

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)



СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Дороги в колдобинах, по обочинам лебеда и крапива. Кое-где побеги ивняка. Заброшены здешние края, забыты жители. С десяток дворов в деревне, но и те скоро опустеют. Вот отнесут на погост последних стариков, и наступит раздолье для сорняков да кустарников. Заполонят округу, затянут паутиной-порослью — и деревушка исчезнет. Холмики да старый погост с крестами напомнят прохожему, что в этом месте люди жили...

— Грунь, Грунь,— позвал старик, укрытый лоскутным одеялом.— Включи тарелку. Сводку послушаю.

— Ополоумел, старый,— бабка Груня, опираясь на старенькую клюку, подошла и присела на табуретку.— Какая сводка, ежели давно тарелки нет?

— Видать, приснилась,— прошамкал старик, рукой провел по лицу и взглянул из-под кустистых бровей.— Кто-нить заходил?

— Лекарка заезжала. Кучу пузырьков и таблеток привезла. Хотела тебя послушать, но я не разрешила будить. Она вздумала в больницу увезти тебя. Велела бельишко собрать. Сказала, в следующий раз заберет. Глядишь, поправишься. Архип Сифилитик заглянул, но я не пустила,— сложив руки на коленях, сказала старуха.— Он обещал вечером зайти, баламут этакий.

— Гони его в шею,— булькнул дед Корней.— Покоя нет...

— Сам выгонишь,— перебивая, сказала бабка Груня.— Твой дружочек.

— Нутро горит,— старик показал на грудь.— Вот туточки. Помру я, Грунь.

Взглянув поблекшими глазами, баба Груша задумалась, потом проворчала.

— Не болтай, Корнейка,— она посмотрела на худое лицо старика.— Всех отнесут на погост, когда время подойдет. Никто еще не задержался на этом свете больше, чем ему положено. Чуток погоди, отвар налью.

Баба Груша вышла из горницы, загремела посудой и появилась, держа старую кружку. Пришептывая, она придержала голову старика и поднесла отвар.

— Пей, Корнеюшка,— сказала она.— Свежий заварила. Глони маленько, полегчает.

Старик закашлялся. Тонкая коричневатая струйка потекла по щеке.

— Все, больше не влезает,— он нащупал полотенчик, вытер лицо.— Видать, лишку глотнул. Оставь. Потом допью. Батяня приснился. Будто сено возили с ним. Стог сметали. Батя подавал навильником, а я утаптывал. А маманька внизу ругалася, что могу под вилы попасть.

— Значит, трава уродится — это хорошо,— прошамкала старуха.— Правда, некого кормить. Скотинку продали. Вон, Клавка Лещиха козу отводит за огороды, а

весенняя травка махонькая, сочная, вечером молочка надоит и разносит по дворам. Куда одной-то столько выпить? Нам кружечку принесла. Скусно — страсть! — бабка Груня причмокнула.— Я чаек разбелила и с хлебушком повечеряла.

Бабка Груша замолчала. Опершись на клюку, она сидела, о чем-то думала, качала головой, взглядывала на старика и опять задумывалась. Изредка проводила сухонькой ладошкой по морщинистому лицу, поправляла седую прядь волос, разглаживала складки на залатанной юбке и опять — думы, думы, думы...

Пестрая кошка запрыгнула на кровать. Потерлась башкой об руку старика, прижалась к нему и замурчала: громко и протяжно.

Прикрытый одеялом, дед Корней лежал, в груди побулькивало, когда старался вдохнуть поглубже, но получалось мелко и редко. Старик приподнимал руку, смотрел и не узнавал ее. Казалось, недавно дрова готовил, возился по хозяйству, а потом расхворался, и сейчас была не рука, а сухая палка, обтянутая кожей. Ушла силушка-то, ушла. Скоро и сам уйдет. Не зря батя с мамакой приснились. Наверное, зовут...

— Дед, уснул, штоль? — похлопала по одеялу баба Груня.— Что-то притих...

— Нет,— завозился старик.— Смотрю, ты сидишь и не шевельнешься. Посчитал, ты задремала. Я належался, аж бока болят. До весны дожили. Наверное, хорошо на дворе. Весна, тепло...

Старуха махнула рукой.

— На улице хорошо. Давеча к Борзунихе бегала, гляжу, деревца листочки вовсю пустили. Страсть, какой дух!

— Груш, а ты сообщила нашим, что я помираю? — дед Корней заерзал на койке.— Приедут, аль как? Ну, попрощаться...

— Опять за свое взялся — помру да помру,— прошамкала старуха.— Зимой отправляла письмишко, когда расхворался, до сей поры молчат. Наверное, сгинуло в дороге. Шутка ли, до них тыщу верст, может поболее. Недолго и затеряться.

— Нет, Грунь, не приедут,— мотнул головой старик.— Далеко добираться. Умотали на край земли и живут, в ус не дуют. Много они бывали в деревне? Три весточки прислали и два разочка приезжали, недельку отлеживались, а больше ни ногой сюда. Заняты! Слышь, а кому избу оставишь?

Бабка Груня нахмурилась. Сидела, постукивая клюкой по щелястому полу, смотрела в оконце, за которым вовсю зеленели кусты, окинула взглядом старую избу и махнула рукой.

— Да никому изба не нужна,— сказала она.— Вон в деревне, кто-нить отдаст богу душу, отвезли на погост, заколотили избу и стоит она, покуда не рассыплется, пока на дрова не растащат, ежли зима суровая. Много сюда вернулись из городов-то? Да ни один не появился. Отвыкли от нашенской жизни, далеко от землицы ушли.

— Грунь, домовину приготовили? — забулькал дед Корней.— Долго не держи меня в избе — спорчусь, завоняю. Сразу отнесите на погост, сразу.

— Тьфу, чертяка болтливый,— бабка Груня поджала губы и перекрестилась.— Типун тебе на язык! Завоняет... Ишь, какой выискался! Да чему вонять-то — кожа да кости остались. Ты бы кушал, Корней...

— Не хочу,— старик заелозил по одеялу.

— А я щи из молодой крапивки сготовлю,— сказала старуха.— Страсть, какие вкусные! Сметанки нет, но молочком забелю. У Клавки Лещихи возьму. Похлебаешь.

— Ладно, похлебаю,— прошамкал дед Корней, надолго закашлялся.— Все плохо, все...

— Что — плохо? — не поняла бабка Груня.— Что городишь, старый?

Старик молчал, прикрыв глаза, потом сказал:

— Плохо, ребятки не приедут. На внука бы взглянуть. Наверное, большенький стал.

Задумавшись, бабка Груня шевелила губами, что-то шептала и покачала головой.

— Дед,— она стала загибать скрюченные пальцы,— неужто у трех сыновей всего один малец родился? Сколько нашему младшенькому, Витяньке? О, ты не помнишь! Почитай, за тридцать перевалило. А старший, Валерка, поболее всех прожил. Получается, у каждого сынка есть детишки, а может и внучатки бегают.

— Видать, забыл,— булькнул старик.— Фотография-то одна. Другие не присылали. Вот и получается, внук один, а про остальных и слыхом не слыхивали. Ладно, когда Валерка уехал на заработки, других переманил. В одном городе живут — скучковались. А сюда не приезжают... Может, заняты, может далеко — не ведаю.

— В каком городе? — бабка Груня махнула рукой.— Они на краю земли в поселке живут, у черта на куличках. Господи, прости мою душу грешную! Занесло, где Макар телят не пас. Вот тебе и длинный рупь! Сказывали, там люди возле моря живут, а ездиют отдыхать на другое море. Зачем — не понимаю, будто своей воды мало. Вот и хмыздают с моря на море, и получается, что времени не хватает, чтобы до нас добраться. Поэтому носа не кажут. Ну ничего, ничего... Когда-нить образумятся и навестят.

Старик вскинулся и зашарил рукой по одеялу.

— Грунь, дай-ка отвару испить. Душа не на месте, поджилочки трясутся.

Баба Груня засуетилась. Схватила ковшичек, налила отвара, наклонилась над стариком и, пришептывая, стала поить. Потом забрякала пузырьками на комоде, накапала капли и заставила старика выпить.

Дед Корней поморщился, поворочал языком, и опять шевельнул рукой.

— Полегчало? — спросила старуха.— Может, покушаешь?

— Не хочу,— сказал дед.

Заскрипела дверь. В избу ввалился крепкий сутуловатый старик. Сбросив галоши, он снял замурзанную фуражку и протянул пакет.

— Накось, Грушка, рыбку,— прогудел он, подошел к кровати и уселся на расшатанную табуретку.— Здорово, Корней! Свеженьких линьков принес. Пусть бабка заварит юшку. Дюже полезна для организма,— и прихлопнул по коленям заскорузлыми ладонями.— Скажи мне, друг ситный, почему я такой здоровый? Ни одна хвороба не берет. Не знаешь? А я скажу... Лучок с чесночком да рыбки побольше — вот и здоровье будет. А ты вредный, ехидный и желчью харкаешься, поэтому все болячки собрал. Понял, старый хрыч?

— Ты, Сифилитик, каким был трепачом, таким остался,— прошамкал старик и заелозил на койке — все же обрадовался, что сосед зашел проведать, но привычно заворчал.— Марш из моей избы, покуда оглоблю не испробовал!

— О, ругается, шельмец, значит, будет жить,— дед Архип шлепнул свернутой фуражкой по ладони.— Подыму тебя на ноги, подыму! Ну, а ежели не поставлю, рядом улягусь. Пущай вместе закапывают на мазарках. Так и знай, друг ситный!

— Уйди с глаз моих, ирод,— забеспокоился старик.— Всю жизнь плешь проедал. Угораздило на фронте встретиться — там житья не давал, в деревню вернулись, ни одного дня спокойно не пожил, а теперь еще на тот свет со мной собрался. Грунька, выгони Сифилитика. Марш отселева, ирод!

— Грушка,— хохотнул дед Архип.— Лучше налей по стопарику! Мы за завтрашний праздник выпьем.

Старуха выглянула из кухоньки и намахнулась на соседа грязной тряпкой.

— Я дам — стопарик! — она нахмурилась.— Ты, Архипка, башкой думай, что городишь. Корней хворает, а ты — выпьем! Что за праздник? — старуха подошла к календарю, оторвала несколько листочков и охнула.— И взаправду, праздник. Корнейка, завтра же День Победы. Твой день, старый, твой!

— Вот говорю, что нужно выпить,— прогудел дед Архип.— Помнишь, как вернулись? Шли по деревне — медали сверкают, а девки стреляют глазками, стреляют. А не забыл, как после войны всей деревней отмечали? О, как гуляли! Да, были времена... Столы расставим в осиннике, хозяюшки хлопочут, запасы приносят, на столы

расставляют, а потом садились, и начинался праздник. Да, были времена...— и старик задумался.

— Разве такое забывается,— неожиданно рассыпалась смешком баба Груня.— Помню, как девки от тебя шарахались. Ни одна не хотела с тобой гулять. Вот уж привез подарочек с войны, Сифилитик!

Дернув себя за клочкастую бороду, дед Архип хохотнул.

— Эть, припаяли прозвище на всю жизнюшку! — опять хлопнул по колену.— С финской войны дома не был. Вернулся, организм не выдержал. Весь покрылся чиряками, весь! По улице вышагиваю, вся грудь в орденах, а от меня, как от прокаженного, шарахались. Все, сифилис привез! А потом не то, что выйти, сидеть не мог. Одежку натяну, а снять не получается — прилипла. Батя глядел на меня, а потом раскусил, отчего чиряки повыскакивали. Поставил настойку из яичек с медом да молочком. Когда выспела, вечерком привел меня на конный двор, одежонку содрал, раскопал конский навоз, который горел, и велел ложиться. Я в яму улегся, он засыпал меня, только лицо из дерьма торчало. Сказал, чтобы до утра лежал и не двигался, сам пошел баню готовить. Вся деревня сбежалась, чтобы на меня поглазеть. И Корнейка, мой друг ситный, стоял и посмеивался. А я лежал и чуял, как по телу букашки и червяки ползали. Щикотно, а шевельнуться нельзя! Ох, кое-как дотерпел до утра. Батьку дождался, он разгреб навоз и я, как был голышом, так и сиганул по деревне. Утро, все на работу идут, бабки возле домов сидят, а я, жердина двухметровая, нагишом несусь. Вся деревня в лежку лежала! Да были времена...— старик замолчал, потом опять в который раз принялся рассказывать.— Ох, как батя веником парил — страх! Отольет холодной водой, в чувство приведет, плеснет на каменку и снова за веник берется. В общем, я на карачках оттуда выполз. А батянька холстину обвязал на поясе и заставил стоять голышом на солнце, чтобы раны покрылись коркой. О, друг ситный, легче в атаку сходить, чем такие мучения принимать! Едва вечер наступил, он заставил выпить стакан самогонки, привел на конный двор и снова меня закопал. А утром в баню. И так три дня гонял. Потом достал эту настойку, и заставил пить. Вонючая, зараза! Недели не прошло, я стал поправляться. Новые чиряки не вылазили, раны затягивались и я ожил. С той поры ни разу к лекарям не обращался. Едва начинаю хворать, делаю настойку из яичек с молочком, как батя научил, и принимаю. Все болезни как рукой снимает. Вот, о чем говорю, Корней, что тебе надо настойку попить. Мертвого на ноги поднимет, а тебя и подавно. Я утречком принесу. Настоялася. Солью, себе оставлю, тебе притащу и начнешь принимать. Слово даю, еще побегаешь, друг ситный! — дед Архип шлепнул ладонью по колену и поднялся.— Все, пора домой — вечереет. А ты, Грунь, юшку приготовь из линьков. От нее нутро заработает. На себе проверял. Ну, Корней, до завтрева! Утречком заскочу, праздник отметим. А ты, бабка, не ругайся,— он оглянулся.— Забыл спросить... Ваши пишут? Ага, понятно... Вот и мои разгильдяи помалкивают. Значит, нормально живут. А ежели плохо, давно бы примчались. Ну ладно, пойду,— и, наклоняясь, чтобы не удариться лбом, вышел.

На улице смерклось. Баба Груня зашла в горницу. Старик лежал, укрытый одеялом. Изредка заходился в кашле и начинал елозить рукой по одеялке, словно хотел скинуть, чтобы вздохнуть глубоко и спокойно.

— Корней, просыпайся,— затормошила старуха.— Ушицей покормлю тебя.

— А? — дед Корней встрепенулся.

— Ушицу похлебай,— баба Груня присела на табуретку, зачерпнула и осторожно поднесла ложку.— Кушай. Вкусная юшка, сладкая. Хотела щи сварить с крапивкой, но Сифилитик велел ушицу сделать. Рыбка полезная для нутра. Размяла ее, чтобы легче глоталось. Хлебай...

Старик давился ушицей, затяжно кашлял, подолгу жевал беззубыми деснами юшку, острый кадык дергался и опять открывал рот, словно птенец. Баба Груня зачерпывала, понемногу вливала в рот наваристую уху и шептала, посматривая, как дед кушал.

— Вот и, слава Богу, наелся,— сказала она, заметив, что старик плотно сжал губы.— Вкусная ушица? Я тоже похлебала. Чуток осталось. Позавтракаешь.

— Вкусно,— булькнул дед Корней.— Внутрях затеплело.

— Значит, поправишься и будем жить,— закивала головой баба Груня.— Глянь, сколько выхлебал — ложек десять, не менее. Архипка же обещал, что поставит тебя на ноги. Ежели Сифилитик сказал, значит так и будет. Настырный — страсть!

Поднявшись, она поправила подушку, старенькое одеяло, чтобы дед не замерз. Прошаркала на кухоньку. Погремела посудой. Взглянула на ходики. Протяжно зевнула и мелко перекрестила рот. Налила немного отвара, и вернулась в горницу. Опять присела на табуретку, посмотрела на старика и чуть приподняла голову.

— На, глотни,— сказала она.— Немного поспишь. А утречком Архипка придет. Искупаем тебя. Пиджачок с медалями достану, рубаху чистую. Посидим, праздник отметим. Так и быть, налью по рюмочке и сама опрокину с вами.

Старик забеспокоился.

— Дай,— зашамкал он и задвигал рукой.— Дай пиджак.

— Эть, неугомонный,— заворчала баба Груня.— Спи! Завтра вытащу, завтра. Охо-хо, глазоньки слипаются. Что-то умаялась.

— Дай,— затревожился старик и стал тянуть одеяло.

Баба Груша поднялась, задернула занавески на окнах — сразу в горнице потемнело, подошла к кровати и зашуршала, снимая покрывало.

— Спи, старый,— она заворчала.— Ночь на дворе. Никуда твой пиджак не денется. Спи, сказала...— заскрипели пружины, и наступила тишина.

Светало, старик заметался, стараясь сбросить одеяло.

— Дай,— забулькал он и закашлялся.— Грунь, Грунька...

Позевывая, баба Груня приподнялась, прислушалась к тишине, перекрестилась и, укрывшись одеяльцем, вскоре засопела.

...Едва взошло солнце, донеслись тяжелые шаги. Распахнулась дверь, в избу ввалился дед Архип, с подстриженной ровной бородой, в рубахе, брюки заправлены в сапоги и в пиджаке, сплошь в наградах.

— Корней Петрович, Аграфена Васильевна, с праздником! — забасил он, держа банку с белесой жидкостью и бутылку.— С Победой, солдат! Ну-ка, поднимайся. Сейчас наши фронтовые выпьем. Что притихли? — он направился в горницу.

Дед Корней лежал на кровати, на груди пиджак, на котором были потемневшие от времени медали. Рядом сидела баба Груня и неслышно плакала, вытирая слезы платком.

— Корней, как же так, неужто не дождался меня? — банка выскользнула и грохнулась на щелястый пол, резко запахло лечебной настойкой, дед Архип дернул себя за бороду и присел на табуретку.— Я пообещал, что поставлю на ноги, а ты взял и помер...

— Когда же покой будет? С грехом пополам задремал, а его принесло — чертяку безрукого,— дернувшись, пробулькал старый Корней.— Грушка, гони этого охламона. Ишь, чего удумал — помер. Всю жизнюшку ждешь, чтобы меня первым снесли...

— А я же взаправду решил, что ты того... Бабка плачет, а ты лежишь и не шевелишься, только нос из подушки торчит, а оказалось — дрыхнешь, зараза такая... Значит, будешь жить! Чуток подожди. Вернусь, гулять будем,— дед Архип засуетился и затопал к выходу.— Сейчас приволоку настоечку. Свою банку отдам. Да я для тебя... Да я тебя с того света живым верну. Эх, дружочек мой,— и выскочил, хлопнув дверью.

— Вернешь, Сифилитик,— вслед пробулькал дед Корней и взглянул на жену.— Где моя стопка? Не ворчи — грех. Сегодня праздник. Светлый день.

И дед Корней медленно заелозил, стараясь прислониться к спинке кровати.

А за окном была весна, и вовсю заливались птицы.

Константин Емельянов
(г. Александрия, США)

ГЕРАКЛЫ ДЫРОКОЛОВ, или Мой путь к американской мечте – 2

Родился в г. Алма-Ата, Казахстан, в 1966 году. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета и работал в местных газетах и журналах до отъезда в США в 1997 году. Печатался в журналах «Юность», «Новый Журнал», «День и Ночь», «Зарубежные задворки», «Приокские зори», в интернетовских изданиях России, США, Германии, Франции, Израиля и Казахстана.

I

Обычно поздней весной и летом я всегда задаю себе вопрос: ну почему столицу Америки решили построить именно в этом месте, в этом сраном климате? В тени здесь укрыться от жары и духоты невозможно. Пять месяцев, с мая по октябрь, средняя температура воздуха держится в пределах 90—100 градусов по Фаренгейту, примерно 35—40 º по Цельсию. В буквальном смысле ощущаешь, как плавится в горячие дни асфальт под ногами. Особенно убийственной кажется повышенная влажность. Даже ночью не отпускает «духовка», сдавив легкие и сердце влажным и вязким обручем. Спастись можно лишь внутри помещения или в машине, где есть кондиционеры.

В местном музее искусств я как-то увидел старинную картину. Она до сих пор у меня перед глазами, когда я ошалело бреду по душным, залитым солнечным светом вашингтонским улицам. На картине — дамы и господа, примерно XVIII—XIX веков, с зонтиками и веерами, наблюдают, усевшись на пригорке сразу за Вашингтоном, за сражением двух армий чуть поодаль, в долине. Солдаты английской и американской армий колют друг друга штыками, взрываются серым дымом старинные пушки, а в это же время пикник на пригорке продолжается.

Точно так же было и сто лет спустя — во время войны северных и южных штатов, между «союзной» и «конфедеративной» армиями. После победы северян-юнионистов было, наконец, отменено рабство. Войны шли, а господа все так же на них взирали, как сегодня смотрели бы футбольный матч, расположившись на удобных креслах, и слуги подносили хозяевам напитки. После сражений трупы оставались на полях боев неубранными, и на столицу горячий влажный ветер нес смрад разлагающихся тел. Добавьте к этому температуру под 40 º, палящее солнце и никаких кондиционеров! Как умудрялись люди в таких условиях выживать? Но, видать, были у отцов-основателей какие-то мотивы, чтобы построить город на осушенных болотах двух соседних штатов: Вирджинии и Мэриленда.

В тридцатиградусную жару и духоту, несмотря на раннее утро, я бреду по раскаленным улицам Вашингтона на службу. Парит так, как будто пробираешься по тропическому лесу. Или по болотам вблизи Амазонки. Народа на улицах еще не очень много. За исключением нищих, которые уже вышли на промысел.

А возле нашего офиса социального страхования, по-советски — собеса, в центре города — уже очередь, несмотря на ранний час. К моменту открытия очередь будет опоясывать все здание, напоминая размерами давку на какой-нибудь рок-концерт. Для нищих и малоимущих, включая иммигрантов, подобные офисы расположены не только в столице, но и по всей стране. В одном из них мне удалось какое-то время поработать. Случилось это уже после получения гражданства, да и по чистой случайности. Открылась вакансия русскоязычного специалиста по бенефитам и меня, после недолгих собеседований и ожидания, туда приняли.

Что интересно, на знание русского языка, как бы подтвердить, что я действительно могу говорить,— меня тестировал работник-американец. Спросив имя, отчество и биографию, он с акцентом спросил, каких русских писателей я знаю и ценю. Помня всеамериканскую любовь к Достоевскому, я назвал Федора Михайловича, хотя, честно говоря, мне он всегда казался тяжеловатым. А еще упомянул Толстого и Чехова.

— Yes, yes, Leo Tolstoj! — от волнения сбился на родной язык проверяющий меня американец,— War and Piece! Cool!

Так, заложив в душе читающего американца симпатию, я прошел интервью «на ура» и получил официальное подтверждение, что я настоящий русский. Теперь я имел право помогать клиентам устно во время интервью и переводить на английский их паспорта и свидетельства о рождении. Трудно представить, как где-нибудь в России, при приеме на работу, британца или американца на знание языка проверяют местные. Но здесь, в Америке, случается всякое. Так я влился в многочисленные ряды вашингтонского офисного люда.

II

Над офисными работниками иронизируют не только в столице. Начиная от патрульного полицейского и заканчивая шофером-дальнобойщиком. Каких только обидных кличек и прозвищ не придумано в нашу честь! Для начала традиционные: «офисный планктон» или «офисный балласт». Есть еще «Гераклы скрепок и дыроколов», «толкатели бумаг», desk-джокеи и «рыцари бумажных сражений». Все американские трудящиеся считают огромную армию офисных служащих в большинстве своем бездельниками и карьеристами. Говорят, что наша самая распространенная производственная болезнь, это неизлечимое сплющивание костей таза от постоянного сидения. А самая тяжелая производственная травма — порез пальцев бумагой. Не исключаю, что какая-то правда в этом есть. Однако, несмотря на насмешки, миллионы американцев все же продолжают работать в офисах. Только государственных офисов здесь наберется несколько сотен, а сколько еще существует частных! И это понятно: в эпоху интернета на нас, «Гомо Бюрократикус», лежит вся бумажная мощь Америки. Одной подписью или нажатием кнопки на компьютере мы можем закрыть магазин или банк, остановить выплаты зарплат, пенсий или льготных пособий.

Русскоговорящая община здесь, в «Большом Вашингтоне» (включающем не только саму столицу, но и прилегающие к ней штаты Вирджиния и Мэриленд) примерно, тысяч двадцать-тридцать. Много пожилых людей, у которых все уже позади. Причем, работа в бывшем СССР при начислении американской пенсии не учитывается. Пенсию в Америке можно получить, только отработав здесь десять лет и набрав определенное количество т.н. «квотеров», то есть расчета зарплаты за каждые три отработанных месяца.

Большинство престарелых иммигрантов под эту категорию не попадают и могут рассчитывать только на социальные программы. Здесь на помощь федеральным социальным службам приходят местные, финансируемые правительствами штатов или округов с графствами. Со скидкой продаются старикам в аптеках лекарства. Местные

власти так же добавляют немного денег на питание, выдавая пенсионерам и неимущим продуктовые карточки. А на аренду квартиры — ваучер со скидкой. Не сравнить, конечно, иммигрантское пособие с пенсией американцев, проработавших здесь всю жизнь. Но все же.

В качестве «собесовца» мне довелось не только проинтервьюировать сотни наших бывших соотечественников, но и посетить-посмотреть несколько домов, библиотек и клубов для наших иммигрантов. Раз в месяц меня с русскоязычным коллегой — врачом-иммигрантом из местной больницы, пенсионеры зазывали к себе на лекции в местную иммигрантскую библиотеку. Народу на такие встречи собиралось немало, ведь льготы вопрос серьезный. Приходили не только пожилые люди, но и их взрослые дети, уже адаптировавшиеся в американской действительности, а заодно и внуков со внучками приводили, пока мы заседали — позаниматься в кружках танцев, самодеятельном театре или попеть в хоре. Увы, доля наших соотечественников в выделяемой государством социальной помощи все еще очень незначительна. Основными нашими клиентами были и остаются малоимущие и престарелые афроамериканцы и члены их семей. Они составляют в Вашингтоне большинство населения, которое часто по этой причине называют «шоколадным».

III

Форма одежды офисного работника называется «business casual». То есть, галстук не обязателен, но брюки и рубашка для мужчин (желательно, отглаженные) и юбки до колен и блузки у женщин. Перед выходными — по пятницам, даже разрешается ношение джинсов и теннисок. На ногах — любимая обувь вашингтонских бюрократов — кроссовки, вошедшие в моду в конце 80-х. Многие работники по утрам идут в них от станции метро до офиса, чтобы переобуться затем в парадную обувь. Поэтому часто на улицах Вашингтона можно увидеть деловых мужчин и женщин в дорогих костюмах и даже с ультрамодным галстуком, но в кроссовках.

Некоторые из моих коллег офисный стиль одежды на службе, и так не слишком тяжелый, воспринимают еще более облегченно. Работал как-то в нашем офисе один американец по имени Рэнди. Седовласый и худощавый белый мужчина лет 65-ти. То ли наносился он галстуков в свое время до тошноты, то ли в преддверии пенсии совсем махнул рукой на приличия, но последнее лето проходил он на работе в гавайской расписной рубахе и... в шортах.

— Рэнди,— в ужасе говорил я ему,— они тебя уволят! Нигде не сказано, что ТАК в офисе можно ходить!

— Да,— отвечал мне с хитрой улыбкой Рэнди,— но нигде и не говорится, что ТАК в офисе ходить нельзя!

Так ведь и проходил, шельмец, все лето в своих шортах. Поскольку с посетителями лицом к лицу не встречался и ничьего взгляда не оскорблял. Большинству же посетителей все равно, в шортах ты или нет, лишь бы дал им то, за чем они пришли. В работе с ними главное — не сбиваться с написанного скрипта, шпаргалки, попростому. Когда я начинал, то все время носил с собой шпаргалку с вопросами интервью, переведенными на всякий случай и на русский.

Хотя на самом первом своем свидании с глухонемым клиентом, но читающим по губам, так переволновался, что перепутал «deaf» (глухой) с «dead» (мертвый) и на своем английском спросил, был ли он мертвым от рождения. Опомнился только, когда за столом мой гость, его адвокат и мой куратор громко заржали, как кони. Хорошо хоть с юмором клиент оказался, а то мое первое интервью могло бы стать и последним.

Уволить новичка в первый год могут запросто. Вспоминается шутка университетская, когда первокурсник дрожит весь год с одной лишь мыслью: отчислят? На

второй год он уже думает так: отчислят или не отчислят? На третий: а, может, все же не отчислят? И на последний год обучения: пусть только попробуют отчислить! Так и на госслужбе. На моей памяти за все время работы уволили в первый год только одного типа, который заснул за столом во время интервью. Да и то он, наверное, мог бы сослаться на состояние здоровья, если бы не было у него других «косяков». А поскольку к начальству на него бегали жаловаться другие сотрудники, то решили от него избавиться. Если же работник выдержит испытательный срок, то уволить его, даже при всем желании начальства, будет очень непросто. За него будет теперь весь Трудовой Кодекс США. И обжаловать он может спорное решение вплоть до Верховного Суда страны, с выплатой всей удержанной зарплаты плюс компенсация за моральный ущерб. Начальству же потом намекнут, мол, сами виноваты, вовремя не избавились!

IV

Если бы у государства было достаточно денег, то льготы давали бы всем. Но так как бюджетных средств на «социалку» всегда не хватает, приходится нам, работникам соцстрахования и обеспечения, многим из посетителей отказывать. И за это выслушивать оскорбления, а иногда и угрозы. Пришел как-то на интервью мужичок в ковбойской шляпе. Это в Техасе такие шляпы носят все, а здесь, на Восточном побережье, очень немногие. После короткого интервью, разузнав, что у мужичка есть какие-то сбережения и даже две машины, я ему объявил, что на социальную помощь он претендовать не может. Так как программы рассчитаны больше на совсем неимущих или очень мало имущих. Мужичок мою отповедь выслушал, поинтересовался происхождением моего акцента и, поднимаясь с места, произнес вместо прощания:

— Как получилось, что в офисах так мало настоящих американцев, и всю работу отдали приезжим иммигрантам? Немудрено, что и льготы все у нас отобрали!

Я бы мог, конечно, ответить ему, что «коренные» американцы как раз и не хотят устраиваться на подобные нервные и нелегкие работы, оставляя эту «привилегию» приезжим. Им, видать, нужно денег много и сразу, а уж если работу, то с офисом и личным шофером. Например, каждое лето через наш офис проходило немало молодых парней из Сербии, России, Турции, получавших номера социального страхования для сезонного трудоустройства. В основном, на позиции официантов или спасателей в бассейнах. Когда-то эти работы были нарасхват у местной молодежи, вчерашних выпускников школ перед поступлением в колледжи и университеты. Сейчас подавляющее большинство принадлежит иммигрантам. Про озеленительные работы и чистку улиц я уже и не говорю: их прочно захватили легальные и нелегальные иммигранты из Мексики, Сальвадора, Гватемалы и других южноамериканских стран. Да только не стал я ничего говорить. Потому что подобные реплики выслушивал не впервые. Это еще не самое грубое, что мне доводилось слышать. Бывало, что и к психиатру клиенты советовали обратиться. На слуху были случаи, когда наших работников во время интервью не только оскорбляли, но и плевали в них, пытались ударить и т.д.

Однажды под конец рабочего дня в наше окно даже влетел с улицы булыжник, брошенный очередной горячей головой, получившей отказ от льгот. Слышал я и об угрозах клиентов встретить кого-нибудь из сотрудников после работы. Прямо как школяры когда-то. Охранники в офисе обязательно раза два—три в неделю какого-нибудь не в меру разошедшегося клиента за руки на улицу выводят. А то и передают полиции для успокоения. Для таких буйных голов в офисе созданы «черные списки» и провинившимся запрещено появляться без социального работника или адвоката.

В свое время нам было строго запрещено начальством держать на столе любые острые предметы, вплоть до шариковых ручек. В конце концов, дело дошло до того,

что каждый стол превратили в кабинку, отгороженную от посетителя толстым стеклом. Хотя большинство клиентов — абсолютно нормальные и вежливые люди, несмотря на свою нищету или болезни. Многих из них я за несколько лет работы в конторе стал узнавать в лицо или по именам. Так как появлялись они, по крайней мере, раз в месяц, а иногда и чаще, если теряли свой чек на социальное пособие. Среди них — и живущие в юго-восточной части города, так называемых «прожектах», и очень много просто бездомных.

V

Нищих и бездомных стало в Вашингтоне особенно много в конце 80-х, когда закрыли местный психиатрический госпиталь Святой Елизаветы. Там лечились многие малоимущие пациенты, страдающие психическими заболеваниями. Денег на их лечение у городских властей оказалось недостаточно, и клинику почти полностью распустили. Оставили только отделение для самых «буйных», где, кстати, до недавнего времени отбывал отсидку тип по имени Джон Хинкли, пытавшийся лет тридцать назад убить президента Рональда Рейгана. Годами позже новые городские власти клинику опять открыли. Но было уже поздно. Разбежались по городу тысячи не совсем вменяемых людей, оккупировавших все ночлежки и церкви города по ночам, а днем просящих милостыню в парках и на оживленных улицах. И осаждающих офисы социального страхования. Больше идти им было некуда. Из ночлежек их под утро регулярно выгоняли, чтобы не начинали воровать друг у друга последние деньги и драться. Несмотря на лишения и нужду, вашингтонские попрошайки считаются одними из самых вежливых в стране. Если не получат денег, все равно пожелают хорошего дня и пойдут дальше. В Филадельфии, для сравнения, когда я отказал нищему, тот сильно обиделся на меня и начал склонять меня по матери. А в Мемфисе, штат Теннесси, бродяги могут и с кулаками наброситься при отказе дать им немного мелочи.

Хотя Вашингтон и «нарезан» аккуратными квадратиками улочек с уютно расположившимися на них жилыми домиками «викторианского» стиля — двухэтажными, с большими окнами и башенками на крышах, в центре его располагаются несколько больших «колец». Как правило, это проездная улица с прилегающими магазинами, парками и офисными зданиями. Здесь издавна расположены деловой и научный центры Вашингтона. Улицы пронумерованы и вместо обычных названий зачастую просто обозначены алфавитными буквами. При внешней схожести все жилые дома, построенные лет сорок-пятьдесят назад, разные. На целой улице невозможно найти двух одинаковых домов. Самое высокое здание в деловой части — не больше десяти-пятнадцати этажей. По проекту города все здания не должны превышать высоту Вашингтонского монумента, каменной стелы напротив Белого Дома. В центре каждого из «колец» обычно — памятник и парк, названные в честь героев американских революций. На углу одного из таких парков, названного в честь французского генерала Дюпонта, меня как-то вечером окликнул один из бродяг.

— Эй, парень,— обратился ко мне чернокожий мужик лет сорока,— у тебя отличная походка! Сразу видно, что ты вырос на улице!

Я, конечно, не модель, но от таких слов немного приосанился и даже поговорил с ним немного. Он мне рассказал, что вырос здесь, в Вашингтоне, но не в центре, а на бандитских окраинах Юго-Востока. В юности был членом подростковой банды и много дрался с такими же парнями из соседних дворов. Сейчас, вроде, образумился и даже ищет по городу работу.

Я тоже вспомнил, как десятиклассником бегал в ватаге алма-атинских пацанов на «разборки» с такими же пацанами-старшеклассниками из соседней школы. А в тех «бандах» своих районных, середины 80-х, мы даже ходили вразвалку, как тогда говорили: «по-центровски». Отдав, на радостях, пять баксов своему неожиданному собе-

седнику — на метро до дома, как он попросил, я пошел себе дальше, погруженный в приятные воспоминания. И отойдя немного, опять услышал за спиной знакомое:

— Эй, дружище, я вижу, что ты вырос на улице! — дружелюбно взывал мой собеседник к пробегающему мимо пузатому мужику офисного вида с портфелем.— Я это вижу по твоей походке!

VI

Со времен Союза я смутно помню собес как пару комнат с заваленными бумагами столами и узкий коридор в подвале ЖЭКа, где на двух стульях сидят старушки, а за ними еще очередь человек в пять. У нас же — типичное современное офисное здание, со стеклянными дверями, белыми потолками и серыми пластиковыми полами и стенами, а также охраной и окошками для разговора с посетителями. Для более длительных интервью посетителей проводят в комнату побольше, где стоят столы с компьютерами и телефонами.

Офис наш находится неподалеку от банков, ресторанов и гостиниц, в спокойной северо-западной части города. Но есть и еще один — на юге, недалеко от не очень благополучной и совсем не безопасной части города, омываемой рекой Анакостией. Здесь, вместо красивых зданий и памятников,— больше складов, подсобных помещений и кварталов бедняков. Эти районы называют «прожекты», и представляют они собой неказистые двух-трехэтажные домишки из унылого бордово-красного кирпича. Могут быть и серыми, но общий унылый вид от того не меняется: маленькие, как правило, зарешеченные окна, узкие подъезды, куцая детская площадка во дворе, хлипкий заборчик в мелкую сетку. Мало деревьев и прочей зелени, не считая выгоревшей набело к концу лета травы.

Большинство живущих в «прожектах» — малоимущие афроамериканцы. Живущие либо на государственные пособия, либо перебивающиеся очень небольшим заработком. Поэтому жизнь здесь больше напоминает деревенскую, чем городскую. Всей улицей или домом по вечерам, прямо во дворе, жарят мясо на грилях, пьют пиво из бутылок, спрятанных по привычке для маскировки в коричневые бумажные пакеты. Тут же играют в баскетбол, танцуют, скандалят, орут на детей, торгуют наркотиками и мелкой ерундой, опять едят и выпивают.

Несмотря на то, что контора наша находилась в спокойной части города, приходилось мне бывать и в «прожектах». Когда я только начинал, местное правительство еще пыталось охватить всех своих клиентов. К больным даже посылали представителей собеса на дом. Сейчас эти попытки прекратились. Но не только потому, что есть в Вашингтоне места, куда белому даже днем показываться не стоит. Будь он хоть социальный работник, хоть полицейский. Причина была еще и в том, что в последние годы как-то резко увеличился наплыв посетителей в офисе, и начальству стал дорог каждый сотрудник, которых, как оказалось, и так не очень много. А тогда, в паре с кем-нибудь из коллег или одному, приходилось «пилить» на другой конец города в один из «прожектов». Днем они выглядят пустынно и тихо, даже мирно. Изредка разве пройдет вперевалку ватага юнцов в белых футболках. А так ни детей на площадках, ни почтальонов или полицейских, даже обычных прохожих мало.

Ближе к вечеру «прожекты» оживают, превращаясь к ночи в шумную «воронью слободку». То тут, то там возникает пьянка или драка, а бывает, что и постреливают. Есть подобные кварталы и на северо-западе, но больше всего их настроено именно в юго-восточной части Вашингтона. Даже одеваются здесь похоже: подростки и мужики в одинаковые белые, не заправленные футболки и шорты, или темные джинсы с кроссовками. Особый шик — такие же белые и длинные майки-алкоголички. Здесь их называют еще смешнее, со знанием предмета: «женоизбивалки». Женщины тоже любят белые майки, сочетая их с розовыми или еще каких-нибудь диких цветов лосинами.

Вся городская преступность рождается здесь, в «прожектах», на юго-востоке Вашингтона. Не спокоен и северо-восток. Кражи, стрельба, торговля наркотиками везде, вплоть до Макдональдсов. В расположенном поблизости от неспокойных районов города университете Галладет, единственном в стране высшем учебном заведении для глухонемых, студентам настоятельно советуют вечерами за пределы городка не высовываться. Процентов на девяносто девять «прожекты» населены афроамериканцами. Белым здесь делать нечего. Я всегда старался сделать свои дела здесь как можно быстрее. Во всяком случае, до вечера. Если оставлял машину, пока навещал клиента, то и днем мог увидеть на выходе сидящих вокруг нее местных черных парней. А то и на багажнике кто-нибудь пристроится. Парни искренне недоумевали, что машина-то, оказывается, не их, а моя, и нужно им расступиться, чтобы дать мне уехать.

На автобусе или метро добираться туда было еще хуже. Постоянно ловил на себе косые взгляды, и кто-то пытался мне все время что-нибудь продать. Либо телефон сотовый, наверное, украденный, либо часы, либо сигареты. Один водитель автобуса прямо мне и сказал, что не надо бы мне здесь таскаться в одиночку. Впрочем, помотавшись так по «прожектам» несколько месяцев, я, как уже говорил, таки прекратил эти поездки по районам бедняков.

VII

По своему опыту проживания в трех странах: Казахстане, России и Америке, я бы разделил их на мужские и женские. И дело не в окончаниях названий, а в том, кто задает тон и влияет на ритм деловой, культурной и социальной жизни. По моему сугубо личному мнению, Америка стала женской страной, функционирующей, в первую очередь, с учетом женской половины населения. Начавшись лет 60 назад, феминистическое движение набрало силу и преобразило страну. В первую очередь, столицу и другие крупные города. Даже по численности — женщин в США на четыре миллиона больше, чем мужчин. Права женщин, их продвижение по службе, образование, безопасность защищены здесь лучше, чем в любой другой стране мира. Подтверждением тому — и факт выдвижения женщины на пост президента страны.

В социальных сферах, судя по нашему офису, эта пропорция обратная — больше мы имеем дела с мужчинами, которые, вроде бы, и на пенсию выходят позже, но, за исключением многодетных матерей из «прожектов», получают льгот больше, чем остающиеся «на плаву» женщины. Ну, а в офисной жизни женщин — подавляющее большинство. По крайней мере, в конторах наподобие моих. По приезду я даже гадал, куда подевались белые мужики? Неужели все они сидят в банках, адвокатских конторах, парламентах, военных и разведывательных министерствах? Похоже, что так, плюс огромное число «айтийщиков», большинство которых тоже составляют мужчины.

Мэры Вашингтона и недалеко лежащего в штате Мэрилэнд Балтимора — женщины. Достаточно их среди конгрессменов, местных и штатских. Главным полицейским комиссаром Вашингтона тоже уже более десяти лет была женщина. Можно сказать, что деловой, образовательной и культурной жизнью Америки заправляют женщины, в первую очередь, белые. Все льготы, продвижения и прием на работу негласно предоставлены им. «Сексуальное домогательство» тоже изобретено ими и доведено до совершенства.

Вторыми по правам следуют афроамериканки, коих в офисах, типа нашего, подавляющее большинство. Их движение за равноправие началось еще в 60-х годах прошлого века. К тому времени, как я начал свою офисную жизнь, в Вашингтоне и пригородах их было процентов 80 в разных конторах, государственных и частных. В афроамериканских семьях женщина с тех пор — главный добытчик. Больше всего их и в конторах типа нашей. И уж только потом на профессиональной лестнице стоят,

по важности и скорости продвижения, мужчины. Причем, белые — на последней ступеньке. А испаноговорящие и черные, благодаря политкорректности, повыше.

Если в приемной госучреждения или банка сидят в ожидании интервью: белая Джейн, черная Джуди, латиноамериканец Альфредо, афроамериканец Елиот и белый Андрю, то больше всех шансов получить работу у Джейн. Если Джейн глупа и ленива, то Джуди вырвет у нее эту работу зубами и будет сидеть на ней до самой пенсии. Вторую вакансию отдадут Альфредо как испаноговорящему. Все офисы хотят иметь таких работников, и вопрос в анкете: «Владеете ли Вы другими языками?» в последние годы прежде всего относится к испанскому. Елиот может тоже «пободаться» и получить работу, особенно если вскользь намекнет работодателю про расовую дискриминацию. Андрю, скорее всего, придется искать работу в другом подобном офисе, надеясь, что другие Джейн и Джуди уже свою долю получили.

В офисной среде, при обсуждении деловых качеств начальства или подчиненного, нет-нет, да и проскользнет упоминание той или иной этнической принадлежности работника. Когда у нас в офисе появилась молодая начальница, проработавшая до того в системе всего пять лет, вокруг пошли разговоры, втихомолку, разумеется, что, вдобавок к своей неопытности, она еще и белая. Впрочем, каждый, кто когда-нибудь побывал «офисным планктоном», знает, что подобные разговоры ведутся везде, не только в Америке. Мне, хоть и белому, но приезжему и как-бы «не настоящему белому», такие разговоры было слушать хоть и странно, но знакомо. В Казахстане, еще в советские добрые времена, паритет на службе между нациями и народностями соблюдался в пропорции: если начальник казах, то замом обязательно должен быть русский. Или русскоговорящий. И ведь такая система работала до поры до времени. Во всяком случае, не припомню я, чтобы слышал, как слова «казах» или «русский» употреблялись в качестве описания деловых качеств работника. Хотя своего следующего повышения здесь, в американской конторе, мне пришлось ждать десять лет.

Николай Тютюнник
(г. Каменское Днепропетровской области, Украина)

ПОЛКАША

Наш постоянный автор.

Полкан хорошо запомнил тот горький день, когда выехали хозяева. С утра снова где-то стреляло, ухало, с нарастающим свистом приближалось к их двору, и страшный взрыв, от которого звенели стекла окон и, кажется, подскакивал весь дом, на миг заглушал все остальные звуки: заглушал, оглушал и переполнял, как выражаются люди, животным страхом!

Еще при подлете мины или снаряда Полкан забивался в будку, которая, казалось ему, сможет уберечь его от страшной разрушительной силы, уже развалившей по улице не один двухэтажный кирпичный дом. Забивался, закрывал глаза и лежал до конца обстрела, в поднятой до небес пыли и гари. И выползал, только услышав человеческие голоса.

— Живой, Полкаша? — дрожащим от пережитого голосом спрашивала хозяйка.— Бедненький!

Хозяйка всегда была доброй и ласковой, и даже противилась, когда хозяин еще до войны переводил молоденького кобелька Полкашу из квартиры в стоящую у их гаража будку. Какой там из него сторож?! Однако самого Полкана это нисколько не огорчило. В квартире, может, оно и уютнее, зато на улице у него появилось столько друзей! Прибегал и обнюхивал невысокий заборчик, за которым и обосновался Полкан, пожилой и много повидавший Лохматый, иногда приводил лишившегося хозяев Коротышку. Коротышка этот особенно забавлял Полкана: телом вроде бы нормальный песик, а ножки коротенькие-коротенькие!

Полкан, как настоящий хозяин отведенной ему территории, поначалу встречал незнакомцев лаем, затем к гостям привык и, опершись передними лапами о заборчик, только повизгивал. Так и общались, делясь впечатлениями о сегодняшнем дне. И, кажется, слегка завидовали друг другу. Полкан ведь каждое утро получал от хозяев мисочку теплой каши с кусочками мяса и косточкой, зато Лохматый и Коротышка не сидели на цепи и могли целыми днями бродить по поселку, от одних мусорных баков к другим. Люди в поселке жили не бедно, так что голодать песикам не приходилось: тут тебе и куски черствого хлеба, и разные кости, и даже слегка подпорченное мясо. Людям-человекам оно уже не годилось, а вот собачкам да бродячим котам — так в самый раз.

Да, среди приятелей Полкана была и соседская кошка Рыжка. И вправду рыжая, лохматая, а ленивая!.. Отпросившись утром у хозяев, выходила во двор их восьмиквартирного дома, равнодушно поглядывая на стоящего на задних лапах песика, чтобы не подумал, что соскучилась. Немного погуляв у палисадника, направлялась к Полкану. Ловко запрыгивала на столбик ограды и, подобрав под себя мягкие лапки, надолго застывала, подставив мордашку солнцу.

Полкан и повизгивал, и подпрыгивал на задних лапах, стараясь обратить на себя

Рыжкино внимание, но она и ухом не вела. Точь-в-точь, как некая юная красавица, избалованная вниманием ухажеров. Напрыгавшись, Полкан отходил к стенке гаража, обессиленно падал на живот и, положив морду на вытянутые вперед передние лапы, легонько поскуливал.

И все равно жизнь была спокойная, тихая и размеренная. Никто на охраняемый им гараж не посягал, никто не заходил в оградку, не пытался отвинтить замок. А Полкан уже мечтал об этом, чтобы доказать хозяевам свою смелость и верность. Он так нашорохает непрошенных гостей, что будут бежать быстрее мотоцикла! Он, может, и не породистый, и безо всякой там родословной, какими, слышал, бывают некоторые собаки, но постоять за себя и за хозяйское добро всегда сумеет.

И все же первый же прилетевший снаряд ужасно напугал песика. Да и как не напугаться, если ясным летним днем, когда на небе не было ни облачка, вдруг раздался далекий гром, и через несколько секунд по ту сторону улицы так рвануло, сотрясая воздух и поднимая вверх тучи дыма и пыли, что оглушило всех, кто был неподалеку. Полкан бросился в будку и прижал уши.

Сколько сидел — не припомнить, какое-то внутреннее чувство подсказывало, что обстрел на этом не прекратился и завывающее над головой железо еще не раз просверлит горячий летний воздух, не раз грохнется где-то рядом, а может… Нет, на этом Полкан обрывал свои мысли, отказываясь думать о том, что станется с хозяйским гаражом и его будкой, если прямо сюда угодит снаряд!

И ни один из последующих снарядов действительно сюда не угодил, все легли по ту сторону улицы, где стояли такие же двухэтажные кирпичные дома, такие же деревянные сараи и гаражи.

Так продолжалось несколько дней, и люди начали выезжать. Скорее всего, на короткое время, потому что не брали с собой даже теплой одежды и зимней обуви. Не могут же эти обстрелы длиться долго, наступит просветление человечьих мозгов, и во дворе Полкана снова воцарится мир и прежнее благоденствие.

Так, наверное, думали и его уезжавшие хозяева, снимая Полкана с цепи и оставляя песика в загородке. Побудь, дескать, несколько дней без нас, а как утихнет — мы сразу же вернемся. Но время идет, обстрелы не прекращаются, не видать и хозяев. А ведь Полкан ждет и ловит каждый звук автомашины. И как только, гуляя, услышит издали знакомый гул легковушки,— бежит стремглав к своему дому, к своему гаражу, поскуливая от радостного возбуждения! Прибегает, а машина… машина поехала дальше.

После такой встряски Полкан всегда чувствует в душе давящую тоску: неужели и вправду забыли о нем?! Неужели не скучают и не тоскуют?!

Тогда он снова бредет в свою загородку, забивается в будку и, положив морду на вытянутые лапы, застывает в своей привычной позе. Бывало, и заснет, не замечая, как, помимо его желания, увлажняются и начинают пощипывать глаза.

Снова появился Лохматый, за которым семенил короткими ножками Коротышка. Подошли и прилегли у ограды.

Полкан услышал, вылез из будки.

— Ну что, поели? — спросил он.

— Еще бы! — довольно ответил Лохматый.— Сейчас, знаешь, сколько пропавших продуктов на мусорник выносят?! Одна тетка полмешка мяса выбросила! Зря ты убежал!

— Я не убегал, я думал, что хозяева приехали…

Как объяснить им, бездомным, что он готов голодать, но лишь бы рядом были его хозяева! Как объяснить, что он настолько привык к этим людям, что не представляет себе жизни без них! Что для него они дороже всех собачьих радостей, в том числе набитых густым мозгом косточек!

Правда, Коротышка тоже успел пожить в одной квартире с людьми. Но разве то были люди, если еще до войны оставили его?

— Сбегай и ты, пока тихо,— сказал Коротышка, стараясь выразить Полкану свое сочувствие.— Там еще не одну косточку можно найти.

Коротышка явно комплексовал из-за своих коротких ножек, поэтому старался быть внимательным ко всем. Даже к рыжей Рыжке, пока ее не увезли хозяева. Но если рыжая красавица свысока посматривала даже на Полкана, то на коротконогого Коротышку вообще глядела свысока.

Где она сейчас, со своим вертлявым лисьим хвостом? Где-нибудь в тихом и безопасном месте?

В такие минуты Полкан ощущал легкую обиду: разве нельзя было хозяевам забрать и его? Машина ведь не чужая — своя, нашлось бы и ему местечко под ногами. И как же удивился, когда, бродя вокруг дома, услышал из одного окошка, которое выходило на проезжую часть улицы, жалобное мяуканье!

Неужели… Рыжка?! Неужели хозяева тоже забыли ее в квартире и бедная кошечка все эти дни находится в квартире, под замком?

Полкан тут же встал на задние ноги, опершись передними о стенку дома, где повыше его головы поблескивало целыми стеклами невысокое окно.

Гав! Гав! Гав! — откликнулся он на страдальческий голос своей подружки.— Гав! Гав!

Встала на задние лапки и Рыжка, встала и забарабанила своими передними по стеклу, словно молила: помоги мне, Полкаша, выпусти меня отсюда, мне так страшно одной!

Полкан по-щенячьи взвизгнул, не в силах скрыть своей радости, будто в эту минуту увидел своих вернувшихся хозяев! Взвизгнул, подпрыгивая на лапах, словно хотел дотянуться до самой Рыжки и лизнуть ее в нос.

А Рыжка все мяукала и мяукала, да так жалобно, что Полкан наконец догадался: она же голодная или сильно хочет пить!.. Он тут же обежал дом, заскочил в открытый подъезд. И, сев перед дверью, за которой находилась Рыжка, начал поскуливать. Поскуливал и от нетерпения перебирал лапами. Поняв, что никто его не слышит и не спешит выручать Рыжку из плена, начал лаять: сначала потихоньку, потом все громче и громче. Наконец, на втором этаже что-то клацнуло, скрипнула дверь. Зашуршали тяжелые и неуверенные шаги.

— Эй, что там?..— послышалось старческое.— Ты чего разгавкался?

Полкан снова перешел на визг, в котором просто невозможно было не расслышать мольбу.

Человек то ли ругнулся, то ли прошептал молитву и начал спускаться ступеньками. Скрип-рип, скрип-рип,— словно снежок, заскрипели ссохшиеся за несколько десятилетий доски.

— А, мать твою… черт,— неожиданно не по возрасту ругнулся он,— это ж там кошка! А я и забыл. Сейчас, сейчас выпустим тебя. Только же потом на улице поживешь. Мне за тобой следить некогда.

Он с трудом спустился, держась за вытертые перила, прошлепал к двери. Полкан, чтобы не пугать старика, присмирел, только продолжал бить о пол своим хвостом. Дескать, скорей же, скорей же, дедушка! И как только щелкнула задвижка замка и дверь слегка приоткрылась, первым прошмыгнул туда…

Рыжка за пару дней отошла, подкрепилась, попила вволю водички. И старичок-сосед выпустил ее на вольные хлеба. На попечение Полкана. И с тех пор две одинокие животинки не расставались: вместе спали в собачьей будке, вместе бродили по поселку, где на мусорных свалках не уменьшалось испорченных продуктов. Не насмешничали над их дружбой даже незнакомые собаки и никогда не прогоняли эту пару от «хлебных мест»: еды с лихвой хватало. В наспех оставленных людьми квартирах размораживались и текли холодильники, хранящиеся в них продукты порти-

лись и заполняли помещения зловонием. Оставшиеся в квартире собачонки и кошки выбирались на открытые окна и балконы и жалобно мяукали о спасении. Но не все выехавшие оставили соседям ключи, не все квартиры можно было открыть, не всем четвероногим помочь.

Измученные смрадом, которым пропитались все стены и потолки домов, а также жалобным лаем и мяуканьем, оставшиеся жильцы ходили с жалобами в ЖЭК, просили вызвать пожарных, которые, по их мнению, имеют право входить в любое помещение, в любую квартиру.

Работники ЖЭКа только руками разводили.

— Это ж вам не милиция! Вызывайте милицию!

Милиции же было не до собак и кошек. Недавние друзья и коллеги за кратчайшее время разделились во взглядах и стали врагами. Одни влились в отряды ополченцев Донбасса, другие — в украинские добровольческие батальоны. Оставшиеся же служить в горотделе не успевали обезвреживать вернувшихся из дальних лагерей уголовников. Их словно нарочно пачками выпускали на волю.

Ничего этого из жизни людей Полкан с Рыжкой, конечно, не знали. Они просто жили и очень надеялись, что вот-вот вернутся их хозяева и все пойдет по-старому: Полкану каждое утро будут выносить железную мисочку вкуснейшей каши, а Рыжка вернется в свою квартиру и будет до полдня нежиться в углу старого кухонного дивана, навечно вобравшего в себя запахи самых лучших яств. И всякий раз, когда слышался звук приближающегося автомобиля, Полкан выскакивал из будки и мчался на проезжую часть. Мчался, надеясь наконец-то увидеть их, своих милых и дорогих хозяев, готовый тут же, на радостях, облизать не только их лица, но даже ноги. Даже пропыленные колеса их автомобиля!

Так было и сегодня. Появившаяся на улице машина была так похожа на старенький «Жигуленок» его хозяев, что Полкан, чуть ли не обезумев от радости, буквально кинулся ей под колеса, решив, что хозяева забыли дорогу, поэтому проезжают мимо… Удар был короткий и мягкий. Но настолько неожиданный и болезненный, что Полкан, кажется, не успел даже взвизгнуть. И когда пришел в себя, Рыжка сидела рядом и, жалобно попискивая, нежно вылизывала его окровавленную мордашку.

Александр Петренко
(г. Краснодар)

ПЕРЛЮСТРАТОР

Литературный псевдоним — Александр Ралот. Публиковался во многих российских, белорусских, ближнего и дальнего зарубежья периодических изданиях, а также в «Приокских зорях». Член Союза писателей России. Победитель многих российских, зарубежных и международных конкурсов. Лауреат литературной премии имени Олега Бишарева. Награжден медалями: Золотой Есенинской, им. И. Бунина, им. М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе», имени генерала Брусилова.

— Дядь Саш, а кто такие перлюстраторы? Чем они занимаются или занимались? — племянница Екатерина, четырнадцатилетнее неугомонное существо с хвостиком, перетянутым патриотической ленточкой российского триколора, заглянула в глаза, став на цыпочки.

— Катюша! Не видишь, я занят. А у тебя под рукой всемирный разум, то бишь, интернет. Все обо всех знает.

— Интересненько, чем это ты занят? Битых полчаса пялишься на полки с книгами. Если меня разлюбил, так и скажи. И нечего на занятость пенять.— В голосе родственницы зазвучали плаксивые нотки.

В голове промелькнула мысль: «Выходит, эти перлюстраторы не просто девичье любопытство, а что-то посерьезней!»

— Катюша, в чем дело? — Я опустился на диван и усадил рядом хрупкую джинсовую девчушку.

— В чем, в чем. В училке, конечно. А то ты не знаешь? Всем в классе понятные слова задала, а мне это. Не любит она меня. И ты тоже разлюбил. Не честно так. Представляешь, хочется нашей Грымзе, чтобы мы не просто значение слова объясняли, а еще и примеры из жизни предоставили. И где я их должна раздобыть? В Википедию заглядывала. Нарыла пару, тройку строчек. А ей нужна не банальщина, а живое слово.— Катерина тихо всхлипнула.— Не быть мне отличницей в третьей четверти. Как пить дать…

* * *

Супротив «наглого» шантажа у меня нет контрприемов. Только и остается, что погладить подрастающее поколение по русым волосам, нежно прижать к себе и поведать об удивительнейшем человеке Владимире Ивановиче Кривош-Неманиче.

— Ой. Я кажется о нем читала. Или путаю? Странная фамилия. Двойная и непонятная. Это, часом, не ему лично премьер-министр Российской империи награду вручал? Орден Святого Владимира.

— Племяшка! Записывать будешь или запомнишь?

— Дядь Саш. Твои рассказы я на ус мотаю, то есть на локон. Память у меня, сам же знаешь, дай бог каждому. Но писать буду. А то как же. Только минуточку погоди, я на кухню смотаюсь, заварю нашего любимого зеленого девяносто пятого. Под него даже сложная инфа легче усваивается.

* * *

— Лучший в Российской империи перлюстратор родился в Словакии, в тогдашней Австро-Венгрии. Науку начал постигать в венгерской гимназии. Затем продолжил в Королевской Академию в Вене, но не закончил. Решил доучиваться в Санкт-Петербургском университете. Изучал юриспруденцию, статистику, ближневосточные языки. В совершенстве освоил стенографию. Мог вести записи аж на пяти языках.— Я отхлебнул ароматный чай из пиалы, а Катерина, воспользовавшись моментом, незамедлительно начала приставать с вопросами.

— Ты обещал рассказать о странной фамилии.

— Разве?

— Обещал. Обещал. Он что, не мог взять себе нашинскую, понятную?

— Первую часть фамилии Кривош получил при рождении. А вот вторую составляющую придумал сам, уже позже, будучи в ссылке на Соловках. Слышала о них?

Катерина молча кивнула.

— Забегая далеко вперед, скажу, что приговоренному Кривошу, ввиду исключения, позволили самому выбрать лагерь, в котором Владимиру Ивановичу предстояло отбывать срок. Он указал на Соловецкие острова. Ну, а там каждый «сиделец» обязан иметь псевдоним, то бишь кличку. Неманич, в переводе со словацкого языка означает — человек, у которого ничего нет. Но давай вернемся назад. В неразвалившуюся империю. И разберемся с термином — перлюстратор.

— Просмотр пересылаемой корреспонденции,— на одном дыхании протараторила племяшка, уставившись в светящееся стекло навороченного гаджета.

— И да, и не совсем.

— То есть? Поясни?

— Пожалуйста. Вот, скажем, чем отличается перлюстрация от цензуры?

Катюша захлопала ресницами и пожала плечиками.

— Перлюстрация проводится в условиях строжайшей тайны. Так-то, вот. И Владимир Иванович был в этом деле ассом. Ты говорила — его наградил орденом лично Столыпин. И знаешь за что? Он усовершенствовал методы перлюстрации, при этом сделал несколько открытий. Один из них — метод вскрытия писем без малейших следов проникновения.

Русскому словаку удалось рассекретить три ключа, с помощью которых шифровались телеграммы японцев во время войны с Российской империей. Затем его командировали за границу, для совместной работы с французами. И господин Кривош стал первым русским криптографом, знающим особенности дешифровки союзной державы.

— Ух ты. Вот это да! А после революции, он, конечно же, быстренько смотался в эту самую Антанту?

— А вот и нет. Взял да и предложил услуги новому правительству. На тот момент вождь революции Владимир Ильич не имел в своей команде ни одного специалиста, способного составить дипломатическую ноту о прекращении боев на фронтах первой мировой войны. Кривош такую бумагу составил, причем, сразу на английском и французском! После этого по приказу Ленина его зачислили в штат наркомата иностранных дел. Переводил на европейские языки пламенные речи товарища Троцкого. За что собственно и поплатился.

Катерина отложила в сторону блокнот.

— Как это? Сам Ленин назначил, а кто-то посмел снять?

— Владимира Ивановича арестовывали неоднократно. Уж больно мозолил глаза его интеллигентный вид и непокорный нрав. Обвинения выдвигались схожие. Взяточничество. Пособничество представителям чуждого класса в выезде за границу. Приговаривали к расстрелу, но затем миловали. Помнишь, я рассказывал про ссылку на Соловки. Потом найди, пожалуйста, в интернете его письма в Красный Крест и к Екатерине Павловне Пешковой. Датируемые двадцать третьим и двадцать четвертым годом прошлого века. Надеюсь, не надо объяснять, кто это такая? Прочти их и друзьям покажи.

Катерина кивнула. Черкнула в блокноте.

— Он и на каторге любимым делом занимался? Надеюсь, у властей хватило ума использовать его знания по прямому назначению?

— Ой, Катюша. Кем он только там не работал. И заведующим метеостанцией, и дешифровальщиком по заданию ОГПУ. Был даже музыкантом в лагерном оркестре. Кроме этого, смог опубликовать стихи и издать сборник собственных баллад.

— Наверное, уже совсем старенький был. Часом в этих самых Соловках не помер?

— Досрочно освободили, спустя пять лет. Верная супруга ждала его все эти годы.

Специалиста высочайшего класса взяли в качестве эксперта на работу в Спецотдел НКВД. Во время войны жил в эвакуации в Башкирии. Учил иностранным языкам чекистов и их домочадцев. Умер в сорок втором. Время было суровое. А посему, его останки упокоились в братской могиле. Сегодня ее уже не отыскать. Вот такая выходит перлюстрация...

* * *

Племяшка сидела молча. Черкала или рисовала в блокноте.

Потом вскочила с места, чмокнула меня в небритую щеку.

— Дядь Саш, обещай!

— Чего?

— Что напишешь о нем рассказ, а лучше роман. И назови его — «Перлюстрация». Пусть не только я, но все знают! Жил на земле такой человек, со смешной фамилией Кривош-Неманич!

Алена Даль
(г. Воронеж)

БУКЕТ ДЛЯ ЛЮБИМОГО ЗРИТЕЛЯ
(из цикла «Люди»)

Прозаик, публицист, член Союза писателей России, преподаватель кафедры «Издательское дело» филологического факультета ВГУ. Родилась и проживает в Воронеже. Публиковалась во многих художественно-литературных изданиях. Автор книг: «Хождение по Млечному пути» (2014, 2919), «Живые души» (2017). Участвовала в нескольких литературных сборниках. Лауреат Германского международного конкурса «Книга Года» (2019), финалист премии им. Абрамова «Чистая книга» (2019).

— Только не говорите Гале, что я люблю маму! — всхлипывала девочка, размазывая по щекам концертный грим.

— Да что с тобой, Лизонька? Какой Гале? О чем ты? — руководительница детской танцевальной студии «Ромашка» Алевтина Петровна была в отчаянии — через пять минут их выход, а главная солистка коллектива Лиза Вертинская плачет навзрыд.

В руке девочка сжимала розовый телефон, по которому только что кто-то позвонил,— и вот истерика. Алевтина Петровна догадывалась, что в семье Лизы не все гладко — на кружок ее приводила бабушка, забирал отец — военный с непроницаемым лицом и суровой складкой меж бровей. Но чаще забирала тоже бабушка.

Смолкли аплодисменты, за кулисы со сцены повалили дети из хора. Девочки-танцовщицы испуганно толпились вокруг руководительницы, пока та успокаивала солистку. Ведущая, шурша тафтой, снова взошла к микрофону: «А сейчас приглашаем на сцену победителя кремлевского фестиваля, дипломанта конкурса «Щелкунчик», многократного призера...».

Лиза перестала плакать, крепко, по-взрослому высморкалась в протянутый Алевтиной Петровной бумажный платок и послушно подставила лицо под быструю кисточку гримерши. Заиграла музыка, и девочки в установленном хореографией порядке поскакали на сцену. Алевтина Петровна облегченно вздохнула.

Она повертела на ладони маленький розовый телефон с брелоком-сердечком и, мучимая угрызениями совести, открыла журнал звонков. Разговор, так расстроивший девочку, длился всего две минуты. Буква «М» с точкой — имя абонента. «Ладно, надо будет с бабушкой Лизы поговорить,— решила Алевтина Петровна,— но это потом». Она отодвинула край тяжелой от пыли, багрово-бархатистой занавеси и стала наблюдать за выступлением воспитанниц, отбивая ногою ритм.

Галина Сергеевна сидела в первом ряду и снимала танец внучки на смартфон. Каждый раз, глядя на девочку, она испытывала смешанные чувства: с одной стороны, ее злило фотографическое сходство той с матерью, с другой — радовало равнодушие, которое Лиза проявляла в редкие часы свиданий с родительницей. Где-то в глубине души она все еще ревновала внучку к непутевой своей дочери, но была уверена, что со временем девочка окончательно разберется — что к чему, и поймет, что ис-

тинная мать — не та, кто родила, а та, кто вырастила и воспитала. С зятем Максимом в отношении Лизы у них было полное единодушие — самая престижная школа, самые лучшие учителя и репетиторы, самые дорогие наряды. Все только самое-самое. А раз так — не место в Лизиной жизни матери-кукушке, которая ни пирог испечь не может, ни в зоопарк лишний раз не сводит — все работа, работа... Не говоря уже о кружках. Их было три. Помимо танцевальной студии «Ромашка», куда, кстати сказать, брали далеко не всех, но Галина Сергеевна подключила свои связи, и Лизу взяли, даже сделали солисткой, были еще занятия фигурным катанием во Дворце Спорта и Школа юных моделей. Плюс индивидуальные уроки английского. Язык плохо давался Лизе, но Галина Сергеевна уже договорилась насчет летнего лагеря имени Гарри Поттера, в котором, по убеждению Жанны Альбертовны, все должно сдвинуться с мертвой точки. Удовольствие не из дешевых, но чего только не сделаешь ради будущего девочки. Внучка платила ей той же монетой — была ласкова, послушна, откровенна — рассказывала без утайки все, о чем расспрашивала бабушка, которую по ее просьбе называла просто Галей. Ну, Галя и Галя! — кому какое дело, кем она приходится девочке — бабушкой, мамой или тетей.

— Не расстраивайся, Лизочек! — говорила Галя по вечерам, расчесывая мягкой щеткой длинные волосы девочки.— Я не брошу тебя, как твоя мама. Ну, не повезло тебе с ней — что теперь делать? Зато у тебя есть я и папа. Я и папа...— Галя мечтательно уводила взгляд куда-то в сторону. Рука со щеткой замирала в воздухе.

— А мама меня любит? — робко спрашивала Лиза, забившись под одеяло.

— Ну, раз она тебя бросила — как она может тебя любить? — приводила железный довод Галя.

— А она меня насовсем бросила? — уточняла девочка, стараясь придать крепости своему голосу.

— Ты же видишь — мы давно живем втроем: ты, папа и я. Разве здесь есть кто-то еще? — начинала сердиться Галя.

А когда она сердилась, Лизе становилось совсем одиноко и неуютно.

— Завтра после фигурного катания пойдем с тобой в кафе-мороженое,— смягчившись, Галя потрепала девочку по подбородку.— Ты какое будешь? Фисташковое? В прошлый раз тебе очень понравилось.

Лизе хотелось сказать: «шоколадное», потому что именно шоколадное они ели с мамой в тот единственный выходной, когда Галя уезжала к сестре в Калугу, и папа разрешил им встретиться. Но вместо этого она послушно ответила:

— Да, фисташковое.

— Отлично! Я рада, что даже в этом наши вкусы совпадают,— обрадовалась Галя.— Ну, отдыхай, детка! Доброй ночи!

Она выключила ночник и наклонилась над подушкой Лизы, чтобы поцеловать ее перед сном. Девочка зажмурилась изо всех сил и представила, что это не Галя сейчас наклоняется над ней, а мама. У мамы были мягкие, теплые руки, от нее пахло утренней подушкой и немного шоколадом. Это то, что Лиза помнила и не могла забыть, как ни старалась. Эти запахи и прикосновения никак не вязались с тем, что мама ее бросила. В глазах привычно защипало. Девочка замерла, затаив дыхание, чтобы Галя не заметила и не стала расспрашивать, как всегда, и не выудила из нее, в конце концов, признание, что мама ее плохая, и она ни капельки по ней не скучает. После таких слов Лиза долго не могла уснуть. Ей было стыдно перед мамой. Но и Галю тоже обижать не хотелось.

Скользкая от крема щека коснулась лица девочки, острый ноготь больно задел за ухо, но Лиза промолчала, притворившись спящей.

Танец подходил к финалу. Алевтина Петровна улыбалась, радуясь блестящему выступлению своих «ромашек», ее нога по-прежнему отбивала ритм. Лиза Вертин-

ская безупречно исполнила все сложные па, даже лучше, чем на генеральном прогоне. Молодец, девочка, собралась! Теперь, после этого концерта, можно рассчитывать не только на грамоту, но и на гастроли, а если повезет — то и на фестиваль в Белграде. Оставался завершающий проход, в котором юные танцовщицы кружатся, как бы заводя одна другую. Солистка запускала это заразительное вращение в сложном затакте. И тут важно было не ошибиться с моментом. Но ближе к концовке Лиза стала вдруг рассеянной, начала озираться по сторонам, потеряла темп, а за ней и другие девочки замедлились. Кого она высматривает в зрительном зале? — не могла понять Алевтина Петровна.— Бабушка — вот она, в первом ряду. Лизин отец находился сейчас в горячей точке. А если бы он и был здесь, то сидел бы рядом с Галиной Сергеевной.

— Раз, два, три четыре! Темп, темп! — стала громко считать Алевтина Петровна, отбивая ладони в попытке восстановить ритм.

Но Лиза ее не слышала. Вяло, будто на последнем дыхании, она закрутила финальное вращение, опоздав на полтора такта. Девочки вразнобой закружились следом. Зрители начали дружно прихлопывать — похоже, никто кроме Алевтины Петровны не заметил сбоя. Хотя нет — Галина Сергеевна заметила.

Галина Сергеевна замечала все. И запоминала, а когда требовалось — распаковывала ячейки памяти, удивляя окружающих подробностями — отчасти сохраненными, отчасти выдуманными, но разницы никто не видел. Когда ее дочь впервые взбрыкнула в девятом классе, ослушавшись мать, Галина Сергеевна сочла это предательством. Но первым ее предал муж, бросив одну с трехлетним ребенком на руках, не объяснившись, не оставив ни рубля. Двадцать с лишним лет она растила дочь, пожертвовав ради нее всем, включая личную жизнь. Двадцать лет в одиночку тянула лямку. Двадцать лет покоряла чужой, неприступный город, в точности как героиня любимого фильма. И тоже не верила слезам. Ничьим. От дочери и требовалось-то взамен лишь капелька уважения — помолчать, согласиться, уступить — только и всего. Но нет — дочь выросла норовистой! — все делала по-своему, наперекор. Зачем отца искала? Что он сделал ей хорошего? Почему вместо юрфака в акушерки пошла? Даже в мелочах настаивала на своем. Вот и живи теперь, как знаешь!

Галина Сергеевна вспомнила безобразную сцену с криком, слезами и битьем тарелок. Ворох вываленной на пол одежды, который она топтала, пинала ногой. «Неблагодарная тварь!» — слышала она визгливый голос. И другой, хриплый: «Дай мне жить своей жизнью!». Зять в это время был в командировке, Лиза — в садике. После ссоры дочь ушла, а Максим остался. Как и подобает мужчине, он был слишком занят, чтобы разбираться в женских склоках. Галина Сергеевна объяснила уход дочери ее вечной загруженностью, бессменными дежурствами в роддоме. Дескать, карьеру делает, на семью наплевать. Наплела что-то про служебный роман для вящей убедительности. Максим вдаваться в подробности не стал. Побыв три дня дома, снова уехал на службу. А когда вернулся — все изменилось. Галя похудела, сделала новую стрижку и перманентный макияж. Волевым решением она оставила свою пожизненную бессрочную самозанятость и начала жить на дивиденды. Да и Максим неплохие деньги домой приносил. Галя обстирывала и обглаживала зятя с нерастраченной силой, выбирала ему галстуки и костюмы, готовила борщи и пельмени. Могла и стопку поднести после напряженного дня, и массаж шейно-воротниковой зоны сделать. И, разумеется, помогала растить Лизу. Она чувствовала своим бабьим нутром, что жизнь подбросила ей еще один, возможно, последний шанс быть, наконец, счастливой. Жить семьей. Быть кому-то нужной, желательно незаменимой. В том, что Галя стала незаменимой для Лизы, сомнений не было. Оставался Максим, но об этом она старалась не думать — всему свое время!

Уж из внучки-то она сумеет сделать человека! Уж Лиза-то ее никогда не бросит,

не предаст. Пройдут годы — спасибо скажет за ее требовательность и прозорливость, за щедрые инвестиции в разностороннее развитие. И танцевать будет, и по подиуму ходить, и на коньках кататься, и на английском свободно говорить. «Может быть, на будущий год добавить этикет? — задумалась Галина Сергеевна.— Девочка ведь должна уметь вести себя в приличном обществе». А в том, что Лиза будет вращаться только в приличном обществе, не в пример своей упертой матери, Галина Сергеевна нисколько не сомневалась.

Грянули аплодисменты, выбив из головы размышления о Лизином будущем. Номер «Ромашек» завершал концерт, и теперь все участники выходили на сцену для общего поклона. Галина Сергеевна снова включила смартфон, чтобы запечатлеть торжество момента и отправить видео Максиму. Алевтина Петровна шепнула ей перед концертом, что Лизу наградят. Так и случилось. В числе избранных счастливчиков Лиза получила из рук пухлого чиновника диплом в золоченой рамке и грузный букет. Тонкие детские руки поникли под тяжестью подарка. Когда отговорили спонсоры и почетные гости, ведущая в тафте, задорно тряхнув лаковыми кудрями, предложила награжденным передарить свои букеты самым любимым зрителям, находящимся сегодня в зале. Лиза вздрогнула.

Галина Сергеевна приосанилась и поправила прическу. Вот она — минута триумфа! Затрубили фанфары. Ребятишки один за другим стали спускаться в зал, телекамеры ловили растроганные лица родителей и выводили их на большой экран у сцены. И только Лиза стояла одна в слепящих лучах рампы — потерянная, оцепеневшая, неловкая. По ее щекам текли слезы. «Это от избытка чувств,— догадалась Галина Сергеевна.— Наверное, сама поняла, что оплошала сегодня с финальным вращением, боялась, наверное, что заметят». Но нет, не заметили (Галя не в счет). А если и заметили — то простили. И потом дипломы были подписаны задолго до вручения, ее оплошность ни на что не влияла.

Вязко тянулись минуты, а Лиза все стояла посреди сцены. И уже Алевтина Петровна подошла к растерянной девочке, и указала рукой на первый ряд, в котором сидела нарядная бабушка. Но только Лиза не спешила спуститься к ней, а все высматривала кого-то в толпе у дверей. Наконец, словно очнувшись, девочка рванулась в зал. Но побежала она не к Гале, уже распахнувшей навстречу свои объятия, а куда-то вдаль, к видному только ей зрителю. Галина Сергеевна привстала от неожиданности, не веря собственным глазам. Смартфон выскользнул из рук в бархатное кресло и звонко шлепнулся на пол.

— Мама,— беззвучно, одними губами произнесла Лиза, уцепившись взглядом за родное, но уже стирающееся в памяти лицо.— Мамочка! — хрипло позвала она окрепшим голосом и побежала быстрее, путаясь в чьих-то ногах, фалдах, любопытных взглядах. Тяжелый букет бился о колени, шурша целлофаном, оставляя в проходе скользкие лепестки. Телекамера спешила за девочкой следом, бесцеремонно высвечивая, выставляя на всеобщее обозрение боль и радость, отраженные на детском лице.

Вот он — самый любимый ее зритель в сегодняшней зале и в целом мире. Любимая, далекая и желанная, стоящая в тесном проходе мама. Любимая, невзирая ни на что.

Когда полчаса назад мама, зашифрованная в телефоне под буквой «М», позвонила Лизе и сказала, что придет на концерт, девочка ответила сначала заученными словами Гали: «Не надо. Я не нуждаюсь в этом». Но чужие, произнесенные пересохшим ртом, холодные фразы разбились о мамин голос.

Девочка бежала по проходу, боясь обернуться на Галю,— ведь тогда пришлось бы отвернуться от мамы. А она не могла этого сделать. Потому что опасалась потерять ее из виду навсегда. За эти несколько мгновений, наполненные грохотом труб,

гулом чужих голосов, дробью сердца, Лиза простила маме все. И то, что та ее бросила, и что живет вдали от них с папой. Девочка забыла одинокие выходные, мокрую от слез подушку и дождливые вечера, проведенные с куклой, названной маминым именем. Она не хотела ничего знать о том, что мама плохая и не думает ни о чем, кроме своей работы. Ей не нужны были ни зоопарк, ни фисташковое мороженое, ни летний лагерь под Лондоном. Лизе нужна была только мама, ее мама с теплыми ладонями и запахом шоколада по утрам.

...Прошел год. Семья Вертинских перебралась из просторной квартиры Галины Сергеевны в пригород. Лиза оставила престижные кружки и записалась в клуб помощи бездомным кошкам. Папа научился сам выбирать галстуки и готовить пельмени. Мама перестала скрываться за буквой «М» и бояться, что бабушка навсегда отнимет у нее Лизу.

И никто уже не вспоминал то время, когда опасаясь кого-то обидеть, они теряли что-то очень важное. Стремясь к компромиссу — упускали решительный момент. Стараясь быть хорошими — становились несчастными.

А Галя... Галя по-прежнему все замечала и все помнила. Ее список предателей пополнился двумя новыми именами. Но она не теряла надежды стать для кого-то единственной и незаменимой.

Сергей Даштамиров
(п. Каменоломни, Ростовская область)

ЯШКА ИЗ СУХУМА

Сергей Сергеевич Даштамиров — поэт, прозаик, журналист, издатель и главный редактор Литературной газеты «Донские волны» и литературно-художественного альманаха «Донская сотня». Член Академии российской литературы, Российского союза писателей и Союза писателей Дона, член редакционного совета Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас». Родился в 1951 году в городе Грозном, с 1977-го проживает в Ростовской области. Кадровый офицер, подполковник в отставке. Публиковался в периодических изданиях и коллективных сборниках. Издал пять авторских сборников стихов и прозы.

Были времена, когда мы каждый отпуск проводили на Черноморском побережье. «Прикупа» не знали, потому не жили в славном городе Сочи, а просто приезжали отдохнуть, конечно, предварительно объехав всю родню в Москве, Саратове и в Грозном, оставив на попечение бабушкам их внуков.

Отдых был расписан по дням и часам. Сразу по приезде закупали ежедневные путевки на экскурсии до самого отъезда. Объездили все побережье «всесоюзной здравницы»: Геленджик, Туапсе, Гагры, Пицунду; посетили тисосамшитовую рощу в Сочи, побывали в Хосте, Новом Афоне, Батуми, на озере Рица. Пляжу времени уделялось не очень. Зато впечатлений — море! Особенно запомнилась поездка в Сухуми. Там я и познакомился с Яшкой.

Мы быстро сошлись с ним, нашли общий язык, непринужденно обменивались репликами. Он выразительно жестикулировал, пытаясь быть более убедительным.

— Мужчина! Отойдите от клетки! — всполошилась экскурсовод.— Нельзя так близко подходить: он может укусить!

Я пожал плечами, откланялся Яшке, он ответил мне таким же элегантным поклоном. Обменявшись белозубыми улыбками, оба сделали по два шага назад: я — к общей группе экскурсантов, он — в глубину клетки, где его ждали самка и детеныш.

Яшка был макакой. Мы находились в Сухумском обезьяньем питомнике. Экскурсовод, милая молодая женщина, объяснила, что мой новый знакомый работает в Научно-исследовательском институте экспериментальной патологии и терапии (она указала рукой в сторону здания НИИ, расположенного на склоне горы). Но ему тоже необходимо общение, поэтому в этот день Яшка вместе со своей семьей здесь — в питомнике.

Экскурсия закончилась, и я помахал Яшке рукой на прощанье: «Пока, Яшка, до встречи!» Тот ответил жестом, понятным только нам двоим.

Отпуск подошел к концу, надо было возвращаться. К железнодорожной кассе не пробиться. Решили добираться до Краснодара автобусом, а там — точно уедем. В тот день в Джубге, как позже писали газеты, пронесся смерч, принесший человеческие жертвы. На газетных фотографиях мы узнали палатку и автомобиль пострадавших:

видели их из окна автобуса, проезжая мимо. Оказалось, что смерч проследовал по этому участку минут на пятнадцать позже нашего автобуса!

В Краснодаре с большим трудом удалось приобрести билеты на фирменный поезд «Москва-Баку». Правда, только в плацкартный вагон, хотя «по штату» мне положен купированный. Но что выбирать? Дай-то бог уехать! Повезло с проводником. Молодой парень из бакинской поездной бригады встретил нас по-кавказски приветливо:

— Мест нет ни одного,— сказал он, изучив наши проездные документы,— но за «червонец» я могу устроить лучшие места!

Фортуна, что называется, благоволила. Мы с женой расположились во втором плацкартном отсеке. Здесь же посчастливилось разместиться доценту Дагестанского университета. Он ехал в Махачкалу, представился Магомедом.

— Постель будете брать? — спросил проводник.— Сдавайте по рублю.

Попросили чай. Наш проводник принес большой алюминиевый чайник, какие бывают в солдатской столовой, и водрузил его на столик.

— Заварки нет. Кипяток есть в девятом вагоне. Скажите, что от Али. Там проводник — мой друг, даст вам кипятку...

— Я схожу,— прервал общее замешательство Магомед и взялся за чайник.

— Это в той стороне,— указал жестом Али,— через два вагона...

Как только Магомед вернулся с кипятком, и моя жена достала из чемодана пачку чая (мы прикупили по случаю несколько пачек в Краснодаре),— появился Али.

— Меня угостите? — протянул большую фаянсовую чашку с коричневыми разводами, взглядом гипнотизируя при этом чайную пачку.— Сыпьте в чайник, крепче будет! — глаза проводника светились нездоровым огнем.— Заваркой поделитесь,— почти умолял он,— я друга угощу...

Как тут откажешь? Выделили ему полпачки чая.

Покончив с чайной церемонией, начали готовиться ко сну. Здесь ждал сюрприз: передний туалет был без двери и завешен простыней — Али оборудовал для себя душевую; задний — вообще не работал.

Устроившись на верхней полке головой к проходу, я пытался уснуть. Вдруг нечто необычное предстало пред моим взором. Али, приняв душ, шел по проходу в одной простыне поверх трусов, перекинутой через плечо.

— Время деньги собирать,— подмигнул он мне доверительно, как близкому знакомому. Ах, да — чай вместе пили!

В этом своем облачении проводник напоминал какой-то персонаж из восточной сказки. «Али-Бабай!» — мысленно окрестил его я и повернулся лицом к стенке.

Доехали благополучно, все утряслось. Но я почему-то по сей день часто вспоминаю эти две встречи — с Яшкой и «Али-Бабаем»! И понимаю: сколько в нас общего! Может, напрасно поговаривают, что Дарвин ошибся?..

Больше ни с Али, ни с проводниками, на него похожими, встречаться не доводилось. Жизненные обстоятельства изменились, стало не до ежегодных разъездов. Но о нашей с Яшкой договоренности еще раз встретиться я помнил и понимал, что слово надо держать.

Попасть в Сухумский питомник удалось лет через пять. Экскурсия была продолжительной, наша группа передвигалась от клетки к клетке; кто-то пытался покормить обезьян, просовывая между металлическими прутьями морковь, кто-то задавал вопросы, экскурсовод отвечала...

Вдруг она стала прощаться.

«Как же так, экскурсия закончена?» — не поверил я и подошел к экскурсоводу.

— Извините, это все?

Женщина подняла на меня усталый холодный взгляд и, утвердительно кивнув, развела руки в стороны.

— Но я ехал сюда ради одной только встречи! Пять лет назад мы познакомились здесь с Яшкой... Мы договорились... Я обещал ему вернуться...

Глаза женщины потеплели, а губы подернулись грустной улыбкой. Она поняла меня.

— У нашего Яшки случилась беда. В прошлом году хулиганы забрались ночью в его клетку. Яшка кинулся защищать свое семейство, получил ножевое ранение. Той ночью был убит его сын. После такого стресса Яшка впал в глубокую депрессию, стал агрессивен. Теперь его из института не выпускают...

Женщина так и сказала: «Яшка потерял сына» — сказала как о человеческом детеныше! Но ведь и реакция на агрессию, и эмоции у... (хочется назвать Якова уважительно, по отчеству, жаль, оно мне не известно). И эмоции у этого существа вполне человеческие!

Пока шли к выходу из питомника, экскурсовод рассказала мне о том, чем занимается Яшка в НИИ. Институт был центром изучения приматологии и научной базой по борьбе с онкологическими заболеваниями; здесь были созданы первые в мире модели ряда вирусов и испытаны полиомиелитные, коревые и гепатитные вакцины, проверялись новые антибиотики и лекарства. Я слушал вдохновенный рассказ нашего экскурсовода — научного сотрудника НИИ — и восхищался тем, что ко всем этим достижениям науки имеет отношение мой знакомец Яшка.

На прощанье я попросил Людмилу Николаевну передать Яшке привет и мои пожелания скорейшего выздоровления, а также надежду на встречу с ним. Возможность встретиться появилась, когда Сухум стал уже заграничным городом. Отдыхая в Сочи, увидел яркую афишу, приглашавшую посетить Адлерский питомник обезьян.

— Уж не тот ли это Сухумский питомник? — поинтересовался я у женщины, продававшей билеты на экскурсию.

— Он самый,— подтвердила женщина.— Перебрались в Адлер, когда началась война между Абхазией и Грузией. Вам сколько билетов?

— А Яшка здесь? — спросил я.

— Какой Яшка?

— Обезьяна из института.

— Нет, обезьян перевезти не удалось. Зато у нас есть две мартышки-космонавтки! Тиша и Даша — в девяносто восьмом побывали в космосе. Так сколько вам билетов?

— Спасибо, не надо... Раз уж Яшку не увижу.

Отказавшись от экскурсии, я брел по городу, расстроившись на полном серьезе; вспоминал нашу давнюю встречу с Яшкой, внесшим весомый вклад в науку, о его нелегкой, трагической судьбе; искренне сожалел о невыполненном мною обещании... Вызвала улыбку мысль о возможном родстве Яшки с космонавтками Тишей и Дашей. Впрочем, какое здесь может быть сомнение: конечно, они родственники!

«Обезьяны, видимо, если судить по сухумскому Яшке, больше стремятся к сохранению родственных связей, чем некоторые людские особи,— подумал я.— И ответственней к этому подходят. Иначе как могло случиться: жили вместе, жили дружно, в одной стране — и люди, и обезьяны! И вдруг ничего этого не стало — ни страны, ни дружбы!»

Я до сих пор не могу этого понять.

Ольга Борисова
г. Самара

Наш постоянный автор.

ГОСТЬ

1

Жил в селе мужичок. Так себе: неказистый, небольшого росточка, неприметный. Звали его Тихон Перепелкин. За калитку он почти не выходил, друзей не имел, жил тихо и незаметно. Зато женушка его, красавица Аринушка, слыла в Калиновке бой-бабой. Связываться с ней боялись даже мужики, любого могла поставить на место. Жили они вдвоем и, к удивлению сельчан, мирно. Единственная их дочь училась в городе на юриста. На выходные она частенько приезжала домой. Провожал ее обычно Тихон. Донесет до автобусной остановки тяжелые сумки, набитые продуктами, и с понурой головой возвращается обратно. Но однажды весной ему самому пришлось ехать в город. Дочь то ли экзамен завалила, то ли боялась, что не сдаст, но ей срочно понадобились деньги. Вот и отправила Аринушка муженька в город: «Гляди, деньги не потеряй! Спрячь подальше. Рот не разевай! На обратном пути заедешь на рынок, купишь домой колбасы копченой, сыра и рыбки красной»,— приказала она. И Тихон уехал.

Не любил он города. Дышать в нем трудно и свободы нет. «Как Валюха его переносит?» — удивлялся Тихон. А больше всего не любил современных новшеств — автоматов, продающих билеты в метро. Да и метро тоже не любил и предпочитал ездить на автобусе. «Ну и пусть дольше ехать, зато город посмотрю»,— рассуждал он, примостившись на переднем одиночном сидении. Постепенно в автобус набился народ, и стало не до городских красот. Все пыхтели, вздыхали, суетились. Ворчала кондуктор, отоваривая вошедших билетиками.

— Вот мужики пошли! — вдруг послышался рядом с Тихоном злой женский голос.—Женщина стоит, а он на переднее сидение уселся и делает вид, что не замечает!

Он обернулся и увидел толстую женщину в синем пальто и красной шляпе. Ее глаза метали молнии. Тихону казалось, что она сейчас вцепится в куртку своими красными когтями и будет трясти его, как грушу. Он быстро соскочил с сидения и, держась за поручни, на всякий случай отодвинулся от нее подальше. Сине-красная плюхнулась на кресло, при этом не забыла произнести ядовито: «Нахал!». Тихон еле дождался своей остановки и, как ошпаренный, выскочил из автобуса. Ему казалось, что все осуждающе смотрят ему в след. «Ну и пусть. Они меня не знают, и я их больше не увижу»,— пытался успокоить себя. Зазвонил сотовый: «Пап, ты доехал? Я сейчас прибегу. Будь на остановке!»

Валюшка появилась быстро. В белом пальто и белых сапожках, словно прекрасная фея, она шла к нему по узкой аллейке. «Красивая у нас Валюха. Лицом вся в мать»,— с гордостью подумал он, тут же забыв о своих печалях.

— Пап, ты не обижайся, но я спешу. Мне до двенадцати нужно отдать деньги, иначе мне не засчитают экзамен, со всеми вытекающими последствиями.

Тихон сразу представил эти последствия и торопливо затараторил:

— Конечно. Что мне обижаться, ты, главное, реши эту проблему! Нельзя сейчас

без образования! Никак нельзя,— поцеловав на прощание дочь, отправился на городской рынок, выполнять заказы жены.

Рынок встретил его ароматами специй и запахом только что испеченных пирожков. «Сейчас куплю все, что приказала Арина, и тогда полакомлюсь пирожками»,— решил он и пошел по рядам, деловито рассматривая товар. Чего там только не было! Свежая зелень, умело разложенная небольшими пучками, рядом примостились помидоры и огурцы. Чуть поодаль красовались желтые апельсины, за ними — мандарины и яблоки. Он дошел до колбасных рядов и, перепробовав многие виды, наконец, выбрал нужную. То же проделал и сыром. Самым сложным оказалось выбрать рыбу, но и с этим ему удалось справиться. Закончив с покупками, Тихон отправился за пирожками в небольшое кафе с яркими надписями и красивыми картинками на стекле.

Народу, к удивлению Тихона, в кафешке не оказалось. Некоторое время он постоял у прилавка, по-хозяйски рассматривая цены. Выбрав самсу, пирожок с ливером и ароматное капучино, уселся за столик, предвкушая трапезу. Отхлебнув глоток горячего напитка, Тихон заметил, что дверь отворилась, и в помещение зашел мужчина лет сорока в модной прошитой серой куртке, темно-синих джинсах и с красивым, с золотой застежкой, портфелем в руках. «Наверное, ученый какой-то или состоит в руководстве завода»,— подумал он. Завод за высоким забором и огороженный колючей проволокой находился неподалеку. «Нет, все-таки, ученый!» — и стал исподтишка наблюдать за вошедшим. Незнакомец, купив два пирожка, салат и кофе, уселся за соседний столик. Тихон заметил, что он чем-то расстроен. Мужчина открыл портфель и стал в нем рыться, но, не отыскав желаемого, раздраженно бросил его на рядом стоящий стул. Кривая ухмылка скользнула по лицу. Вздохнув, достал из внутреннего кармана куртки дорогой телефон. Тихону показалось, что «ученый» вовсе забыл, зачем он сюда пришел. Наконец, положив телефон на стол, мужчина принялся за еду.

— Поди, кофе остыл, пока искали,— посочувствовал Тихон. Ему жутко захотелось поговорить с умным человеком.

Мужчина мимолетно взглянул на него и тихо ответил:

— Ничего страшного...

— У вас неприятности?

— Да есть небольшие,— теперь он более внимательно оглядел Тихона.— А вы случайно не знаете, где в вашем городе можно найти недорогую гостиницу? — спросил незнакомец.— Мне нужно всего на пару дней. Я пытался сейчас поискать, но дорогие очень... Мне они пока не по карману.

— Не, я сельский. В Калиновке живу, к дочери приехал. Вот с пирожками пережидаю время. В четыре часа автобус, с ним и уеду.

— Я так и подумал... На всякий случай спросил.

— А вы что, по делам приехали? Или по поводу какому? — снова пристал с вопросом Тихон.

— В командировку, на ваш завод... Да вот беда, обокрали меня,— разоткровенничался мужчина.— Из портфеля папку вытащили. А в ней карта, пропуск, проездные и командировочные. Хорошо что телефон и портмоне с паспортом в куртке лежали.

— Ох, какая беда! Аккуратней нужно. Народ теперь пошел ушлый. Все норовит поживиться за счет других. Мне Ариша строго-настрого приказала «рот не разевать».

— Ну, вот и получается, что я его-то и раскрыл. Со мной такого не случалось. В портмоне всего пять тысяч, на них двое суток в чужом городе не проживешь.

— А вы бы своим сообщили. Пусть пришлют. Надо же человека выручать, с каждым может произойти.

— Позвонил в свой отдел, сообщил о пропаже. Пообещали в течение суток оформить новые документы и переслать в приемную на завод. За сутки они не упра-

вятся, с пропуском волокита будет. Я его неделю оформлял. А жену мне не хочется тревожить. Сердце у нее больное, переживать начнет. Да и банковской карты тоже нет,— он развел руками,— украли.

Тихон задумался. «А если бы меня обокрали, чтобы я делал?» — он непроизвольно потрогал внутренний карман. Его тысяча лежала на месте.

— А знаешь, поехали к нам в село,— неожиданно для себя предложил он.— Всего-то час езды. Поживешь у меня, пока твои документы будут делать. В Калиновке хорошо! — он от удовольствия даже причмокнул.— Свежий воздух, цветы цветут, бабочки летают, птицы поют — живое все, не то, что в городе!

Незнакомец явно не ожидал приглашения и удивленно приподнял брови:

— Вы не шутите? А что жена на это скажет? Вы бы посоветовались сначала с ней. Разрешения спросили. Да и заплатить я не смогу до тех пор, пока деньги не перечислят.

— Не нужны нам ваши деньги. Люди должны друг дружке помогать. Так жили наши родители, и мы так живем, и дети наши по таким же законам жить будут. Мы для них пример! — довольный сказанным, расправил с гордостью плечи.— А жена должна мужа слушать! Аринушка у меня хорошая: хозяйственная, умелая, гостеприимная! И накормит, и напоит...

2

На автостанцию они пришли вовремя. Купив билеты, отправились на четвертую платформу, где повстречали Федьку Косого:

— Перепелка, а ты что здесь делаешь?

— То, что и ты. В город приезжал, к дочери.

— А это кто с тобой? — он глазами показал на идущего рядом мужчину.

Тихон обрадовался встрече. Федька — трепач, и теперь все село будет знать, что к Перепелкиным приехал большой человек. Он поднял указательный палец и загадочно произнес: «Ученый... Иди, Федька, дай нам пообщаться!»

— Тебя хоть как зовут? — повернувшись к новому знакомому, спросил Тихон.

— Юрий Дмитриевич Курбанов. Работаю в НИИ, кандидат технических наук.

— О, я так и подумал, что ученый. У меня глаз вострый! А меня Тихоном кличут. Фамилия Перепелкин. Человек я простой, без образования. Комбайнером работал. Родился в Калиновке, и умру в ней. А вот дочь в госуниверситете учится на юриста. Сейчас без образования никак не прожить.

Вскоре подошел автобус. Закончив посадку, дежурная отправила его в путь. Всю дорогу Тихон молчал. Зная крутой характер женушки, продумывал, как представить гостя. В голове рождались всякие идеи, но ни одна ему не нравилась. Тогда он решил: «Будь что будет. Выгонит, уйду вместе с ним. Найдем где переночевать»...

Арина находилась в хорошем расположении духа. Недавно позвонила дочь и сказала, что проблему она закрыла. Щелкнула щеколдой калитка, и во двор вошел Тихон вместе с незнакомым мужчиной. «Никак что-то случилось?» — только и успела подумать она.

— Женушка, это Юрий Дмитриевич — большой ученый, кандидат технических наук,— представил гостя муж.— Он несколько дней поживет у нас,— и не требующим возражения голосом добавил,— проголодались мы! Корми скорей!

Арина засуетилась, накрывая стол. Она слышала, как важный гость назвал ее красавицей, и видела, как от похвалы возгордился муженек. И Аринушка расстаралась. Она летала по кухне, готовя разные вкусности. А готовить она умела. Вскоре накрытый белой скатертью стол ломился от яств, а в центре красовалась в красивой бутылке из-под виски вишневка, вынутая из шкафа по случаю приезда дорогого гос-

тя. Сначала беседа никак не клеилась, но выпив по чарочке, разговорились. Юрий Дмитриевич вкратце рассказал, что они в НИИ изобрели прибор, а здесь на заводе проводят его испытания. Что-то у них там не сработало, и он прилетел разобраться. Незаметно под столом Тихон толкнул ногу Курбанова. Он сразу все понял и перевел разговор на другую тему. Спать гостя определили во второй половине дома, разделенной узким коридором.

А по селу уже летела молва, что к Перепелкиным приехал большой ученый, и он будет гостить в Калиновке несколько дней. Некоторые предположили, что это родственник:

— Смотрите, какая Валька у них умная! В университете учится. Вот они, гены!

— Явно родственничек и, видно, по Аришкиной родне, по Бабичевым,— заключили другие. Всем нетерпелось поскорее увидеть приезжего...

— Тиша, как там, в городе? — завела разговор женушка, когда они улеглись спать.

— Нормально,— однозначно ответил Тихон, понимая, что этот разговор не приведет ни к чему хорошему.

— Машин, наверно, много?

— Много,— и строго добавил: — Арина, спать пора. Устал я сильно.

— Какого ты гостя нам привез! Все в Калиновке с ума сойдут от зависти,— Тихон чувствовал, как она улыбается.— Ты мне раньше не говорил, что у тебя есть такой знакомый.

Он напрягся, ожидая нового вопроса.

— А на самом деле, откуда ты его знаешь? Вроде и в городе редко бываешь. Может, дочь познакомила?

Тихон стал усиленно сопеть, делая вид, что уснул.

— Ты чего молчишь? — она толкнула его за плечо.

— Сплю я уже, а ты пристаешь с глупыми вопросами,— повысил он голос.

— Тишенька, ты мне ответь, и я отстану. Интересно же!

— С ним в кафешке познакомился, когда он прошлый раз на завод приезжал, вот теперь снова случайно встретил.

— В кафешке?! Ты что, по кафешкам ходишь?

Тихон почувствовал, как напряглась жена. «Ну, все! Сейчас разразится,— успел подумать он и не ошибся.

— Да там только жулики бывают! Откуда ты знаешь, что он на завод приехал? Ты его там видел?! Ты кого в дом привел?!

— Он не жулик, а ученый! Таких по телевизору показывают, а ты сразу «жулик». Радоваться должна, что с умными людьми общаешься и что такой человек живет сейчас у нас.

Арина вскочила с кровати и подбежала к окну, пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте.

— А ты его паспорт видел? Может, он тебе наплел с три короба, а ты и уши развесил! Может, он рецидивист, и его ищет полиция?!

Тихон поежился. «А, может, жена и права,— подумал он.— Я и на самом деле не знаю, кто он, и паспорт его не проверял». Ему ничего не оставалось, как соврать:

— Да видел! Отстань от меня, дай поспать!

— Паспорт можно и поддельный сделать,— не унималась жена.— Ну что же ты такой наивный! Вот этот твой «ученый» ограбит нас, будешь тогда знать! — она подошла к двери, слегка ее приоткрыла и заглянула в образовавшуюся щель. Затем на цыпочках вышла в коридор и приложила ухо к другой двери, за которой спал гость. Услышав храп, успокоилась. Вернувшись в дом, плотно закрыла дверь и накинула железный крюк.— Так спокойнее будет! Утром разберемся!

А утром, спозаранку, прибежала кума:

— Мне тут не спалось, я блинчиков по утрянке настряпала. Вот решила вас уго-

стить,— ей, видно, не терпелось узнать, кто же к ним приехал, и она начала издалека.— Свет у вас что-то до полуночи горел. Аль случилось что?!

Арина сразу поняла, зачем прибежала кума, и решила поддержать игру:

— Гость к нам приехал. За столом долго сидели, да по чарочке выпили.

— Мне тут сорока вечером на хвосте принесла, что гость-то непростой. Вроде, как ученый? Или наврала-то сорока?

— Ты за этим пришла?

— А еще сказала, что он сродник ваш, и вроде как по твоей линии. Правда, что ль?

«Вот наплели»,— подумала Арина и, еле сдерживая улыбку, утвердительно кивнула головой:

— Иди, кума, домой! Некогда мне! Завтрак нужно готовить, скоро «мои» проснутся, а я еще ничего не сварила,— и, довольная собой, отправилась на кухню.

Сначала проснулся Тихон. Услышав, что на плите что-то скворчит, жарится и кипит, понял, что женушка успокоилась. Незаметно подкрался к ней сзади и обнял за талию.

— Э-эх, «ученый!» И когда же ты у меня поумнеешь? — уже более миролюбиво произнесла Арина, мешая ложкой что-то в сковородке.— Иди, умойся. Скоро гость проснется, будем завтракать.

За завтраком Арина внимательно наблюдала за Юрием Дмитриевичем. «Ест аккуратненько. Вилку с куском в рот сразу не тянет, а странно так закручивает. Интеллигентный! Надо про семью разузнать,— решила она и с деревенской хитринкой спросила вроде невзначай:

— Тиша, а Валечка не говорила, приедет домой на выходные?

— Не успел спросить, торопилась она.

— Дочь у нас в городе учится,— объяснила гостю.— Переживаю за нее. Вот уже на третьем курсе. Закончит и в село, наверно, не вернется. Одним нам век свой доживать придется... А у вас, Юрий Дмитриевич, дети есть?

— Как же, есть, конечно. Сын, одиннадцать лет. Митькой зовут,— вытирая салфеткой рот, ответил гость.

— Такой маленький?! — удивилась Арина, явно намекая на его возраст. Юрий Дмитриевич все понял:

— Женился я поздно. Все учился: сначала в Политехе, затем в аспирантуре, защищался. С Людой в аспирантуре познакомился. Женились после защиты. А потом она заболела,— он замолк. Напряженная тишина повисла в воздухе.— Обычный сезонный грипп, а осложнение дал на сердце. Вот поэтому, Арина Петровна, Митька у нас еще маленький. Любопытный растет,— он засмеялся.— Барометр я как-то из Праги привез. Сыну лет пять тогда было. Прихожу с работы, а он над ним колдует. Весь разобрал, а потом собрал. Смотрю, шуруп лежит на столе. А шуруп, спрашиваю, откуда? «Он лишний»,— ответил сын.

— А с барометром что? — забеспокоился Тихон.

— Работает, только все наоборот показывает,— Юрий Дмитриевич снова засмеялся.— Я мальца в кружок технический при Доме творчества определил. Тяготеет он к технике.

— А жена как? — сочувственно спросила Арина.

Но гость не успел ответить. Зазвонил его сотовый:

— Слушаю Степан Аркадьевич!.. Хорошо... Спасибо!.. А пропуск?.. А завтра точно будет готов?.. Ну, отлично!

Юрий Дмитриевич отключил телефон:

— Документы сегодня к обеду перешлют, а пропуск готов будет только завтра. Так что я могу вечером уже уехать. И так вам суеты доставил.

За столом наступила тишина.

— Нет уж, Дмитрич, вот как пропуск перешлют, так поедешь! — вдруг реши-

тельно заявил Тихон.— Что ты в городе делать будешь? Город, он того, денег требует! Да и всяких отщепенцев там полно, того и гляди в карман залезут. Правда, Арина?!

— Конечно, оставайтесь, Юрий Дмитриевич!

3

После отъезда Курбанова грустно стало в доме Перепелкиных. Тихон видел, что женушка заскучала. «Вот баба! Ученого ей подавай!» — в нем проснулась давно забытая ревность и обида. Он сел на бревно подальше от глаз жены на заднем дворе и стал вспоминать молодость.

Арину он знал с детства. Они жили на соседней улице и часто играли вместе в казака-разбойника или в лапту. Темноглазая, озорная, с непослушными кудряшками на голове, она казалась ему не такой, как все девчонки в селе. Аришка никогда не плакала, даже когда разбивала коленки до крови. Она не жаловалась родителям, если ее кто-то обижал. Уже тогда она могла дать отпор мальчишкам, и за это они ее уважали. Шли годы. Снова Тихон обратил внимание на девушку, когда учился в десятом. Около семиклассницы и отличницы Арины Бабичевой всегда крутились мальчишки. «Какая красивая дивчина»,— подумал Тихон и вдруг под сердцем у него что-то екнуло. Он понял, что влюбился. С тех пор Тихон старался не выпускать ее из виду. Обратить на себя внимание помог случай.

Как-то летом в колхоз привезли студентов убирать помидоры и арбузы. Жили они в студенческом лагере за селом и часто наведывались в Калиновку. Однажды они заявились на танцплощадку. Группа из пяти подвыпивших студентов сразу обратила внимание на стройную смазливую девчонку и стала к ней приставать. Сначала Арине это льстило, но чем больше она с ними кокетничала, тем развязнее они себя вели. Тихон стоял за ограждением в темноте и все видел. Арина, прячась за спины танцующих, поспешила к выходу. Но ребята оказались ушлые и кинулись вслед за ней. Вот тут на их пути стеной встал он...

Потом Тихон долго лежал в больнице с сотрясением мозга. К нему каждый день приходила Аришка. Она садилась на стул рядом, брала его руку и держала в своих теплых ладошках до тех пор, пока медсестра не прогоняла девушку домой. С тех пор они не расставались. А когда Арине исполнилось восемнадцать, поженились.

— Тиша, ты где? — по дорожке, не торопясь, шла жена.

«Какая красивая! Ей уже тридцать восемь лет, а она становится все краше и краше»,— успел подумать Тихон. Арина подошла к мужу, присела рядышком, прижавшись к плечу.

— Хорошо у нас, Тиша,— вдруг промолвила она.— С тобой хорошо!

Внезапно загремела щеколда калитки и в ее проеме показалась почтальонша Любаша.

— Хозяева! — закричала она, держа в руках толстый конверт.— Тихон Евсеевич, это вам,— протянула подошедшему Тихону.— Паспорт давайте и распишитесь.

— Паспорт тебе зачем?

— Письмо заказное, из Петербурга. Порядки такие!

Тихон с тревогой взял письмо, вскрыл. В нем лежали какие-то бумаги. Бегло оглядев, увидел в конце крупно написанную кругленькую сумму. У него затряслись руки:

— Любка, разберись, что это? Что-то ничего не понимаю. О деньгах каких-то там?!

Почтальонша внимательно прочитала аккуратно вложенные три красочных листа.

— О, Арина Петровна и Тихон Евсеевич, собирайтесь!

— Куда собираться? — встревожилась Арина.

— В путешествие! — засмеялась Любаша.— Родственник ваш оплатил проживание в отеле и билеты в С-Петербург,— она снова достала из конверта красивый лис-

ток и торжественно прочитала: «Людмила Игоревна и Юрий Дмитриевич Курбановы приглашают Арину Петровну и Тихона Евсеевича Перепелкиных посетить славный город С-Петербург, чтобы ознакомиться с его достопримечательностями и приятно провести время». Увидев застывшие лица Перепелкиных, расхохоталась:

— Бегите, чемоданы собирайте! Через три дня вылет!

ВСТРЕЧА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

1

Рыже-красный шар выкатился из-за холма и, медленно поднимаясь по небосклону, окрасил все три окна вросшего в землю саманного дома в розовый цвет. В саду весело запели пичуги. Взлетев на изгородь, загорланил соседский петух. Матвей Егорович вышел на крыльцо, обвел взглядом свое нехитрое хозяйство.

— Пират! — громко позвал он.

Зазвенела цепь и из будки неторопливо вылез взлохмаченный пес. Он зевнул, потянулся и, виляя хвостом, подошел к хозяину.

— Спишь, шельмец! Старый стал, не дозовешься,— дед Матвей ласково потрепал собаку за холку.— Нынче жарко будет. Вишь, какое светило яркое. Сейчас покормлю тебя да водицы свеженькой налью. Смотри, бандит, не опрокинь, как в прошлый раз.

Накормив пса и насыпав корма курам, Матвей Егорович обрядился в привычную форменную одежду, взял ружьишко и отправился на обход своих владений.

Деда Матвея в Калиновке знали все. Здесь он родился, вырос, женился и состарился. Его супруга — Анна Тимофеевна — слыла женщиной тихой и скромной. Прожили они вместе в любви и согласии лет пятьдесят, но детей так и не нажили. Сельчане уважали старика, хотя частенько добродушно посмеивались над его формой, принадлежавшей разным видам войск и эпохам. Женщины его побаивались, мужики — уважали. Умел дед дать дельный совет и словом присмирить любого, даже самого отъявленного сельского бунтаря.

Раньше Матвей Егорович работал счетоводом в колхозе, но в пресловутые девяностые хозяйство распалось, и он остался не у дел. Да и власти в селе тоже не стало. Достал он тогда с чердака старое отцовское ружьишко и стал охранять колхозную технику от непрошеных гостей. Вскоре такие объявились. Хотели приватизировать все, что осталось от советской власти, тем самым полностью разграбить колхозное имущество и разорить Калиновку. Но на их пути смело встал счетовод, так и убрались они восвояси ни с чем. С тех пор не выпускает дед Матвей ружье из рук. Следить за порядком в селе стало для него уже привычным занятием. А как старуху схоронил, так желание сидеть дома совсем пропало. В одном месте языком зацепится, поговорит с мужиками о житье-бытье, в другом остановится — и день прошел. Вот и сегодня, совершив привычный ритуал, решил еще в продмаг заглянуть, чтобы бабьи сплетни послушать.

Вечерело. Потихоньку спадала жара. Весело зачирикали воробьи. Вдруг он заметил в кустах соседского одиннадцатилетнего мальчугана, целившегося из рогатки в юркого воробья, сидевшего на нижней ветке старого осокоря.

— Лешка, сорванец, ну-ка, поди сюда!

Лешка, поправив грязной пятерней непослушный чуб и подтянув сползающие штаны, доставшиеся ему по наследству от старшего брата, подошел нехотя, понимая, что эта встреча не сулит ему ничего хорошего.

— Ты чего ж озорничаешь? Воробей — это живая душа. Давай рогатку, я в тебя пульну,— дед строго посмотрел на мальца.— От рук совсем отбился, мать не слушаешься! Утром она опять тебя костерила.

Мальчишка, шмыгнув носом, спрятал рогатку за спину.

— На кой ляд ты в соседский сад залез?

— За грушами,— на всякий случай плаксиво ответил он.— Я только две и сорвал.

— У вас же свои груши есть?! Чужие тебе зачем?

— У тетки Ганьки они вкуснее.

— Горе ты луковое! Вкус-не-е,— передразнил пацана.— Смотри у меня! Вот ружьишко солью заряжу и пальну,— сняв с плеча берданку, застращал дед.— Чтобы в следующий раз неповадно было по чужим садам лазить! Понял?!

—Угу,— торопливо ответил мальчуган, оглядываясь по сторонам и отыскивая короткий путь к спасению.

— Мать слушайся! Она из последних сил бьется, чтобы вас поднять, а ты ей одни неприятности приносишь. Отец утоп, теперь вы с братом вместо него! Иди уж,— примирительно произнес дед Матвей и, водрузив ружье на плечо, зашел в магазин.

2

— Матвей Егорович, по всему селу тебя ищу,— в магазин заглянула почтальонша Любаша.— Лешка Пегов сказал, что ты здесь.— Она протиснулась в дверь, придерживая ее одной рукой.— На, держи письмо!

— Откель? — удивился дед Матвей.— Лет сорок, как писем не получал. Неоткуда мне их ждать.

— С Ростова, от Н.Е. Парамонова.

— Парамонова, говоришь?! — еще пуще удивился старик.— Знать такого не знаю. Ты не перепутала чего?

— Нет! Тут написано Матвею Егоровичу Матлахову, село Калиновка.

Дед Матвей взял красивый конверт в руки и стал внимательно вчитываться в строчки.

— Точно, адресовано мне от этого неизвестного Н. Е. Парамонова. Любка, очки дома забыл, ну-ка прочти, что этот Н. Е. от меня хочет.

Любка взяла конверт обратно и, вскрыв его, стала читать: «Здравствуй, Матвей! Еле нашел тебя. Наверное, удивлен моему письму, но прочти его до конца. Я Николай Егорович Парамонов — твой младший брат...»

Девушка удивленно посмотрела на Матвея Егоровича:

— Я и не знала, что у вас есть брат.

Матвей Егорович стоял, как вкопанный, не веря своим ушам.

— Брат, говоришь?! — и, собравшись с мыслями, добавил,— а что меня искать? Как жил в родительском доме, так и живу досель. Нашелся значить.

— Егорыч,— вступила в разговор Наталья Ивановна, женщина пятидесяти лет, проработавшая в этом магазине лет двадцать пять и знавшая все и про всех в своем селе,— неужто нашелся? Лет шестьдесят, поди, минуло, как он пропал…

— Шестьдесят четыре,— уточнил дед.— Дай, Любка, я дома дочитаю. Трясущимися от волнения руками он взял письмо и медленно побрел домой.

А по селу с быстротой молнии разлетелась весть, что у Егорыча нашелся брат, пропавший шестьдесят четыре года назад. Со всех концов Калиновки к его дому потянулись люди. Вскоре пришел и местный участковый.

— Матвей Егорович, рассказывай, что брат-то пишет,— участливо спросил Степан Александрович.

— Вот и пишет, что повидаться хочет.

— А где же он пропадал все это время? — пытаясь вывести старика на разговор, снова спросил участковый.

— В Ростове жил... Искал меня...

— Я слышал от родителей, что был у тебя брат, но в пятидесятых пропал, да вот запамятовал, как это случилось. Ты уж расскажи нам, что тогда произошло.

Дед Матвей горестно вздохнул, оглядел всех и начал рассказ:

«Отец вернулся с войны калекой. Полступни миной оторвало. Сидеть дома не стал. Он до войны лесником был и снова пошел лес сторожить. Мама же в колхозе работала на элеваторе. В сорок шестом я появился. Через три года народился Коленька. А ранней весной в пятьдесят пятом на переправе через речку колхозная машина под лед ушла. В ней и мама наша была,— дед Матвей закряхтел, видно непросто давались ему эти воспоминания.— Все спаслись, не глубоко было, но мама простудилась и заболела. Через две недели ее не стало,— старик смолк. Его плечи обмякли, голова склонилась и по щеке скользнула скупая мужская слеза.— Большенький я был, все запомнил. Горевал сильно отец, трудно нам жилось. А тут браконьеры в лесу объявились, косуль много забили и егеря местного убили. Видно, он их за охотой застал. Колхозный председатель милиционеров из города вызвал, а как они приехали, к нам пришел:

— Егор, помоги,— попросил он.— Ты лес хорошо знаешь, не справиться им без твоей помощи. Матвей уже большой, за Колей присмотрит, да и соседи помогут, не бросят детей одних.

Отец и повел их только ему известными тропами. Через трое суток вернулись милиционеры, да не одни. С собой привели троих, со связанными за спиной руками. Это были люди пришлые, не из нашего района: бородатые, грязные, со злыми глазами. Целый арсенал браконьерского оружия принесли. А вот отец не вернулся. Не появился он и на следующий день. Охотники с окрестных деревень собрались и группами пошли на его поиски и только на второй день нашли с пулевым отверстием в груди у пустующего кордона,— старик отсутствующим взглядом посмотрел на фотографии в деревянных незатейливых рамах на стене, а затем медленно перевел на ружье с кожаным ремнем, висящее на спинке кровати. Ружье — вот все, что осталось мне от отца.— В наступившей тишине раздался чей-то скорбный вздох, кто-то всхлипнул, а дед Матвей продолжал: — Меня соседи забрали, а за Колей приехали люди из города и отвезли в приют. Мал он был, не разрешили его в селе оставить, хотя мы очень просили. Как я чуть подрос, поехал в город за братом, но его в детском доме не оказалось. Мне сказали, что усыновили нашего Колюшу. Умолял их адресок дать — не дали. Домой вернулся, места себе не находил. Куда мы только с председателем нашим не писали, но отовсюду приходил ответ, что такой в городе не проживает. Лет сорок назад я снова пытался его найти, но безрезультатно. Не проживает, и все! Как в воду канул Николай Егорович Матлахов, а он, оказывается, теперь не Матлахов вовсе, а Парамонов, и живет не в Краснодаре, а в Ростове. Каким-то образом сам меня нашел и обещался на неделе приехать. Вот и весь мой рассказ»,— завершил дед Матвей.

— Нашим родителям досталась тяжелая доля. Страну они после войны поднимали, чтобы мы хорошо жили. Ну, Матвей Егорович, встретим вашего брата как положено, всем селом! — заключил Степан Александрович.

Через три дня Матвея Егоровича снова навестил участковый.

— Созвонился я с твоим братом, Егорыч! Он у тебя непростой человек. Сейчас на пенсии, а работал инженером-конструктором водного транспорта в одном КБ. Много лет тебя искал. Фамилию не помнил, так как маленький был, когда его в детский дом забрали. А вот имена запомнил, по ним и искал, да все безуспешно. А нашел случайно. Встретил он как-то своего однокашника. Предпринимателем тот стал, несколькими фермерскими хозяйствами владеет. Разговорились. И вот он и говорит Николаю Егоровичу, что не дает ему покоя одна встреча. В лихие девяностые он с компаньонами решил под Краснодаром землицу скупить, а в одном, некогда богатом селе, хотели технику по дешевке забрать, да не вышло. Мужик решительный такой,

серьезный встал на пути. Что-то неуловимо-знакомое было в его движениях, голосе, походке, а главное — в чертах лица: «На тебя сильно похож. Знаю, что брата ищешь. Съезди туда, посмотри, авось, это он».

Вот так тебя и нашел. Николай Егорович скоро сам тебе все расскажет, готовься к встрече. Завтра приезжает.

К обеду все жители села собрались на небольшой площадке у сельсовета. В центре стоял дед Матвей в аккуратно отглаженном пиджаке, вынутым из шкафа по этому случаю. Подтянутый, строгий и внезапно помолодевший, он напряженно всматривался вдаль.

— Едут, едут! — завидев вдалеке машину, свернувшую на сельскую дорогу, закричали ребятишки.

— Е-ду-т! — разнеслось в толпе и затихло. Напряженная тишина повисла в воздухе. Белая «тойота» медленно въехала в село и остановилась возле собравшихся людей. Дверца открылась, и с заднего сидения машины вылез пожилой мужчина в дорогом твидовом костюме. Он оглядел встречающих и остановил взгляд на стоящем в центре Матвее Егоровиче.

— Глянь, как две капли воды! Как похож на нашего деда Матвея! — послышалось из толпы.

— И вправду похож! — шушукались сельчане.

Два пожилых человека шагнули навстречу друг другу.

— Ну, здравствуй, брат!

— Коля! — только и смог произнести Матвей Егорович.

Слезы застили глаза братьев. Обнявшись, не расцепляя рук, они так и стояли, словно боялись снова потерять друг друга. А на ветке старой липы, радуясь солнечному дню, весело расчирикался воробей. Вскоре эту песню подхватили его собраться, и разлетелась она по всем пределам Калиновки. Это была даже не песня, а торжественный гимн жизни на прекрасной и цветущей земле.

Валерий Сдобняков
(г. Нижний Новгород)

ВОЛОДЯ

Сдобняков Валерий Викторович, родился в 1957 г. в Красноярском крае. Создатель и главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». Секретарь Союза писателей России. Председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России. Лауреат многих всероссийских и международных литературных премий. Награждён государственной наградой – «Медалью Пушкина», а также Почётной грамотой Нижегородской области и Почетным знаком главы города Нижнего Новгорода. Автор тридцати книг прозы, публицистики, критики.

1

В дверь негромко, но настойчиво постучали. Сквозь сон не понял: это было на самом деле или мне приснилось. Прислушался. На крыльце осторожно скрипнула половица, и все смолкло.

Я взглянул на будильник, стоявший у книг на стеллажах, убедился, что ночь только заканчивается. Ранний сумрак заполнял комнату сероватым неясным светом. В этом свете оструганные темно-медовые плоскости старых бревен угадывались чернеющими трещинами-разрывами.

Вновь засыпая, ослабленным сознанием я еще успел подумать: «Кто бы это мог быть?» И тут же самому себе ответил: «Володя».

По деликатности стука, по уважительным к покою хозяев осторожным шагам на чужом для раннего гостя крыльце это мог быть не иначе, как он.

2

Только в деревне у меня получается так долго и безмятежно спать. Никакие посторонние звуки не доносятся с улицы. Лишь крик соседского петуха проникает непрошеным гостем куда-то вглубь сознания и там затухает, теряет силу, умолкает, не нарушая глубокого сна. Потому всякий день мы встаем поздно. По деревенской классификации нам одна оценка: «лежебоки».

Этот день ничем от предыдущих не отличался, и потому только к десяти часам утра я увидел на крыльце в чашке пяток куриных яиц.

Ну, конечно, их оставил Володя. Встав спозаранку, чтобы идти пешком в совхозный гараж (там работал стропальщиком), он успел проверить тайком от старушки-матери, что за ночь снесли куры, и обнаруженное оставил у нас в надежде, что позже за приношение удастся опохмелиться.

Когда у меня в доме была водка, я без всяких подношений наливал Володе половину стакана: меру свою он знал и за один раз больше не выпивал. В то же время Володя считал, что задарма водку ему никто наливать не обязан (это было его принципом, если хотите — сохранением чувства собственного достоинства: мол, ничем я не хуже вас, но уж так получается, что обращаюсь по надобности, и не за подаянием, а на принципах

взаимовыгодного обмена), и потому тоже пытался чем-нибудь отдариться: обрезной доской, привезенной тайком с местной лесопилки; десятком всегда нужных в хозяйстве больших гвоздей; срубленной недалеко от дороги крепкой жердиной…

Каждый раз от его приношений я отказывался, ругался (так, для острастки, но осторожно, чтобы ненароком не оскорбить искренних Володиных чувств), бывало, что и стыдил, но он находил способ тихонечко свою поклажу оставить на ступеньках бани, что стояла через дорогу от дома, у забора палисадника — в саду под старыми яблонями. Я находил эти «закладки» довольно продолжительное время спустя, когда возвратить их уже не было никакой возможности — только на себя наводить гнев его родственников: старшей сестры и матери, которые оставались в полном и непреклонном убеждении, что все соседи и знакомые только и думают, как бы споить их брата и сына, а заодно выманивают у него всякую необходимую в хозяйстве вещь.

На этот раз Володя принес свой «подарок» впрок. Значит, вечером зайдет выпить положенную порцию водки.

Я позвал жену, показал стоявшую на лавке миску. Невольно вздохнув и сокрушенно покачав головой, жена озабоченно сказала:

— У нас у самих полный холодильник, только из города всего привезли.

— Пойдете с девчонками пить козье молоко, вот и отдадите бабушке.

Жена, соглашаясь, кивнула, хотя предстоящая передача законной хозяйке тайком принесенных нам яиц, снесенных ею лелеянными курицами, могла иметь для нас определенные последствия.

Дело в том, что мать Володи, добрая и трудолюбивая не по годам женщина, единственная на всю нашу дачную деревню держала козу. В качестве профилактики от простудных заболеваний моя супруга решила поить малолетних дочерей козьим молоком. Договорившись с недалекой соседкой, двор которой всего через дом по порядку, она каждый вечер, когда пасущуюся невдалеке на привязи животинку приводили к ее хозяйке, забирала девчонок и шла в ближайший конец деревни. Хозяйка, только подоив рогатую своевольницу (норов у козы был тот еще: то умудрится вырвать колышек, к которому привязывалась удерживающая ее веревка, и убежать; то вот не гуляется ей на лужку, залезет в придорожные кусты и там запутается), тут же процеживала через марлю и наливала молоко в кружки детям, и те еще теплым его выпивали.

Предстоящая процедура передачи незаконно изъятых из хозяйства ее сыном пяти куриных яиц могла нарушить все нами ранее достигнутые договоренности. Но уж тут как получится.

3

По своему рождению Володя не местный. Жизнь его помотала по необъятным просторам Советского Союза — от Средней полосы России до Камчатки. Была у Володи и семья — жена, дочь. Но это все осталось в каком-то далеком и неясном, за чередой многих прожитых лет, прошлом. Сам он только раз с горечью об этом вспомнил, как о чем-то почти невероятном и малореальном. Развела, раскидала их судьба в разные стороны раз и навсегда, чтобы не соединить уже никогда.

Невысокого роста, худощавый, с прореженными временем, высвеченными до пепельной серости волосами на голове, с перебитым и после неровно сросшимся носом, что придавало его лицу некоторую несуразность и даже комичность, Володя производил впечатление человека пьющего, утомленного жизненным неблагополучием. Но и в облике его, и в выражении лица было много добродушия, незлобивости, мягкости, в хорошем смысле этого слова — простоты. Потому и называли его все, несмотря на, в общем-то, солидный возраст, без затей: словно был Володя ровня как старожилам нашей деревни, так и подросткам.

Деревенской работой Володя занимался с понуканием. Изначально он не был к ней приучен, и потому только упреки матери да увещевания, взывание к совести, угрозы сестры могли заставить его выйти на усадебный участок с лопатой вскопать

грядки или с мотыгой окучивать картошку. Однако стоило надзору чуть-чуть ослабнуть, как Володя испарялся, исчезал из огорода, с усада, со двора, и после найти его можно было, только приложив немалые усилия, затаившимся в гостях у кого-то из своих знакомых-собутыльников.

Вольная душа была у Володи, не терпящая привязанности к земле или дому. Была у этого человека и одна удивительная, мало свойственная обыкновенному деревенскому люду черта: он знал и любил стихи Сергея Есенина. Кое-что из сочинений поэта, несмотря на тяжелые удары по памяти большей частью дешевого и некачественного алкоголя, он до сих пор помнил наизусть.

Неведомыми для меня путями как-то проведав, что я имею определенное отношение к литературному труду, Володя однажды, возвращаясь с работы (традиционно в подвыпившем состоянии), подошел, я косил траву напротив своего дома, и с чувством, проникновенно, словно открывая нечто потаенное, давно хранимую тайну, признался, что очень меня уважает. Я был тронут словами соседа, а он прочитал мне наизусть стихотворение русского поэта:

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

И вздохнув, махнув рукой, не читая последующих строф, завершил:

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.

Володя повел рукой в сторону поля.

Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

4

При всей вольности своего характера, Володя все-таки был человеком хозяйственным. Хоть упрекали его родные за леность, мне все-таки стоит отметить, что в этих упреках далеко не все было справедливо.

Я уже упоминал, что он работал в совхозе за несколько километров от нашей деревни. Часть пути, преодолеваемого Володей ежедневно, проходила через лес. И в каком бы он ни был состоянии, все равно тащил на плече срубленную жердь, засохшую лесину. Все принесенное устанавливал в виде пирамиды возле бани. Со временем эта пирамида многократно разрасталась как в ширину, так и в высоту.

— Зачем ты все это таскаешь? — как-то пожалев его труды, казавшиеся мне бессмысленными, спросил я у Володи.

— Хорошими покупными дровами летом печь топить не будешь. А нужно и для скотины приготовить, и для птицы, и постирать в печке-прачке, подтопок растопить, чтобы в сырую погоду избу согреть. Вот этот бросовый сухостой и пойдет в дело.

Объяснял все это Володя, стоя у своего дровяного сарая, под завязку набитого заготовленными хорошими сухими колотыми дровами. Вообще нравилось ему иметь дело с лесом. С огородом — нет.

За то время, что я его знал, у Володи прожили свой век две собачки: обе маленькие, черненькие, лаючие, если подойти к его дому, тем более к калитке. Тут возму-

щению собак не было предела: до хрипоты, до крайнего звериного озлобления, до вздыбливания шерсти на невзрачных, коротких загривках. Кто их этому учил — сказать трудно. Не верится, чтобы подобную воспитательную работу проводил сам хозяин. В то же время, когда сами свободно бегали по деревне, это были обыкновенные, добродушные, беспородные дворняжки: в меру трусливые, в меру заискивающие, в меру жуликоватые.

Первой была у Володи сучка Жучка. Прожив сполна весь свой собачий век, она умерла, и была зарыта в землю на краю картофельного усада скорбящим по ней хозяином. Второй щенок, что принес Володя на свой двор, оказался кобельком. В память о своей любимице и преданном друге и новой собаке Володя дал похожую с прежней кличку — Жучок.

Жучку ненадолго, но все-таки пришлось пережить своего хозяина. Так уж угодно было распорядиться неведомой для нас собачьей судьбе. Ну да об этом речь еще впереди.

5

Зимой в нашей деревне одно время оставались жилыми всего два дома: один — первый от дороги с начала порядка; другой — в самом конце его у леса.

Когда я только купил здесь дом, были и еще постоянные жители, но довольно быстро деревня осиротела. Дорогу к ней стало заметать снегом, и если браконьеры-лесорубы не тащили на тракторах из леса свою незаконную добычу, то она и вовсе напоминала нетронутую целину. И тогда жизнь в наших краях сразу дичала. С остальным миром ее соединяла только с большим трудом набитая малым числом жителей тропинка до совхоза. Там работал магазин, была почта и, какая-никакая, власть. В деревне же жизнь настораживалась от полной оторванности и беззащитности.

Одинокая старушка, жившая в начале деревни, каждый месяц, во время получения пенсии, подвергалась ограблению местными пьяницами. Они приходили из совхоза, требовали денег, грозили, и бедная женщина все им отдавала. Боясь мести, она не смела на злодеев заявить в милицию. Да и где они — защитники? Далеко. А лихим людям — что стоило сжечь хозяйку вместе с домом, коровой и прочим хозяйством — пустяк, только спичку поднести к стожку сена, что высился у двора под старой, неизвестно какой век стоящей ветлой.

Когда был жив ее муж, местный лесник, поговаривали, что мужик резкий, норовистый, властолюбивый, втихую приторговывающий государственным достоянием, так кто бы ее посмел тронуть. А теперь, как сухая травинка в занесенном снегом просторе,— кто хочет, тот и сломает, затопчет, в поле от этого ничего не изменится.

К дому Володи злые люди подходили ли, нет ли, я не знаю — об этом ничего слышно не было.

Раз по какой-то срочной надобности я приезжал в свой дом поздней осенью, в самый предзимок, на легковом «Москвиче». В народе эту машину называли «каблучком» за своеобразную форму небольшого грузового фургончика вместо пассажирского салона. Дорогу заморозило, будто асфальтом покрыло, потому добрались мы с шофером до дома без проблем. Гляжу, бежит ко мне Володя.

— Выручай, привозил из совхоза козла для своей козы. Теперь его нужно вернуть хозяевам, а я с ним управиться не могу — сильный, рогами бьется.

Что делать? Решили помочь соседу.

— Только придется тебе вместе с козлом в фургончике ехать. Другого места в машине нет.

Володя с радостью согласился. Убежал. Вскорости тащит на веревке упирающегося здоровенного козла с закрученными к спине рогами. С великим трудом погрузили этого невероятно вонючего зверя в фургончик. Следом уселся Володя. Довезли мы их до совхоза. Володя повел сдавать козла хозяевам, как полностью и добросовестно выполнившего свое дело по увеличению козьего поголовья.

Позже, уже весной, вновь приехав в деревню, я узнал, что Володя в этот день получил травму головы — то ли сам разбил ее, ударившись о батарею отопления в одном из подъездов жилого дома (спускался со второго этажа на первый и на лестничном пролете не удержал равновесия, упал), то ли кто его неосторожно толкнул — это так и осталось невыясненным. Понятно, что был Володя сильно пьян, потому и не мог ничего толком вспомнить. Не хотелось думать, что кто-то сознательно, по злобе, его, беззащитного, жестоко избил. Хотя в пьяном неразумении, запальчивости чего только ни случается.

6

Лечился Володя в городе, в хорошей больнице, где сестра его работала медсестрой. Поплакала перед начальством, договорилась с врачами, и брата из района перевезли в областной центр. Закончилось дело оформлением преждевременной пенсии по инвалидности, чему Володя был несказанно рад. Теперь выплаты оказались выше, чем его зарплата в совхозе, к тому же и работать больше было не нужно.

Всем известна поговорка: беда одна не ходит. Так и тут — вскорости тихо и незаметно умерла у Володи мать-старушка. И остался над ним лишь один контроль — сестра, которая далеко, в городе.

Летом-то еще куда ни шло. Каждые выходные слышен был в нашем конце деревни ее громкий распорядительный голос. При ней не побалуешь. К тому же спирт для успокоения души и плоти страждущего она непременно привозила и братца, под строгим контролем выпиваемой нормы, угощала — как же: ведь родная кровь, хоть и безалаберный, а тоже жалко, хочется побаловать. К тому же начали мучить Володю сильные головные боли, а когда выпьет чего, так вроде полегче. А вот зимой, долгими покинутыми одинокими днями, когда понимается, что спасение от тоски и ночных страхов только в одном — в вине? Как тут быть, как прожить?

Да тут и сосед внезапно объявился. Еще одного неисправимого пьяницу спровадили из города жить в деревню. Вроде бы как дом сторожить от лихих людей, а на самом деле хоть немного отдохнуть от его бесконечных загулов, дебошей и требований денег на выпивку. Вот на пару с этим соседом, мужичком шкодливым, в мелочах хитроватым, Володя и стал подворовывать: то в своей деревне, то в соседних. Немного, так только, чтобы на выпивку хватило. О закуске речи не шло — сосед хоть и алкоголик, но и заядлый грибник, за лето при любых погодных обстоятельствах успевал этого добра заготовить впрок: и засолить, и насушить.

По весне вернувшиеся в деревенские дома дачники замечали незначительные пропажи в своем хозяйстве, расстраивались, сокрушенно передавали друг другу недобрые вести (у кого лист фанеры пропал, приготовленный для ремонта веранды, у кого набор инструментов, у кого переносной насос воду из речки для полива качать), да и забывали об этом в наступивших хлопотах борьбы за урожай нового дачного сезона.

Кто мог быть причастен к случившимся пропажам, некоторые догадывались, между собой нет-нет да шушукались, но прямо подозреваемым в лихоимстве соседям обвинения не предъявляли. Неловко как-то: живем рядом, в одной деревне, на одном порядке. А вдруг подозрения несправедливы — ведь за руку никто не пойман. Мучайся потом, прячь глаза при встрече, если подозрения не подтвердятся. Да и не так уж жалко пропажу — по большому-то счету. Обидно только, оскорбительно.

Деревня наша небольшая, так ее еще и неглубокий болотистый овражек разделяет ровно наполовину — с одной стороны остается восемь домов, с другой — девять. Когда-то домов было больше, но, оставленные хозяевами (одни переехали в благоустроенные многоквартирные дома в совхоз, другие подались в город, на заводы, учебу — да так там и осели, обзавелись семьями), они постепенно хирели, крыши у них проваливались, дворы разрушались и теперь на их месте пустыри, заросшие крапивой да дикой злой травой в человеческий рост.

Если в эти пустыри углубиться, непременно ноги побьешь о догнивающие, хао-

тически упавшие бревна былых срубов. Вот туда никто и не ходит. Но напоминает мне вид этих пустырей человеческие судьбы. Вот так же выстраиваются они в хлопотах и заботах о пропитании, довольствии, удобствах, нацеленностью на далекое будущее (ведь ради этого неясного будущего все и создается, столько трудов и сил полагается), а приходит срок, и…

Так незаметно, исподволь пришел к Володе и его срок.

7

В тот год я работал в городе, далеком от родных мест, и потому в деревню наезжал редко. Да и вовсе, если быть точным, в ней не бывал. Лишь раз, под осень, в конце августа, заглянул туда проведать свой сиротливо стоящий с закрытыми окнами дом. Тогда и узнал неожиданную новость о Володе.

Как-то прошедшим летом, абсолютно трезвый, он всех удивил. Ни с того, ни с сего пошел по домам нашей деревни, и везде каялся в том, у кого что подворовал. Всех обошел, перед всеми повинился. Люди только руками на него махали: нашел что вспоминать, мы уж про это давно забыли. Никто на Володю не держал зла. Хотя тут, конечно, в этих словах полной правды не было: пропажа забывалась, ее со временем становилось не жалко, а вот нанесенное воровством оскорбление — помнится долго.

В общем, дивились люди такому необычному поступку, успокаивали непутевого соседа, как могли, у кого насколько хватало сердца. Ну вот разве в том, в чем каялся Володя, он и был только виноват, а другого никакого зла за ним не числилось, никто ничего худого вспомнить не мог.

А на следующее утро облетела деревню ошеломляющая всех весть: ночью Володя помер!

8

На этом можно было бы и закончить мне свой рассказ, если бы не еще один эпизод, свидетелем которого я был.

Осиротела без Володи наша деревня. Вроде бы какая-то особенная душа ушла из нее, что-то необъяснимое, словами не передаваемое, изменилось, потухло в ней. Никто больше рано утром не стучал к нам в дверь, не приходил к нам с просьбой опохмелиться днем. Не выбегал с радостным лаем на середину улицы Жучок, встречая возвращающегося с работы, пошатывающегося от выпитого за день вина, хозяина: не крутился песик у его ног, задрав крючком несуразный, лохматый хвост.

Не первым Володя был человеком, который при мне в деревне покинул этот мир, но первым, о котором сердце мое испытало скорбь — настоящую, не случайную. Особенно, когда узнал о последнем покаянно-прощальном дне его жизни. Видимо, что-то было открыто Володе, раз так смело пошел он «в народ» исповедоваться.

Сиротой остался и преданный ему пес. Летом Жучку жилось как обычно сытно, а вот что делать зимой?

Договорилась медсестра с последней постоянной жительницей деревни, чтобы Жучок перезимовал с ней. Сама еженедельно из города возила кобельку еду, оставляла ее у пожилой хозяйки: та ежедневно по необходимости выдавала прибегающему от своего двора к ее дому песику дневную норму. Вовсе от своего двора Жучок уходить не хотел. К дому у дороги приходил только ради еды, а к ночи по им же набеганной узкой тропинке возвращался обратно в свою конуру, смастеренную и заботливо утепленную еще Володей.

К тому времени и моя работа в дальнем сибирском городе закончилась, я возвратился в родные места.

Начало декабря выдалось морозным, но малоснежным, и я, истосковавшись по тишине, по свежему лесному морозному воздуху, решил на два дня уехать в свою деревню.

Тишиной покинутого людьми места встретила меня знакомая улица. Это пространство на земле уже окончательно было оставлено жителями до следующей весны.

Я вынул из машины сумку с припасами, открыл дом, вошел под его крышу. В сенях холодно, неуютно. Особый нежилой запах говорил о том, что давно хозяева не появлялись в этом жилище. Дом — как живое существо: он и скучает без людей, и томится, и стареет, дряхлеет раньше времени. Тогда и появляется в нем этот старческий запах.

Но зато как он оживает, стоит открыть его двери, отдернуть с окон занавески, впустив во внутреннее бревенчатое пространство дневной свет — даже такой тусклый, замирающий, потухающе закатный, тот особый свет окончания дня, который только и бывает во время бесприютной русской зимы.

Первым делом принес дрова, затопил печь в первой комнате (вторую решил не открывать и печь в ней не затапливать — тяжело сразу обогреть весь дом), сходил к роднику за водой.

И тут у крыльца увидел маленького, серенького полосатого котенка. Малыш призывно мяукал, похоже, что просил есть, но в руки не дался. Почти сразу он убежал к соседнему дому, спрятался там под крыльцо. Я наломал ему разной еды на бумажную тарелочку (кусочки сыра, колбасы, ветчины), поставил ее к лазу под крыльцо, туда, куда спрятался котенок.

Пока дом обогревался и впитывал в себя уют электрического света, пока пощелкивание и потрескивание в печи поленьев и свист закипающего чайника наполняли его пространство ожившими звуками, я еще несколько раз выходил в морозную ночь, звал к себе котенка (жалко было оставлять его на морозе, хотел забрать в тепло), но он так и не показался.

Поздно поужинав, при лунном свете я прошел нашей улицей к покрытому льдом, слегка запорошенному снегом озеру. Постоял на плотине, слушая, как в ночи падает вода в обледенелый черный зев колодца водосброса.

Первобытная, космическая тишина окружала меня. Ни звука вокруг, и только холодный, тягучий зов замерзающей стекающей воды под безжизненным лунным светом. Уже тогда я подумал, что запомню эту ночь на всю свою оставшуюся жизнь.

На следующий день мне нужно было возвращаться домой. Котенка я решил забрать с собой, но с сожалением увидел, что ничего из оставленного мною для него он не съел.

Укладывая вещи в машину, увидел, как по узкой замерзшей тропинке торопится на край деревни Жучок. Пробежит несколько метров и встает, оглядывается, словно кого-то поджидает. Затем опять то же самое.

Я сел в машину, выехал на дорогу с нашего конца деревни и поехал в объезд. Напрямую не позволял проехать овражек.

Дорогу снегом еще не завалило, и заледенелая приминая корка на ней громко хрустела, ломаясь под шинами. Когда машина поравнялась с крайним домом у дороги, и я прощаясь взглянул на деревню, то с изумлением увидел, как Жучек ведет за собой к единственно оставшемуся жилому дому котенка. Пройдет немного по тропинке, и, остановившись, оглядываясь, дожидается неспешно прыгающего за ним котенка.

Увиденное настолько поразило меня, что я подумал: «Это Володина душа, вместе с Жучком спасает только народившуюся кошачью жизнь».

Никого больше в этом белом промороженном пространстве не оставалось. Только одинокая старушка, осиротевший пес и бесприютный котенок. И над ними тусклое, размытое, замерзающее зимнее солнце России.

Владимир Монахов
(г. Братск, Иркутская область)

Автор более десяти сборников стихов и прозы. Активно публикуется в журналах и альманахах. Финалист первого Всероссийского конкурса хайку, награжден Пушкинской медалью Международного Пушкинского общества (Нью-Йорк), стал лауреатом литературной премии имени Владимира Максимова и национальной премии «Серебряное перо». Лауреат Международного поэтического конкурса «Лет лебединый» имени Петра Вегина (2014). Занял второе место в номинации «Бэла» за лучшую новеллу о любви в международном Лермонтовском конкурсе (2014). Возглавляет Иркутское региональное отделения Союза литераторов России.

КОЛЛЕКЦИЯ ГРУСТЬ-БАНК

22 сентября 2008 года нашел на улице современную копейку. Постоял рядом: поднимать или нет?

— Зачем она тебе? — спросил равнодушно Александр Кузьменков, с которым мы гуляли улицами Братска. Не просто гуляли, а, изрядно выпив, вышли на улицу глубоко дышать, дружить с листопадом, пиная тупыми носками ботинок опавшую листву. Было у нас в ту осень такое любимое творческое занятие для поднятия духа. А что еще делать двум безработным журналистам...

— Да вроде бы незачем! А все-таки жаль: хоть и малый, но финансовый ресурс, и к тому же орлом лежит. Значит, к удаче! — ответил оптимистично товарищу. Со мной случались иногда приступы немотивированного оптимизма. Я это объяснял склонностью к написанию лозунгов и стихов, которыми время от времени тешил моих знакомых. Хотя читатели говорят, что лозунги и стиши у меня получались в тот период жизни мрачные. Еще постояли пару минут в нерешительной задумчивости.

— Будешь поднимать? — спросил я безработного коллегу, намекая на то, что ему нужнее.

— Да ну,— махнул он на мое предложение рукой и посмотрел как на безнадежного человека.— Куда и зачем она тебе?

— Не знаю,— многозначительно я ковырнул копейку ногой. Постоял, постоял, переминаясь с ноги на ногу, но все-таки поднял.

Несколько дней носил беленькую маленькую монетку в кармане — даже не на что потратить. Грустно, что современная копейка опять ничего не стоит. Так же и со многими людьми: многие стоят посреди людского базара — никто не интересуется ценой! Но с того самого дня начали со мной происходить странные, подававшие надежды события. Тогда я временно, как мне казалось, остался без работы. Деньги на жизнь, конечно, еще были, но как-то очень быстро пропадали в местных магазинах. А мои банковские счета не пополнялись. И даже купленный однажды на удачу лотерейный билет моментального выигрыша ничего мне не принес.

Так вот, с того самого дня, когда копеечка попалась мне на пути, я стал находить на улице деньги. Не бог весть какие суммы, но на пропитание хватало. Для меня это было не событие, поскольку я с детства отличался «финансовой находчивостью». Осенью 2008 года чаще других попадались мне копейки. Оно и понятно: монета эта была вытеснена инфляцией из торгового оборота, и люди не брали ее в магазинах в качестве сдачи, а выбрасывали. А я стал поднимать. Нет, не из возрастной жадности, а из привитой в детстве бережливости и финансовой наивности, что копейка рубль бережет. Уже не берегла. Но тогда мне в этих копеечных посланиях, другой скажет — подачках, виделся путь выхода из личного кризиса, в который меня засасывало время безнадеги. Копеечки накапливались у меня в специально выделенной для них коробочке, куда я переместил все сохранившиеся в доме мелкие монеты советского периода. Я назвал ее согласно своему тогдашнему настроению «Грусть-банк». Эти утратившие цену монеты не могли уже повлиять на мое материальное положение. Коробок между тем с каждым днем становился все тяжелее и тяжелее. И вот однажды у себя во дворе я поднял старинную монету. Я не сразу понял, что это, ведь монета была черной от времени и даже, пока я ее не очистил от пыли времени, не читалась. Я внимательно огляделся по сторонам — не валяется ли еще что-то историческое в нашем дворе? Увы, ничего не было, кроме листьев.

Я так разволновался, что сменил маршрут и вернулся домой. Отмыл, отчистил находку и стал рассматривать. Это была копейка 1916 года. Я полез в Интернет узнать, какую ценность она из себя представляет сегодня. Специалисты меня разочаровали. Среди коллекционеров она была в большом ходу, и ее нумизматическая ценность не превышала 500 современных рублей. И тем не менее, я был рад находке и отвел для нее специальное место. Историю находки стал рассказывать всем своим знакомым, и люди поражались — откуда копейка 1916 года могла оказаться в моем дворе? Я сам терялся в догадках — не иначе как передо мной образовался провал времени. Хорошо, что мне выбросило только старую монету, а не утащило в начало XX века за собой,— шутил я...

Когда я хвалился этой удивительной старинной находкой, то находилось немало знакомых, которые тут же вспоминали свои взаимоотношения с мелкой монетой. Больше всего запомнилась история поэта из Москвы Андрея Чемоданова:

— У меня была копейка, которая мне «жизнь спасла». Наклонился за ней и не «успел» под машину, которую не видел на дороге. Копейку легко было узнать, так как одна сторона была во вмятинах от асфальта. Полгода проносил, потом пришлось отдать в магазине...

Напомню, кто забыл, что в романе Максима Горького «Мать» есть пронзительная экономическая «история» с болотной копейкой, раскрывшая стихийный бунт против фабриканта, распорядившегося вычесть «копейку» из зарплаты рабочих на осушение болота... Революция, по версия автора, разгорелась с копейки... Как когда-то в московской типографии начался мятеж из-за наборщиков, которые требовали платить за знаки препинания, как за слово... Революции в России начинаются с мелочей...

Но самое важное произошло со мной через несколько дней после находки. Молодые люди открыли информационный городской сайт и позвали писать заметки. Сайт набирал обороты и теснил газеты. Сочинять заметки было моим ремеслом, и хотя предложенные финансовые условия не были вдохновляющими, я не отказался. И по сей день там работаю, но уже главным редактором сайта. Кстати, с тех самых пор, как моя материальная жизнь стабилизировалась, я перестал находить деньги, и копейки в особенности. Они совсем куда-то исчезли из поля моего зрения. Последний раз современную копейку я видел в прошлом году, но даже поленился поднять и положить в свой заветный «Грусть-банк», который и так полным-полнехонек мелкой монетой. Конечно, в нем нет редких копеек времен Ивана Грозного и Екатерины Великой, которыми дорожат настоящие коллекционеры, но меня это не беспокоит.

Поэтому время от времени достаю коробочку с моими копейками и внимательно изучаю безымянных героев финансовой системы России, которые, как мне теперь кажется, вернули меня в экономическое пространство страны. Я собрал сотни монет прошлого и нынешнего веков. Копеек разных времен и народов. Самая старинная датирована 1916, а самая юная — 2007 годом. С точки зрения заядлых нумизматов, не бог весть какая коллекция. Но иногда мне кажется, что вот-вот эти монеты со мной заговорят. Мне греет душу мысль, что эти монеты зреют в цене и дождутся своего часа, чтобы предъявить городу и миру всю свою ценность.

И я его храню вместе с копейками... Сегодня я достал коробочку, рассеял копейки по столу, взял лупу и стал рассматривать коллекцию. А попутно вспомнил эту историю, которую вам рассказал. Не знаю, есть ли в ней что-то чудесное, но та первая копейка, найденная в ворохе осенних листьев, сильно поменяла мою текущую к старости жизнь...

* * *

А недавно копейка опять дала о себе знать. В Сбербанке, где я осуществлял бытовую финансовую операцию, мне причиталась сдача. В ее составе были четыре копейки.

— И дадите мелкую монетку? — съехидничал я.— Обязательно,— невозмутимо ответила оператор и подала мне четыре копейки.

Девушка аккуратно выложила передо мною новенькие блестящие крохотные монетки, которыми я, естественно, не побрезговал, а благодарно собрал и дома снова положил в свой Грусть-банк. Пусть нарастут проценты истории, на которые станут жить наши внуки.

БОРОВСК ВЛАДИМИРА ОВЧИННИКОВА

Вы, живописцы, покрывающие стены
Загадочными фигурами нашей истории,
Откройте младенцам глаза,
Развяжите уши...

Николай Заболоцкий

Россия задохнулась от продолжительного бега за экономическими достижениями Запада и Востока, улеглась между ними, демонстрируя особый способ наложения красок Боровска, куда я приехал званым гостем, хотя и с опозданием в несколько лет. Но меня здесь ждали все продолжительное время моего отсутствия.

Пешая жизнь по древнему городу замирает перед скважиной неба. Из тюбиков звездного чрева в замкнутое пространство пейзажа среднерусской полосы художник Владимир Овчинников выдавливает краски. А затем мазками проталин рисует весну, по итогам которой богатый урожай огурцов соперничает с космическими замыслами Циолковского, а Николай Федоров регулярно думает будущим воскрешать постоянное прошлое, чтобы поэты вслед за колесом истории гоняли колесо рифмы и спорили до хрипоты абзаца:

— А доедет это колесо до будущего или не доедет? Я ощущаю всем своим внутренним содержанием, как здесь время повзрослело и отправилось путешествовать верхом на яблоне по временам года: то прошелестит молодым листочком, то упадет оземь плодом созревшим, соперничая с падалицей звезд, то зависнет под луной снежной шапкой, отражая небо, а то замрет сухостоем-поводырем для ветра, напевающего в отогретую флейту сада... Иногда время глубинки, как ребенок, задремлет в жаркий день плодоношения в тени кроны и сквозь две проталины глаз с любопытством наблюдает, как целуются двое под вечно цветущим деревом-путешественником…

А трудолюбивый художник, нанятый за бесценок красотой, как заправский маляр, закрашивает стены города сюжетами русского прошлого, настоящего и будущего, с раннего утра вписываясь душой в опасный поворот будней заспанной провинции, где толпа с наступлением темноты плотно садится у телевизоров, на экранах которых бурным потоком гонят сквозь русский чистый разум сериал за сериалом засвеченного враньем бытия кино.

И не подозревают едоки хлеба, что их настоящее крепко спит по ночам в тюбиках художника Владимира Овчинникова…и лишь писающий мальчик перед уличной фреской на случайной фотографии корреспондента «Огонька» заставляет очнуться на время Боровск, у которого на заднике покоится изящное, и с ним легче всего заходить в будущее.

— Может, зайдем в церковь? — вопросом приглашает меня художник.

— Нет, я не люблю в них бывать. Меня раздражает религия, хотя о Боге как научной формуле я постоянно думаю,— ответил я Овчинникову.— Но вокруг меня стало столько людей, которые обивают пороги храмов, что я избегаю этого. Вам кажется это странным?

— Нет, все люди разные. Те живут под куполами, и выше им уже не подняться даже в своих молитвах, а вы под Богом, который вам многое позволяет,— быстро нашел Владимир ответ на мой вечный вопрос самому себе.

И в темноте вслед за художником Владимиром Овчинниковым выхожу к ночному краю, вдыхаю чистый глоток неба, поперхнувшись остроконечностью замертво падающей в мировую ноосферу звезды, что прорезает, как хлебный мякиш, тишину, звучащую с того света. Только в Боровске с подлинностью действа я ощутил, как Бог прячет концы в человеке, а человек — отдает концы Богу!

Проснувшись среди ночи, долго-долго хриплю всем своим внутренним содержанием песню безмолвия, цепляясь за последнее слово светотехники жизни, где по морщинам истории ползает божья коровка провинциальной мечты, обрушивая края памяти, где часы — чучело вечности, по стрелкам которых нам никогда теперь не узнать — сколько осталось будущего у Бога. И потому — в одиночной камере бытия перестукивается со временем. Художник — сердцем. Вечность — часовым механизмом у пульса на его руке.

Только в Боровске понимаешь: мы на пару с художником из тех, кому больше всех мало!

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Демидов
(г. Тула)

ВАСИЛИЙ ПОЛЕНОВ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

«Искусство должно давать счастье и радость»

В. Д. Поленов

1

Дом над рекою Окой открывает
Вид на крас*о*ты, что в красках легли.
Кто здесь бывал, тот душой понимает
Силу спокойную тульской земли.

В мир красоты из московского плена
Вместе с семьей безоглядно бежал
Русский художник Василий Поленов —
Путь его в домик в Боро*к*е лежал.

Эти места он давно заприметил,
Часто жене говорил о мечте:
«Дом свой построим. Раздолье там детям.
Я ведь места полюбил уже те».

Видно, ему, петербуржцу рождением,
Русский пейзаж был особенно мил,
Коль он так часто в самозабвении
Кистью полотна природы творил…

2

Первым учителем матушка стала.
В их многодетной дворянской семье
Живопись главным началом считалась
В детстве и юношеском бытие.

Брали уроки у Карла Брюллова,
Многому смог научить Чистяков,—
Словом, заложена в детях основа
Виденья мира сквозь красок мазков.

В доме Поленовых часто бывали
Дни состязаний в уменье писать,—
Кистью и грифелем, будто словами,
Каждый старался о чем-то сказать.

Делала бабушка Вера медали
И их вручала за лучший сюжет.
Мама Мария хвалила детали,
Легкость штрихов и задумчивый жест.

Дети познали и творчества радость,
И трудолюбия важный итог,—
Самой же лучшей в их жизни наградой
Были дары, что давал Дух Святой...

В двух заведеньях Василий учился
В Санкт-Петербурге. Юристом он стал,
И как художник весьма отличился —
На золотую медаль знанья сдал.

Был награжден стажировкой: на Запад
Вместе с сокурсником, Репиным, ездил —
Вену, Берлин, Париж и Неаполь
Илья и Василий объехали вместе.

Были музеи, знакомства, дебаты,
Ночи бессонные возле холстов
И ожидание радостной даты
Их возвращенья в мир невских мостов.

В тридцать два года он стал академиком,
Мастером русских пейзажей и тем,
Возле которых не вились полемики
И критиканские взгляды богем.

Он перепробовал разные жанры,
Долго искал свой изысканный стиль,
Был словно путник в объятиях жажды,
Но продолжал груз искусства нести.

3

Он, безусловно, от Бога художник.
Впрочем, не только картины писал,
Но музицировал грамотно тоже,
Слово свое в этом деле сказал.

Оперу создал о древней Элладе,
Много романсов за жизнь сочинил
И музыкальности творчества ради
Краски смешал с нотным станом чернил.

Он — музыкант, живописец и зодчий,
Физик, историк, слав*и*ст, театрал,—
Русской культуры разнорабочий,
Хоть генеральскую роль и играл.

Многое видел, осмыслил, обдумал,
Чувств изобилье в картины вложил:
Будто бы дворик московского дома —
Место, где сам народ*и*лся и жил,

Будто бы пруд, что зарос среди леса,
Есть его вечная память о том,
Что было в детстве незримо полезным
И проявилось по жизни потом...

В русско-турецкой войне он эскизы
Клал на бумагу — не время холстов! —
Но даже здесь ему дорог и близок
Был человек, а не холод крестов.

Царь Александр был немало наслышан
О живописце природы Руси,
Тонко умевшем и видеть, и слышать
То, что у Бога в молитвах просил.

Позже свой мир человеческих типов
Он передал поколению тех,
Где Левитан был, Коровин, Архипов
С их многогранностью мыслей и тем.

4

Долгое время Поленов работал
Над историческим циклом холстов
Жизни Христа, и духовные оды
Денно и нощно писать был готов.

Эти полсотни библейских сюжетов
Он создавал двадцать творческих лет,
Ездил, чтоб Нового видеть Завета
Дух и следы на Христовой земле.

Рим, Палестина, Флоренция, Сирия
Стали местами, где он побывал.
«Кто без греха?» — этот холст у Василия
Выкупил царь, обретя все права,—

Только тогда образумились ц*е*нзоры,
К выставке путь полотну преградившие:
Мол, для элиты картина и ценная,
Но для толпы вольный дух возбудившая.

Здесь Христос ставит грешницу рядом
С теми, кто властью владеет веками,
И к ним взывает словами и взглядом:
«Кто без греха — бросит пусть в нее камень»...

Грешные все — в большом или малом.
Выше всего только Божья любовь.
Мудрость Поленова то понимала,
Что может зрить далеко не любой.

Личность Христа словно видел реально
И потому он Иисуса писал
Кистью историка, документально,
А Левитан Его образом стал.

Этим хотел подчеркнуть человечность
Господа нашего, а чистоту
Бога сливал с красотой безупречной
Русской природы, созвучной Христу...

5

После того, как в Бор*о*к переехал,
Он по-хозяйски здесь строил все то,
Что станет позже и детям утеха,
И для него и музей, и гнездо.

В Бёхове церковь крестьянам построил,
И этот храм их как будто связал
Нитью незримой во святости Троицы
И всем открыл на благое глаза.

Даже придумал Поленов названья
Комнатам, домикам, да и всему,
Что появилось за годы стараний
В этой усадьбе, желанной ему:

Адмиралтейство, Аббатство, Пейзажная,
Парк, Мастерская, Портретная, Школа —
Эти места стали точками важными,
Где был моряк он, художник, филолог...

Сам на холме над прекрасной Окою
Высадил парк из деревьев различных,
Каждую клумбу пощупал рукою,
Каждую просеку вырубил лично.

Все три фасада Большого их дома
Так сочетались с красой цветников,
Что будто лугом казались огромным
Из местной фауны без берегов...

Это был первый музей на природе,—
Были крестьяне здесь, были друзья,
И разлетелась молвою в народе
Добрая слава об окских краях...

6

Ныне усадьба зовется Поленово.
Более ста не безоблачных лет
Этот музей остается нетленным
И по-хозяйски хранимым от бед.

Впрочем, хозяева — дети и внуки,
Те, кто продолжил поленовский род,
В литературе, искусстве, науке
Свой проложившие творческий брод.

Так же пленяют туристов закаты,
Тихой природы задумчивый вид,
Запах цветов и Оки перекаты,
Птиц щебетанье о Божьей любви.

А Мавританский газон перед домом —
Сказочный мир, на котором растет
То, что так д*о*рого всем и знакомо,
Что никогда из души не уйдет...

Были здесь люди особого склада,
В ком русский дух представал налицо:
Чехову в доме всегда были рады,
Ждали, когда посетит Васнецов,

Сядет Прокофьев за пианино,
С*о*бинов тенор покажет лирический
И грациозно войдет балерина
С именем громким и поэтическим…*

Слава о русском художнике, может,
Мир обогнула не раз и не два,
Коли картины и ныне тревожат
Красками жизненного естества.

* Галина Уланова.

Жаль, что буквально за год до кончины
Звание дали — Народный художник,—
Надо б давно опрокинуть причины
Критики той большевистской «таможни».

Жаль, лишь на восемь десятков годочков
Выставку сделать ему в «Третьяковке»
Власти решили, и то с проволочкой,
Свойственной старой партийной подковке.

7

Место особое в русском пейзаже
Занял Поленов. Он смог показать,
Как в нашей жизни прекрасен и важен
Образ природы, что видят глаза.

Мир этот делает души добрее,
Радует те человечьи сердц*а*,
Что слились с ним, стали видеть мудрее
Истины свет и поступки глупца.

Истина в том, что частицей природы
Должен себя ощущать человек,
А не губителем и сумасбродом,
В похоти свой проживающим век.

Прелесть обыденной жизни в гармонии,
Скр*е*пы земные и тайны небес —
Это уход наш из беззакония
И очищение грязи в себе,—

К этому нас призывает художник,
Русской природой скрепляя судьбу
С миром духовным и Истиной Божьей,
Слышащей стоны и нашу мольбу...

Крест на могиле у Бёховской церкви,
Скромные вазочки русских цветов...
Видел Василий Поленов те цели,
Что подведут его жизни итог.

Счастье художника — в каждой картине.
В каждом эскизе — мозаика чувств.
Будто на крест шел к своей гильотине,
Где отрубается лживость искусств...

Небо высокое. Купол церковный.
Крыши домов деревянных. Сирень.
Теплая нежность из глаз васильковых.
Вид позабытых глухих деревень.

Мельница старая. Снег потемневший.
Лодка. Кувшинки. Ребята. Река.
Бабушкин сад. Белый конь постаревший.
Пруд. Зимний лес. Даль. Холмы. Облака...

Впрочем, реальность картин и эскизов
Не утверждала страдальческий быт
Русских людей, и волной гуманизма
Затхлый дух хижин был в красках сокрыт.

Он не хотел в бедноте и пороках
Бытность российских крестьян представлять
И предлагал всем уверовать в Бога,
Может Который всех благословлять.

Был убежден, что искусство есть место,
Где обретаются радость и счастье,
Где нет депрессий и мыслей протеста,
Целостен мир, не разорван на части...

Я полюбил мир поленовских красок,
Как полюбил в раннем детстве все то,
Что мне скрипело в полозьях салазок,
Пело в лесах и плескалось в затоне,

Что заставляло влюбляться и плакать,
Веером желтые листья бросать
И не бояться в дождливую слякоть
В сумраке чью-то собаку спасать...

Да, это жизнь. Наяву и в картинах.
И не уйти от нее, от себя...
Русь — не похожа на Палестину,
Звуки восточные в ней не трубят.

Звон колокольный, да скрипы телеги,
Плуг на меже, да усталость коня,
Сказочный лес, да речные ночлеги
Высшая ценность всегда для меня...

Юрий Сычевский
(г. Рочестер, штат Нью-Йорк, США)

Родился на Волге (Самара). Окончил Куйбышевский индустриальный институт и очную аспирантуру в МХТИ им. Д. И. Менделеева. Основная специальность — кибернетика. Действительный член (академик) Европейской академии естественных наук. Русская литература — духовное увлечение. Пишет рассказы, стихи, сценки, эссе: около 100 работ. Победитель конкурса юмористических рассказов, организованный журналистами МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. Член Клуба русских писателей Нью-Йорка. Публикуется в периодической русской печати США, Канады, Дании.

РАНА-ТРАВА

«На которой траве коса переломится
в Иванову ночь, та и разрыв-трава»
В. Даль

Может правда то было, а может и нет,
но один раз в семь лет
у подножья холма, когда всходит луна,
дивным цветом вдруг светит трава.

Дивным цветом вдруг светит трава,
и шелестит таинственно неведомы слова.
Знать волшебною силой наделена.

В месте том, у подножья холма,
в те далекие времена одиноко
в сторожке старушка жила.

Одиноко в сторожке старушка жила,
но когда-то она — молодою была.
Вот когда она молодою была,

то в селенье своем — красотою слыла.
Да, видать, неземной красота та была,
коль свела она ею с ума полсела.

В той, мужской, половине села
началась меж собою война.
Меж собой началася война,
чтоб кому-то «своею» досталась она.
А в другой половине села

зависть к ней расцвела.
Зависть так расцвела:
стала хуже она, чем война.

По селу прокатилась молва:
«Никакая не дева она,
а в село к нам явилась колдунья сама!
Потому мужиков за собой повела
от других девок, баб она их увела.
Ну, а если колдунья она,
то и жить среди нас не должна!»

Так, не чуя душою всю тяжесть греха,
запустили к ней в избу «красного петуха».
Убежала от горя бедняжка тогда,
у подножья холма затаилась одна.

Простя людям их грех, зависть их, роковую молву,
тихо годы жила: то слезой, то молитвой растя *ТУ* траву.
А душой оставалась чиста и светла:
как в Крещенье такою бывает вода.

Постепенно, зимою и летом,
за травою *ТОЙ* и за добрым советом
потянулись к ней люди ходить:
наговоры умела и хворь отводить.
Видно, Бог Сам ей в этом помог.

Вновь вернулись в селенье и мир, и покой,
да еще в нем возник облик Девы святой.
Есть такое в природе людской:
от себя они гонят вначале, а потом называют святой.
Почему-то считает простой народ,
что в чистой красоте — «нечистая» сила живет.
Прошли долгие годы, прошли те времена,
да и память людей «трын-травой» поросла.
Помнить будет об этом лишь рана-трава,
та, что раз за семь лет зацветет у подножья холма,
в час, когда в небо восходит печально луна.

ЛЕНЬ

«Я знал досуг, беспечных муз удел,
И наслажденья лени сонной».

А. С. Пушкин

«Лень — двигатель прогресса.
Ключ к Диогену — лень.
Я знаю, ты — прелестна!
Все остальное — тлен».

А. А. Вознесенский

За окошком повис апрель,
и погода танцует ноль.

Беззаботным выдался день:
загуляла по телу лень.

Под старинный, нехитрый романс
мысль качается налегке:
то мерцает лучом по волнам,
то застывши плывет по реке.

Вот уж крутится жизни фильм:
то вперед, то назад,
призывая меня не спешить
и не в рай, и не в ад.

Жизнь — сама по себе хороша.
«Выходная» сегодня душа!
Все встает на свои места.
В невесомости я — к р а с о т а!

Тут — истома из-за кулис
выплывает словно «на бис».
Правит бал в этот редкостный день
гость желанная — моя лень.

Я — польщен. Я играю ей в тон:
На «белый» танец ею я приглашен!
Среди схожести дней: где работа и быт,
льется радужным светом ее визит.

Калина Изабела Жёла
(г. Познань, Польша)

Польская поэтесса, переводчик, публицист, литературный критик, журналист. Опубликовала 16 сборников стихов (в том числе восемь на иностранных языках) и одну книгу критики. Перевела с русского двенадцать томов стихов и антологии. Ее стихи переведены более чем на 20 языков и изданы в Польше и за рубежом. Участник многих международных фестивалей и поэтических конференций. Лауреат престижных национальных и международных литературных премий.

ТЫ МЕНЯ НАУЧИЛ ЛЮБИТЬ

Ты меня научил любить, жить, как будто вино смакуя.
Ты меня научил говорить так, чтоб речь цвела, как цветок.
Ты меня научил писать, чтоб стихи мотыльком порхали.
Ты меня заставил поверить в то, что мир не всегда жесток.

Ты нашел для меня сто имен и обвил меня ими, как лентой.
Своим солнечным поцелуем пробудил меня ото снов.
Ты все время мне повторял, что я счастье найду непременно.
За окошком темнеет. В памяти до сих пор эхо этих слов.

НОЧЬЮ

Приди в мой сон хотя бы на мгновенье,
От легкого зажгись прикосновенья.

Приди ко мне, когда никто не слышит,
Пускай твое дыханье мир всколышет.

Приди ко мне, прижмись в тиши безмолвно,
Покуда солнце не заглянет в окна.

НЕ ЗНАЮ

Что такое любовь?
Обаяние розы цветущей.
Что такое приятельство?
Путь, в бесконечность ведущий.
Что такое мечта?

Это бабочки яркой паренье.
Что такое блаженство?
Это милое сердцу мгновенье.

Что такое измена?
Стебель розы, засохший и колкий.
Что такое прощанье?
Остановка в пути ненадолго.
Что такое обман?
Хмурых туч налетевшая стая.
Ну а жизнь что такое?
Не знаю.

Авторизованный перевод с польского
Игоря Елисеева

Мария Розумко
(г. Минск, Белоруссия)

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Родилась в Брестской области. Основное образование — технологическое. Публикации в периодической печати, альманахах «Литературный экватор», «Голос Галактики», журналах «Метаморфозы» (Гомель), «Новая Немига литературная», «Неман» (Минск), «Берега» (Калининград), «9 Муз» (Испания), «Кологод» (Израиль). Участник и дипломант литературных конкурсов.

КАК ХОЧЕТСЯ ВДОХНУТЬ В СТИХОТВОРЕНЬЕ

Как хочется вдохнуть в стихотворенье
Весь этот мир, что рядышком со мной:
Природы зимнее преображенье
И пробужденье раннею весной.

И отразить лазурь цветную неба,
И отблеск ранней утренней зари,
Вдохнуть в стихи чудесный запах хлеба
И птицей над землею воспарить.

Все то, чем мы живем и дышим,
Все то, что так волнует нас порой,
Все те слова, которые мы ищем
Для одного, иль может быть, одной.

Как хочется вдохнуть в стихотворенье
Частичку хоть душевного тепла,
И шепот Музы, подарившей вдохновенье,
И Ангела чуть слышный взмах крыла.

ОЧАРОВАНИЕ ЗИМНЕГО ВЕЧЕРА

Сумрак таинственный, день убывающий,
Ярко зажглись фонари.
Свет из окошка призывно мерцающий
Искрой вечерней зари.
День новолуния, небо подлунное,
Звездная россыпь вдали…
Зимнего вечера повесть ажурная
Белой от снега земли.
В инее ветви вокруг серебристые,
Время жемчужной поры.
Кружева белые, кружева чистые,
Сказочной феи дары.
Тени воздушные с ветром скользящие,

Легких качелей полет.
Белые хлопья над ними летящие,
В небе ночном хоровод.
И тишина, словно эхо хрустальное,
Тихо над миром парит.
Слышится, слышится музыка дальняя
В ветре и шуме ракит.
Тайной окутана ночка глубокая —
Время целебного сна.
Смотрит в просторы земли одинокая
В небе бескрайнем луна.

СИЯНЬЕ ТИШИНЫ

Бесснежная зима. Вокруг унынье.
И день безрадостный в туманной мгле.
Заброшены тетрадки, и отныне
Стихи лежат забытые в столе.

Я открываю томики поэтов,
Ищу созвучные душе стихи,
Слова и мысли. И в венках сонетов
Вновь настроенье чувствую строки.

Средь серых туч пробьется луч в окошко,
И на страницах заиграет блик.
И солнечную проложив дорожку,
Он окрыленный скроется средь книг.

Но хватит и короткого мгновенья,
Чтоб уловить сиянье тишины,
Где радуга цветного вдохновенья,
Предчувствие и аромат весны.

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Излучина реки, кусты у брода,
Здесь ближе пробуждение весны.
Прозрачнее синеют неба своды,
И солнце светит ярче с высоты.

Темнеют отраженья крон деревьев,
Как кружево, в поверхности речной.
Пока еще земные силы дремлют,
Но воздух весь пронизан новизной.

Играет ветер с рыжею листвою,
Оставшейся от прошлогодних дней.
А кочки с первой скромною травою
Притягивают взгляд у темных пней.

Издалека не все вернулись птицы,
Еще молчит густая тишина.
Но бабочка, как огонек, кружится!
Вы видели? Что говорить? — Весна!

Владимир Королев
(г. Смоленск)

Владимир Королев — известный смоленский писатель и журналист, многие годы проработал в центральных московских газетах. Член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии им. М. А. Булгакова. Стихи, проза Владимира Владимировича Королева подкупают своей искренностью, проникновенностью, умением предельно просто изложить исключительно сложные вещи.

* * *

Встречает июнь рябина,
Стыдясь резьбы на листе,
Ждет осень, чтоб гроздья судьбины
Пошли в своем естестве
Гулять по холмам и опушкам,
Пылать под окном и в саду,
Бросаться на холмик подушки,
В любовном вариться аду.

Все лето рябина скучает,
Артерную силу копя,
И вдруг в сентябре замечаешь,
Что клены, под солнцем топясь,
Рубахи все враз обновили,
Собравшись в любовный поход.
...Природы модельные стили.
Гранатово-желтый восход!

ПАМЯТИ ВЕРОНИКИ КАРАТ

Август, яблоки рассыпая,
Вновь рябиной тревожит меня.
И в тумане любовь слепая,
Бродит, немощь мою кляня.

Завтра тускло наступит осень.
Огороды... Мозоли... Нарыв...
...Георгины цветут на погосте,
Лепестками надгробья прикрыв.

* * *

Сентября подпалины
Раздувает осень.
Пламенеют рощицы,
Но густеют росы,
Чтоб сберечь отаву.
...Желтые аллеи,
Чуткие дубравы.
Только хрустнет ветка
И дубы подарят
Град из желудей.

Приближает осень
Время снегирей.

* * *

Седина нагрянет зимней ночью,
Снег сметанит утром все окрест,
Белизна судьбе продленье прочит —
Черная аллея ставит крест.
— Черная аллея, что не стала белой?
— Ветки пауками перекрыли троп,
И траве пожухлой,
к декабрю испрелой,
Не хватило хлопьев, не хватило...
Стоп!

Нежная сметана — черная жижа,
Я ведь понимаю: в декабре — межа,
Никуда не деться
от коротких дней,
Мало снега будет —
стану к ночи злей!

* * *

Андрею Полтораку

Пурпурный взгляд заката,
Рассветный чуткий час,
Не будет дубликата
У мига.
Он для нас:

И страсть, и малина, и ветер,
Сивухи густой перегар,
И зимнего бала конфетти,
И гулкий ремонтный ангар,

И терпкая ложка кагора,
Икона рублевской руки...

...Вот пуля, минуя заборы,
Ожжет нам седые виски.

Мол, брат, поспешай удивляться,
Уж близок признания миг,
Хоть хочется нам дубликата,
Но время — совсем не кулик,

Что хвалит болото родное!
Жестокий у времени счет:
Мгновенье не терпит простоя
И в спину дыханьем гнетет.

Все меньше на взгляд остается,
Все реже объятий зажим.
Все ближе закатное солнце
И вечный — тот самый — режим.

* * *

У озябшего серого стога
Воробьиная стынет душа.
Жить да жить —
Поживать недотрогой,
А мы лезем,
вилами круша,
То, что встроено в сердце России
По травинке, по камню-песку,
Кажем раны,
чтоб их просолили,
И грустим, и впадаем в тоску.
А потом — вспоминаем,
Что в жизни есть основа:
Деревня и стог,
И корова, и печка, и брызги,
Родниковый бодрящий исток...

Как не ценим мы наши росинки,
Как мы ветрены в наших делах,
Как мы тратим себя на пылинки,
Как до старости бродим
Впотьмах!

* * *

Черно-белая старость
Прожигает ладони —
Эти руки держали страну!
Годы-кони, усталые кони,
Век промчал —
Жизнь стоит на кону.
И распахнуты двери,
Тревожит гармошка,

Дышит дом
Духом желтых берез...
Из существ на земле —
Всех понятливей кошка,
Марш «Славянка» —
Пронзительней слез!

РУССКАЯ ЗАБАВА

Андрею Канавщикову

Ловили в Ловати налимов —
Хватало рыбы на три дня!
Затянем бреднем, не колымя,
Прочешем реченьку до дна...

Нам и язи, и щуки кстати,
Но их величество налим,
Он, если печень не истратил,
То будет трижды восхвалим!

И вот костерная пирушка
Ударит песней в небеса —
Да вдруг пахуча чая кружка
Парком напомнит: — Три часа!

И скоро солнце желтым пловом
Оплавит берега обрез,
И поведет в тумане бровью
Еще не выспавшийся лес...

Ах, эта русская забава,
Ах, это счастье в пять утра:
Удилищ свист, в росе отава —
И междометный вопль нутра!

Валерий Мазманян
(г. Москва)

Мазманян Валерий Григорьевич родился в семье военнослужащего. В 1975 году закончил Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Работает в системе образования. Автор книги «Не спросишь серых журавлей».

* * *

Багряным сердцем бьется
осиновый листок,
сосна целует солнце
в оранжевый висок.

Тепло в душе от мысли,
что я в тебя влюблен,
пылают жаром листья —
обжег ладони клен.

С березой в тихой роще
давным-давно знаком,
поманит жизнь хорошим —
пойдешь и босиком.

Что многое нам поздно —
дождя ночного бред...
а осень льет из бронзы
воспоминанья лет.

* * *

Береза белизну бедра
прикрыла золотом волос,
а осень, как всегда, мудра —
не все навечно и всерьез.

Разложишь в уголках души
надежды, даты, имена,
а ветер листья ворошит,
весны читая письмена.

Меня с ушедшими роднят
воспоминанья прежних лет,
и освещает сумрак дня
костром осенний бересклет.

А дождь за окнами речист,
ты прячешь грусть в тени ресниц...
и кружится багряный лист
пером непойманных жар-птиц.

* * *

К утру измученный бессонницей
вздохнешь — не тех, наверно, ждал,
трепещет бабочкой-лимонницей
листочек на игле дождя.

Осины красятся румянами,
а тучи набирают вес,
притих укутанный туманами
простуженный осенний лес.

От свиста ветра лужа морщится,
а ты все предаешь суду,
и желтизной больная рощица
неделю мечется в бреду.

Кленовый лист ладонью скрюченной
взъерошил волосы куста...
и кем-то осени поручено
все ставить на свои места.

Яков Шафран
(г. Тула)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Сколько тайн под пластами сокрыто,
Под наносами долгих времен.
Но награда найдет следопыта,
Если к Истине тянется он.
Мы живем среди лжи и наветов.
Но собрат из грядущих веков,
Не познавший давленья запретов,
Деспотических темных оков,
Только правду о времени нашем
Извлечет из романов, стихов.
И не будет итог приукрашен
Для тогдашних судейских верхов.
И узнают они сколько крови,
Сил и пота от тяжких трудов
Довелось для рождения нови
Положить, чтобы мир стал Христов!

ПЕСНЯ УТРА

Проснулось утро и про сны забыло —
Без них хватает дел кругом:
Вот облако застыло белокрыло
И ждет свидания с лучом,
Земля, еще укрытая тенями,
Ждет также проблеска зарниц,
Березы нежно шевелят ветвями,
Готовясь слушать пенье птиц.
Но вот над горизонтом луч игриво
Вспорхнул, и роща ожила,
И у ручья затрепетали ивы,
И даже старая ветла.
Еще немного — солнце засияло,
И зазвучал весь птичий хор,
И золото прозрачное упало

На ситцы трав, плетя узор,
Цветы раскрыли лепестки-ресницы
И потянулись к свету всласть,
А солнце радо ввысь лететь жар-птицей,
Простерши крылья в неба гладь,
И россыпь бриллиантов засверкала,
Где только лишь роса была.
А в сердце дивно музыка звучала
Тиха, лирична и светла.

* * *

Наша жизнь — это поезд метро:
Темнота и мельканье огней.
Чернота поглощает добро,
Как свет станций уходит в тоннель.
Наша жизнь — расставаний печаль.
Почему-то их больше, чем встреч.
Промелькнув, вмиг уносятся вдаль,
И вновь будней обыденных речь.
А в душе — лишь извечный вопрос:
Сделать как непрерывным добро?
Но в ответ — перестуки колес,
Мчится поезд по ветке метро.

* * *

Грустит природа, копит слезы.
И за стеной по вечерам
Звучат виолончели грезы
С тоской и грустью пополам.
И мир погряз во снах и грязи.
Он больше мертвый, чем живой.
Но сквозь потоки безобразий
Я, дальний друг, всегда с тобой.
А музыка все плачет, плачет.
Послушать — с нищенской сумой
Пойти бродить по ближним дачам,
Забыв об истине святой.
Но не забыть. И пусть обратно,
Как ни хотелось, не пройти,
Единство наше благодатно,
Зальют дожди хоть все пути.
Я выйду в ночь и в небо гляну,
Из мира — в дальние миры,
И свету, знаний океану
Любви преподнесу дары.
Там нет границ, там все едино:
Природа, музыка и мы,
И тучам там не скрыть вершину,
И все дороги там прямы.

* * *

Он искал средь людей
Лишь добро и любовь,—
Только зло всех мастей
Ощущал вновь и вновь.
Он прошел сто дорог,
Городов сто и сел,
Но любви, видит Бог,
Так нигде не нашел.
И тогда, научен,
Истоптав ноги в кровь,
Лишь в себе, понял он,
Творить можно любовь.
И он ту благодать
В своей жизни явил,—
Стал тогда замечать
Всюду больше любви.

* * *

Уйду в пустыню, где не будет жажды
Хлебов и зрелищ, суеты мирской,
Где я смогу к себе прийти однажды
И сделать то, свершить что должен каждый —
Соединиться с Вечною Душой.
Ничто не отвлечет в моей пустыне:
Ни человек, ни страсть, ни воз проблем.
Но как бы защищенному твердыней
Не стать рабом немыслимой гордыни,
В могилу духа превратив Эдем.
Не лучше ли среди людей аскетом,
Не поддаваясь искушеньям жить,
Не под гордыней, страхом и запретом,
Свободно, связь создав с Великим Светом,
С Душой Великой золотую нить.

* * *

Была когда-то милая страна,
Был светлый дом, светлы людские лица.
Казалась несусветной небылицей
Все разрушающая вмиг война.
Своими были реки и леса.
Куда бы ни пошел — везде хозяин.
А ныне ты — гонимый, словно Каин,
Открыты для тебя лишь небеса.
В тайге теперь пожарища и пни,
В полях — земля, заросшая кустами.
Свободен лишь владеющий деньгами.
Везде упадок — чувство западни.
Как страшно позабыть мне ту страну,
Ведь к прошлому дороги позакрыты.

И нет ни в чем поддержки и защиты.
Ничто не предвещает нам весну...

* * *

Август так непостоянен
Между осенью и летом:
То приходит как южанин,
Весь наполнен теплым светом,
То вдруг, как навылет, ранен
Северным холодным ветром,
То замрет, весь бездыханен,
Серым небом беспросветным.
Он капризен, нет желанья,
Видно, с летом распрощаться.
Но уж осень шлет посланья
И стучится в домочадцы.
Август, не мечись, спокойно —
Неизменен ход природы.
Ты сентябрь встреть достойно,
Так же, как в былые годы.

* * *

И снова втиснуть душу норовят,
Небесную, да в жесткие оковы.
Она же ищет лишь живое слово,
Простые смыслы и сердечный взгляд.
Пойду в серебряные родники,
В луга, поля, леса и перелески,
Где не найдут звонки и эсэмэски
И где обманы станут далеки.
Они расскажут мне, что Бог живой,
Воскрес, хоть на кресте и умер.
Услышу я тогда и в ветра шуме,
Как Он беседует с моей душой.
Услышу, как в закатной красоте
И как в травинке каждой и листочке,
В раскрывшем небу лепестки цветочке
И в бирюзовой речки простоте
Его слова звучат, полны любви,
Которая есть мудрость вековая.
Она везде — от края и до края.
Черпай, лишь только веру призови!

* * *

Средь рекламных огней, буйства красок
Не найти Вам меня нипочем.
И творцу соблазнительных сказок
Не сманить меня и калачом.
А в дневной суеты мельтешенье
То ли лиц, то ли масок — пойми! —

Вы найдете меня на мгновенье
Меж спешащих зачем-то людьми.
Тело ведь у души в подчиненье,
А она в одинокий полет
Устремляется на единенье
С тем, что ввысь ее вечно зовет.
Где не грусть о хорошем, красивом,—
Чего так не хватает в наш день,—
А где тихое, светлое диво
И тонка серебристая звень.
Где не грусть о любви и свободе,
Что для нас здесь — вершинами гор,
А где это в Небесной природе,
Созидающей Светлый Собор.
И душа в том особом паренье
Сможет только ту песню сложить,
Что усилит сто крат притяженье
И связь с Высшим — серебряну нить.
И сердечной мелодией песни,
И любовью наполнится край,
И для жизни иной он воскреснет,
Как в цветенье всегда дивный май!

Юрий Ключников
(г. Новосибирск)

Юрий Михайлович Ключников родился в 1930 году в городе Лебедин Сумской области (Левобережная Украина). Автор 23 книг, стихотворений, переводов и эссе. Член Союза писателей России, лауреат ряда премий. Академик Петровской академии наук и искусств.

РЫЦАРСКИЙ РОМАНС

Я сутки на свидание спешил,
чтоб выкроить минуту для прощанья,
я все свои заботы отложил
и вот стою пред вашими очами.
В эфире ангел нежности парит,
в ушах труба архангела запела.
Прощай, преуспевающий Мадрид.
Я уезжаю, донна Изабелла.
Без вас и ваших глаз мне счастья нет,
вы у меня последний свет в оконце.
Но этот свет не светит без монет,
сегодня в моде бесы и торговцы.
Сегодня в моде толстая сума,
а на моих счетах одни пробелы...
Чтоб от любви к вам не сойти с ума,
я уезжаю, донна Изабелла.
От всех мадридских сплетен и проблем,
от глянца королевского порога
я нынче уезжаю в Вифлеем,
чтоб защитить поруганного Бога.
Я вырою и вновь воздвигну крест,
На нем в грехах увижу свое тело.
Мне на земле не выжить без небес.
Я уезжаю, донна Изабелла.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК ПОЭЗИИ

Я без улыбки не могу, не скрою,
читать стихи поэтов той поры,
когда была поэзия игрою,
еще не знавшей истинной игры.

Их ранил тусклый свет аптеки рядом
или беззубый царский манифест...
Не тронутые настоящим адом,
они не знали, что такое крест,
когда за слово ставили под пули
или гноили в дальних лагерях...
Иные из поэтов тех уснули,
младенческие песенки творя.
Но были и такие, что, споткнувшись
о новых истин каменный порог,
сумели победить себя и ужас,
понять, каким порой бывает Бог.
Отбросив ненадежную манерность,
«впав, словно в ересь»,
в чудо простоты,
они несли к ногам России верность,
живые —
не бумажные — цветы.
Так «будь же ты вовек благословенна»
судьба страны, сумевшей превратить
гонимый дух серебряного века
в алмазную сверкающую нить.

Игорь Краснов
(г. Екатеринбург)

ДУША БОЛИТ...

Окончил Уральский государственный университет (факультет журналистики), и двадцать лет проработал внештатным корреспондентом по социальным вопросам ряда газет. Член Союза журналистов России. Лауреат Международного фестиваля «Литературная Вена». Автор ряда книг, публиковался в литературных журналах и поэтических сборниках. В 2008 году награжден медалью им. Ф. М. Достоевского.

«Душа, в отличие от разума, не думает
и не рассуждает — она чувствует
и знает, поэтому не ошибается...»
Вадим Зеланд

* * *

Как безрадостно, как тревожно
Мне становится день ото дня.
Невозможно жить, невозможно,
Чаша мук испита до дна.

Вспоминается то, что было,
Что желалось — и не сбылось.
Оттого и в груди заныло,
Будто сердце оторвалось.

Не могу эту боль утешить,
Не питаю и к жизни злость.
Вот коней, чую, надо спешить,
На земле я всего лишь гость.

* * *

В окошко мое заглянула Зима,
Рисуя узор серебристый.
Как будто спросила меня она:
— Друг мой, о чем грустишь ты?

Я с ней поделился, что радости нет,
Душа моя ноет горько...
И холодом вдруг потянуло в ответ:
— Да разве один ты только!

Всем нынче живется не так легко,
И этому есть причина.
На прочность людей проверяет Бог...
А ты ведь сильный мужчина!

Мне тоже морозить, увы, нелегко,
И краски на солнце тают.
Рассыпала ночью свое серебро,
А утром оно исчезает...

Я тоже исчезну. А ты, друг, живи,
Да поможет тебе Всевышний!
Пока душа ноет, с ней и твори,
И не говори, что на свете ты лишний!

* * *

Как только я увидел свет,
Сказали мне, что жизни нет.
Ты не жилец, лучше умри,
Не пачкай нам календари...

О, нет, друзья, я не умру!
Я буду жить назло всему.
Назло судьбе любить, мечтать,
Свои стихи про жизнь слагать.

И будет мне добро дано
На свет, струящийся в окно.
О, нет, друзья, не все равно,
Хоть жизнь — отрава и «кино».

Мне Богом эта жизнь дана.
Она бесценна и одна
Здесь, на земле, где счастья нет,
Но воля, но вот этот свет...

И переданный мне привет!

Я жизнь свою испью до дна
Во все земные времена.
Вы гляньте, за окном Весна!
Нет, жизнь, друзья, не зря дана.

Игорь Елисеев
(г. Ростов-на-Дону)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Родился в Ростове-на-Дону. Окончил Пятигорский лингвистический университет, факультет испанского и английского языков. Стихи печатает с 1971 г. Издано более 10 книг стихов и стихотворных переводов. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Рукопись», который выходит с 2002 г. и распространяется в России, Америке, Европе, Азии, Африке. Награжден памятной золотой медалью «200 лет М. Ю. Лермонтову».

* * *

Банановая юбочка,
Индийский океан…
Куда ты едешь, Любочка?
Твои мечты — обман.

Ну как из сердца вырваться,
шагнуть, как за порог,
чтоб в жизни заковыристой
вовек не знать тревог?

И все твои усилия
избавиться от пут
соблазнов изобилия,
увы, напрасный труд.

Но ты, меня не слушая,
пакуешь чемодан.
Постой, другого случая
достичь далеких стран

не будет разве, милая?
И сможешь ли опять
свою судьбу постылую
на счастье поменять?

Ну, что ж, дела все брошу я
и, хочешь или нет,
поеду жизнь хорошую
искать, хоть это бред.

Но бред, мечта, фантазия,
И грезы наяву —
Мои Европа, Азия
И ты, кем я живу.

* * *

Белесый туман выплывает из лога,
Сквозь тучи сочится лучистая мякоть.
Мне видится здесь присутствие Бога,
И в грустном восторге мне хочется плакать.

Мне хочется в рощах, наполненных светом,
Бродить, не ругаясь ни с кем и не споря,
Что мир этот создан великим Поэтом,
И нет в нем ни капельки мрака и горя.

Лишь с этих высот — мира светлых окраин,
Где суть постигается жизни и тлена,
Я к вам возвращусь, примирен и раскаян,
Молясь о прощении нощно и денно.

И если меня вы услышите прежде,
Чем я отвлекусь на иные молитвы,
Поймете, что жил я все время в надежде
На то, что окончатся вечные битвы

Меж небом и адом, меж правдой и ложью,
Что некогда нас в этой жизни венчали,
И каждому будет по милости Божьей
Отпущено в меру любви и печали.

* * *

Если это любовь — эти редкие встречи,
нежелание знать, где сейчас ты и с кем
смотришь в небо, ведешь бесконечные речи
о любви и о вечности,— значит, я нем.

Если это любовь — ждать упорно, кто первый
позвонит и поделится мыслями вслух,
как гудят, исходя напряжением, нервы
от безжалостной ревности,— значит, я глух.

Если это любовь — затаиться в ухмылке
и смотреть, как влюбленный в обиде нелеп,
как смешон его взгляд, и смущенный и пылкий,
видеть страх и надежду в нем,— значит, я слеп.

Неужели и ты, как и все, вероломна,
и с тобою не сладят ни ангел, ни черт,
если смотришь мне в сердце из пропасти темной
и ни искры в глазах твоих? — Значит, я мертв.

* * *

И. Е.

Явилась ты — и сгинул смерти страх,
я понял: песня жизни не допета…
Ты хрупкая, как тишина в горах,
Ты тонкая, как первый луч рассвета.

Как ветерок, легка твоя рука,
Не чувствуя ее в своей — недужу.
Как ручеек, текущий с ледника,
Питаешь ты иссушенную душу.

Я нежные тебе шепчу слова
Любви, надежды, веры и участья,
В тебе я вижу образ божества
И плачу от невысказанной страсти.

И все свои оставшиеся дни
Самозабвенно я молиться буду:
«Господь, мою любимую храни,
Позволь в ее судьбе случиться чуду!»

И верую, как некий прозелит,
Почуявший к всевластью принадлежность:
Твоя любовь мою любовь простит
За эту неожиданную нежность.

Вита Пшеничная
(г. Псков)

Член Союза писателей России с 2004 года. Публикации в различных изданиях. Автор нескольких поэтических сборников и одной книги прозы, цикла рецензий на стихи разных авторов, критических статей, эссе. Победитель и лауреат ряда российских и зарубежных литературных конкурсов. Дипломант Международного литературного фестиваля «Золотой Витязь-2020»).

«Я ВЫБРАЛА СЕБЯ…»

* * *

Не думалось мне о возвышенном
Ни сердцем, ни рекой строки,
Казалось, что на поле выжженном
Не вырастут и сорняки.

Но вырос сад: пахучим облаком
Он вплыл из августа в сентябрь:
Земля уже менялась обликом,
И ветер в лужах сеял рябь.

Вставал закат ржаною россыпью,
Как в плед, укутываясь в темь,
И наливались травы росами
На выцветающем холсте.

Но рукотворною иконою
Никольский храм «летал» вдали,
И неба синь глотал бездонную,
Не отрываясь от земли.

Как здесь мечтается и пишется!
Куда не глянешь — чудь окрест,
Листвы коснешься — звон послышится
Святых староизборских мест...

НЕВОЛЬНОЕ

Обними меня, но потом уже не отпускай.
Я глаза закрою, уткнусь носом в плечо.
И мы оба поймем — каждый из нас нашел,
Что давно искал.

И в закате — таком нашем и таком ничьем —
Пусть утонет день — какой-то из октября,
И под ноги настелет листву
И дождей шелк,
По и над паря.

Обними. Заговори, словно кот-баюн,
Я поверю любой из тобой сказанных фраз,
Пусть звенит россыпь натянутых туго струн,
Исцеляя нас.

* * *

Осень — время прощаний и стылой воды по утрам;
Из туманного утра спешит на автобус прохожий,
Куполами целует века восстановленный храм,
Да все чаще и дольше прохлада елозит по коже.

Осень — бремя потерь, о которых ни сном и ни духом,
Нараспах акварели — природа чудит и творит —
Все, что скажешь в сердцах,
Обрастает немыслимым слухом,
Что укроешь в душе — то однажды отблагодарит.

Я люблю тебя, яркое Время невидимых слез,
И приметы твои я читаю по шороху листьев...
Свет погашен. И звезды гурьбою спешат на помост —
Как посланцы простых, не всегда понимаемых истин.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

ПОЛЕТ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ты видишь рассвет? Посмотри!
От самого края земли
К нам солнце спешит из дали,
Той, где еще не были мы.
Ты чувствуешь ритм? Это жизнь
Как пульс отзывается в нас.
Прекрасная тысячи раз,
Она говорит нам: сейчас!
Ты слышишь, как день нас зовёт?
Он нас пробуждает, влечет,
Туда, где на старте нас ждет
Полет...

Александр Богданов
(г. Калининград)

Александр Геннадьевич Богданов родился в 1983 г. в городе Калининграде. Автор четырех сборников стихотворений. Кандидат экономических наук.

СОТВОРЧЕСТВО

Не противься и не гадай,
Ну и пусть потянулся к прежнему.
Приключается иногда
С ностальгии коснуться нежного!
Целый день за блокнотом вновь,
И виска уже водишь около.
Сподвигает писать любовь —
Недосказанная, высокая…
Все изюминки слов собрав
И насытив воображением,
На свой творческий мерю страх
Трепет музы и раздраженье.
Наблюдательность проявив,
На эпитеты нажимаю.
Проявись под стать — удиви,
Штампы пресной любви ломая.
Только к вечеру завершил.
Скольких нервов твоих я стою?!
Ты же чувство моей души —
Рассекреченное шестое!

Я НЕ БОЮСЬ…

Лишь доброй волей будет мир спасен.
Ничто не властно более над злобой.
Любой ты силой можешь быть силен,
Но с добротой непобедим до гроба.

Противники разубедить придут,
Расскажут о пороках милосердия.
С улыбкой их сердечные поймут
Желудочков владельцы и предсердий.

Смирение в пылу добра есть труд.
Ты в хлам порой кипишь от жгучей злости.
За вредности при жизни не дадут
Характеристик добрых на погосте.

С твоих спасаться миру надо бы —
Отдушины и теплого словечка,
Ты — добрый господин своей судьбы,
И рядышком с собой согрей местечко.

В деньгах нет исчисленья доброте.
В делах с расчетом доброго премало.
И дома да при нашей суете
Прибавить в добрых мерках не мешало б.

По-доброму начни, пожалуй, день.
Так просто, без усилий — ненатужно.
Не в настроенье сможешь быть везде.
А оставаться душкой все же нужно.

Елена Воробьева
(г. Усть-Каменогорск, Казахстан)

Увлекается авторской песней и поэзией. Ее стихотворения вошли в антологию «Жемчужная поэзия Казахстана», опубликованы в международном альманахе «Аманат», в журнале «Доля», республиканском альманахе «Нива», «Городская газета», литературно-публицистическом журнале «Ак-Ертіс» — «Белый Иртыш».

* * *

Несбыточный сон, недописанный стих
Баллады... а что, если правда лишь в них?
А все, что забыто, то не было свято?
И все, что случается с нами — расплата
За этот еще не дописанный стих?

Поэты. А есть ведь известные, право!
Кто любит их — чем отличается он
От всех остальных? Впрочем, рифмы — забава,
А все, что причина поэзии,— сон...

Что, если любить нам уже не пристало?
Интриги одних и сомненья других...
И чье-то лицо вновь закроет забрало
Несбыточный сон, недописанный стих...

СТАРАЯ ТЕТРАДЬ

Не завтра, но потом, когда-нибудь,
В ту ночь, когда я вас почти забуду,
Вдруг облака откроют Млечный путь,
И наколдуют сны из «ниоткуда».

И вам приснится старая тетрадь,
И глупость строк, и нежность многоточий,
И вы тогда поймете, между прочим,
Все, что сегодня не могли понять!

Дай Бог, чтоб ваша грусть была легка,
А сны-воспоминания беспечны,

И пусть сияет в небе путь ваш Млечный,
Который вдруг откроют облака.

Не завтра, но потом, когда-нибудь,
В ту ночь, когда я вас почти забуду,
Вдруг облака откроют Млечный путь,
И наколдуют сны из ниоткуда.

И вам приснится старая тетрадь,
И десять звезд: одна, четыре, пять...

* * *

Ваше Величество, начался дождь!
Ваше Величество, начался дождь!
В Вашем лесу так легко заблудиться,
Нет, я поднять не посмею ресницы,
Да, мы промокнем сейчас, ну и что ж?

Ваше Величество, вот и гроза!
Пусть нас не тронут июньские грозы!
Глаз ваших нежных пречистые слезы —
Жемчуг, алмаз и бирюза.

Нет, нас не тронут июльские грозы!
Счастье, молю тебя, не уходи!
Сказки июля нежны как березы,
И кратковременны, словно дожди…

Владимир Корнилов
(г. Братск)

ЗИМНИЕ МЕЛОДИИ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЗИМА В БРАТСКЕ

Декабрь стоял удивительно мягкий,—
И люди все чаще ходили пешком.
Январь же завел посуровей порядки,
Грозя нам своим ледяным кулаком...

Но город был весел, шутлив и беспечен.
И даже мороз не унял горожан.
Он, ежась, их тряс за озябшие плечи
И, снегом скрипя, их домой провожал...

А день начинался колючим рассветом.
Курился над городом розовый дым.
...Белесое солнце сквозь изморозь веток,—
Оно в январе нам казалось седым.

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Памяти В. Г. Распутина

Восхищаться перестали мы:
Словно пленкой застит взгляд.
...В пышных шубах горностаевых
Нынче елочки стоят...

Русь зимой щедра́ подарками.
В лес войди — и удивись!
За серебряными арками
Здесь совсем иная жизнь...

Плюнь на мысли оголтелые!
Прочь о деньгах разговор! —
И березок шали белые
Озарят твой мрачный взор.

Зазвонят лесные звонницы
О величье бытия, —
И душа добром наполнится
Вновь по самые края.

* * *

Русь моя с ее раздольем,
Хрусткий наст январским днем.
И горит... горит по вздольям
Снег малиновым огнем...

Кружева на снежных ветках.
В блестках солнечный зенит.
В запорошенных беседках
Смех серебряный звенит...

Сам мороз, крутой по-русски,
Людям взбадривает кровь.
...И глядит на мир без грусти
Светлым праздником Любовь.

РУССКИЙ ГОВОРОК

Зимним утром — снег певуч и звонок —
Каждый шаг озвучен каблуком.
Жители сутулятся спросонок,
Освежая души холодком,

И, вливаясь в зарево проспектов,—
Потекут безудержной рекой,—
Тут порою — не до интеллекта,
Окунувшись в кипяток людской...

Кто-то обожжется грубым хамством,
Кто-то преподаст ему урок.
...Целый день морозное пространство
Оживляет русский говорок.

В СИБИРИ

Словно сказка живая
В расписных теремах, —
Так Сибирь вековая
Нынче вся в кружевах.

...Зимний утренний мóрок
Всюду мглист и тягуч.
За окном минус сорок —
Даже воздух колюч.

А мороз — аж дымится...
В белых шубах дома́...
Но в сибирской столице
Мне по нраву зима.

Коль метель,— то до не́ба,
В рост медвежий снега́.
Здесь немеряно хлеба
И богата тайга.

Здесь вином и закуской
В праздник вас угостят.
Коли пир,— так по-русски,
А обиду простят.

Если горе без меры —
Боль разделят и грусть.
...Не живут здесь без веры
В Православную Русь.

Виталий Кузнецов
(г. Новочеркасск)

Наш постоянный автор.

ЕДИНСТВЕННОЙ

На свете много разных слов —
их смысл таинственный.
Явилась ты из давних снов,
моя единственная.

И сразу слово обрело
свое значение.
Оно тепло мне принесло,
души лечение.

«Единственная» — так звучит
светло и радостно,
как будто музыка в ночи —
нежна и сладостна.

Мечта моя июльским днем
обычным, будничным,
явилась в образе твоем,
предстала будущим.

Все изменилось как-то вдруг —
открылось мне,
что ты любовь моя и друг,
мой свет в окне.

И долго будет свет гореть —
нежны лучи.
Ведь лишь завистливая смерть
нас разлучит.

Я потому благодарю
тот миг таинственный,
что Бог сказал: «Бери, дарю
тебе единственную».

ВНУЧКА ЧИНГИСХАНА

Ты, спящая, как внучка Чингисхана:
Чуть смуглы холмики высоких скул.

Я здесь, я рядом — только не уснул.
Быть около тебя и спать — так странно!

Тобой любуюсь молча. Не привык
К волшебной близости, к шальному взрыву.
Подвластны мы внезапному порыву.
Сказали все глаза, а не язык.

Представить даже странно, что давно
Сраженье шло на поле Куликовом...
Там бились предки наши. Все равно
Теперь нам это — что же здесь такого?!

Мы разные и схожие с тобой:
Хотим друг друга — этим мы похожи.
Нас поле ссорило — сближает ложе.
Проснешься ты, и снова грянет «бой»!

О ЗЕМНОМ И НЕБЕСНОМ

Навстречу друг другу мы шли
Дорогой тревог и ошибок.
Хотелось нам твердой земли,
А путь был извилист и зыбок.

И так нам хотелось взлететь,
От топей гнилых отделиться!
Остаться внизу — это смерть.
Взлететь — ближе к Богу стремиться.

И вот мы друг друга нашли.
На своде небес повстречались.
Печальные лики Земли
В отринутом прошлом остались.

ФОНАРИ-ОДУВАНЧИКИ

Фонари стоят, как одуванчики.
Снег мохнатый, будто легкий пух.
Оказались девочки и мальчики
Прямо в сказке, что случилась вдруг.

Город был — теперь чертоги снежные.
Все деревья — белые цветы!
И снегурочки навстречу нежные,
И одна из них, конечно, ты!

ЭЛЕГИЯ ЭПОХИ ЗАСТОЯ

Получилось сплошное не то —
Фантастическое невезенье:
Стало быстро немодным пальто,
На спиртное запрет в воскресенье!

Получилась сплошная беда —
Не бывать никогда мне в Париже.

Что в Париже!? — В Москве не всегда.
И держусь я значительно ближе.—

Ближе к бедным больным городам,
Ближе к серым унылым деревням...
Что ж, я верен заветам древним
И к России любви не отдам!

Может, есть у меня изъян,
Но Россию люблю без кокетства.
Пусть я часто бываю пьян —
Помню все, что мне дорого с детства.

Не отдам я любви к стихам,
Так волшебно звучащим по-русски.
Пусть не видел я Нотр-Дам,
Но Отчизны мне рамки не узки.

Видно, здесь суждено умереть.
И кусок земли Богом намечен,
На котором найдет меня смерть...
И я стану спокоен и вечен!

* * *

Наступила осень,
Опадают листья.
Напряженно очень
Думаю «за жисть» я.

Осень — это старость
В переносном смысле.
Мало жить осталось,
И печальны мысли.

И печальны темы
Наших разговоров.
Понимаем все мы —
Нас не будет скоро.

Все мы понимаем,
Но слабó представить.
Рюмки поднимаем —
Страшно их поставить.

ЗНАЧИТ, ТАК!

Порожденье страстей и грехов
Порошок стихотворный иссяк.
Не писать мне великих стихов.
Значит, так оно, значит, так!

Я у зеркала утром стоял,
Дожидался взросленья примет

И чего-то чудесного ждал —
Мне исполнилось десять лет.

Жизнь прошла без особых чудес,
Хоть спешил я вдогонку мечте.
И во сне видел сказочный лес,
А в окне, наяву — только степь.

...Значит, так оно? Значит, так!?
И помрешь ты, видать, поутру.
Жизнь проживший на медный пятак —
Обещавший на цельный рубль!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Никогда не виданный свет.
Никогда не виданной лампы...
Словно жизнь была — жизни нет,
Словно к черту попал в лапы!

Будто я остаюсь во сне,
И другой просто не было жизни.
Только кажется, чудится мне —
Смотрит Бог на меня с укоризной.

Смотрит Бог, говорит: «Чудак,
Ты проспал свою жизнь напрасно.
Ты — Никто и зовешься — Никак».
...Светит лампа кроваво-красно.

ВРЕМЯ — ВПЕРЕД?

Каждый миг — все «туда», все «туда».
Даже радости час — не «оттуда».
Все — вода, ерунда, лабуда...
А ведь верил, что жизнь — это чудо!

НЕ ПИШЕТСЯ!

Бывает в жизни полоса,
Когда не пишется ни строчки.
И замолкают голоса,
И вместо слов — сплошные точки.

Не пишется — так не пиши,
Не мучай бедную бумагу,
Но в жизни высвети отвагу:
Дерись, влюбляйся и греши!

Стихи появятся потом.
Ну а пока живи на нерве,
Любое чувство сделай первым —
И явятся стихи о том!

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Геннадий Маркин
(г. Щекино, Тульская область)

ЗА ПОРОГОМ

Наш постоянный автор, лауреат литературных премий «Левша» им. Н. С. Лескова, им. Л. Н. Толстого и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, член Союза писателей России.

О том, как солдат дал «пощечину» офицеру и его за это расстреляли, уже много рассказано, написано и даже снят художественный фильм. Я постараюсь не повторяться, а рассказать о тех немногих моментах того дела, которые до сей поры многим были малоизвестны или неизвестны вовсе, и о том, как сложилась судьба всех участников той драмы.

1 сентября 1865 года 65 пехотный Московский полк из Москвы прибыл в город Венев Тульской губернии. Распоряжением командующего Московским военным округом Гильденштуббе от 15 апреля 1865 года командиром полка был назначен полковник ЮнОша Петр Алексеевич (в произношении его фамилии ударение делается на букву «о»), и уже 7 мая ЮнОша прибыл в Венев. «Не успел новый командир еще хорошо познакомиться со своей частью, как начались различные командировки. 26 мая по распоряжению начальства 3-й батальон майора Петрова выступил в село Лопатково Тульской губернии (здесь, видимо, имеется в виду село Лапотково. Г. М.) для конвоирования арестантов гражданского ведомства на работах южной железной дороги. 5 июля команда в 48 человек с прапорщиком Галузиным отправлена была на укомплектование вновь формировавшихся тогда восточно-сибирских батальонов. 17 июля согласно предписания начальника дивизии 1-й батальон майора Граббе выступил в Тулу для содержания караулов, а 2-й батальон майора Крушевского на станцию Ясенки для конвоирования арестантов на работах южной железной дороги. Вернулись 1-й и 2-й батальоны в Венев только 30 октября 1865 года. Пополнение полка в эти последние

два года производилось, во-первых, людьми из губернских батальонов, которые по случаю переформирования оказались сверхштатными; во-вторых, неспособными для службы в кадровых батальонах и, в-третьих, осужденными за преступления при Московском ордонансгаузе. К тому же расквартирование полка было чрезвычайно разбросано, а гражданское начальство, соблюдая интересы земства, часто отказывало в отводе помещений для занятий; в силу чего не было никакой возможности принять меры к поднятию воинского образования полка. Эти обстоятельства были причиной не совсем удовлетворительного нравственного состояния нижних чинов и, хотя крупных преступлений за это время не было, зато мелкие повторялись постоянно. Так, число штрафованных нижних чинов к 1 января 1866 года составляло 11-ю часть всего полка, бежавших нижних чинов было 44 человека. Даже наружный вид полка был едва посредственный, причем, много красило его обязательное ношение бакенбардов, постоянно подтверждаемое начальником дивизии. Что касается до состава офицеров, то по образованию к 1 января 1866 года состояло: из военной академии — 1 человек; кадетских корпусов — 17; кончивших курс в гражданских высших учебных заведениях — 4; в гимназиях и семинариях — 13; в юнкерских училищах и дивизионных школах — 21; не имеющих никакого образования — 7 человек. Из числа 63 офицеров полка 13 человек были женатых и 50 холостых».[1]

Итак, что представлял собой 65 пехотный Московский полк на 1-е января 1866 года. 11-я часть нижних чинов полка были судимы, еще 50 человек были наказаны в дисциплинарном порядке, 44 находились в бегах. Служебная подготовка, дисциплина и морально-нравственное состояние желали иметь лучшего. Можно еще предположить, какую жизнь вели офицеры-холостяки, по возрасту, видимо, молодые люди, в свободные от службы вечера — вино, игра в карты и барышни-крестьянки. К тому же, подразделения полка были дислоцированы в разных местах губернии, и к ним с проверкой на лошадях в одночасье не доберешься. Да еще висит груз ответственности за конвоирование и охрану арестантов. Не приведи Бог командовать таким полком! Полковник Юноша полком командовал умело, и полк выполнял возложенные на него непростые задачи. С началом нового 1866 года полк продолжал нести тяжелую конвойную службу. «21 марта, для принятия арестантов из города Серпухова, был назначен только один 3-й батальон. Для этого предписано было всему батальону, со всеми ротными вещами собраться в Веневе. Здесь были выбраны самые лучшие, опытные и надежные люди для составления конвоя. В каждой роте 30—40 человек с 3-мя унтер-офицерами и с ротным командиром. Оставив всех остальных в Веневе, выбранные отправились по назначению и приняли в Серпухове: 3-я рота штабс-капитана Зарембо — 2-ю московскую арестантскую роту; 10-я рота штабс-капитана Гамзагурдия — 1-ю московскую арестантскую роту; 11-я рота штабс-капитна Кунцевича — ярославскую арестантскую роту; 12-я рота поручика Карпова — владимирскую арестантскую роту. (Каждая арестантская рота была составом в 250 человек). Приняв арестантов, роты повели их на станцию Ясенки Крапивенского уезда на строительство южной железной дороги. На линии строящейся железной дороги арестанты были размещены в выстроенных для них бараках, а Московский полк в ближайших деревнях, лежащих вдоль этой же линии; при этом полк состоял в распоряжении инспектора гражданских арестантов генерал-майора Штемпеля. Здесь служба была весьма тяжела; приходилось каждому нижнему чину быть через день или в конвое во время работы, для чего по всему пространству выставлялась цепь часовых, или в караул, выставляемом при бараках».[2]

Здесь под словосочетанием «станция Ясенки», безусловно, имелась в виду станция почтовая, железная дорога только строилась. В то же время из места своей постоянной дислокации из Венева в Ясенки прибыл и штаб полка. Он разместился в Ясенках в небольшом доме местного помещика, где одновременно стоял на квартире и командир полка Юноша. В те годы в Ясенках, как мне удалось выяснить у местных

краеведов, имели свои усадьбы два помещика: Лопатин и Кулешов. Многие жители Ясенок еще и в советский период при разговорах продолжали делить Ясенки на две части — Лопатинку и Кулешовку, по названию некогда находившихся там деревень. В одном из помещичьих домов и разместился штаб 65-го пехотного Московского полка, там же снимал комнату и командир полка Юноша, но в доме какого именно помещика был расквартирован штаб и стоял на квартире Юноша, мне узнать не удалось. Единственно, что известно на сегодняшний день, в нем проходил суд над солдатом Шабуниным. «Суд был назначен на 16 июля в квартире полкового командира, занимавшего помещичий дом в деревне Ясенки».[3]

Вот мы и подошли к тому месту, с которого начнем вести более подробный разговор о солдате Шабунине и его «пощечине» офицеру, но уже с учетом некоторых открывшихся новых фактов. Вторая рота полка располагалась в деревне Озерки, командовал ротой капитан Ясевич. Именно он был тем единственным в полку офицером, окончившим военную академию. «Капитан Болеслав Устинович Ясевич родился 18 декабря 1837 года в дворянской семье Виленской губернии. В 1859 году он поступил юнкером во 2-е Константиновское военное училище, и по его окончании в 1860 году ему был пожалован чин прапорщика. В том же 1860 году Ясевич поступает в Михайловскую артиллерийскую академию. Спустя год его производят в подпоручики, а 30 августа 1862 года он заканчивает академию и получает право на ношение аксельбанта. 14 августа 1862 г. его производят в армейские штабс-капитаны и направляют в 3-й резервный стрелковый батальон. В октябре 1864 года Болеслав Ясевич назначается командиром роты, и приказом от 25 декабря его переводят в 65-й пехотный Московский полк. 4 марта 1865 года он прибывает к новому месту службы, а 10 июня получает чин капитана».[4]

О писаре 2-й роты рядовом Василии Шабунине сведений имеется немного, до сих пор даже неизвестно его отчество. Известно только, что его настоящая фамилия Шабунин, а не Шибунин, как это сказано во многих о нем публикациях и на его могильном памятнике. Также известно, что «на период 1866 года ему исполнилось 38 лет».[5] Он был на 9 лет старше Ясевича. Родом Шабунин происходил из московских мещан, поступил на службу по рекрутскому набору охотником (по своей собственной воле вместо другого рекрута) в феврале 1855 года, то есть, на период 1866 года он в армии отслужил уже 11 лет. Служил писарем при канцелярии в лейб-гренадерском Екатеринославском его Величества полку, в 1863 году был произведен в унтер-офицеры. Перед хорошо знавшим грамоту унтер-офицером Шабуниным открывалась хорошая перспектива стать офицером, но он пристрастился к выпивке. А когда терпение начальства закончилось, его разжаловали в рядовые. В марте 1866 года Шабунин совершает преступление — кражу: «подвергся суду за продажу мундира, принадлежавшего рядовому Федорову, и тесака рядового Андреева с употреблением вырученных денег на пьянство и уклонение от исполнения служебных обязанностей».[6]

Шестого апреля штрафованный рядовой Шабунин был зачислен ротным писарем во 2-ю линейную роту 1-го батальона 65 пехотного Московского полка. Видимо, он — это мое личное предположение — в полк прибыл из Москвы в числе тех самых солдат, что были осуждены за преступления и содержались при Московском ордонансгаузе, о чем я говорил ранее.

Тем временем полк жил и служил по своему внутреннему распорядку: изучение общевоинских дисциплин, заступление в караул, конвоирование арестантов на строительство железной дороги. Среди арестантов были не только осужденные гражданские люди или нижние воинские чины, но и участники польского восстания 1863—1864 годов. Многие офицеры-поляки перешли на сторону восставших, среди них были и выпускники военных академий, возможно, бывших сослуживцев или просто знакомых Ясевича. Оказавшись из-за этого в непростой ситуации, капитан Ясевич избирает для себя следующую линию поведения — держит со всеми дистанцию,

живет строго по уставу, требует соблюдения устава и дисциплины от своих подчиненных. Естественно, это не нравится не только солдатам, но и офицерам его роты. «Капитан как-то сразу отделился от всех своих товарищей и стал в стороне. Он был безукоризненно вежлив со всеми, но строго ограничивал все свои сношения с начальством и товарищами одними служебными сухими отношениями. Среднего роста, сухощавый блондин, скорее даже рыжеватый, с тонкими, правильными, но такими сухими чертами лица и холодным, стальным взглядом серовато-карих глаз, Яцевич (видимо, с подачи этой публикации Овсянникова и произошло искажение фамилии Ясевич на Яцевич. Г.М.) производил какое-то неприятное впечатление. В его присутствии все как будто леденело и свертывалось. Всякий чувствовал себя как-то не по себе. На него косились — он старался этого не замечать».[7]

МИНИСТЕРСТВА
ВОЕННАГО
ДЕПАРТАМЕНТА АУДИТОРІАТСКАГО

Итак, 1-й батальон 65 пехотного Московского полка принял конвоирование и охрану арестантов при строительстве южной железной дороги. От Ясенок до Мценска было построено 8 больших бараков для проживания в них от 300 арестантов и выше в каждом бараке. «Штаб второй роты располагался в крайне угрюмой и неприветливой деревушке Озерки, в 3—4 верстах от Ясенков. Командовал штабом молодой, только что кончивший курс в академии генштаба, капитан, поляк по фамилии Яцевич. <…>.

Батальон охранял арестантов при строительстве южной железной дороги на участке дороги в районе почтовой станции Ясенки и деревни Житовки, где располагался один из бараков польских арестантов, в количестве 400 человек[8].

Итак, из воспоминаний Овсянникова видно, что 2-я рота дислоцировалась в деревне Озерки и занималась охраной арестантов вдоль линии на расстоянии от Ясенок до Житово. Тем временем, между свято соблюдавшим требование воинской дисциплины ротным командиром капитаном Болеславом Ясевичем и нарушителем этой самой дисциплины ротным писарем рядовым Василием Шабуниным все больше и больше осложнялись взаимоотношения. И эта друг к другу неприязнь так и не смогла разрешиться мирным путем, и в конечном итоге вылилась в трагедию. Из судебно-следственного дела № 101 по обвинению Шабунина. «Ранним утром в роте проходили строевые занятия, которые закончились в 10 часов. Шабунин отправился в соседнюю деревню и, выпив там в кабаке косушку водки, взял с собою еще полуштоф с косушкою, которые выпивал понемногу, и к 5 часам пополудни был уже пьян довольно порядочно. Во время расположения роты на станции Ясенки, Крапивенского уезда, ротный командир капитан Ясевич, придя после обеда в канцелярию вместе с фельдфебелем Бобылевым, чтобы приказать подсудимому Шабунину приготовить к батальонному ученью подробный расход по людям, снова нашел его в нетрезвом виде; почему приказал фельдфебелю посадить его в отдельное помещение и приготовить розог, имея намерение после учения наказать его; когда же капитан Ясевич вышел в сени, то подсудимый Шабунин, отправившись за ним, произнес: "За что же меня в карцер, поляцкая морда, вот я тебе дам!" и при этом ударил его рукою по лицу, отчего у Ясевича потекла из носу кровь, после чего фельдфебель и находившийся при канцелярии рядовой Степан Мясин схватили Шабунина и, по приказанию ротного командира, посадили под арест»[9].

Согласно сведений свободной электронной энциклопедии «Википедия», косушка (косуха, сороковик) — русская единица измерения объема жидкости. Использовалась

для измерения количества вино-водочных напитков. 1 косушка = 1/40 ведра = ¼ кружки = ¼ штофа = ½ полуштофа = ½ водочной бутылки. Штоф, согласно все той же Википедии,— единица измерения объема жидкости. Использовалась, как правило, при измерении количества вино-водочных напитков. 1 штоф = 1/10 ведра = 10 чаркам = 1,2299 литра. Если брать во внимание бутылку объемом 0,5 литров, то в общей сложности получается, что Василий Шабунин выпил приблизительно 1 литр 150 граммов водки.

После происшествия, как теперь уже известно, капитан Ясевич на имя командира полка подал два рапорта — один о случившемся, а другой о своей болезни. Командир полка полковник Юноша прекрасно понимал, что этим чрезвычайным происшествием на полк ложится пятно позора, но преступление невозможно было скрыть, потому что солдат ударил офицера «при четырех свидетелях: фельдфебеле Бобылеве, рядовом Степане Мясине и двух хозяйках дома, где помещалась ротная канцелярия, Палагее и Анне Шептатовых»[10].

Как видно из судебно-следственного дела, преступление произошло «во время расположения роты на станции Ясенки». Означает ли это, что Шабунин ударил Ясевича именно на станции Ясенки? Конечно же, нет. Здесь суд, видимо, учитывал диспозицию полкового приказа, обязывающего батальон прибыть на станцию Ясенки и, готовя судебные документы, исходил из этого приказа, особенно не вдаваясь в подробности, в какой именно деревне в это время была расквартирована 2-я рота батальона. К слову, название железнодорожной станции Ясенки в дальнейшем и произошло от названия станции почтовой, находящейся напротив нынешней железнодорожной станции Щекино. В свое время я, исследуя в ГАТО полицейские и судебные фонды, изучил прошение в суд, поданное телеграфистом станции Ясенки Пальцевым: «Сего 14 августа в 8 часов утра, проходя через шоссейную дорогу близ станции Ясенки на почту, был встречен крестьянином Иваном Есиповым, который без всякой причины обрушился на меня потоком бранных слов при свидетелях, водолива станции Ясенки Михаила Ерощева и сторожа той же станции Степана Чубукина, живущих, как и Есипов, при вышеуказанной станции. На предложение мое Есипову быть вежливым, каковой уже позволил себе выражаться площадной бранью. Считаю себя оскорбленным, и имею честь покорнейше просить суд разобрать это дело и привлечь виновного к ответственности. Августа 14 дня 1899 года Николай Николаевич Пальцев, телеграфист станции Ясенки, живущий в станционном здании станции Ясенки Московско-Курской железной дороги». Видимо, под шоссейной дорогой здесь подразумевалась дорога, идущая на Крапивну, ныне это улица Болдина. В те времена, как правило, на почтовых станциях отдыхали курьеры, ямщики меняли лошадей, а потому люди привыкли к такому названию как Ясенки, и давать введенной в строй железнодорожной станции иное название, чем Ясенки, было бы абсурдно.

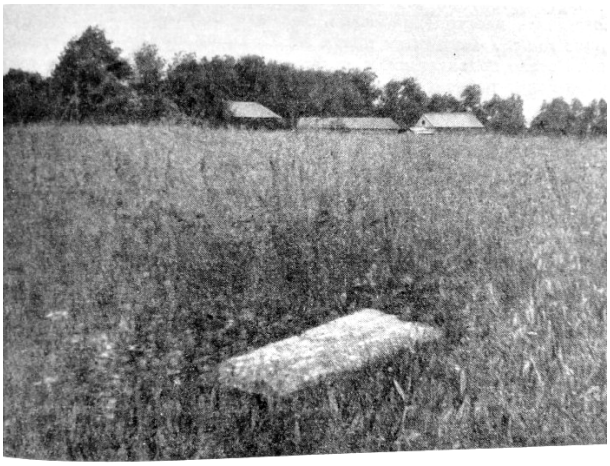
«Помню, что, приехав в деревню Озерки, где содержался подсудимый (не помню хорошенько, было ли это в особом помещении, или в том самом, в котором и совершился поступок), и войдя в кирпичную низкую избу, я был встречен маленьким скуластым, скорее толстым, чем худым, что очень редко в солдате, человеком с самым простым, не переменяющимся выражением лица»[11]. Я специально акцентирую внимание на том моменте, что преступление Шабуниным было совершено в деревне Озерки, а не в Новой Колпне, как об этом написал в своих воспоминаниях секретарь Льва Толстого Н. Н. Гусев. «6 июня в 65-м Московском пехотном полку, расположенном неподалеку от Ясной Поляны в деревне Новая Колпна, ротный писарь Василий Шабунин ударил по лицу своего ротного командира капитана Яцевича»[12]. Думаю, что граф Лев Толстой, исколесивший окрестности Ясной Поляны и побывавший фактически во всех близлежащих к Ясной Поляне деревнях, вряд ли перепутал бы название деревень. А потому я склонен более верить его воспоминаниям. Не буду описывать само преступление, о нем все давно известно до мельчайших подробно-

стей, коснусь событий дальнейших. А в дальнейшем над Шабуниным состоялся суд. Существует мнение, что военно-полевой суд состоял из трех человек, председательствовал в суде сам командир полка полковник Петр Юноша, а членами суда были два полковых офицера — подпоручик Григорий Колокольцов и прапорщик Александр Стасюлевич. При этом Юноша и Колокольцов проголосовали за смертную казнь, а Стасюлевич против, но его голос был один против двух, и участь Василия Шабунина была решена. Но это мнение не совсем верное, и вот тому подтверждение: «Я очень рад, что вы мне доставили удовольствие воскресить в памяти то, что 23 года тому назад так сильно меня волновало… признаться, у меня многое из этих подробностей стушевалось в памяти, но теперь я все припоминаю до мельчайших подробностей… даже вижу, как разместились судьи за своим столом: в середине Юноша, далее Кирилов, Колокольцев и Стасюлевич… пятого не припомню… и прокурор был, кажется, Соколов»[13]. Оказывается, в суде заседали не трое судей, как принято считать, а пятеро. Но как проголосовали те двое — Кириллов и тот, чья личность не установлена,— к сожалению, неизвестно,; граф Толстой Овсянникову об этом не рассказал. Изучая списки офицеров полка, составленные штабс-капитаном Смирновым, я обратил внимание на одну из записей; в ней указано следующее: капитан барон Константин де Палемберг — асессор в комиссии военного суда при Московском комендантском управлении; окончил 2-й кадетский корпус[14]. По логике, офицер, имеющий такую должность, безусловно, и должен быть членом полкового суда, но это, опять же, только предположение. Существует еще одно ошибочное мнение, что Лев Николаевич, отправляя прошение своей двоюродной тетушке графине Александре Андреевне Толстой — фрейлине русского императорского двора,— забыл указать номер полка, где произошло преступление, поэтому военный министр Дмитрий Милютин не стал рассматривать его прошение. И это мнение — авторитетное, исходящее из воспоминаний самого графа Толстого. «Я рассчитывал, что наш закон, основанный на духе милосердия, сам решит это дело в пользу Шибунина (в тексте фамилия указана именно Шибунин Г. М.), но я ошибся. Приговор, как вы знаете, был суровый — смертная казнь… Тогда я принял другие меры; но, к сожалению, они опять-таки не помогли, и здесь уже было явное нежелание тогдашнего военного министра Милютина…»[15].

Как теперь выяснилось, это не так. Милютин рассмотрел прошение Толстого, даже отдал некоторые распоряжения по этому делу. Теперь тоже есть тому подтверждение, цитирую: «Нужное. Прошу доставить мне справку по делу об одном рядовом Московского или Бутырского пех. полков (не помню точно которого), ударившего по лицу своего ротного командира. Рядовой этот, в июне сего года, был предан суду по полевым законам. Приговор был представлен на конфирмацию Ген. Ад. Гильденштуббе. В чем состоит конфирмация его? Д. Милютин. 25 июля»[16]. Конфирмация — это утверждение приговора. Но военный министр Милютин, ознакомившись с делом, видимо, не стал вмешиваться в решение военно-полевого суда. Здесь он, может быть, уже не мог повлиять на ситуацию, так как дело было на контроле у царя; ведь не просто так на последней странице судебно-следственного дела № 101 имеется запись, сделанная Милютиным: «Доложено Его Величеству»[17].

«Казнь Шабунина была назначена на утро 9 августа. Место казни было определено вблизи деревни Новая Колпна, в 22 верстах от Тулы. К назначенному времени был выведен в полном составе весь первый батальон, а из других батальонов — сводные команды, составленные преимущественно из штрафованных солдат. Шабунин в сопровождении священника, одетого в черную ризу, под конвоем был проведен мимо всего строя и остановлен в середине для выслушивания приговора. Он был совершенно спокоен и шел твердым шагом. При начале чтения приговора он несколько раз перекрестился; выслушав приговор, спокойно приложился к кресту. Ему связали руки, завязали глаза, надели саван, подвели под руки и привязали к черному столбу,

сзади которого была вырыта глубока яма. Раздался бой барабанов. Заранее назначенные 12 стрелков подошли на 15 шагов и сделали залп. Две пули попали в голову и четыре в сердце. Доктор констатировал мгновенную смерть. Некоторые женщины безутешно рыдали, другие падали в обморок. Веревки быстро обрубили и еще теплый труп столкнули в яму, которую тут же засыпали землей. Через десять минут убрали столб. Войска, перестроившиеся к церемониальному маршу, по отвратительному ритуалу того времени, с музыкой прошли мимо ямы и были распущены по квартирам»[18].



Могила солдата Шабунина близ деревни Ясенки.
С фотографии.

Бытует мнение, что Шабунина перезахоронили в ограде братской могилы на улице Льва Толстого в Щекино. По крайней мере, так указано в свободной электронной энциклопедии «Вики Щекино». Не в обиду будет сказано авторам и составителям этой энциклопедии, в ней в сведениях о Шабунине указано много неточностей: искажена его фамилия, написано выдуманное отчество (Николаевич), которое не указано нигде, даже в его судебно-следственном деле, неверно указан его возраст и, естественно, якобы, имевший место факт перезахоронения. Видимо, это мнение с перезахоронением сложилось из-за имеющейся фотографии могильного холмика с надписью: «Могила солдата Шабунина близ деревни Ясенки». Все правильно написано под фотографией. Место казни и захоронения Шабунина находится примерно на одинаковом расстоянии между бывшими деревнями Новая Колпна и Ясенки, теперь это соответственно улицы Советская и часть улицы Болдина города Щекино. Вряд ли истлевший за почти столетие прах Шабунина в советское время подвергли процедуре перезахоронения. Без всяких сомнений он был расстрелян и погребен на том самом месте, где находится и всегда находилась его могила. Еще один интересный факт: из двенадцати стрелявших в Шабунина солдат попали шестеро, остальные шестеро либо промахнулись, либо специально выстрелили мимо него. Это наводит на определенные размышления: либо у солдат была плохая воинская подготовка, либо они специально выстрелили мимо. Я склоняюсь ко второй версии, потому что с 15-и шагов не попасть в ростовую фигуру человека, к тому же стоящего неподвижно, просто невозможно. А если солдаты специально выстрелили мимо, то это ни что иное, как негласный вызов и сопротивление. Сопротивление приказам командиров и вызов существующей власти в виде суда, пусть и военно-полевого. Значит, солдаты уже морально были готовы повернуть оружие не только против своих командиров, но и против существующего государственного строя. Как жаль, что мы никогда и ни из каких архивов не узнаем фамилии тех шестерых, которые каждый в отдельности не захотели стать палачами.

Однако казнь Шабунина в моральном плане повлияла не только на выстреливших мимо солдат, но и на самого графа Толстого. «Случай этот имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неуспехи в литературе, даже потери близких людей», — впоследствии скажет он своему биографу Павлу Бирюкову.

В октябре 1866 года работы по строительству железной дороги были прекращены

из-за наступившей непогоды и начавшейся распутицы. Первым снялся 1-й батальон и отконвоировал часть арестованных в Тулу. «19 октября 1866 года возвратился со станции Ясенки 3-й батальон и полковой штаб прямо в г. Венев; 2-й батальон оставался при арестантах, помещавшихся в бараке № 4 еще некоторое время и только в ноябре месяце возвратился в свои зимние квартиры. Трудная конвойная служба этого года была причиною того, что из полка бежало 52 человека нижних чинов»[19]. В 1870 году 65 пехотный Московский полк ушел к новому месту постоянной дислокации в город Калугу, навсегда покинув Тульскую губернию.

Вот теперь мы и подошли к тому моменту, о чем я и хотел рассказать в этой статье,— о дальнейшей судьбе участников этой драмы. А судьба их непроста и во многом трагична. Начну с голосовавшего против смертной казни Шабунина Александра Стасюлевича.

Лев Толстой с Александром Стасюлевичем был знаком еще до этого трагического случая. Они встретились во время Кавказской войны. Их встрече предшествовало знакомство Льва Николаевича с его старшим братом — Матвеем Матвеевичем Стасюлевичем, петербуржцем и дворянином, главным редактором журнала «Вестник Европы». Александр Матвеевич Стасюлевич отчасти послужил прообразом главного героя рассказа Льва Толстого «Разжалованный». И когда летом 1866 года к графу в Ясную Поляну приехал Стасюлевич просить его выступить на суде защитником солдата Шабунина, Толстой узнал его и согласился. Кстати, вместе со Стасюлевичем к Толстому приезжал Григорий Колокольцов; затем Колокольцов вместе с Толстым ездил в Озерки к арестованному Шабунину. Почему же он на суде проголосовал за расстрел Шабунина, для меня остается загадкой. Видимо, по молодости находился под влиянием командира полка Юноши. А Стасюлевич имел свое мнение, он был в более зрелом возрасте и уже был «бит жизнью». «Стасулевичь — Александр Матвеевич Стасюлевич (р. ок. 1830, ум. 1867), брат редактора-издателя «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича, подпоручик Эриванского полка. 18 августа 1852 г. «за неодобрительное поведение и разные противозаконные поступки по отправлению должности караульного офицера разжалован в рядовые с лишением дворянства»[20]. Юноша и Стасюлевич вместе учились в кадетском корпусе, и после осуждения и разжалования Стасюлевича из поручиков в рядовые — в его дежурство из тюрьмы в Тифлисе (Тбилиси) совершили побег опасные преступники — полковник Юноша взял его к себе в полк рядовым. Со временем вновь присвоил ему первоначальное офицерское звание — прапорщик, а на момент 1867 года он находился в чине поручика. В том 1867 году Стасюлевича не стало. Вот как описывает его гибель штабс-капитан Смирнов. «Из более выдающихся событий этого года — это насильственная смерть подпоручика Стасюлевича, утопившегося 22 августа в р. Веневке, по случаю болезни полнокровия мозга и легких»[21].

Кстати, штабс-капитан Смирнов в своей исторической работе постоянно отражал случаи происшествий, правонарушений и преступлений, произошедших в полку за тот или иной определенный период времени. Удивительно, почему же он не отразил случай нанесения физического оскорбления капитану Ясевичу Шабуниным?! Для меня это тоже загадка.

Проголосовавший за смертную казнь подпоручик Григорий Аполлонович Колокольцов родился в 1845 году в селе Трубетчино Пензенской губернии в дворянской семье. Его отец Аполлон Григорьевич Колокольцов и мать Мария Николаевна Колокольцова (Желтухина). В семье кроме Григория было еще четверо детей: Николай, Владимир, Елизавета и Надежда. Григорий Аполлонович окончил 2-й Московский кадетский корпус, его товарищем по кадетскому корпусу был Александр Андреевич Берс, родной брат Софьи Андреевны Толстой (Берс), жены Льва Николаевича Толстого. В 1875 году Григорий с должности полкового казначея 1-ого гусарского Его Величества наследника принца Датского полка и в чине штабс-ротмистра вышел в

отставку. После отставки какое-то время жил в Москве, навещал Толстых в Ясной поляне, а в 1880 году уехал в Пензенскую губернию, где жил в родительском имении. Григорий женился на дочери помещика Козловского уезда Тамбовской губернии Ивана Александровича Сабурова Татьяне. У них было четверо детей: Мария, Ольга, Аполлон и Вера.

В 1916 году Татьяна Ивановна умерла, а в 1918 году не стало сына Аполлона и самого Григория Аполлоновича. Одна из его дочерей, Вера, в Гражданскую войну служила сестрой милосердия в рядах Красной армии. Она вышла замуж за комиссара санчасти дивизии Красной армии К. А. Шпермана, а в 1934 году вторично вышла замуж за С.В. Писаненко. Старшая дочь Мария Григорьевна дожила до 1973 года и умерла в возрасте 80 лет[22].

Ротный командир капитан Болеслав Устинович Ясевич после того трагического случая службу продолжил. В соответствии со списком офицеров полка, составленным штабс-капитаном Смирновым, в 1868 году капитан Болеслав Ясевич состоял в должности командира 7 роты. Нужно отметить, что опозоренный солдатской «пощечиной», он по службе, несмотря на окончание Академии, выше должности ротного командира так больше и не поднялся. В 1876 году 65 пехотный Московский полк готовился к военному походу; вот как об этом рассказывает штабс-капитан Смирнов: «2 ноября телеграмма начальника дивизионного штаба возвестила о мобилизации полка. Немедленно началась усиленная и спешная работа по всему полку по приведению его на военное положение. Уже 3 ноября кадры запасного батальона в составе капитана Астафьева, шт.капитанов: Прозорова и Тихоновского, поручика Януша и подпоручика Васильева с нижними чинами были отправлены к своему месту формирования в г. Ряжск. <…>. 7 ноября стали прибывать партии запасных нижних чинов на укомплектование полка, и до 10 числа прибыло 4 партии, численностью 1448 человек. В это же время получено было предписание — полку 15 ноября выступить из Калуги по железной дороге на станцию Полонная (Волынской губернии) для присоединения к армии, назначенной действовать за Дунаем»[23]. Каждому военному выступлению всегда сопутствует прохождение медицинской комиссии. Военные медики и выявили у капитана Ясевича серьезные проблемы со здоровьем. Обратимся к работе С. А. Экштута. «Конец Ясевича был жалок и страшен. Он год провел в военном госпитале, страдая от душевной болезни. "При поступлении в госпиталь 3 ноября 1876 года у него замечались следующие явления: взгляд был блуждающий, на вопросы отвечал сбивчиво, причем, замечено было ослабление памяти; движения были вялы и медленны, ко всему относился апатично. ...Все вышеозначенные явления указывают на существование у г. Ясевича душевной болезни, в форме слабоумия. Болезнь продолжается около двух лет, причина ее сифилис и хронический катар кишок. По своему состоянию и характеру болезнь неизлечима". В марте 1878 г. его уволили от службы с производством в чин майора и назначили пенсион в размере 210 рублей в год. Получалось менее 58 копеек в день. Это была не бедность. Это была нищета. Детей у отставного майора не было, жена, дочь отставного штабс-ротмистра, как и сам Ясевич, не имела никакого имущества. Свои дни они закончили в Рязанской губернии. Дата их смерти и место погребения неизвестны»[24]. Вот так закончил свою службу и свой жизненный путь грамотный и некогда перспективный офицер. Ну, и у нас остается последний самый важный участник той драмы — это командир полка полковник Петр Алексеевич Юноша. Его важность, на мой взгляд, состояла в том, что он, имея власть большого воинского начальника, мог повернуть ход судебного процесса в противоположную сторону и спасти рядового Шабунина; например, направить его на принудительное лечение или отправить на каторгу и тем самым сохранить ему жизнь. Но не повернул, не отправил, не сохранил.

Петр Алексеевич Юноша происходил из потомственных дворян Уфимской губернии. Он родился в офицерской семье, и его жизненный путь был определен

изначально. Воспитанник 2-го Санкт-Петербургского кадетского корпуса, он всю свою жизнь посвятил военной службе. Прошел воинский путь от кадета до генерал-майора. «В 1873 году, в конце мая, полк выступил в лагерь под Москву. Здесь высочайшим приказом 4 июня полковник Юноша был назначен Оренбургским губернским воинским начальником, и был вскоре произведен в генерал-майоры»[25]. «Умный, сдержанный полковник Юноша в течение всего времени командования полком в весьма трудные годы его службы успел настолько заслужить расположение всех чинов и званий, что все в нем, как говорится, души не чаяли: никого никогда не оскорбил он резким словом или возгласом, всегда и всюду являлся действительным отцом своих подчиненных, а в то же время на службе он всегда был тверд и настойчив»[26].

В Оренбурге Петр Алексеевич женился. Его жену звали Вера Ивановна. В 1876 году у них родился сын, названный в честь деда — Юрием. В должности губернского воинского начальника генерал-майор Петр Алексеевич Юноша прослужил шесть лет. В 1879 году его не стало. Вере Ивановне в ту пору было 25 лет. Несмотря на молодой возраст, замуж она больше не вышла, сына поднимала одна. Юрий Алексеевич, как и отец, стал военным. Он окончил Симбирский кадетский корпус, затем Михайловское высшее артиллерийское училище. После окончания училища Алексей Петрович женился. Его жена Евгения Ивановна не дворянского происхождения. От совместного брака у них родились дети — дочь Наталья и в 1909 году сын Юрий. Алексей Петрович до революции служил в артиллерийских частях, в городах Рязани, Нижнем Новгороде и Самаре. Участвовал в Японской, Первой мировой и Гражданской войнах. Трижды был ранен и четыре раза за храбрость награждался орденами, Георгиевский кавалер. В 1916 году в бою в окрестностях польского городка Дукла полковник Петр Юноша был ранен в голову и в бессознательном состоянии взят в плен. Из плена он вернулся только после революции в 1918 году, жил в своей квартире в Петрограде. В том же 1918 году добровольцем поступил на службу в отдел снабжения тяжелой артиллерии Главного артиллерийского управления Красной армии. Он — автор семи книг и большого числа статей по вопросам артиллерийской стрельбы. Изобретатель двух приборов для пристрелки орудий. С сентября 1926 года начал преподавательскую деятельность. Преподавал военные дисциплины в Ленинградском политехническом институте, Военно-морской академии, Ленинградском электромеханическом институте и Институте инженеров промышленного строительства. В 1934 году назначен начальником военно-учетной части Ленинградского индустриального института. 26 июня 1937 года уволен из института и в декабре того же 1937 года арестован по обвинению в контрреволюционной агитации среди студентов и в шпионской деятельности в пользу Германии. «17 января 1938 года внесудебно приговорен комиссией НКВД и Прокуратуры СССР по статьям 58-6-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 25 января 1938 года в Ленинграде. Реабилитирован посмертно решением Военного трибунала Ленинградского военного округа в 1965 году»[27].

После ареста и расстрела Алексея Петровича, его мама Вера Ивановна — жена бывшего командира 65 пехотного Московского полка Петра Алексеевича Юноши — стала жить со снохой Евгенией Ивановной, внучкой Натальей Предтеченской и правнучками Ириной, Еленой и Татьяной. Вскоре беда настигла и сноху. Евгения Ивановна, как жена врага народа, была подвергнута административной ссылке в город

Устюжна Вологодской области. В 1939 году ей было разрешено вернуться в Ленинград. Во время Великой Отечественной войны на ленинградцев выпало трудное бремя. Не обошло оно стороной и потомков Петра Алексеевича Юноши. Вот как рассказывает о том трагическом времени его правнучка, жительница Санкт-Петербурга Ирина Георгиевна Лицкевич, пережившая блокаду Ленинграда и голод, цитирую: «Во время Отечественной войны трудная судьба выпала на долю дедушкиной мамы Веры Ивановны Юноша, дедушкиной жены, их детей Натальи и Юрия, внучек Ирины, Елены и родившейся в марте 1939 г. Татьяны. Дядя Юра был эвакуирован с заводом «Светлана», а нам досталась первая, самая трудная, блокадная зима. Первой погибла от голода, холода и болезней прабабушка Вера в январе 1942 г., а второй — бабушка Женя, в феврале того же года. Прабабушку Веру мама отвезла на санках, завернутую в простыню, на Серафимовское кладбище в общую могилу. Был сильный мороз, а народу умирало очень много, всех складывали, не записывая и не зарывая, просто забрасывали снегом. И только весной всех похоронили, конечно, без всяких обрядов и свечей, поставив общий памятник. Бабушку Женю мама отвезла тоже на санках на Богословское кладбище и похоронила в отдельной могиле. Оставшаяся часть нашей семьи была принудительно отправлена в августе 1942 г. в Башкирию. Мы вернулись из эвакуации к началу учебного года в конце августа 1944 года»[28].

Когда Лев Николаевич Толстой во время суда над Шабуниным понял, что не сможет спасти его, он заплакал. И эти его слезы были не результатом своего судебного поражения, а причиной того, что он прекрасно понимал, что Шабунин был душевно болен, а судить, и тем более казнить душевно больного человека, — это не только не по-закону, но и не по-христиански. Понимал ли это полковник Юноша? Возможно, что понимал, он же был не глупым человеком. А если это так, то он находился в еще более худшем положении, чем граф Толстой. Не наказать преступника — это равносильно отдать на поругание своего подчиненного капитана, фактически дать ему еще одну пощечину. Наказать, а тем более казнить больного человека — это значит взять на себя большой грех. Но он, как мы уже знаем, для своих подчиненных был не только командиром, но и отцом родным. А потому он взял на себя этот грех, а за грехи родителей часто отвечают их дети. Спустя много лет его сын Алексей Петрович Юноша при расстреле испытает те же самые муки, что и Василий Шабунин. Случайность это или все же — Судьба отомстила? На этот вопрос ответ не требуется, пусть каждый останется при своем мнении. Вот, пожалуй, и все о чем мне хотелось рассказать нашим читателям, после того, как 65 пехотный Московский полк ступил за порог Крапивенского уезда Тульской губернии.

P.S. «Наступило 17 сентября. (Речь идет о 1866 годе. Г.М.) Настроение у всех и у меня было праздничное. Все мы нарядные, в легких белых платьях с цветными лентами. Обеденный стол украшен цветами, и новая терраса залита солнцем. Помню, как шумно и весело в 5 часов вечера садились

мы за стол. И вдруг из аллеи сада послышался оркестр. Он заиграл увертюру из оперы «Фенеллы», которую так любила Соня. Все мы, кроме Сони, знали, что Лев Николаевич просил полковника Юношу прислать оркестр, но должны были хранить это в тайне. <…> После обеда приехал кое-кто из офицеров и Стасюлевич, и затеяли танцы. Танцевали все, начиная с полковника Юноши, Льва Николаевича и Дьякова. Обе тетеньки и бедная Долли были зрителями. Все это происходило на террасе. Стасюлевич по принуждению танцевал кадриль. Красота и теплота ночи были поразительные. Мы все спускались по декоративной лестнице вниз, в аллею сада. Был ущерб луны, и она взошла лишь к 11 часам. После танцев музыкантов угостили ужином с пивом, и в первом часу ночи, заиграв марш, выступили они с офицерами в Ясенки. Все это было торжественно и красиво, как и сама полусветлая ночь, с блестящими осенними звездами»[29]. 17 сентября — сороковой день со дня казни Василия Шабунина. В то время, как его душа, после мытарств, окончательно уходила в иные миры, все участники драмы в Озерках, позабыв о судебных разногласиях, веселились и танцевали под музыку полкового оркестра.

А 65 пехотный Московский полк еще полвека будет защищать интересы Империи. Его солдаты и офицеры проявят мужество и героизм в войнах с Турцией, Японией, Первой мировой и Гражданской войнах. А в 1918 году 17 пехотная дивизия, в составе которой находился 65 пехотный Московский полк, будет расформирована за ненадобностью. Впрочем, это уже совершенно другая история.

1. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка», стр. 479—480.

2. Там же, стр. 480—481.

3. Н. Н. Гусев. «История одного поражения. Лев Толстой и казнь рядового солдата Василия Шабунина. Эпизод 1866 г.», М, 1957 г.

4. РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 12. Д. 5420. Л. 17. С. А. Экштут «Казнь рядового Шабунина. Почему деятели культуры — от Льва Толстого до сегодняшних режиссеров — сделали из пьяного преступника жертву режима», журнал «Родина» 01.03.20 г. (электронная версия).

5. С. А. Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1марта 2020 г., электронная версия. РГВИА, Ф. 801, оп. 92/37, д. 101. Св. 1549, 1866 г. стр. 12.

6. Там же.

7. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого», издание «Посредника», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 17.

8. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого», издание «Посредника», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 8.

9. С. А Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия; РГВИА Ф. 801. Главное военно-судное управление. Оп. 92/37. Д. 101. Св. 1549. 1866 г., стр. 14.

10. Там же.

11. П. И Бирюков. «Лев Николаевич Толстой. Биография», изд. «Посредник», М. 1908, том 2, стр. 94.

12. Н. Н. Гусев. «История одного поражения. Лев Толстой и казнь рядового солдата Василия Шабунина. Эпизод 1866 г.». М, 1957 г.

13. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л.Н. Толстого», издание «Посредника», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 2.

14. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка»; «Список штаб и обер-офицеров полка к 06.05.1868 г», Приложение № 25.

15. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого», издание «Посредник», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 2.

16. С. А Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия; РГВИА Ф. 801. Главное военно-судное управление. Оп. 92/37. Д. 101. Св. 1549. 1866 г., стр. 9.

17. С. А Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия; РГВИА Ф. 801. Главное военно-судное управление. Оп. 92/37. Д. 101. Св. 1549. 1866 г., стр. 16.

18. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого», издание «Посредник», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 71.

19. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка»; «Дела полкового архива», Примечание. Глава XLVII, п. 6.

20. П. О. Бобровский. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет (1642—1892), СПб. 1892—1897, т. VI, стр. 354.

21. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка». Стр. 482.

22. Сведения почерпнуты из открытых источников интернета.

23. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка». Стр. 490—491.

24. С. А. Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия. РГВИА, Ф. 400, оп. 12, д. 5420, стр. 3, 11.

25. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка». Стр. 486.

26. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка». Стр. 485.

27. Материал почерпнут из свободной электронной энциклопедии «Википедия».

28. Воспоминание И. Г. Лицкевич, г. Санкт-Петербург. Сведения почерпнуты из открытых источников интернета.

29. Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Ч. III. Гл. XVIII. Тула. 1964. Стр. 412.

На фото:
Нижние чины с нагрудными знаками 65 пехотного Московского полка;
Обложка судебно-следственного дела рядового Шабунина;
Могила солдата Шабунина;
Алексей Петрович Юноша;
Могила солдата Шабунина в наши дни.

Фотографии взяты из открытых источников интернета.

Валентин Огнев
(г. Щекино)

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА ШИПОВО И ДЕРЕВНИ КРОПОТОВО

Неизвестные факты о лермонтовских местах

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Село Шипово, деревня Кропотово Становлянского района Липецкой области до 1928 года входили в состав Ефремовского уезда (района) Тульской губернии. Эти места представляют большой интерес для всех лермонтоведов. Именно в деревне Кропотово жили дед великого поэта Петр Юрьевич Лермонтов, его отец Юрий Петрович Лермонтов. В селе, в здании храма, родственники поэта совершали церковные таинства. В деревню приезжал к отцу и Михаил Юрьевич. После смерти отца Михаил Юрьевич был законным владельцем части усадьбы в Кропотово, которую продал одной из сестер отца. В последующие годы имение поменяло несколько землевладельцев. Перед Октябрьской революцией 1917 года главой усадьбы была Кочалова-Алитовская. Во время событий 1917—1918 годов имение не постигла участь разрушения, как многих усадеб помещиков. Но, как и все владения землевладельцев, оно было экспроприировано. Дальнейшее использование построек, имущества и земельных угодий регулировалось исполнительной властью. Большинство этих фактов для лермонтоведов и исследователей известно. Но архивы хранят и неизвестные еще факты. Об одном из них — о детских домах в селе Шипово и деревне Кропотово и расскажем.

Сироты, безнадзорные и беспризорные всегда есть в любом обществе. И в царской России они были. То, что случилось после революции, Первой мировой и Гражданской войн 1917—1922 годов, по масштабам сложно даже представить. Детская безнадзорность и преступность приобрела характер эпидемии. В полном хаосе общественной жизни силы и средства на решение этой проблемы были найдены. Новым правительством было издано множество декретов и постановлений, активно подключился ЧК.

Первоначально система борьбы с беспризорностью была простой: ребенка забирали с улицы, передавали в приемный пункт, а оттуда — в детский дом.

В городе Ефремове и уезде также создалась сложная обстановка с беспризорностью. Приемные пункты и детские дома организовывали, как в городе, так и в населенных пунктах уезда, которые быстро заполнились. Положение детей в них сложилось плачевное. Особенно тяжелое положение было в приемниках-распределителях.

Проблема детской беспризорности обострилась с особой силой в 1921 году, когда на Россию обрушилась губительная засуха, пришел небывалый для государства голод. Выяснилось, что прокормить детей государство не в состоянии, не в состоянии было содержать большое количество детских учреждений. Детей возвращали установленным родителям, родственникам. Сирот передавали в семьи крестьян и кустарей. Чтобы заинтересовать их, им предоставляли дополнительный земельный надел

на каждого ребенка, освобождали от единого земельного налога на 3 года, ребенок получал право бесплатного обучения, семьи получали единовременное пособие. Происходило сокращение детских домов.

Под сокращение попали и детские учреждения в городе Ефремове и в уезде. В декабре 1921 года происходит ликвидация детского распределителя, приемно-наблюдательного пункта и 6 детских домов, которые имели статус Детских Коммун. Попала под ликвидацию и Детская Коммуна № 1, расположенная при деревне Кропотово Шиповской волости Ефремовского уезда. Для этого детского дома были отданы постройки, ранее принадлежавшие Лермонтовым. Персонал и воспитанники Детской Коммуны также использовали инвентарь и земли имения бывших владельцев. Для Коммуны было выделено 3 десятины земли, которую воспитанники обрабатывали собственными силами. Проживали они в деревянном доме. В постройки были завезены только часть железных и деревянных кроватей и различная посуда. В детском доме находилось 52 воспитанника: 35 девочек и 17 мальчиков. Возрастной состав был различен: от 8 до 12 лет — 23 воспитанника, от 12 до 15 лет — 20, от 15 до 17 лет — 9. Персонал Детской Коммуны состоял из педагогических и технических работников: 5 педагогов, завхоза, сторожа, дворника, кухарки, 2 прачек.

Как уже ранее отмечалось, положение детей в детских домах было плачевное. Не был исключением и детский дом при деревне Кропотово. О нормах обеспечения воспитанников учреждения бельем, одеждой, обувью нельзя было говорить, что они соблюдались. Приведу отдельные цифры. Из постельного белья не хватало 36 одеял, 96 простыней, 136 наволочек, а также 100 полотенцев. Для воспитанников детского дома не имелось 17 головных уборов, 44 пальто, обуви 42 пары. Далее перечислим дефицит белья из одежды в трех комплектах и будет окончательно понятно, в каких условиях проживали дети. По нормам обеспечения не хватало: рубашек для девочек — 80, панталонов — 65, платьев — 65, рубашек для мальчиков — 33, штанов и кальсон по 30, чулок — 86 и других принадлежностей. Топливо для детского дома не поставлялось.

При закрытии детского дома в д. Кропотово составлялась «Опись инвентаря и построек Детской Коммуны № 1 при дер. Кропотово Шиповской вол. на 1 января 1922 года». Всего указано 146 наименований предметов.

В первом разделе описи указаны постройки: дом деревянный, занимаемый коммуной, два флигеля кирпичных без ремонта, два флигеля деревянных без ремонта, скотный двор в заброшенном виде, стены, каретный сарай, старая рига, амбар сушилка, выход для хранения продуктов, ледник (подвал), конюшня каменная, щепной двор, слесарная мастерская и баня.

Во втором разделе описи — имущество, находящееся в слесарной мастерской, указано 20 наименований с количеством 23 предметов.

В третьем разделе описи — имущество, находящееся в амбарах, показано в 8-ми позициях 52 предмета.

В четвертом разделе описи — имущество, находящееся в каретном сарае, указано 9 наименований с количеством 14 предметов.

В пятом разделе описи — имущество, находящееся на щепном дворе, указано 20 наименований с количеством 40 предметов.

В шестом разделе описи — кухня и хозяйственные принадлежности, указано 12 наименований с количеством 30 предметов.

В седьмом разделе описи — посуда, указано 18 наименований с количеством 273 предметов.

В восьмом разделе описи — сбруя, указано 9 наименований с количеством 15 предметов.

В девятом разделе описи — имущество, находящееся в коммуне, указано 35 наименований с количеством 131 предмета: стол дубовый, швейная машинка, стол мас-

сивный, гардероб, буфет, два кресла кожаных, 10 лавок деревянных и 2 дивана, зеркало большое, книжный шкаф, часы, 19 кроватей железных, 32 кровати деревянных, стол складной, 2 картины в рамах, 2 картины без рам, стол ломберный, угольник, 2 полукруглых, рукомойник, сундуки - большой и малый, 5 стульев, табуретка, рояль, весы, 2 комода, несгораемый ящик, мраморный столик, 10 мешков, 6 замков, 3 насыпки железных, совок, 12 гирь к часам, брезент, 2 палицы, счеты маленькие.

В десятом разделе описи — живой инвентарь, указаны две лошади и теленок.

В одиннадцатом разделе описи указано сено и овсяная солома.

В этот же период времени функционировал детский дом и в селе Шипово Шиповской волости Ефремовского уезда. В Детской Коммуне № 2 было 30 воспитанников, все мальчики: 18 человек возрастом от 12 до 15 лет и 12 человек возрастом от 15 до 17 лет. Персонал детского дома состоял из 3-х педагогических и 3-х технических работников: завхоза, кухарки, прачки. В каком здании или зданиях села располагались воспитанники детского дома в исследуемых документах не указано. Но они могли располагаться и в нескольких частных домах. Это известно по детским домам в других селениях. Топливом учреждение не снабжалось. Для детского дома было выделено 16 десятин земли, из которых 9 десятин обрабатывались собственными силами.

Бедственное положение было и в описываемой Детской Коммуне. Не хватало для воспитанников детского дома 13 головных уборов, 22 пальто, 15 пар обуви. Отсутствовало и белье: 68 рубашек, 59 штанов, 22 нижние рубашки, по 73 штукам кальсон и чулок. Также был недостаток постельного белья: 2 одеяла, 42 простыни, 31 наволочки. Был и недостаток в 65 полотенцах. Эти цифры соответствуют трехкомплектной норме обеспечения.

При закрытии детского дома в селе Шипово также составлялась «Опись инвентаря и построек Детской Коммуны № 2 при с. Шипово Шиповской волости на 1 января 1922 года». В описи указано 38 наименований с количеством 310 предметов: садовый инвентарь, мебель, посуда и др. Но в документе не указаны постройки, причина не известна.

Из изученных архивных документов впервые выяснилось о существовании детского дома на базе бывшего имения Лермонтовых в д. Кропотово и впервые встречается опись построек и инвентаря имения после событий 1917 года, на 1 января 1922 года. Также впервые узнали о существовании детского дома в селе Шипово. Приведенные факты будут полезны для лермонтоведов и краеведов.

В публикации использованы материалы Государственного архива Тульской области.

Владимир Чисников
(г. Бровары Киевской обл., Украина)

«ЧТИТЬ ПАМЯТЬ ТОЛСТОГО НИКТО НЕ ЗАПРЕТИТ. СТЫДНО!» ИЛИ КАК КИЕВСКАЯ ПОЛИЦИЯ «ЧЕСТВОВАЛА» ПАМЯТЬ ПИСАТЕЛЯ

(К 110-летию памяти Л. Н. Толстого)

Доктор юридических наук (2018), полковник милиции в отставке, ныне главный научный сотрудник ГНИИ МВД Украины. Автор, соавтор, составитель и редактор более 900 публикаций и печатных изданий по историко-правовой проблематике, один из ведущих специалистов по истории профессионального сыска. Более сорока лет занимается исследованием темы «Лев Толстой под надзором тайной полиции». Печатался в журналах «В мире спецслужб» (Киев), «Новом журнале», «Неве» (СПб), «Законность», «Шпион», «Оперативник (сыщик)» (Москва), «Толстовский сборник», «Тульский краеведческий альманах»; «Приокские зори» (Тула) и др.

7(20) ноября 1910 года, в 6 часов 05 минут на захолустной станции Астапово, Рязано-Уральской железной дороги, в скромном домике начальника станции от воспаления легких скончался всемирно известный писатель и мыслитель, почетный член Киевского университета Св. Владимира Лев Николаевич Толстой.

Следует сказать, что к возможной смерти писателя Министерство внутренних дел и Департамент полиции, в частности, начали готовиться заранее. 5 ноября 1910 г. губернаторам была направлена телеграмма за подписью товарища министра внутренних дел и начальника Корпуса жандармов генерал-лейтенанта П. Г. Курлова, в которой предписывалось в случае смерти Толстого не оказывать противодействия служению панихид. В то же время за устроителями и присутствующими надлежало «учредить неослабное наблюдение и никоим образом не допускать никаких выступлений противоправительственного характера» [1, с. 194—195].

В тот же день киевский полицмейстер фон Ланг подписал секретный приказ, который предусматривал комплекс мероприятий, направленных на предупреждение могущих быть в городе демонстраций и беспорядков в случае смерти Л.Н. Толстого.

После получения известия о смерти Льва Толстого события в Киеве, согласно рапорта полицмейстера, развивались следующим образом:

«*...7-го н о я б р я:*

В 10 ½ час. утра на улицах разносчики газет начали продавать выпущенные телеграммы о смерти писателя графа Л. Н. Толстого, а в 11 ½ час. утра группы студентов и курсисток стали ходить взад и вперед по Владимирской улице, возле здания университета; в 3 ½ часа дня со стороны Владимирской и Караваевской улиц появились курсистки, числом до 200 душ и, идя по 2—3 вместе, направились к зданию высших женских курсов, но нарядом полиции в помещение курсов они допущены не были, а рассеяны в разные стороны» [Там же, л. 28].

На следующий день Совет университета Св. Владимира на своем экстренном совещании обсудил вопрос о чествовании памяти Л. Н. Толстого и единогласно принял решение: установить в актовом зале университета бюст писателя; учредить премию

его имени за лучшее сочинение по русской литературе и устроить публичное торжественное заседание в актовом зале университета [3, л. 8.].

«...8-го н о я б р я:

а/ По получении телеграммы о смерти графа Толстого, Совет профессоров университета св. Владимира, приступив к обсуждению программы чествования памяти Толстого, как бывшего почетного члена университета, отменил в этот день чтение лекций, почему все аудитории были закрыты и доступ студентов в университет был допущен только в нижний коридор. В здании университета, по просьбе учебного начальства, возле каждой аудитории и у университетской церкви были расставлены наряды войск и полиции для охраны от насильственного вторжения студентов. Студентов собралось в университетском коридоре до 2.000 человек и они обсуждали вопрос о чествовании памяти писателя, причем, одни решили избрать делегата к ректору университета для выяснения вопроса чествования, другие же предлагали решить это самостоятельно, а именно: пропеть "вечную память", спокойно разойтись и объявить трехдневную забастовку по случаю смерти Толстого. На этой почве между студентами тех и других направлений происходили прения. Затем начали петь "вечную память"; после того, в виду переполнения коридора, студенты начали уходить из университета. Когда уходили, то произносили оскорбительные выражения по адресу полиции и войск. Выходившие из университета студенты останавливались на крыльце университета и образовывали толпу, почему чинами полиции им было несколько раз предложено разойтись, но они этого не исполняли, объясняя, что не уйдут до тех пор, пока им не будет объявлена выработанная профессорами программа чествования. Помощник проректора, по распоряжению ректора университета, вышел к студентам и объяснил, что программа им не будет объявлена и чтобы они не ожидали и расходились.

После этого чинами полиции было категорически предложено студентам требование расходиться, и когда студенты в ответ начали петь "вечную память", то были рассеяны натиском пешего и конного наряда. Студенты направились в разные стороны, а некоторая их часть на Владимирскую улицу, где почти остановились на скрещении Владимирской и Фундуклеевской улиц, так как здесь в то время какому-то раненому из толпы /в руку/ врачом "скорой помощи" делалась перевязка и это обстоятельство привлекло внимание шедших от университета студентов. Для рассеяния все увеличивавшейся толпы в помощь наряду полиции была вызвана часть артиллеристов, дежуривших во дворе городской полиции. Толпа, теснимая войсками и полицией, стала отступать на тротуары и расходиться. Здесь были ушиблены /легко/ одна курсистка и три студента. В 3 часа дня на Фундуклеевекой улице, со стороны Владимирского собора, появилась новая толпа, преимущественно из студентов и курсисток. Нарядом толпа была задержана на Фундуклеевской улице, против Театральной. Задние ряды толпы, прижатые конными войсками и городовыми, выломали напором окна в некоторых магазинах на Фундуклеевской улице.

К 4 часам дня все были рассеяны и на улицах восстановлен порядок. Из толпы, по распоряжению охранного отделения, были арестованы на Владимирской улице: сын действ(ительного) ст(атского) сов(етника) Николай Александрович Р е й н б о т и акушерка Елизавета Яковлевна М и н д л и н, которые были задержаны при Старокиевском участке и затем освобождены: первый — в день ареста, а Миндлин — 9 ноября.

б/ В Политехническом институте с 9 часов утра стали собираться большими группами студенты-политехники и к 11 часам их собралось более тысячи человек, после чего в большой физической аудитории открылась, с разрешения директора, сходка, посвященная памяти Толстого. На сходке несколько раз пели "вечную память" и были вынесены резолюции; между прочих обсуждался вопрос об устройстве гражданской панихиды возле университета, но мнения расходились и к определенно-

му заключению не пришли. Сходка окончилась в 5 часов вечера и студенты разошлись из института, не нарушая порядка на улицах; никаких инцидентов и столкновений с полицией, охраняемой институт, не было.

в/ В Коммерческом институте с 10 часов утра пришедшие в институт студенты к обычным занятиям не приступили, а расхаживали по коридорам и аудиториям. Затем стали обсуждать вопрос о посылке от института делегатов в Ясную Поляну на похороны Л. Н. Толстого. Многие студенты, побывав в институте, уходили и возвращались обратно, так что с утра до 2 часов дня перебывало в институте до 700 человек. В 2 часа дня из дверей черного хода института стали выходить во двор студенты с обнаженными головами и пением "вечной памяти", группироваться недалеко от дворового ретирада, но нарядом полиции пение было прекращено и певшие удалены со двора.

г/ В помещении высших женских курсов, на Фундуклеевской улице, к 10 часам утра стали собираться курсистки; собравшись в числе до 400 душ, курсистки в 10½ часов пропели в коридорах "вечную память", а по выходе из здания — пели так же у ворот. Затем направились по Фундуклеевской улице, где на углу Владимирской, были рассеяны конно-артиллерийским разъездом и полицией.

д/ В 12 часов дня в помещении технических курсов Перминова собралось до 300 слушателей, которые устроили сходку и решили прекратить занятия во всех аудиториях в течение трех дней: 8, 9 и 10 ноября. После этого, не приступая к занятиям, слушатели разошлись спокойно» [2 л..58—59].

На следующий день, согласно того же рапорта киевского полицмейстера, события, связанные со смертью Льва Толстого, приобрели в Киеве «...более угрожающий характер общественному порядку и государственной безопасности».

«...9 -го ноября:

а/ Ввиду закрытия университета нарядом полиции доступ студентов на площадь перед зданием университета был прекращен с утра. К 11 часам утра студенты университета и других учебных заведений стали собираться на прилегающих к университету улицах, преимущественно на Владимирской, Фундуклеевской и других соседних улицах, а к 12 час. на площади перед зданием городского театра и выше по Владимирской улице, до Прорезной, было много учащейся молодежи, ходившей по тротуарам взад и вперед. Эта публика все время делала попытки сгруппироваться, но была каждый раз рассеиваема и разгоняема в разные стороны находившимися на улице конными разъездами казаков и городовых и нарядами полиции. В нескольких местах ходившая публика пыталась сгруппироваться и петь "вечную память", но не была к этому допускаема.

Такое положение продолжалось с утра до 3 часов по полудни, когда со стороны Политехнического института подошли студенты, бывшие в институте на разрешенной сходке, которые, смешавшись с толпой на тротуаре на Фундуклеевской улице, против городского театра, начали петь "вечную память". Полиция и казаки рассеивали собравшихся на тротуаре, но часть из них, состоявшая из студентов университета, политехников, коммерсантов и слушательниц высших женских курсов, упорно продолжала пение, почему все эти упорствующие, в числе 107 человек, были задержаны и отправлены в Старокиевский участок. Лица эти настолько упорствовали, что, будучи уже арестованными и следуя под конвоем в участок, они продолжали петь на улице "вечную память". В числе этих задержанных были и такие, которые при требовании чинов полиции прекратить пение и расходиться бросали камнями в чинов полиции, причем, нанесли удары околоточному надзирателю Москаленко и стражникам Филиппенко и Пушкаруку. Таким упорством они действовали на толпу, которая в нескольких местах после того пыталась запеть "вечную память". Кто именно бросал камнями в стражников, выяснить не представилось возможным, но только установлено, что в надзирателя Москаленко бросил камнем и

нанес ему удар студент Политехнического института Ивашин, который был задержан там же на месте.

б/ В Политехническом институте состоялась уже вторая сходка студентов, которых собралось более тысячи человек, при чем на сходке пели "вечную память", а в аудитории были вывешены белые и черные флаги, имевшие значение траура; обсуждался порядок чествования памяти Толстого. На сходке было решено выйти из института, толпой пройтись по улицам с пением "вечной памяти" и устроить в городе гражданскую панихиду, но присутствие усиленного наряда полиции и казаков помешало этому и около 2-х часов дня студенты стали разъезжаться в город в вагонах трамвая, а часть отправилась пешком. Большинство из них, как потом оказалось, направились к городскому театру, вследствие чего и явился инцидент, описанный выше в 3-м пункте лит. А.

в/ Коммерческий институт. Входы в институт и аудитории были закрыты и администрацией института вывешены объявления о закрытии института на 9 и 10 ноября. Для предупреждения беспорядков возле института был поставлен наряд полиции. После 3 часов дня с Фундуклеевской улицы к институту направлялись неоднократно студенты Политехнического и Коммерческого институтов с обнаженными головами и пением, но бывшим здесь нарядом полиции и казаками они были рассеяны и в институт не допущены, причем в этом месте бывший в наряде околоточный надзиратель Лыбедского участка Пономарский, будучи окружен толпою, вынужден был обнажить шашку, но никому ранений не причинил.

г/ В женском медицинском институте слушательницы института, в числе около тридцати, пытались пропеть "вечную память", но по первому требованию находившихся в наряде городовых немедленно и без протеста разошлись.

д/ В Южно-Русском машиностроительном заводе на работы явилось 517 человек. До полудня работа шла как всегда, а в 12 часов рабочие, отправляясь на обед, во дворе завода пели "вечную память", после чего в порядке разошлись по домам, а после обеда явилось на работу только 262 человека…

При рассеянии толпы на улицах в течение 9 ноября нарядами войска и полиции, пострадали следующие лица : в 12 час, 50 мин. дня против дома № 22 по Фундуклеевской улице, акушерка Гзель Гермин, 27 лет, живущая по Большой Житомирской улице, в доме № 27, была сбита с ног лошадью и получила ушибленную рану левой брови. Медицинская помочь ей оказана на месте "скорой помощью" .

В 3 ½ часа дня, возле городского театра, конный стражник Тарас Филиппенко, 30 лет, получил ушибы груди и двух пальцев левой руки.

В 3 часа 5 мин. дня против дома № 23 по Фундуклеевской улице казак I-го Уральского казачьего полка Николай Чертоголов упал с лошади и при падении получил перелом голени правой ноги. Чертоголов на извозчике был отправлен на станцию "скорой помощи", а оттуда — в военный госпиталь.

В 3 часа 35 мин. дня, против городского театра, студент Политехнического института Даниил Приволок, 20 лет, живущий на Львовской улице в доме № 31, ударом нагайки получил ушибленную рану головы.

В 41/2 часа против дома № 17 по Фундуклеевской улице крестьянин Михаил Маковский, 42 лет, /по виду — чернорабочий/ получил ссадину пальца правой ноги,— отдавила лошадь.

На углу Бибиковского бульвара и Владимирской улицы городовой конной стражи Арсений Горохольский, 27 лет, рассеивая толпу, упал с лошади на мостовую и получил вывих ступни правой ноги. Горохольскому оказана помощь фельдшером Старокиевского участка.

В остальных случаях пострадавшим было оказано пособие на станции "скорая помощь". Тяжело пострадавших, за исключением казака Чертоголова, как с той, так и с другой стороны, — не было [Там же, л.л. 59 —60 об., 62].

В 19 часов этого же дня под председательством Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова состоялось заседание комиссии, созданной с целью предотвращения беспорядков, возникших по случаю смерти Л. Н. Толстого. В состав комиссии вошли: 1) помощник командующего войсками киевского округа, генерал от инфантерии барон А. Е. Зальц, 2) и. д. Киевского губернатора А. Ф. Гиреч, 3) начальник штаба округа генерал-лейтенант М. В. Алексеев, 4) управляющий канцелярией генерал-губернатора Б.А. Булгаков, 5) начальник Киевского губернского жандармского управления генерал-майор К. Х. Леонтьев, 6) делопроизводитель 3-го отделения канцелярии генерал-губернатора П. И. Забутин, 7) его помощник по г. Киеву подполковник А. Л. Иванов, 8) прокурор Киевской судебной палаты, действительный статский советник Д. С. Кукуранов, 9) начальник Киевского охранного отделения подполковник Н. Н. Кулябко, 10) и.о. Киевского полицмейстера Бердичевский полицмейстер титулярный советник И. К. Машир.

После заслушивания докладов Машира, Кулябко и Гиреча комиссия единогласно постановила: 1) немедленно освободить арестованных, за исключением двух бросавших камнями, разъяснив им, что в случае повторного задержания они будут подвергнуты предусмотренному законом наказанию; 2) данное постановление сообщить директору Политехнического института и поручить ему взять со студентов-политехов обещание не принимать участия в каких-либо уличных беспорядках и 3) признать необходимым для прекращения беспорядков назначить следующие наряды: два эскадрона 2-й конно-горной артиллерийской дивизии в Бульварный и Лыбедской участки и четыре сотни казаков в резерв в казармы Уральского полка, четыре дежурные роты, распределенные на прежних местах, и пятая рота в доме против здания Политехнического института на Шулявке [Там же, л. 22—23 об.].

В тот же день начальником штаба Киевского военного округа Алексеевым был подписан приказ, согласно которому «для содействия полиции по прекращению беспорядков, ожидаемых 10 ноября», гражданским властям выделялись необходимые воинские части. При этом предписывалось «выдать на руки казакам и нижним чинам установленное количество боевых патронов», а при требовании рассеивания толпы они должны «действовать э н е р г и ч н о, предупреждая толпу сигналами на барабане, горне и трубе и рассеивая ее напором к о н е й, д в и г а я с ь р ы с ь ю» [1, с. 199].

В эти дни в условиях повышенной готовности работали сотрудники киевского охранного отделения. 9 ноября начальник киевской «охранки» подполковник Н. Н. Кулябко направил начальнику киевского отделения Киевского жандармского полицейского управления железных дорог совершенно секретное сообщение, в котором указывалось:

«*...От агентуры получены сведения, что среди железнодорожных служащих идут оживленные разговоры о Льве Николаевиче ТОЛСТОМ и высказывается желание, в случае смерти его, прекратить в этот день все работы. Особенно много трактуют об этом мастеровые: РАДЗИЕВСКИЙ, ДОНЦОВ, СЕМИТУЛЬНИКОВ, Николай МОРОЗОВ, ПИНЬХАТЬКО и Сергей СЕРДЮК*» [4, л. 3].

Однако опасения киевских властей о том, что 10 ноября станет днем еще большего неповиновения полиции и войскам со стороны бастующих студентов, не оправдалось. В рапорте киевского полицмейстера от 13 ноября сообщалось, что «толстовские дни» 10, 11 и 12 ноября прошли без особых противостояний студентов и полиции.

Заметим, что 10 ноября на имя киевского градоначальника поступила почтовая карточка, на которой печатными буквами было написано: «ЕСЛИ НЕ ПРЕКРАТИТЕ НАСИЛИЯ И ЕЗДУ КАЗАКОВ ПО ТРОТУАРАМ, ТО ЗАВТРА БУДЕТЕ УБИТЫ. ЧТИТЬ ПАМЯТЬ ТОЛСТОГО НИКТО НЕ ЗАПРЕТИТ. СТЫДНО! И.К. П.А. К.К.» [Там же, л. 27].

Министерство внутренних дел с удвоенной зоркостью следило за событиями, происходящими в Москве, Петербурге, Киеве и других крупных городах. 13 ноября

губернаторам и градоначальникам была направлена шифрованная депеша, в которой предписывалось «принять к неуклонному исполнению нижеследующие указания: 1) предупредить начальство учебных заведений о недопустимости разрешения всяких сходок; 2) всякие уличные демонстрации должны быть немедленно подавлены; 3) предупредить редакторов газет, что помещение статей, подстрекающих уличные демонстрации, недопустимы; 4) не разрешать до прекращения беспорядков никаких собраний, на которых «можно ожидать антиправительственных или возбуждающих к беспорядкам постановлений» [1, с. 199].

Следуя министерскому предписанию, киевский генерал-губернатор Ф. Ф. Трепов направил и.о. киевского губернатора А. Ф. Гиречу секретное письмо, в котором сообщал, что 13 ноября в Купеческом зале под председательством профессора Киевского университета Волкова должно состояться собрание, посвященное памяти выдающегося русского хирурга Н. И. Пирогова. Однако он опасается, что участники собрания, находясь под впечатлением последних событий, связанных со смертью Л. Н. Толстого, могут обратить этот форум в манифестацию, и поэтому просит распорядиться о том, «чтобы предположенное чествование памяти Н. И. Пирогова было отложено впредь до наступления в г. Киеве полного спокойствия». Получив письмо генерал-губернатора, Гиреч наложил на нем резолюцию: «Собрание надо перенести», что и было сделано. [2, л. 44 — об.].

Несмотря на то, что занятия в учебных заведениях г. Киева возобновились, киевская «охранка» продолжала оперативное отслеживание ситуации в студенческой и либерально настроенной профессорской среде. 17 ноября начальник Киевского охранного отделения подполковник Н. Н. Кулябко направил и.о. губернатору А. Ф. Гиречу совершенно секретное сообщение, в котором указывал, что, по имеющимся в отделении негласным сведениям, среди учащихся высших учебных заведений продолжается усиленная агитация о чествовании памяти графа Л. Н. Толстого. Одним из главных их решений является протест против смертной казни, который должен выразиться в форме устройства демонстрации. Эту демонстрацию предполагают устроить на девятый день смерти писателя. Для выработки общего плана действий из представителей высших учебных заведений создан «Коалиционный Совет», который был арестован в полном составе во время первого заседания. «Таким образом,— делал вывод руководитель киевской охранки,— намеченный Советом план демонстрации не мог быть своевременно известен учебным заведениям и таковые остались без главных своих руководителей, что вызвало среди них страшный переполох и растерянность».

В заключение Кулябко сообщал, что «в настоящее время, в виду постигшей неудачи в девятый день, решено перенести все активные выступления на 40-й день, приложив при этом все усилия, чтобы привлечь к демонстрации возможно большее число рабочих и киевской интеллигенции». [Там же, л. 32].

22 ноября главный киевский охранник Кулябко направил генерал-губернатору Ф. Ф. Трепову совершенно секретный доклад, в котором отмечал, что «смерть графа Л. Н. Толстого вызвала огромное оживление в киевских либеральных и революционных кругах. Вопреки их ожиданиям, настроение учащейся молодежи вылилось в очень резких и на редкость солидарных, под руководством так называемого «Коалиционного Комитета», действиях».

Далее Кулябко констатировал, что во время «толстовских дней» все советы профессоров высших учебных заведений Киева пошли навстречу правительственным властям и, по возможности, содействовали недопущению беспорядков. И только Политехнический институт «стал против этого, допуская в своих стенах делать беспрепятственно беспорядки своим студентам».

«Но это все в прошлом,— писал жандармский подполковник.— Теперь, к счастью, беспорядки, связанные с толстовскими днями окончились и страсти начали

успокаиваться». Тем не менее, продолжал Кулябко, совет профессоров Политехнического института во главе с его директором К. В. Дементьевым обратился к руководителям всех высших учебных заведений Киева с новым предложением: принять участие в чествовании памяти умершего писателя Л. Н. Толстого, организуемом ими на базе Политехнического института. Данное предложение уже поддержали два частных учебных заведения: Медицинский женский институт в лице профессора С. П. Томашевского и Коммерческий институт в лице профессора М. В. Довнар-Запольского. Шеф киевской охранки опасался, что к ним могут присоединиться и другие руководители учебных заведений города. Поэтому Кулябко не сомневался, что «если будет разрешено соединенное чествование памяти Толстого, то это послужит вновь сигналом к беспорядкам». С целью их недопущения он предлагал генерал-губернатору запретить «совместное чествование памяти писателя Толстого».

Прочитав доклад Кулябко, Трепов наложил на нем резолюцию: «Пригласить ко мне г. Дементьева между 10 —12 час. дня 12 ноября 1910 г.». [Там же, л. 34].

Следует предположить, что «беседа» генерал-губернатора со строптивым профессором-либералом имела положительный для киевских властей результат, т. к. в дальнейшей полицейской переписке сведений о проведение совместного мероприятия по чествованию памяти Л. Н. Толстого не имеется.

(Печатается с сокращениями)

Источники:

1. Апостолов Н. Н. Лев Толстой и русское самодержавие. М.— Л.: Госиздат, 1930.

2. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА Украины). Ф. 442. Оп. 858. Д. 304.

3. Государственный архив г. Киева Ф.16. Оп. 350. Д. 93.

4. ЦГИА Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2049.

К 180-летию со дня гибели
М. Ю. Лермонтова

МЕДИКИ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА

Лермонтов и медики — как много мы знаем о поэте и как мало обращаем внимание на людей, окружавших гения, в том числе и на медиков. Врачи, фельдшера — кто они? О ком-то известно больше, о ком-то — меньше, кто-то промелькнул незаметным штришком в жизни поэта, кто-то оставил заметный след, кто-то стал прототипом в произведениях поэта.

Итак...

АРЕНДТ Николай Федорович

Родился 23.04(04.05).1786 в Казани — умер 02(14).10.1859 в Санкт-Петербурге, похоронен на Смоленском лютеранском кладбище.

Тайный советник (1849), доктор медицины и хирургии, лейб-медик (1829). Сын штаб-лекаря Федора Ивановича Арендта (1755—1797), происходившего из семьи немецкого ремесленника.

Получил первоначальное домашнее образование. В феврале 1801 года поступил в Московское отделение Императорской Медико-хирургической академии, по закрытии которой, в сентябре 1804 года, переведен в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге (окончил с отличием в августе 1805 года кандидатом хирургии 1-го отделения, с награждением серебряным карманным набором хирургических инструментов — награда эта соответствовала учрежденной позднее золотой медали). Был причислен к Санкт-Петербургскому генеральному госпиталю. В апреле 1806 года определен лекарем в Навагинский пехотный полк, в рядах которого принял участие в войне с Францией (1806—1807), а затем в Русско-шведской войне (1808—1809). Ряд кровопролитных сражений, в которых в качестве врача участвовал Арендт, доставил ему обширную хирургическую практику, благодаря которой он стал искусным хирургом.

В декабре 1809 года получил от императора Александра I бриллиантовый перстень. Во время Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии (1813—1814) в качестве врача он участвовал во многих сражениях и был утвержден лекарем 1-го класса, дивизионным врачом 13-й пехотной дивизии, затем — исполняющий делами штаб-доктора 1-го пехотного корпуса. После взятия союзными войсками Парижа (март 1814 года), он пробыл в нем до марта 1815 года в должности главного врача остававшихся во Франции русских войск. Возвратившись в Россию, назначен дивизионным врачом 12-й дивизии и состоял в этой должности до сентября 1819 года, когда был переведен из армии в гвардию и назначен исполняющим делами старшего доктора гвардейской кавалерии; с января 1820 года по март 1826 года — в качестве главного доктора управлял Санкт-Петербургским артиллерийским госпиталем.

В октябре 1821 года «за усердную и долговременную службу, равно как и за совершенное его познание медицины и хирургии, доказанное многократным производством всех операций» Высочайше утвержден, без экзамена, в звании «доктора медицины и хирургии». В декабре 1821 года назначен членом Медицинского совета при Министерстве духовных дел. Смело брался за самые сложные хирургические операции. Слава о нем, как о хирурге-виртуозе распространилась далеко за пределами России. В 1824—1848 годах состоял членом Санкт-Петербургского Английского собрания. В марте 1827 года определен главным доктором заведений Санкт-Петербургского приказа общественного призрения.

В январе 1829 года император Николай I тяжело заболел, и его быстро вылечил Арендт, за что в апреле того же года он был назначен лейб-медиком. С этого времени в течение десяти лет Арендт неотлучно находился при императоре, сопровождая его во всех поездках по России и за границей. В 1829—1836 годах присутствовал на Медицинском совете. В июле 1831 года причислен к Главному штабу, в 1844 году назначен помощником медицинского инспектора, в январе 1847 году — медицинским инспектором ведомства императрицы Марии. В 1839 году получил чин действительного статского советника, в 1849 году — тайного советника. За службу удостоен ряда высших российских орденов до ордена Белого орла включительно (1855).

По отзывам современников, Арендт пользовался огромной популярностью и имел обширную практику: он работал с утра до вечера, «проводя почти целый год в коляске». Арендт был приглашаем всюду. «От него надеялись спасения еще тогда, когда все медики произносили неумолимый приговор. Его практика все более увеличивалась многочисленными бедняками, которые знали, что Арендт, приезжая в недостаточное семейство, готов сам доставить больному средства для получения лекарства по прописанному ими рецепту. Когда годы и нездоровье не позволяли Арендту посещать больных, его приемная была полна людьми, надеявшимися лишь у него найти спасение».

По словам князя В. П. Мещерского, Арендт: «*...прекрасный врач и еще более прекрасный человек... Его прозвали Ангелом больных. Этот старик, белый как лунь, не знал отказа больным, и не знал различия между бедными и богатыми, между знатным и последним смертным. Это была легендарная личность. До конца жизни он давал право каждому будить его ночью, и куда бы то ни было ехать. Я помню, как у нас в доме он произвел на нас сильное впечатление, рассказав, как в эту ночь он был обеспокоен: усталый, он вечером брал ванну, но только что вошел в ванну и собрался потом выспаться, как пришли ему сказать про больного на Васильевском острове; пришлось вылезать из ванны, одеться и скакать к больному в 20 градусов мороза...*».

В январе 1837 Арендт руководил лечением раненого на дуэли А. С. Пушкина, и был в последние дни поэта посредником между ним и императором Николаем I.

Женат дважды: на Марии Яковлевне N (умерла в 1848 году); на Генриетте Ричардовне Шиллингворт. От второго брака имел детей: Николая Николаевича (1850—?), Федора Николаевича (1852—?), Владимира Николаевича (1855—?), Марию Николаевну (1853—?).

Литературных работ он после себя не оставил. Обзор его главнейших операций сделан Никитиным в «Северной Пчеле», 1851 год, № 139.

Арендт лечил Лермонтова в 1832 году, приходя к нему раз в неделю, когда того в манеже Школы юнкеров лошадь ударила в правую ногу, расшибив ее до кости. Лермонтов лежал в лазарете, а затем в доме своей бабушки.

В конце января 1837 года Арендт дважды был у заболевшего («слег в простуде») Лермонтова — ничего опасного не нашел, велел пить чай с малиной и не выходить из дому до его разрешения, рассказал ему подробности дуэли и смерти Пушкина.

Из воспоминаний Владимира Петровича Бурнашева (1809—1888) — литератор, мемуарист, автор статей по сельскому хозяйству.

«*...С старушкой нашей Лермонтов, конечно, не спорил, а только кусал ногти и уезжал со двора на целые сутки. Бабушка заметила это и, не желая печалить своего Мишу, ни слова уже не говорила при нем о светских толках; а эти толки подействовали на Лермонтова до того сильно, что недавно он занемог даже. Бабушка испугалась, доктор признал расстройство нервов и прописал усиленную дозу валерьяны: заехал друг всего Петербурга добрейший Николай Федорович Арендт и, не прописывая никаких лекарств, вполне успокоил нашего капризного больного своею беседою, рассказав ему всю печальную эпопею тех двух с половиною суток с двадцать*

седьмого по двадцать девятое января, в которые пострадал раненый Пушкин. Он все, все, все, что только происходило в эти дни, час в час, минуту в минуту, рассказал нам, передав самые заветные слова Пушкина. Наш друг еще больше возлюбил своего кумира после этого откровенного сообщения, обильно и без искусственно вылившегося из доброй души Николая Федоровича, не умевшего сдержать своих слов...».

АРМФЕЛД Александр Осипович

Родился 18.02(02.03).1806 в Москве — умер 12(24).03.1868 (по другим данным 15.10.1877) в Москве, похоронен на 13 участке Ваганьковского кладбища в Москве (могила утрачена). Русский ученый-медик, ординарный профессор Московского университета, доктор медицины, действительный статский советник. Из семьи служащего таможни. Воспитывался дома, с 1818 года — в Дерптской гимназии. После получения среднего образования, в 1821 году поступил в Дерптский университет, но с марта 1823 года учился на отделении (факультете) врачебных или медицинских наук Московского университета. По окончании курса 11 сентября 1826 году со степенью лекаря 1-го отделения с отличием поступил с 12 октября на службу в Хирургический институт при Московском университете.

В 1826—1834 годах занимался практической медициной: состоял помощником директора Хирургического института и ординатором (с 1830) при университетской больнице. В 1833 году А. О. Армфельд защитил диссертацию «*О расширении или аневризме сердца*» и получил степень доктора медицины. В 1834 году отправился для усовершенствования на три года за границу и по возвращении, в 1837 году, вступил в должность ординарного профессора кафедры судебной медицины. С 1839 года до конца жизни Армфельд состоял инспектором классов Сиротского института Московского воспитательного дома.

Кроме небольших статей, появлявшихся в разных периодических изданиях, зачастую без его подписи, ему принадлежат следующие труды: «De dilatatione cordis. Dissertatio inauguralis» (Москва, 1833); «De finibus certorum et probabilium in responsis medicorum forensium» (1848).

С 31.07.1853 — действительный статский советник; с 1859 года — заслуженный профессор Московского университета. Лекции А. О. Армфельда отличались высоким литературным стилем, изящным изложением предмета. Он одним из первых подал голос за допущение женщин к обучению в университете. Преподавал А. О. Армфельд до 1862 года. С 1863 года — в отставке.

А. О. Армфельд был постоянным посетителем литературного салона А. П. Елагиной, где встречались выдающиеся представители русской интеллигенции: Пушкин, Гоголь, Аксаковы, Огарев, Герцен, Пирогов и многие другие. В доме Армфельда часто бывали Гоголь, Лермонтов, Щепкин и др. А сам А. О. Армфельд находился в течение многих лет под негласным надзором полиции.

9.05.1839 на обеде у М. П. Погодина в день именин Н. В. Гоголя среди приглашенных были М. Ю. Лермонтов и А. О. Армфельд. Лермонтов после обеда читал наизусть Гоголю и другим отрывок из новой своей поэмы «Мцыри».

Жена (с 1841) — Анна Васильевна Дмитревская (1821—07.02.1888). У Армфельда было девять детей (пятеро сыновей и четыре дочери), но только четверо дожили до зрелых лет.

БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ Иван (Иоганн) Егорович

Родился в 1811 году — умер в 1879 году.

Внучатый племянник генерал-фельдмаршала М. Б. Барклая-де-Толли.

Обучался медицине в Московском и Дерптском университетах. Служил лекарем

в Минском пехотном, Ставропольском егерском и в 135-м пехотном Керчь-Таманском полках, ординатором в Пятигорском и Одесском военных госпиталях.

Барклай-де-Толли являлся лечащим (курсовым) врачом Лермонтова во время лечения поэта серными источниками в Пятигорске в 1841 году. 15.06.1841 подписал медицинское свидетельство, благодаря которому Лермонтов получил возможность продолжать лечение в Пятигорске.

Два свидетельства о смерти поэта выдал также Барклай-де-Толли. Первое из них (№ 34) без описания раны составлено по запросу П. М. Александровского 16 июля. Второе (№ 35) от 17 июля было лишь официальным документом для следственного дела и составлялось Барклаем-де-Толли в день похорон; на основании наружного описания раны удостоверялось, что поэт «мгновенно на месте поединка помер», что подвергают сомнению некоторые советские медики.

Из воспоминаний Николая Ивановича Лорера (1795—1873) — декабрист, в 1837 году был переведен из Сибири рядовым Тенгинского пехотного полка на Кавказ и за отличие в боях произведен в 1840 году в прапорщики:

«*...Устроившись немного, я начал приискивать себе доктора, чтобы, посоветовавшись с ним, начать пить какие-нибудь воды. По рекомендации моего товарища вскоре явился ко мне молодой человек, доктор, по имени Барклай-де-Толли. Я тогда сказал моему эскулапу: «Ежели вы такой же искусник воскрешать человечество, каким был ваш однофамилец — уничтожать, то я поздравляю вас и наперед твердо уверен, что вылечусь». К сожалению, мой доктор себя не оправдал впоследствии, и вероятно, не поняв моей болезни, как бы ощупью, беспрестанно заставлял меня пробовать разные воды. Наконец опыты эти мне надоели, и я с ним простился...*».

23 мая 1841 года Лермонтов самовольно прибыл в Пятигорск и добился разрешения задержаться для лечения на минеральных водах…

Из воспоминаний Павла Андреевича Висковатова (1842—1905) — русского историка литературы, биографа Лермонтова:

«*...Тотчас по приезде Лермонтов стал изыскивать средства получить разрешение остаться в Пятигорске. Он обратился к услужливому и «на все руки ловкому» Найтаки, и тот привел к нему писаря из Пятигорского комендантского управления Карпова, который заведовал полицейскою частью и списками вновь прибывающих в Пятигорск путешественников и больных. Он составил рапорт на имя пятигорского коменданта, в котором Лермонтов сказывался больным. Комендант Ильяшенков распорядился об освидетельствовании Михаила Юрьевича в комиссии врачей при Пятигорском госпитале. «Я уже раньше,— рассказывал нам г. Карпов,— обделал дельце с главным нашим лекарем, титулярным советником Барклай-де-Толли». Лермонтов и Столыпин были признаны больными и подлежащими лечению минеральными ваннами*».

Лермонтов представил справку о необходимости лечиться именно минеральными водами в Пятигорске:

«*Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьев, сын Лермонтов, одержим золотухою и цынготным худосочием, сопровождаемых припухлостью и болью десен, также изъязвлением языка и ломотою ног, от каких болезней г. Лермонтов, приступив к лечению минеральными водами, принял более двадцати горячих серных ванн, но для облегчения страданий необходимо поручику Лермонтову продолжать пользование минеральными ваннами в течение целого лета 1841 года: остановленное употребление вод и следование в путь может навлечь самые пагубные следствия для его здоровья.*

В удостоверение чего подписью и приложением герба моей печати свидетельствую, гор. Пятигорск, июня 15-го 1841 года.

Пятигорского военного госпиталя ординатор, лекарь, титулярный советник Барклай-де-Толли».

Из воспоминаний Николая Павловича Раевского (дата рождения неизвестна — умер в 1889 году) — знакомый Лермонтова, офицер, прикомандированный в 1837 году к Навагинскому пехотному полку для участия в экспедиции против горцев. После ее экспедиции назначен в Тенгинский пехотный полк. Летом 1841 года жил в Пятигорске, занимая комнату во флигеле дома Верзилиных:

«*...Когда тело привезли, мы убрали рабочую комнату Михаила Юрьевича, заняли у Зельмица большой стол и накрыли его скатертью. Когда пришли обмывать тело, сюртук невозможно было снять, руки совсем закоченели. Правая рука, как держала пистолет, так и осталась. Нужно было сюртук на спине распороть, и тут мы все видели, что навылет пуля проскочила...*».

Два свидетельства о смерти поэта выдал также Барклай-де-Толли. Первое из них (№ 34) без описания раны составлено по запросу П. М. Александровского 16 июля:

«*Тенгинского пехотного полка поручик М. Ю. Лермонтов застрелен на поле близ горы Машук 15 числа сего месяца и, по освидетельствовании им, тело может быть предано земле по христианскому обряду*».

Второе (№ 35) от 17 июля было лишь официальным документом для следственного дела и составлялось им в день похорон:

«*СВИДЕТЕЛЬСТВО № 35*

Вследствие предписания конторы пятигорского военного госпиталя от 16 июля за № 504, основанного на отношении пятигорского окружного начальника господина полковника Ильяшенкова от того же числа с № 1352, свидетельствовал я в присутствии исследователей:

а) пятигорского плац-майора г-на подполковника Унтилова;

б) пятигорского Земского суда заседателя Черепанова;

с) исправляющего должность пятигорского стряпчего Ольшанского 2-го и находящегося за депутата корпуса жандармов господина подполковника Кушинникова;

тело убитого на дуэли Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова.

При осмотре оказалось, что пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастании ребра с хрящом, пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе прорезала мягкие части левого плеча, от которой раны поручик Лермонтов мгновенно на месте поединка помер. В удостоверение чего общим подписом и приложением герба моего печати свидетельствуем.

Город Пятигорск, июля 17-го дня 1841 года.
Пятигорского военного госпиталя ординатор
Лекарь титулярный советник Барклай де Толли.
При освидетельствовании тела находились:
Плац-майор подполковник Унтилов.
Заседатель Черепанов.
Исполняющий должность окружного стряпчего
Ольшанский 2-й.
Корпуса жандармов подполковник Кушинников».

На основании наружного описания раны удостоверялось, что поэт «мгновенно на месте поединка помер».

В рассматриваемое время при осмотре тела врачи руководствовались «*Наставлением врачам при судебном осмотре и вскрытии мертвых тел*», утвержденным Медицинским советом в 1829 году. Параграф 1-й «Наставления» поименованный «Важность вскрытия мертвых тел», гласит: «*Осмотр мертвых тел и заключение по*

ономy о причине смерти есть одна из важнейших обязанностей судебного врача. На его мнении нередко основывается приговор, решающий честь, свободу и жизнь подсудимого». Согласно параграфу 24, осмотр мертвого тела делится на две части: осмотр наружный и внутренний, или анатомическое вскрытие тела.

Барклай-де-Толли ограничился лишь осмотром наружным, видимо, посчитав обстоятельства и причины смерти очевидными. В любом случае составленное им судебно-медицинское заключение о смерти М. Ю. Лермонтова далеко не в полной мере соответствует указанному «*Наставлению*».

ГАСОВСКИЙ, КУКУШКИН, УШАКОВ

Константин Андреевич Гасовский — штаб-лекарь в юнкерской школе.

Из воспоминаний Ивана Васильевича Анненкова (1814—1887), генерал-адъютанта (брат литератора П. В. Анненкова); учился в 1831 году в юнкерской школе, затем служил в Конной гвардии.

«*...Для примера позволю себе сказать, что Бибиков, тот самый юнкер, хорошо приготовленный дома в науках, который ничему не учился в школе и вышел первым по выпуску, проиграл одному юнкеру десять тысяч рублей — сумму значительную по тому времени. Нужно заметить при этом, что распроигрался он так сильно не в самом эскадроне, а в школьном лазарете, который был в верхнем этаже и имел одну лестницу с эскадроном. Лазарет этот большей частью был пустой, а если и случались в нем больные, то свойство известной болезни не мешало собираться в нем юнкерам для ужинов и игры в карты. Доктор школы Гасовский известен был за хорошего медика, но был интересен и имел свои выгоды мирволить анкерам. Старший фельдшер школы Ушаков любил выпить, и юнкера, зная его слабость, жили с ним дружно. Младший фельдшер Кукушкин, который впоследствии сделался старшим, был замечательный плут. Расторопный, ловкий и хитрый, он отводил заднюю комнату лазарета для юнкеров, утраивал вечера с ужинами и карточной игрой, следил за тем, чтобы юнкера не попались, и надувал их сколько мог. Не раз юнкера давали ему потасовку, поплачивались за это деньгами и снова дружились. Понятно при этом, что юнкера избрали лазарет местом своих сборищ, где и велись крупная игра...*».

В последних числах ноября 1832 года во время занятий в манеже Лермонтова одна из лошадей ударила копытом в правую ногу ниже колена.

Из книги Виктора Афанасьева «Лермонтов»:

«*...Очнулся он в лазарете, на верхнем этаже школы. Первое, что он увидел, была бабушка, сидевшая у изголовья. Поодаль стоял дядька Андрей Соколов. Тут же были доктор Гасовский и младший фельдшер Кукушкин. Нога была забинтована, распухла и страшно болела, так, что невозможно было повернуться.*

— Ну вот, Мишенька,— сказала Елизавета Алексеевна,— видно, не судьба тебе быть военным... Господин доктор говорит, что ушиб весьма серьезный.

— Авось обойдется! — весело сказал чернявый, с лукавыми глазами фельдшер.— Перелома нет. А парень крепкий, дай Бог всякому...».

ДРОЗДОВ Иван Ефимович

Родился в 1803 году — умер в 1868 году. Штаб-лекарь, ординатор Пятигорского военного госпиталя. Лермонтов с ним познакомился в Пятигорске.

Сын Ивана Ефимовича в своих воспоминаниях — «Записках кавказца» — упоминал о том, что в 1841 году Дроздов познакомился с Лермонтовым. Но поэт за медицинской помощью к нему не обращался, ограничиваясь шуточными жалобами на беспокоивший его прыщик.

Дроздов — автор нескольких книг о Кавказских Минеральных водах.

ДУБНИЦКИЙ А. Г.

Штаб-лекарь Кавалергардского полка.

После дуэли с Барантом, находясь на гауптвахте, 20 марта 1840 года в ходе следствия Лермонтов был освидетельствован полковым штаб-лекарем Кавалергардского полка А. Г. Дубницким в присутствии членов комиссии военного суда. В свидетельстве указывается, что никаких следов или рубцов от раны, полученной Лермонтовым на дуэли, «усмотрено не было».

ДЯДЬКОВСКИЙ Иустин Евдокимович

Родился 01(12).06.1784 в Дядково Рязанской губернии — умер 22.07.(03.08).1841 в Пятигорске. Профессор Московского университета; врач, клиницист, представитель естественнонаучного материализма. Сын деревенского дьячка, благодаря блестящим способностям и настойчивости сумел стать одним из образованнейших людей своего времени.

После окончания Рязанской духовной семинарии в 1809 году поступил в московское отделение Медико-хирургической академии. В 1812 году окончил курс лекарем I отделения с серебряной медалью и был оставлен при академии адъюнктом для подготовки к профессорскому званию. Во время Отечественной войны 1812 года находился во временном военном Головинском госпитале, затем был откомандирован в Рязань, в 1813 году — в Верею, на борьбу с эпидемией холеры, за успешное окончание которой был награжден орденом св. Владимира 4-й степени.

После возвращения в Москву Дядьковский защитил диссертацию (1816) «*Рассуждение о действии лекарства на человеческое тело*», получил степень доктора медицины. Адъюнкт (1817), экстраординарный профессор (1824), ординарный профессор (1830) кафедры патологии, терапии и терапевтической клиники Московской медико-хирургической академии.

В 1830—1831 годах — член Центральной комиссии по борьбе с холерой. В 1831 году назначен ординарным профессором по кафедре терапии Московского университета и директором терапевтической клиники. В это время он жил в одноэтажном особняке, во дворе дома № 19 по Брюсову переулку.

Приглашен (октябрь 1831) в Московский университет на должность ординарного профессора на кафедру патологии, терапии и терапевтической клиники, освободившуюся после смерти М. Я. Мудрова. Летом 1832 года к нему обратился заболевший на пути из Петербурга на Украину Н. В. Гоголь.

В 1836 году был вынужден уйти из университета, то ли по болезни, то ли в связи с обвинениями в материализме и подрыве религии. Два года провел на Кавказе, затем уехал за границу, затем вновь лечился на Кавказе.

Дядьковский детально разработал методику клинического обследования больного, расширил границы социально-бытового анамнеза; он одним из первых подчеркивал влияние внешней среды на организм человека. Он предложил классификацию болезней, в основу которой одним из первых положил состояние нервной системы, придавая ей большое значение в развитии патологических процессов. Считается, что его идеи о ведущей роли нервной системы в жизни организма повлияли на формирования научных взглядов И. М. Сеченова и С. П. Боткина. Дядьковский различал лечение «предохранительное», то есть профилактическое, и «восстановительное».

Одним из первых И. Е. Дядьковский предложил метод библиотерапии — исцеление посредством чтения специально подобранных книг, когда конкретному синдрому соответствует определенный текст художественной литературы.

При жизни И. Е. Дядьковский опубликовал всего 4 работы: докторскую диссертацию (1816), конспект лекций по частной терапии, трактат о холере (1831) и посо-

бие по общей терапии (1836). Посмертные издания: Сочинения. Вопросы общей патологии. — М., 1954; Избранные сочинения. — М., 1958.

Возможно, знал Лермонтова еще в годы пребывания в Московском университете; вероятной представляется их встреча в Пятигорске в 1837 году. Летом 1841 года Е. А. Арсеньева послала «гостинец внуку и письма с Дядьковским, специально едущим в Пятигорск, чтобы найти возможность уволить Лермонтова из армии по состоянию здоровья.

Письмо Н. Молчанова — В. В. Пассеку. Из Пятигорска, 27 июля 1841 года:

«*Письмо мое, добрый и любезный Вадим Васильевич, встретит вас в Пятигорске, а я тем временем буду направляться в Москву. В последние дни пребывания моего здесь были весьма печальны: смерть Лермонтова, смерть нашего незабвенного Иустина Евдокимовича, все это было в последние дни.*

О Лермонтове, о кончине его, вы узнаете здесь все точно. Бедный поэт! Проживи он далее, что было бы! Иустин Евдокимович привез ему от бабушки его гостинца и письма. Иустин Евдокимович сам пошел к нему и, не застав его дома, передал слуге его о себе и чтоб Лермонтов пришел к нему в дом Христофоровых. В тот же вечер мы видели Лермонтова. Он пришел к нам и все просил прощения, что не брит. Человек молодой, бойкий, умом остер. Беседа его с Иустином Евдокимовичем зашла далеко за полночь. Долго беседовали они о Байроне, Англии, о Беконе. Лермонтов с жадностью расспрашивал о московских знакомых. По уходе его Иустин Евдокимович много раз повторял: «Что за умница».

На другой день поутру Лермонтов пришел звать на вечер Иустина Евдокимовича в дом Верзилиных, жена Петра Семеныча велела звать его к себе на чай. Иустин Евдокимович отговаривался за болезнью, но вечером Лермонтов его увез и поздно вечером привез обратно. Опять восторг им: «Что за человек! Экой умница, а стихи его — музыка, но тоскующая».

Через несколько дней Лермонтова убили, что Иустина Евдокимовича потрясло. Через шесть дней закрыл глаза здесь навсегда и наш незабвенный Иустин Евдокимович».

Дядьковский скоропостижно скончался при весьма странных обстоятельствах. Официальная экспертиза установила, что доктор медицины с европейским именем умер «от большой дозы принятых лекарств»! Похоронили Дядьковского на пятигорском кладбище, неподалеку от места первоначального погребения Лермонтова.

КОНРАДИ Федор Петрович

Родился в 1775 году — умер в 1848 году.

Главный врач Кавказских Минеральных Вод. Учился в лучших университетах Германии: Геттингенском, Иенском, Гальском. Получив в 1796 году звание доктора медицины, практиковал в различных городах земли Ганновер. В 1805 году приглашен в Россию — лечить князя Лопухина. Здесь он получил вторую профессию — акушера. Был избран членом научных обществ. Имел поначалу богатую частную практику, затем перешел на государственную службу. 28.10.1824 официально назначен главным врачом курортов.

Конради снискал среди больных репутацию замечательного практического врача — за лечебной помощью и советами к нему обращалось множество приезжих, и он никому не отказывал. Федор Петрович внимательно следил за использованием минеральных вод при лечении различных заболеваний. Результаты своих наблюдений он изложил в книге «Рассуждения об искусственных минеральных водах с приобщением новейших известий о Кавказских минеральных источниках». Свой дом, расположенный в самом центре Пятигорска, напротив входа в «Цветник», Конради сделал центром культурной жизни города — в нем было богатое собрание картин,

музыкальные инструменты — и то и другое привлекало сюда многих приезжих, которые могли проводить здесь время интересно и содержательно. Есть неподтвержденные сведения, что гостем Конради бывал и М. Ю. Лермонтов.

ЛЕВИ Ансельм

Родился в Карлсруэ (земля Баден).

Врач, французский еврей, приглашенный Е. А. Арсеньевой в Тарханы к больному внуку, чтобы вылечить его от «худосочия и рахиты». В 1801 году поступил на медицинский факультет Эрлангенского университета. В 1804 году защитил в Геттингенском университете докторскую диссертацию о проказе. В 1819 году сдал в России экзамен на доктора. Именовал себя, на латинизированный лад, Левис. Ездил с Лермонтовым и его бабушкой в Горячеводск в 1825 году.

Аким Павлович Шан-Гирей (1818—1883) — троюродный брат Лермонтова, один из ближайших его друзей, вспоминает о Тарханах:

«*...Помнится мне еще... и домашний доктор Левис, по приказанию которого нас кормили весной по утрам черным хлебом с маслом, посыпанным крессом, и не давали мяса, хотя Мишель, как мне всегда казалось, был совсем здоров...*».

Леви был инициатором лечения Лермонтова на Кавказских Минеральных водах и сопровождал Арсеньеву с внуком в Горячеводск (Пятигорск) летом 1825 года. Благодаря стараниям Леви, Лермонтов из «жидкого» золотушного мальчика превратился в крепкого широкоплечего юношу.

Из воспоминаний Павла Александровича Висковатова:

«*...У Столыпиных было имение «Столыпиновка», недалеко от Пятигорска... В 1825 г. поехали туда многочисленным обществом: бабушка, кузины Столыпины, доктор Анзельм Левис, Михаил Погожин, учитель Иван Капэ и гувернантка Христина Ремер — все это сопровождало Мишу...*».

В 1851 году Леви получил чин титулярного советника, дававший ему права личного дворянства. Умер в возрасте около 70 лет.

МАЙЕР (МЕЙЕР) Николай Васильевич

Родился 23.09(05.10).1806 — умер 07.02.1846 в Керчи.

Знакомый Лермонтова, ставший прототипом доктора Вернера в «Княжне Мери». Из семьи выходца из Вестфалии Вильгельма Мейера.

Еще подростком Н. В. Майер начал работать в канцелярии Академии наук. Затем, после смерти отца, в сентябре 1823 года он поступил вольнослушателем в Медико-хирургическую академию и закончил ее в 1828 году со званием лекаря. Прослужив некоторое время под началом генерала Инзова в южных губерниях России, он был переведен в Ставрополь врачом особых поручений в распоряжение генерала Вельяминова. Зимние месяцы Н. В. Майер проводил в Ставрополе — центре Кавказской области, а летом исполнял должность врача в Пятигорске на время летнего сезона. Именно здесь, на Кавказе, Н. В. Майер и нашел ту близкую ему по духу среду ссыльных декабристов, в которой он вращался всю жизнь и в которую позже ввел М. Ю. Лермонтова, Н. Сатина и Н. Огарева.

М. Ю. Лермонтов встретился с Н. В. Майером во время первой ссылки на Кавказ, особенно близкое знакомство состоялось летом в Пятигорске, а осенью в Ставрополе и нашло отражение в романе «Герой нашего времени». В дневнике Печорина читаем: «Я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление...»

Интересную характеристику дал доктору командующий Кавказской линией и Черноморией А. Вельяминов: «Лекарь Майер во все время нахождения его при мне нико-

гда не был замечен невнимательным к исполнению своих обязанностей, и все больные, пользовавшиеся его советами, всегда отзывались о нем как о медике, отлично заботившемся о больном, деятельном и усердном, сверх сего, мне лично известно, что лекарь Майер, исполняя с отличным усердием обязанность медика, отличается при сем совершенным бескорыстием, и я имел случай удостовериться в этом...».

В облике Н. В. Майера было что-то аристократически-хрупкое, а в добрых карих глазах таилось страдание. Он пользовался большим авторитетом как врач, одинаково внимательный к богатым и бедным, русским и горцам. По воспоминаниям друзей, в его душе боролись врач-материалист и философ-мистик. «Его сердечное благородство и его потребность любви не уживалась с действительностью... чтобы не умереть с отчаяния, ему нужно было бессмертие души» (Н. Огарев).

Г. Филипсон отмечал, что дань мистицизму отдали многие русские интеллигенты-декабристы, в том числе и друг Н. В. Майера — А. Одоевский, на самого же Николая Васильевича большое влияние оказал его отец.

Николай Васильевич прекрасно владел русским, французским и немецким языками, говорил зачастую остроумно, с живостью и душевным теплом. Характер его был нервный и вспыльчивый, друзья ценили в нем искренность и честное прямодушие.

О Н. В. Майере, как о прототипе доктора Вернера, написано много, очевидно, он был настолько своеобразен и привлекателен, что многие черты его внешности, характера без изменений перенесены в роман. О встречах М. Ю. Лермонтова с доктором Майером после 1837 года и их переписке ничего не известно. Из воспоминаний Н. Сатина следует, что Николай Васильевич Майер настороженно отнесся к образу доктора Вернера и одно время был даже обижен на автора «Княжны Мери», но обида длилась недолго.

Тесная дружба связывала Н. В. Майера не только с Н. Огаревым, но и с А. Одоевским, А. Бестужевым-Марлинским, С. Палицыным, М. Назимовым, Н. Лорером и многими другими декабристами. Вне этого круга близких ему по духу людей Н. В. Майер чувствовал себя чужим и одиноким.

В последние годы жизни (с 1839 года) Н. В. Майер служил при штабе генерала Н. Н. Раевского-младшего в качестве главного доктора Восточного берега. После женитьбы на С. А. Дамберг он продолжал жить в Керчи, где его изредка навещали ставропольские друзья, в том числе декабрист Н. И. Лорер, сохранивший к доктору самые теплые чувства. Современники, вспоминая о Н. В. Майере, отмечали его «ум, огромную начитанность, живость, остроумие и душевность речи», «его сердечное благородство».

Из воспоминаний Николая Михайловича Сатина (1814—1873) — переводчик Шекспира и Байрона, учился с Лермонтовым в Московском университетском пансионе:

«*...Майер был доктором при штабе генерала Вельяминова. Это был замечательно умный и образованный человек; тем не менее, он тоже не раскусил Лермонтова. Лермонтов снял с него портрет поразительно верный; но умный Майер обиделся, и, когда «Княжна Мери» была напечатана, он писал мне о Лермонтове: «Ничтожный человек, ничтожный талант!»...*

...По окончании курса вод я переехал в Ставрополь зимовать, чтобы воспользоваться ранним курсом 1838 года. Я поместился с доктором Майером. Это был замечательный человек, как в физическом, так и в умственном отношении. В физическом отношении Майер был почти урод: одна нога была короче другой более чем на два вершка; лоб от лицевой линии выдавался вперед на неимоверно замечательное пространство, так что голова имела вид какого-то треугольника; сверх этого он был маленького роста и чрезвычайно худощав. Тем не менее, своим умом и страстностью он возбудил любовь в одной из самых красивых женщин, г-же Мансуровой. Я

был свидетелем и поверенным этой любви. Майер, непривычный внушать любовь, был в апогее счастья! Когда она должна была ехать, он последовал за ней в Петербург, но, увы, скоро возвратился оттуда, совершенно убитый ее равнодушием.

Над г-жой Мансуровой эта любовь или, правильнее, шутка прошла, вероятно, бесследно; но на Майера она подействовала разрушительно: из веселого, остроумного, деятельного человека он сделался ленивым и раздражительным...».

Из воспоминаний Николая Ивановича Лорера (1795—1873) — декабрист, в 1837 году был переведен из Сибири рядовым Тенгинского пехотного полка на Кавказ и за отличие в боях произведен в 1840 году в прапорщики.

«*...В Ставрополе познакомился я с очень ученым, умным и либеральным доктором Николаем Васильевичем Мейером, находившимся при штабе Вельяминова... Он был очень дружен с Лермонтовым, и тот целиком описал его в своем «Герое нашего времени» под именем Вернера, и так верно, что кто только знал Мейера, тот сейчас и узнавал. Мейер был в полном смысле слова умнейший и начитанный человек и, что более еще, хотя и медик, истинный христианин. Он знал многих из нашего кружка и помогал некоторым и деньгами, и полезными советами. Он был друг декабристам...*».

Из воспоминаний Григория Ивановича Филипсона (1809—1883) — капитан Генштаба, в 1836—1850 годах состоял в штабе войск Кавказской линии и Черноморья; автор «Воспоминаний», 1885:

«*...Особенно замечателен был Н. В. Майер… зимой он жил в Ставрополе, а летом на минеральных водах. Он сделался очень известным практическим врачом; особенно на водах... Ум и огромная начитанность вместе с каким-то аристократизмом образа мыслей и манеры невольно привлекали к нему. Он прекрасно владел русским, французским и немецким языками и, когда был в духе, говорил остроумно, с живостью и душевной теплотой...*».

Из воспоминаний Павла Александровича Висковатова:

«...Ум и огромная начитанность вместе с каким-то аристократизмом образа мыслей и манер невольно привлекали к нему... когда был в духе, говорил остроумно, с живостью и душевной теплотою... Небольшого роста, с огромной угловатой головой, на которой волосы стриг под гребенку, с чертами лица неправильными, худощавый и хромой — у него одна нога была короче другой — Майер нисколько не был похож на тип гостиного ловеласа, но в его добрых и светлых глазах было столько ума и души... Характер его был неровный и вспыльчивый; нервная раздражительность и какой-то саркастический оттенок его разговора навлекали ему иногда неприятности, но не лишали его ни одного из близких друзей...».

По воспоминаниям современников, Майер был человеком острого саркастического ума и многосторонних интересов; хорошо знал литературу, философию, историю. Резко критически относясь к политическому строю николаевской России, Майер сблизился со ссыльными декабристами. В 1834 году Майер был арестован по политическим подозрениям; во время следствия обнаружились его вольнодумные письма и сведения о его антимонархических карикатурах.

Лермонтов познакомился с Майером летом 1837 года (до 10 августа) в Пятигорске; их дружеское общение продолжалось в октябре-декабре в Ставрополе. В «Княжне Мери» упоминается об окружавшем Вернера в Ставрополе «шумном круге молодежи» — намек на декабристское окружение Майера. В повести Лермонтова дан документальный портрет Майера: совпадают как внешние, так и психологические характеристики; в повести сохранены даже детали биографии (история любви Майера) и поведения Майера (привычка рисовать карикатуры).

В семье Майера хранились письма Лермонтова, которые впоследствии были утрачены.

НООД (НОД, НОТ), фон

Штабной врач на Кавказе, участник сражения при реке Валерик 11.07.1840. В этом сражении участвовал и Лермонтов, который написал впоследствии свое знаменитое стихотворение «Валерик».

Из воспоминаний Фридриха Боденштедта (1819—1892) — немецкий писатель, поэт, переводчик. С Лермонтовым познакомился в 1841 году в Москве:

«*...В августе 1841 года пришло известие о смерти Лермонтова; он был застрелен на дуэли 15 июля Мартыновым, товарищем по полку, на склоне горы Машук, вблизи Пятигорска. Газеты коротко сообщили только о самом факте. Подробности я узнал позднее на Кавказе от секунданта Лермонтова Глебова и штабного врача доктора фон Ноодта*...».

ОРЛОВ Василий Иванович

Родился в 1792 году — умер в 1860 году. Старший лекарь лейб-гвардии Гусарского полка, позднее — штаб-лекарь при департаменте военных поселений, сослуживец С. А. Раевского. Возможно, что в полку он общался с Лермонтовым. В 1837 году Орлов сделал для себя копию стихотворения «Смерть поэта» и в письме к Раевскому от 4 февраля просил его исправить текст.

РЕБРОВ Яков Федорович

Врач, начальник Пятигорского военного госпиталя.

Из воспоминаний Сергея Николаевича Филиппова — литератор, в последней четверти 19-го века путешествовал по Кавказу и опрашивал современников Лермонтова:

«*...на другой же день после этого о ссоре узнал командир Волжского казачьего полка, полковник Мезенцев, живший по соседству с Лермонтовым. Мезенцев слыл другом каждого, с кем водил знакомство, и, будучи добрейшим человеком, во что бы то ни стало захотел примирить поссорившихся друзей. Он сейчас же прибег за помощью к влиятельным знакомым, в числе которых находились к Н. В. С. Голицын и доктор Ребров, консультант Лермонтова. Посовещавшись вместе, они все решили, что, прежде всего, следует немедленно же удалить Лермонтова, хотя бы в Железноводск. Взялся за это Ребров.*

Только что Лермонтов проснулся и не успел еще встать как следует с постели, к нему явился доктор. Он начал издалека: спросил о здоровье, потом сосчитал пульс и, подумав, начал советовать Михаилу Юрьевичу одеваться и тотчас же ехать в Железноводск.

— У вас такое нервное расстройство, что вам ни минуты здесь нельзя оставаться.

Лермонтов просил отсрочить отъезд, но Ребров объявил ему решительно, что ежели сейчас же не будет исполнено его предписание, то он не только откажется давать ему советы и выпишет из числа своих больных, но и донесет об этом коменданту. Лермонтов, волей-неволей, подчинился, уехал в Железноводск и жил там в течение нескольких дней...».

«*...Доктор Ребров... был в то время старшим врачом госпиталя, жил мизантропом, по несколько месяцев не показывался в обществе, практиковать не любил, хотя слыл за хорошего доктора. Трудно предполагать, чтобы такой человек стал вмешиваться в дела Лермонтова, и, вероятно, по своей обязанности свидетельствовал его и только, а приятелем его быть не мог...*».

Из воспоминаний Николая Павловича Раевского (дата рождения неизвестна —

умер в 1889 году) — офицер Тенгинского пехотного полка, летом 1841 года жил в Пятигорске.

«*...Зато и слава была у Пятигорска. Всякий туда норовил. Бывало, комендант вышлет к месту сражения: крутишься, крутишься, дельце сварганишь,— ан и опять в Пятигорск. В таких делах нам много доктор Ребров помогал. Бывало, подластишься к нему, он даст свидетельство о болезни. Отправит в госпиталь на два дня, а после и домой, за неимением в госпитале места. К таким уловкам и Михаил Юрьевич не раз прибегал...*».

РОЖЕР Карл Христианович; НОРМАН

Из воспоминаний Александра Ивановича Арнольди (1817—1898) — корнет лейб-гвардии Гренадерского гусарского полка, куда в феврале 1838 года был переведен Лермонтов, позже встречался с ним летом 1842 года в Пятигорске; впоследствии генерал от кавалерии.

«*...В то время Пятигорские минеральные воды усердно посещались русскими, так как билет на выезд за границу оплачивался 500 рублями, а в 1841 году сезон был одним из самых блестящих, и, сколько мне помнится, говорили, съехалось до 1500 семейств. Доктора Рожер, Норман, Конради и многие другие успешно занимались практикою, и я видел в Пятигорске многих людей, по-видимому, неизлечимых, которые в конце курса покидали целительные воды совершенно здоровыми...*».

Николай Макаров,
Тула

Людмила Воробьева
(г. Минск, Белоруссия)

«ГЛАГОЛЫ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ» В ЛИТЕРАТУРНОЙ ОЙКУМЕНЕ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА

...Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.

(А. С. Пушкин, «Три ключа», 1826 г.)

...Цветет Парнас! Пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струею бьет;
Нежданный сын последних сил природы —
Возник Поэт,— идет он и поет.

(Е. А. Баратынский, «Последний поэт», 1835 г.)

1

Утомленный от долгих походов, уставший лицезреть всечеловеческие холмы истории, раскидывал так же свой «независимый бивак» у истоков Кастальского ключа поэт-воин Денис Давыдов. Сказание о вечном вдохновении привлекло и нашего современника, писателя Алексея Яшина. Дельфийские оракулы считались наиболее достоверными по всей Ойкумене. Священный источник Иппокрена и Кастальского ключа, расположенный на склоне горы Парнас,— источник вдохновения, по мнению древних греков, обладал исключительным свойством возбуждать поэтический дар. Почему же обращается к этой удивительно красивой легенде Алексей Яшин? А причина та же, как он объясняет в своей новой книге «Житие наше оцифрованное: Новеллино (девятая книга рассказов Николая Андреяновича» (М., 2019),— «появление в подлунном мире класса писателей». «Словом, всех тех, кто за хлебом насущным притерся к одной из муз античного пантеона, что обитали возле вдохновляющих источников Иппокрена и Кастальского ключа в Дельфах: Эрате, Эвтерпе, Каллиопе, Клио, Мельпомене и Талии»,— так образно говорит он о собратьях по перу. «Житие наше оцифрованное» — авторитетное издание, приуроченное к юбилейной дате, к 85-летию создания Союза писателей СССР, к которому Алексей Афанасьевич Яшин имеет честь принадлежать, а еще и к 60-летию Тульской писательской организации, салтыковско-щедринской, как ее по праву он сам называет.

Пожалуй, Алексей Яшин оказался единственным автором, отметившем столь значительное событие некогда великой и единой Державы изданием весьма любопытного и редкого труда. Первая глава книги «Кастальский ключ из водопровода. Историческое сказание от Гостомысла до наших дней», написанная по формату обширнейшей и добротной статьи Белинского, перерастает у него в целый роман. «Эпопея нашего времени есть роман»,— подтверждал основоположник русского нигилизма. Главное не терять темперамента и четко разметить литературное поле, и

расставить правильные акценты, где «вовсе не едкая щедринская сатира, но несколько грустное философствование, скорее сочувствие к современным избранникам муз, что выпало им жить в эпоху жестоковыйной глобализации, разрушения СССР, перехода от социально ориентированного сообщества к самой дикой форме, homo homine lupus est, частнособственничества, накопительства и потребления»,— убежден А. Яшин, что мы и видим в данном его повествовании.

Само понятие литературы в начале третьего тысячелетия не выдерживает никакого сравнения с минувшими десятилетиями и веками, замечает известный критик В. Лютый. При всей, казалось бы, свободе мысли, сложились новые зоны размежевания и табуирования. Для нынешнего дня одной из самых сложных задач оказывается создание мировоззренческого и идеологического романа. Мы наблюдаем все большее сближение документальной и художественной литературы, когда литературный реализм приобретает новые черты публицистичности, что, собственно, есть и в романе А. Яшина. Не помешает напомнить и о самом авторе, личность которого не перестает удивлять многогранностью своей деятельности: писательской, научной, общественной. Алексей Афанасьевич Яшин — прозаик, поэт, известный ученый с мировым именем, главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», всего не перечесть. Надо отметить, он относится к писателям с ярко выраженным нестандартным мышлением, ему свойственен многогранный охват разнообразных явлений жизни, редчайший дар анализа и предвидения. Сфера его интересов поражает воображение: история, политика, экономика, образование и армия, не говоря уже о научных изысканиях в различных областях знания,— такова всеобъемлющая проблематика интеллектуальных повествований автора. Он аналитик от Бога, любовь к Родине, русская почва, классическая традиция в литературе — характерные черты, базис, надстройка текстов писателя. Хроно, летопись истории советской и отчасти современной литературы, блистательно осуществленные им,— уникальное занятие и своего рода уникальный эксперимент!

Перед нами жанрово показательная книга, с присущей ей философской подсветкой, написанная с эпохальным размахом, объем которой включает более 300 страниц текста, 6 частей, охватывающих историю русской и советской литературы на фоне широкого круга проблем человеческого бытия, причем в разных его проявлениях и ипостасях. История страны проходит через наши судьбы и наши неравнодушные сердца, и автор, обладая собственным мировоззрением, размышляя и сопоставляя те или иные факты, подводит нас к определенным выводам, иносказательно представляя нашу с вами повседневность, как бы изнутри и во взаимосвязи с окружающим миром, во всей вселенской синергии. Он избрал непростое построение книги, давая происходящему свою нравственную оценку, придерживаясь и своих принципов одухотворения, которые непосредственно черпает в Кастальском ключе: предисловие — о современной литературе как салонном виде творчества; центральная глава — «Историческое сказание от Гостомысла до наших дней»; другая глава — о западном цифровом глобализме, исключающем самого человека; третья и четвертая — об эпохе компьютеризации, сменившей эпоху Гутенберга; две заключительные новеллы — экскурс в историю российских военно-международных отношений, содержащих пророческие выводы и о судьбах русского мира, ее культуры и литературы. «Русь — страна особая»,— отдельным штрихом подчеркнет автор извечный феномен, озабоченный потерей нашей самобытности, расчеловечиванием социума, пресловутым «переходом от слова к цифре». Публицист и философ Зиновьев точно дал название подобному обществу — человейник, который в ноосфере явно уступит место глобальному разуму коллектива, полностью исключая волю и разум индивидуума.

Роман появился, как говорится, исключительно своевременно. Выиграем ли мы эту колоссальную по своему масштабу битву за человека? Такая же глобальная проблема и в романе А. Яшина — влияние художественной культуры и литературы на

действительность, на человеческую душу. Сумеет ли литература отстоять высокие ценности, завещанные русскими классиками? Трагизм XX века, несовершенство человека переносится и сталкивается с теми же похожими социальными явлениями и в XXI веке. Автор намеренно включает в повествование яркие символы каждой эпохи: ее политических лидеров и ведущих деятелей литературы. Роман прочитывается как феномен своего века, как художественная летопись времени, идущая из прошлого к современности, убедительно и наглядно доказывая, что «еще не обнулен Молохом глобализма художественный творческий потенциал русского человека!» Авторская идея нова и оригинальна — осветить роль русской литературы, ее значение на ход истории, на человеческую жизнь, но жанр при этом традиционный, почтенный.

У А. Яшина собственное прочтение темы, достаточно сложной, противоречивой, свое измерение судеб художников и их произведений, оказавших немалое влияние на те или иные ключевые события нашего бытия. «Писать абсолютно по-своему», отстаивать «совершенно самостоятельное видение окружающего» — вот эталон классического письма, которого строго придерживался И. Бунин. В книге А. Яшина нет академического занудства при всех научных регалиях ее автора, его энциклопедических познаниях, все это как-то отодвигается, и личность автора не выходит на первый план, а вот философская глубина сочетается с необычайной увлекательностью сюжета. Сегодня исчезли бытописатели подобного размаха: беллетристы, статисты, кто угодно, публицисты на злобу дня, художники плакатного слова, но не литераторы, идущие от развернутой ретроспективы, от истоков к настоящему и будущему. И все же — высокоинтеллектуальное чтение никто не отменял. В этой исторической ретроспективе и заключается понимание наследия, понимание чувства Родины, когда русская литература открывается как всечеловеческая ценность, о чем говорил философ и историк Н. Арсеньев.

А. Яшин в сплетениях обычных моментов высвечивает незыблемые корни национальной истории — духовный путь народа, сохранения себя, родного языка и слова, богатой русской культуры. Четкая позиция автора и стиль аналитика вписываются в академическую строгость — тугие сети аргументов, неординарность мышления и самобытность образов впечатляют. А стиль, согласитесь,— самый верный признак не только ума, но и таланта. А. Яшин умеет обозначить существенное, охватить взглядом весь литературный процесс как таковой. Он с болью говорит об «исчезновении литературы из творческого ареала современного человечества». И может быть, «уходящая русская словесность», ее «вдохновенное слово» — это последняя связующая нить, не дающая нам окончательно запутаться и исчезнуть в сетях технократического мира. Великий глобализатор и Великий инквизитор по Достоевскому вошли в неясную и тревожную реальность XXI века.

Роман «Житие оцифрованное» насыщен национальным колоритом, чего так не хватает нам всем в современной литературе, вместе с тем А. Яшину не чужды и жанрово-стилистические решения и новшества. Собственные житейские истории он абсолютно логично представляет и вписывает в общий контекст романа. Они в чем-то похожи на притчи, либо исторические анекдоты. Их создатель — философ, стремящийся установить духовное равновесие сил. Что мы оставим потомкам после себя, будет ли Россия? Человек — это микро— и макрокосмос, вселенская частица, все в себе соединяющая. Она не должна раствориться в «человейнике», не должна бесследно уйти в небытие. При всех потерях и неудачах нам должна остаться Родина, русская земля, Россия — в этом заключается большой смысл повествования патриотического романа А. Яшина — книги, страстно отстаивающей классическую русскую культуру и литературу!

1

«Правда Скрижалей Истории»

Настоящий человек является прежде всего сыном своей страны, гражданином своего отечества, горячо принимающего к сердцу его интересы.

В. Г. Белинский

В новой книге А. Яшина ее главную, центральную главу «Кастальский ключ из водопровода. История сказания от Гостомысла до наших дней» я бы разделила на три составные части, потому что в любом тексте автора всегда допустимы свои варианты прочтения: русская дореволюционная литература, определившаяся в своих основных позициях еще в эпоху крепостного права и ставшая предтечей, «истоком литературы советской»,— это другой период соцреализма, а затем и новейшей литературы, тесно связанный с цифровым веком всеобщей компьютеризации. Если тот же Лев Толстой настороженно принимал эпоху Гутенберга, то мы оказались свидетелями начала ее конца, ознаменованного все большей глобализацией, когда на смену печатному слову, бумажной книге приходит книга электронная, так называемый модный электронный носитель. Как тут не вспомнить времена А. С. Пушкина, беспрестанно мечтающего о выпуске журнала «Современник», которому суждено будет перевести «салонное сочинительство во всероссийский литературный процесс». И тем паче, как губительно сейчас ощущать возвращение к салонному творчеству и «светским» вечерам, женским романам, лишенным художественного вкуса, и легкому, бездумному чтиву, дурно сдобренному плохим, никчемным языком.

Мы явились очевидцами потери единого налаженного литературного процесса, замены его кружками по интересам, мизерными тиражами с трудом издаваемых книг, вместо «толстых» литературных журналов получили засилье развлекательных глянцевых, а писательские союзы превратились в формальные объединения, потеряв свой былой статус интеллектуалов и просветителей. Здесь как раз А. Яшин обращает внимание на следующие моменты: и пока несостоявшуюся окончательную гибель русской литературы и журналов, коим давно прочат похороны, и графоманию в писательской среде, особенно процветающую в наши дни, и электронные версии журналов, и сами институты литературной цензуры, когда-то сформировавшие в России эзопов язык, мастерство его оригинальности, иносказательности — искусства «обходить острые углы», напрочь нынче утерянное. «Сам себе хозяин» стал наш современный писатель, о котором уже «не заботится Литфонд»,— с определенным сожалением высказывается автор. Заметим, что 85-летие Союза писателей когда-то одной большой страны СССР, по мнению А. Яшина, обозначило горький и очевидный факт: «В наступившую эпоху глобализации писатели никому не нужны, даже самим себе». А ведь писательский труд — это очень сложная и кропотливая деятельность, требующая полного погружения в рабочий процесс, лишь отчасти скрашиваемый краткими этапами вдохновения и творческого озарения.

Роман объединяет единство уже хорошо знакомых персонажей, надежных и проверенных читательским временем, харизматичных, настоящих: неизменный профессор-умница Скородумов, доцент Привалов, писатель и главный редактор местного литературного журнала «Срединная Россия» Бурцев. «Что же касается персонажей, а если угодно героев, то тут надо для начала просто знать, что живут на страницах всей тетралогии и, кстати говоря, за пределами оной, в иных произведениях автора, некто Николай Андреянович, ныне доцент, а прежде труженик оборонки, и его старинный приятель профессор Игорь Васильевич. Это мужчины уже с приличным жизненным опытом и академическими знаниями, скептически, но объективно настроенные к ок-

ружающей действительности, то есть не злобно, с приличной и вполне приемлемой и обоснованной иронией»,— с долей подобного нескрываемого иронического оптимизма пишет и писатель, публицист, критик В. Трусов в книге «Иронический оптимизм сожаления», посвященной творчеству А. Яшина, его тетралогии. Разумеется, присутствует здесь и нечто автобиографическое. Две зеркальные, взаимоотражающие модели писательских организаций: союзной и областной, Тулуповской, как ее величает сам повествователь. Причем крайне любопытно слияние в тексте науки и литературы, ведущей роли философского аспекта — доминирующей тенденции нашего времени. «О продуктивности науки не стоит спорить: за нее свидетельствуют вся современная техника и медицина. Но, что касается ее теоретических истин и их доказуемости, то наука плавает по морям предположительного и таинственного»,— писал философ И. Ильин. Но и литература, заключающая в себе эту таинственную субстанцию,— тоже наука, имеющая свои законы и принципы. То, что начал Гомер, завершил Пушкин: у человечества в руках оказалась литература — уникальный информационный инструмент, с помощью которого человек смог заглянуть в себя. Назад в будущее. Вперед, в прошлое, куда угодно в пределах бесконечного космоса. Предметом Гомера была душа, предмет Пушкина — сознание и душа, рождающие личность. Так анализирует процесс появления и развития литературы профессор филологии, литературовед и писатель А. Андреев.

Между тем мировая глобализация, привнесенная Западом, изменила и наше общество, и А. Яшин дает свою характеристику происходящему, когда наступила «ныне торгово-спекулятивная частнособственническая Русь». Что станет в стране дикого олигархического капитала с традицией читать книги? Писатель говорит «о потере современной художественной литературой читателя», обреченного на потребительство и биологическое вымирание, когда это «читательское обнуление скоренько свело к полному ничтожеству и класс пишущих». Иной ракурс приняла и параллель, всегда важная для пишущих: литератор — критик. Если человек есть то, что он ест, выражаясь фигурально и гастрономически, то литератор и критик есть не только то, что он пишет, но и прежде всего — то, что он читает.

Удивительна и необычна манера письма, присущая А. Яшину: «делай добро, избегай зла, то есть обойдись без имен, завуалируй, но так чтобы всем было все понятно»,— ключевая иносказательная линия в его повествованиях. Таким образом поступали Крылов, Салтыков-Щедрин, Гоголь. Недаром Белинский отмечал, что «в Крылове истинно гениальном творце народных басен, в которых выразилась вся полнота практического ума, смышлености, по-видимому, простодушия, но и язвительной насмешки русского народа», содержащей суть человека, его души, более похожей на реальную и конкретную правду дела его жизни, нежели лишь одни предположения философов о загадочной, непонятной таинственности русской души. Насыщенная гиперболизация Салтыкова-Щедрина, зоологическое уподобление героев его произведений животному миру легли в основу романа А. Яшина. Тут на ум приходит и известная сатирическая повесть Д. Оруэлла «Скотный двор». От романтической иронии, иносказательных сказок А. Яшин в своем романе подводит читателя к демоническому хохоту всемирного пророка Достоевского. А это уже подлинная фаустиада Духа, в которую включены такие действующие лица, как Великий инквизитор — Великий глобализатор — Великий Пророк. Тема фаустиады обещает стать грандиозной мистерией человеческого духа, его разума и воли, его Божественного дыхания.

2

«Урок истории», или писари «Тулуповского леса»

Тула — город Знаменитый!
Город — крепость, город щит!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!

Р. Мусаев

В романе «Житие наше оцифрованное» авторские поиски «Правды Скрижалей Истории» предстают сквозь призму летописи Тулуповской писательской организации как некоей общей модели Союза писателей СССР и одновременно как отражение модели всего государственного устройства. Флэшка прозаика Бурцева с текстом истории Тулуписа, которая пусть и «на периферии литературы», но не может оставить профессора Скородумова безучастным и равнодушным к литературному процессу в целом, при всех издержках и вызовах времени, его, пусть и органически не воспринимавшего компьютер, не удастся «выбросить с корабля современности». Нельзя удержаться, чтобы опять не привести и выдержку из книги В. Трусова «Иронический оптимизм сожаления», написанной не столько в литературоведческом ключе, сколько в остроумном художественном, в некотором роде продолжающей оригинальностью стиля повествование самого автора А. Яшина, когда речь идет о его любимых и уже привычных для читателя персонажах: «Здоровое человеческое и вполне себе рациональное начало берет в них верх над всеми резонами современного бытия и его новых веяний, помогает сохранить себя в виде самодостаточных личностей, слабо подверженных влиянию модных тенденций, в частности, всемирной путины, всеобщей компьютеризации и прочего». Они крепко стоят за «сохранение в человеке творческого самостоятельного начала», «человека и человечности», супротив повального превращения в «андроидов», подчеркивает критик, комментирующий собственные мысли о «весьма драматичной» истории существования областной организации писательского союза — «от страны советов до наших дней».

Гегелевская диалектика, где свобода есть осознанная необходимость, исходящая из закона единства и борьбы противоположностей, в очередной раз доказала свою живучесть и отразилась и на писательском сообществе. Появление же класса полноценных писателей невозможно без осознания себя частью Родины, без понимания того, «откуда есть и пошла родная землица»,— пока еще не канули в Лету незабываемые слова горячего просветителя и проповедника христианских истин, борца за русского человека и справедливость Н. Лескова. Его наивный и в то же время невероятно сильный духом герой Левша, искусно подковавший легендарную блоху во граде Туле, не мудрствуя лукаво, сказал так: «...мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные». Писателям, как и всем остальным, нужна собственная история. А вот что и как писать — рассудит время, ибо излишний либерализм никогда полезным не был, но и полная диктатура не благоприятствовала развитию таланта.

А. Яшин тонко чувствует не только постепенное угасание Кастальских ключей в культурной среде литераторов, но и вместе с историей тулуповских писателей совершает реверанс в прошлое нашей русской литературы, дабы очертить основные вехи истории Союза писателей СССР — самой мощной и значимой организации в истории не только советской страны, но и одной из первых и ведущих сил на мировой литературной карте. Однако делает это он иносказательно, отталкиваясь от реальной почвы, роман читается легко и сложно, привлекая читателя чувствами и ассоциациями. Автор по-бунински наблюдателен, зорок, умеет выхватить главные харак-

терные черты. Следуя искрометному таланту любимого писателя Н. Лескова, А. Яшин мастерски обличает лицемерие, фальшь, подхалимство, «чиновничью шушеру», а так же аналогично и непримиримому борцу Салтыкову-Щедрину, предельно обнажающему правду, его современное перо восхищает не меньшей самобытной оригинальностью. «...мы начнем с некоторой древности <…> с ветхозаветной истории», которая была жестокой в отличие от новозаветной, уже наполненной любовью,— пытается он сделать экскурс в далекие, стародавние времена, чтобы яснее понять времена третьего тысячелетия.

Надо признать, он упорно и наглядно творит «древнюю лесную историю», «учрежденную на паях просвещения тулуповским купечеством». Таков дикорастущий философ и художник слова, красноречиво рисующий этот Лес, то бишь Тулупис, ее организацию писателей — литературное объединение Леспис, если сокращенно. Впрочем, как же тут и без доносов, «выцветших на бересте», излюбленном и неистребимом жанре в жизни русских литераторов?! Ну, и «толстые» художественные журналы, к примеру, те же «столичные куранты», помогающие зацепиться на литературных Скрижалях. Чего только стоит необычный образ, ключевой лейтмотив книги — образ зверя. Нечто лесковское, взятое писателем из Жития старца Серафима: «И звери внимаху святое слово» (Рождественский рассказ Н. Лескова «Зверь). Своеобразная перекличка имен и фактов, имен нарицательных, удивительным образом пересекается в романе А. Яшина. И критик В. Трусов, резонно и фигурально говоря, предлагает «сбросить с реальных поэтов-писателей личины звериные...» Впрочем, и у А. Яшина имеются в арсенале удивительнейшие стихи, где вся красочная таинственность животного мира, его первозданная полнота пересекается с миром человеческим: «Не верю, что звери не говорят, / Что думать не могут певчие птицы. / Мы видим не все со своей горы, / Чудес неоткрытых еще немало…»

Вообще будем откровенны, изложить подробно и детально суть романа невозможно, аллегории захлестывают, но зато ощущаешь неподдельное чувство времени, причем любого. Ведь важен не только запах, цвет и звук эпохи, достоверно схваченный,— важен тщательный и скрупулезный самоанализ, происходящий на протяжении всей истории России. История, мысль, литература — понятия взаимосвязанные. И кто из них врет порой разобраться крайне трудно. Надо сказать, что крепостной режим, если не искалечил Россию, то наложил на нее и на всю русскую литературу свой неизгладимый отпечаток. Н. Лесков откровенно обличал мерзость крепостничества. А. Яшин касается в романе личностей Лескова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Пушкина, Гоголя, творчество которых протекало в пору его апогея. Русская литература в чем-то была отражением этого великого барского безделья. «Вот приедет барин, барин рассудит!» — отнюдь неслучайно приводит автор известную цитату в книге. Он опирается на «словесное узаконение: самодержавие, православие, народ» — постулаты триединства и существующей уваровской формулы государственности. Эта величавая державность — есть давняя надежная традиция.

Поясняя мотивы написания данной главы, мы явственно видим, как на страницах романа проступает яркий архетип — Великий Лев, с именем которого начинается «взлет писарства Тулуповского леса на горние вершины Скрижалей — 90 томов многомудрых житий и наставлений». Персонаж вполне узнаваем — Лев Николаевич Толстой — личность без преувеличения сверхчеловеческого масштаба, жизнь его не поддается однозначному описанию, ведь он искал всю жизнь, в чем же смысл этой жизни, до самого последнего ее мгновенья уверовав в то, что даже на смертном одре можно прозреть истину. В одной из своих литературоведческих статей «Последний евангелист христианской веры» А. Яшин пишет о том, что Л. Толстому был «дан дар — горький дар — понимания, что эволюция впервые подвела человечество к концу XIX века», когда «ход истории вырвался из-под контроля творцов»,— великий гений предчувствовал «глобальный мир» с его «безысходностью, холодом и отчаяни-

ем опустошенности». Уникальное 90-томное наследие «зеркала» лесной общественности» — убедительное доказательство фактора особости и индивидуальности: философский гений творца и мыслителя олицетворяет и рабство, и радость духовного труда, и — то, что самое сложное и высокое поприще — мысленное творчество, творчество мысли человеческой.

А пока, исходя из действия романа и подогревая к нему читательский интерес, автор «Жития оцифрованного» повествует о Великом бунте с его Великим Тигром, который перевел рабфаковскую молодежь на «единый продовольственный паек», подтянул «лесную сволочь и иных обывателей к овладению грамматикой» и, разумеется, прочими иными науками, с коими попутно открылась и «всевозможных масса публицистических ведомств» и «всевозможных писарских сообществ». Что примечательно: юмор, ирония — отличительная манера письма А. Яшина, плавно переходящая в салтыковскую сатиру, какую злой не назовешь. Но здесь необходимо различать юмор бытовой и юмор чисто философский, смех серьезный, не глупый. Смех и искрометный авторский язык может быть оправдан лишь характером и непосредственным языком персонажей, что мы и наблюдаем в произведениях харизматичного донельзя писателя. Горечь же и сарказм всегда скрашиваются юмором. А. Яшин собирает языковые курьезы, иногда впадая даже в излишество, как может показаться, хотя его исторические анекдоты, думаю, со мной согласятся многие,— бесподобны. Автор до страсти любит каламбур, игру слов, остроты, шутки, когда за комизмом неминуемо следует и сатирическое обличение. Да и он сам следует за народом, искренне влюбленный в шутку и прибаутку. Ничто не ново под луной, но вспомним, что те же «туляки подковали-таки блоху»,— живет эта присказка на Руси до сих пор и будет жить!

Нельзя не отметить, А. Яшин — мастер бытовых загадок, мудрых и ироничных. Всякий раз диву даешься его неутомимой фантазии и красочному воображению, откуда он черпает свои меткие фразы, например, одна из них принадлежит в романе ловкому литначальнику, пристроившемуся к теплому и хлебному местечку, почти классическая фраза, взятая из его же анекдотов-былей: «Брось писать, и за это тебе сразу почетного дадут». Разве не напрашивается сама собой связь с тем же незабвенным Антоном Павловичем, с его «юбилейным подарком — вместо почтового ящика», с коим, именно с почтовым злосчастным ящиком, теперь проблемы в новом веке у главного героя романа «Житие наше оцифрованное», а поконкретнее — прямая связь с чеховским рассказом «Правила для начинающих авторов», содержащем аж 18 лаконичных пунктов. «Не пиши! Не пиши! Не будь писателем!» — изначально советует Чехов, хотя и понимает, что «писательский зуд неизлечим». И не преминет неустанный художник-исследователь человеческих душ предупредить о том, что «писанье, как «искусство для искусства», выгоднее, чем творчество за презренный металл». Тонко делает и следующее умозаключение: «Стать писателем, которого печатают и читают, очень трудно. Для этого: будь безусловно грамотен и имей талант величиною хотя бы с чечевичное зерно. За отсутствием больших талантов дороги и маленькие». Не все пишущие, о чем говорит и А. Яшин, настоящие писатели, как не все стихослагатели в рифму поэты. Сегодня в нашем писательском лесу пишущих гораздо больше, чем их читающих.

Новый роман, как и многие другие его произведения, влечет старинным слогом, объемной фактурой письма, панорамным изображением образов, не переставая поражать цепью словесных авторских портретов. Советский литературный пейзаж с его идеологическим сюжетом приобретает у А. Яшина свои четкие формы и границы в славные времена Стального Барса. «Именно Стальной Барс привел огромный лесной край, занимавший 1/6 части земной суши, к четкому порядку во благо всем и каждому»,— констатирует автор непреложные факты истории. Он создал «прочные устои» и в «неспокойном, шумном писарском сословии», когда и Тулуповский лес в свою

очередь внес корректировку в «исправление идеалов, давших кривизну». Не секрет: «Критика и самокритика,— как утверждал товарищ Сталин,— движущая сила нашего общества». К тому же диалектический реализм прекрасно уживался в рамках проповеднического соцреализма, по мнению автора, при одном условии — только «не хулить все властные персоны и их должностные статусы». Свершилось, пожалуй, самое значительное завоевание для пишущих: «писарство включено в общий табель профессий» и стать членом писательского союза тогда было гораздо сложнее, нежели получить степень доктора филологии. Труд Литфонда «был регламентирован и очерчен определенными рамками». Разумеется, был обозначен и круг тем: философско-отвлеченные, общечеловеческие, гуманистические, интернациональные, вопросы злободневные, не забывающие и о руководящей роли партии и правительства. Провинции тоже была регламентирована своя проблематика: люди труда, областной масштаб партийных руководителей, их прославление и гимны. А что же сегодня? Картина кардинально иная: писатели вынуждены выполнять «социальный заказ для запиаренных столичных сочинителей детективов, фантастики и глянцевых порнороманов». Как ни печально, авторы за свои же кровные создают «литературные мыльные пузыри тиражом в 100 экземпляров», презентуют их небольшому кругу друзей и им же дарят.

Справедливости ради отметим, ох, и непросто было получить долгожданный билет Лесписа, все же талант надо было иметь, сравнимый с энергией Кастальского ключа. С легким изумлением вновь и вновь читаем в книге А. Яшина о доносах. Вполне закономерно Л. Чуковская создала тогда свой обличительный роман «Процесс», дав ему одноименное название с философским романом Ф. Кафки, видимо, из четырех миллионов доносов, написанных в сталинский период, немалая доля принадлежала и нашим славным, достопамятным литераторам. Однако отдадим должное Стальному Барсу, «знавшему толк в истинных талантах». Этого великого диктатора, прошедшего путь от сохи до атомного оружия, его сложную и противоречивую личность, который своего врага уничтожал руками своих врагов, Черчилль охарактеризовал очень подробно и точно. Умный политик подчеркнул его необычайную энергию, эрудицию, несгибаемую силу воли, юмор, переходящий в сарказм, способность точно выражать свои мысли. Статьи и речи, заметим, Сталин писал только сам. От него исходила невероятная исполинская сила, вождь народов обладал осмысленной мудростью, логикой, был сдержан, видел мир без иллюзий. Именно лидер подобного масштаба и смог придать объединению писателей — «единоустремление» главной и великой цели страны советов — быть мощной индустриальной и военной Державой.

Идея обобществления «полного устранения устремлений к накопительству» не исключала и творческого своеобразия. Так или иначе, но писатели не думали о хлебе насущном. «Единое обобществление» на ниве словесности принесло и долгожданные плоды. Небольшое отступление: одной из самых известных книг философа Н. Бердяева является книга «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.). Он писал о мессианстве русского народа, его мессианском призвании: «Коммунизм имеет глубокие истоки в самой России, в русской культуре». Русская идея ведущей миссии России в мире нашла свое выражение и в философских трудах Н. Лосского, когда он говорит о характере русского народа, о том, что «мессианский человек — создает высший божественный порядок на земле». На ум приходят и мысли Ф. Достоевского, из «Дневника писателя», где он признается, что «никогда не мог понять такого строя, при котором 1/10 народа пользуется многими жизненными благами, а 9/10 лишены их». Вероятно, парадокс для иностранца, но логично для нас — русские стыдятся своего богатства.

Однако, возвращаясь к теме романа, находим и образы «новых пролетарских инженеров лесных дум»: наглядный пример — Горькоусый Морж. «Горькомания» оказалась неисчерпаемой и многогранной, как магический кристалл. Убедительно гово-

рит об этом и писатель Ю. Козлов в проникновенном лирическом эссе «Классики и мы» («Новая Немига литературная», № 5, 2019 г.). Действительно и без малейшей доли преувеличения: Горький сегодня — третий по известности после Толстого и Достоевского русский писатель мирового уровня. Он навечно растворился в России, во многом оставшись непонятым до конца в своих поисках правды и счастья для русского человека. И А. Яшин прав, когда пишет в романе и о таком моменте в биографии «буревестника революции»: «Горькоусый Морж убедил Стального Барса в благоденственной пользе всяческой поддержки писарства как блага, необходимого для развития и цветения обобществления». Но время не стоит на месте, и эволюционное развитие продолжается, являясь более благодатной почвой для всех жизненных сфер в отличие от стихийных революционных взрывов. А те же проблемы провинции и столицы были всегда. И Кукурузный Вепрь, который изначально «ослабил либеральные вожжи писарям», но затем и сам же «прочные устои» ввел, ничего иного, по словам автора, придумать не мог. Это был хорошо известный период «оттепели» в культуре и литературе с его печатью «шестидесятничества», поэтической публицистичности, поэзии больших стадионов, незабываемых литературных вечеров в Политехническом музее, восхитительный, но короткий период свободы мысли, вырабатывающей чувство меры во всем.

Такова была литературная жизнь: нас тьмы, и тьмы, и тьмы, как сказал поэт. Русская литература определила и собственное имя, и нашу жизнь. Роль ее, безусловно, была весьма и весьма велика. Впрочем, и для тулуповских писарей наступило «блистательное время», когда «бурлила писарская, сочинительская жизнь в Тулуповском лесу»,— красноречиво излагает А. Яшин. Наряду с писарскими и партийными билетами, с гонорарами и тем же неустанным доносительством, подхалимажем, прочно и основательно торжествовала неповторимая эпоха подлинной культуры «толстых» журналов, не имеющая себе аналогов в мире. Редакция журнала оговаривала с заинтересовавшем его автором право «первой ночи», первородство весомо значило право первого, первой публикации. Раньше и дураку было понятно: настоящий писатель изначально печатается в «толстых» литературных периодических изданиях. Ныне и в журналах. Разница огромная по сути и статусу.

3

«Но вот пришла цензура равнодушьем…»

Исходя из вышесказанного, феномен современной литературной жизни приобрел и новые приоритеты. Научившись писать эзоповым языком, постигнув язык Салтыкова-Щедрина, Гоголя, привыкнув в советское время и к искандеровскому языку, нарицательный стиль прозаика и сценариста Ф. Искандера, авторы ощутили, что с началом перестроечной эпохи, единый мир и в жизни, и в литературе неизбежно потерян. Освободившись от цензуры, писатели освободились от всего, стали сами себя издавать, перестав в одночасье быть «Властителями дум», Пророками, Учителями. Власть потеряла интерес к писателям, а писатели потеряли интерес к власти. «Толстые» литературные журналы тоже утратили былую власть над умами. Литература лишилась интереса общества, а общество лишилось защиты литературы. Необратимые перестроечные перемены не прошли бесследно. След этой крутой эпохи, времена разлома красной чертой прошли и через наши души. Начался и передел литературного пространства. И, если в 80-е годы «теплело» на нашем дворе, то в 90-е пошло-поехало-понеслось. «В лихоимные же «девяностые годы», когда все паскудное, супротив прежнего, обобществленного *Нашего леса* направленное было в чести, то и вовсе во всяких подметных курантах, особливо в столице тиснутых, оспаривалась честь различных Лесов полагать Лошака *своим,* как свободолюбца, борца с тотали-

тарным режимом, воплощением совести и морали и пр. О — времена и нравы! О — история, смейся и плачь…» — вот вам, дорогие друзья-читатели, писатели, редакторы и критики, и «окончание эпохи обобществления и начала лихоимных «девяностых» по-яшински. Но о печальном — позже, автора спасает ирония, его второе Я.

Аргументировано поясняет подобные перемены философ и публицист А. Зиновьев, автор модели «человейника» как продукта глобализма. Он указывает на диалектическую необратимость общественных процессов: «…у каждого действия есть свое место в общей системе, где оно осмысленно. Если же перенести его из одной системы в другую, то там оно теряет смысл и становится вредоносной единицей». Вот и получается, что писатели наши «разбаловались всеобщим пиететом в эпоху обобществления, не смогли они встроиться в лихоимное частнособственничество»,— заключает А. Яшин, как это не было бы прискорбно, предвидя неопределенность будущности класса литераторов, резко устремившихся в столицу, в «толстые куранты», в растущие, как на дрожжах, коммерческие издательства. «Тулупис выживал и надеялся»,— собственно, как и вся страна, образно и с определенной долей оптимизма представляет ситуацию автор. Другие времена неукоснительно требовали опять «усилить акценты» в написании текстов на злобу дня. Пришла и молодая поросль, пополнив старые ряды, какая галерея портретов и образов эпохи Осла проходит перед глазами: Олениха, Росомаха, Котик, Лось, Барсук, Степной Волк, Дрозд, длинноногая Лисичка! В разы возросло число «сочленов Тулуписа», готовых стать равными в «грядущем человейнике»! Графоманам или «чайникам» это вовсе не страшно, как и тем, кто по-прежнему денно и нощно, без устали строчит доносы. Пора обратиться и к хранителю языка русского В. Далю. Его «Толковый словарь живого великорусского языка» объясняет донос так: слово и дело, старинное — донос, быть в слове — подпасть вине, быть под ответом. Судите сами!

Здесь уместно задуматься: существует ли профессиональная солидарность? Человеческая, пожалуй, да, редко, но существует. Общая коллективная позиция в писательской среде сегодня уже невозможна. Все оказались детьми Красной империи, по определению критика В. Трусова, и с ее концом потеряли родину. Крах отечественной словесности вверг читателя в состояние энтропии. Есть ли жизнь на Марсе или нет, то есть в современной русской словесности? Хотя поминки по русской литературе все же преждевременны. В 1922 году О. Мандельштам опубликовал эссе «Конец романа», предрекая полный закат настоящей литературе. Прогноз не подтвердился. А. Яшин вопреки происходящему, пишет роман традиционного формата, которому не свойственна нынешняя размытая малосюжетность. С потерей Империи, считает автор, выстроенные связи: «писарь — книготорговец — читатель» аналогично и связям: книга — редактор — критик — читатель обретают совершенно противоположное значение, где превалирует во всем коммерческий и рациональный подход. Редактор — критик в одном лице и флаконе — это, кстати, тенденция нашего момента, когда выступать в одеждах литературной критики начала и публицистика, окрашенная политикой, когда и редакторство, не секрет, по-своему развращает, как и всякая власть. Но критики опять обретают статус общественного мнения и статус «властителей дум», становясь фигурами публичными. «Тяжелое это дело — современную литературную ниву возделывать»,— замечает А. Яшин. Кроме того, писатель не забывает, что он летописец, и не отступает от своей главной задачи. Роман его, как и полагается, прослеживает основные вехи и становления, и дальнейшего развития русской словесности. При всей завуалированности и бытийной аллегории в нем прочитывается четкая хронологическая логика основных дат и событий.

Итак, 1986—1991-е годы — время перестройки. В результате государство СССР, занимавшее 1/6 суши, исчезло с карты земного шара. Вместе с исчезновением «советского человека» исчезла и советская литература — прекращается процесс. И ни одна из литератур от этого не выиграла — влиятельность потеряли все вместе. Конец

80-х — начало 90-х — период книжно-журнального бума, высветивший истину, что «можно рукопись продать» — можно и купить! 1987-й год — вторгается новая действительность, дикая — с реальной кровью. Два мира, два полюса формируются в литературе: национал-патриоты, консерваторы — либералы-демократы, либеральная интеллигенция, ярые антисталинисты. 1989-й год — год гражданской войны в литературе, обозначивший блоки и группировки. 1990-й год — полноценный триумф Солженицына. Все журналы сосредотачиваются на одном авторе! Ничего подобного русская литература со времен пушкинского гения не видывала! Воистину — поклонение реабилитированному. Ну, что тут можно сказать: то мы были родом из Октября, напрочь забыв о том, что наши корни гораздо глубже, забыв о существовании империи Российской, то теперь у большинства оказались корни дворянские, от самих Рюриковичей идущие, или все славяне родом из ВКЛ, как в Беларуси. И были ли вообще племена славянские? Год Солженицына парадоксально обозначил конец истории мессианства. Противоречивая фигура Солженицына неприкосновенна; например, любопытнейшая книга И. Моисеевой «Синдром Солженицына» осталась незамеченной, поэт и литературовед попыталась показать и доказать, опираясь на массу авторитетных источников, взяв за основу рассказ писателя «Матренин двор», что все же он во многом, а главное в принципиальном моменте эстетического вопроса отступает от реальной правды жизни, искажая сами исторические факты. Но посягать на имя великого никоим образом нельзя. Ясно, что литература наша переживает ломку. «Опять всплыло старинное правило: выше коллежского асессора чинов не трогать!» — иронизирует на сей счет А. Яшин. 1991-й — год кредита свободы. 1993-й — год конфликтный. Разобщенность в писательском лагере. Литературный процесс мельчает, дробится. Теряется нечто главное, сам модус поэзии и прозы. Неслучайно в 1994-м году Е. Евтушенко с горечью заявит во всеуслышание: «Была цензура, сходная с удушьем. / Она, казалось, изгнана взашей. / Но вот пришла цензура равнодушьем / и в чем-то оказалась пострашней».

Стоит заметить, что в своем романе А. Яшин, сокрушаясь о потере нравственных ценностей, в то же время сокрушается и об отсутствии объективной цензуры. Ничего парадоксального здесь нет. Профессионалы от цензуры на корню пресекали дилетантизм. «В лихоимные «90-е» некоторые ударились в сочинительство историко-порнографических опусов»,— с сожалением напишет он. На сцену бытия, которую заняли активно юмористы и сатирики, вместо серьезных писателей вышли певцы запретных тем — от социальных до эротических. Ну, и бандит — ведущий герой прозы перестроечного и постсоветского периода. Любовь к литературе вдруг проявилась в игре во всевозможные премии, каких только не появилось на свет, она отчетливо зазвучала в бесконечных вечерах и презентациях, утонула в банкетах и фуршетах. Увы, авторитет писателя просто стал сдуваться, как воздушный шар, в мире, где натура превыше самой культуры. «Писать, тем более читать, им недосуг»,— ремарка А. Яшина о новомодных «поэтессах-зайчихах», коих развелось немерено, тогда как «надежды на серьезного и вдумчивого читателя давно исчерпаны». Расцвела дурная публицистичность, дешевая беллетристика заполонила книжные прилавки и полки библиотек. Границы между литературой и псевдолитературой размылись — люди в футлярах стали героями нашей жизни. Новое поколение литераторов лишилось не только почитателей, но и реальных читателей. Чтение как эликсир бессмертия утратило свою магическую силу. Быть, говорить, иметь лицо, имидж стало важнее, чем сидеть за письменным столом и писать. Издавать книги стало популярно на пустом месте, а издав, раздарить родственникам, близким знакомым. А ведь писателя должны читать, а не бесконечно слышать или видеть. Западники и славянофилы, либералы и «патриоты» заняли свои ниши в литературно-художественных журналах, рейтинг которых вначале перестройки взлетел неимоверно. Появилась и третья сила — андеграунд — модернизм, постмодернизм — пресловутое новаторство, от которого теперь

не отмахнешься и которое уже прочно заняло свое место в литературном процессе. Впрочем, у каждого свой лагерь, и у каждого свой опыт.

Книга «Житие наше оцифрованное» стала поводом поразмышлять о вещах крайне важных, о выборе и поиске собственных жизненных ориентиров, неотделимых от правильного выбора и магистрального курса общественного развития страны. Так ли необходимо порой разрушать старое, чтобы двигаться дальше? Почему это новое не может быть базисом, надстройкой уже имеющегося прочно выстроенного фундамента? Начиная с нуля, мы многое теряем в движении вперед, отстаем во времени. Философы: Флоренский, Розанов, Бердяев, Хомяков совершали непрерывный анализ постоянных российских стремлений к социальной справедливости путем реформ, революций, путем последовательных законов развития. Имперское сознание или ирония судьбы России дали о себе знать: 2015 год ждать не заставил — оглушительный рейтинг Сталина — Стальной Барс и в романе А. Яшина позиции свои никогда не сдает! Правда, как всегда, одно маленькое мажорное «но». Вопрос цены, коварный, разъедающий до червоточины душу, не дает покоя. «Проклятые» вопросы жизни и литературы, свободы и диктатуры, хаоса и революций до сих пор остаются без ответа.

Сугубо русские метаморфозы неотделимы и от вопроса смысла, места и роли писателя в России. «Где заканчивается профессия, оттуда уходит мастерство <…> человек превращается в безымянный винтик <…> глобальному человейнику писатели не нужны»,— тут не поспоришь с А. Яшиным. Великая литература никогда не была равнодушна к страданиям, к «униженным и оскорбленным», которые тоже, как оказывается, ближе, чем «богатые», которые «тоже плачут». В романе и в жизни сошлись «высокий трагизм и пошлый водевиль», явив нам воочию вместо Кастальского ключа копию, жалкую подделку, замененную обычным водопроводом, как и все в нашем непредсказуемом бытии. Аллегории?! — возразите автору и будете в чем-то правы. Но природу человеческую не изменить, не сломать. «Страсть, голод, зависть, власть — вот что во все века двигало человеком! И высшая цель — блаженство! Коммунизм — тоже блаженство. Великий соблазн и обман»,— пишет прозаик Е. Шишкин в книге «Правда и блаженство». Осмысливает эволюционный процесс и А. Яшин, прискорбно отмечая то, что «Христова мораль заменяется ветхозаветной моралью Истории»: «История же повелевает незримо надо всеми и вся: Христом и Князем, душами и телами, великой свободой духа и неимоверным рабством воли, честностью и предательством…» Кастальский ключ — тоже блаженство, творческое и интеллектуальное, блаженство созидания, не терпящее суррогатов.

Третье тысячелетие поглощает человечество катастрофическим отсутствием смысла, где каждый из нас воспринимается лишь в качестве биологического материала. Останется ли человек смыслом истории? Литература, заключающая в себе и возрождение, и распад, как целостная наука о человеке, утрачивает свою силу и влияние, теряется ведущая роль книги в жизни общества. И писатели — уже не «инженеры человеческих душ». Природа же пустоты не терпит, заполняя свободное пространство модернистскими архетипами. Критик Н. Ягодинцева, говоря о месте и роли литературы в России, выводит термин синдрома рандомной ризомы — хаотичных, случайных связей, срезающих до корневища ценностно-смысловую иерархию. Именно потерю смыслов тяжело переживает автор и герои романа «Житие наше оцифрованное», когда «в человейнике исчезнет надобность, наличие» писаря как результат Великого глобализма. Эпоха ревизии христианских ценностей, в которую мы вступаем, может обернуться против нас же самих. Об этом гениально предупреждал и Ф. М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» — христианин, человек, ходивший пред Богом, пророчески чувствовал грядущее. Он видел смысл жизни в служении человечеству, уничижение себя и своих героев пред образом Христа — это был путь свободного принятия Истины. Не так ли и Бог умалял, истощал, уничижал себя, став обычным человеком?

Великие страсти и великие искушения, Великий инквизитор и Великий глобализатор, Антихрист или идеал нравственного человека по Христу?! Вселенское противостояние нарастает. Какой же колоссальный интеллектуальный и нравственно-философский ресурс как вызов процессу глобализации может противопоставить Россия? Русская идея, говоря словами И. Ильина, «выражает русское историческое своеобразие и в то же время — русское историческое призвание»; она воплощает то, чем русский народ «прав перед лицом Божьим и самобытен среди всех других народов». Стоит задуматься. И вспомнить того же Н. Лескова. Ведь Россия могла бы стать лидером в разработке этого мирового проекта, лидером прежде всего интеллектуальным. Экономически, может и ошибаюсь, проигрываем, если окончательно не сдаем позиции некогда могучей Державы.

4

«Место слова заняла цифирь»

Возврат к национальной традиции —
Вот истинная новизна для нашего времени.

Г. В. Свиридов

Как видим, непросто нынче человеку в поисках смысла в современной литературе, а писателю крайне сложно создавать эту совершенно иную реальность третьего тысячелетия, включая и колоссальный объем прошлого, и анализируя настоящее, и предвосхищая будущее. Выдерживает ли наша сегодняшняя литература сравнение с классическими работами Распутина, Астафьева, Абрамова, Носова, авторами, расцвет таланта которых пришелся на вторую половину XX века? Способно ли нечто в современном творчестве поразить так, как способна и сегодня поразить воображение судьба поэзии, скажем, того же Рубцова, заплачем ли над каким-нибудь произведением модернизма, как можем невольно заплакать над стихами М. Лермонтова? Творчество перестало быть служением, постмодерн ставит человека не пред Богом, как ставил своих героев и себя всемирно признанный писатель и пророк Ф. М. Достоевский, а перед собой. Суть вещи — диаметрально противоположные. Так и в новелле А. Яшина «Французский синдром или новые луддиты» достопамятный нам профессор Скородумов рассуждает о пагубном влиянии компьютеризации на человека, на его логику мышления, что выхолащивается по А. Зиновьеву, исходя из его модели «роботированного человейника».

Самое печальное — потеря родного языка в нашей грубой «исконно-посконной» действительности. Посконная духовность, кровное, святое не должно мириться с техническим прогрессом, напрочь уничтожающем великий и могучий русский язык. «Единый зомбированный человейник» с его компьютерным мышлением, «придатком роботированного интернета», сплошь и рядом заполняет окружающее пространство американской терминологией. А тем временем герои романа А. Яшина отдают предпочтение незасоренной иностранными фразеологизмами речи. Интернет же воспринимают не более как средство коммуникации, быстрой информационной помощи, не забывая о том, что сия мутная информативная среда полна ошибок и неточностей. Основной ее минус — собственное мышление почти не участвует в познавательном процессе, работая «на малых оборотах», оно уже не обладает объективным мировоззрением и способностью к логическому мышлению. Возможно ли противостоять данному интернет-влиянию? Неужели мы когда-нибудь забудем, что литература — это текст, написанный личностью?! Поле интернета ужасает катастрофической безграмотностью. Ссылаясь на Запад и кивая в его сторону, мы сами в первую очередь уничтожаем наше полноценное образование, собственную культуру и собственный

язык. Не секрет, что на том же Западе к своей культуре относятся гораздо бережнее и внимательнее, никому слепо не подражая и не угождая, как это делаем мы, поощряя раболепие, ложь и фальш. Страх российских чиновников и откровенная ненависть к отечественной литературе с ее «божественным глаголом», призванным «жечь сердца людей», отрицание чуждых им глаголов «вечной жизни» проводит все больший водораздел между власть имущими, не видящими прямой надобности в культуре, и простым народом, упорно ищущим точку опоры в своих забытых историей национальных корнях.

Обратимся к самому предмету языка. Что характерно: у автора личная человеческая, гражданская позиция мастерски сочетается с оригинальным, хорошо рассчитанным ходом письма, увлекательным повествованием, сочным лукавым юмором, сдобренным поразительно богатым и красочным языком. Разве не похожие краски мы находим у Толстого, Салтыкова-Щедрина, Лескова. «Этот язык…— писал Н. Лесков,— подслушан у мужика…— Я внимательно и много лет прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения. Они все говорят у меня по-своему, а не по-литературному». Невероятно близок к народному языку и А. Яшин, его речевое своеобразие возвращает читателя к утерянному русскому языку, а богатая речь героев романа и самого автора вызывает восхищение знанием и сохранением устного творчества народа, создающего разительную альтернативу Интернету. Значит, еще не забыты на Руси и Даль, великий знаток народной языковой Вселенной, и Тургенев с его чистотой речи, никогда не употреблявший иностранных слов, и Белинский, призывавший к «здравомыслию и здравовкусию» в употреблении «заемной речи». Сегодня опять на Руси пытается воцариться местечковый хам с жаргоном. Надо отдать должное Я. Яшину как патриоту чистоты русского языка, ведь в силу характера новаторского языка автора его роман, изобилующий образной фактурой речи, тоже можно считать новаторским среди литературы, порой полностью игнорирующей правила и законы языка.

Отступление в плане особенностей языка авторского письма не помешает нам и далее погрузиться в чтение романа, останавливаясь на новелле «Ветер западный, оцифрованный…», не помешает с явно доброжелательным любопытством заглянуть на уютную кухню к нашим героям, а даже наоборот вслушаться к их речи, где они за обильно накрытым столом отмечают годовщину сталинской конституции. Встреча старых друзей имеет особенность по традиционно русскому обычаю затянуться, тем более что тема беседы, как всегда, глобальна: уничтожение гуманитарного мышления компьютерным, расчеловечивание человека, проблемы биосферы и ноосферы, определенные ученым и философом-космистом В. И. Вернадским. Оцифрованное мышление с его механистичностью уничтожает и тот же рукописный текст, надобность в нем отпадает, а ведь рукописание, письменное слово литератор усваивает лучше. Нарушается предопределенная самой природой заданность социального единства. Философ Н. Лосский всеобщность органического строения мира, знания и суждения, которые есть необходимая связь, тесно соединял и со связью индивидуума со всем миром. Это некий универсум, в котором «все имманентно всему», все существует во всем, целостно и нерушимо.

Весьма любопытна и новелла «Константиновский Рублевик на Шелковом пути. Из жизни коллекционеров» — по своим интонациям — это чисто лесковское произведение. Ох, не умеем мы свое, исконное, ценить, завещанное нам предками, а тем паче это свое создавать и беречь, в силу инертности или лени предпочитая пользоваться чужим. Причем итог одинаков и в экономике, и в литературе: «Нам в департаменте литераторы не нужны, нам нужны исполнители»,— высказывание чиновника от культуры, которое приводит автор,— вот оно веяние времени, роботы-винтики, ни творчества, ни Кастальских тебе ключей, ни вдохновения жизни. В книге «Русская мысль и человечество» (Калининград, 2020) писатель и публицист Л. Довыденко в

беседе с одним из героев очерка пытается выяснить и найти русские корни китайского чуда, обращаясь к экономической теории Н. Бухарина. Параллель занятная. Ведь и А. Яшин достаточно часто исследует в своих произведениях китайский феномен. Конфликт Бухарин — Сталин известен. Крылатая фраза Бухарина: «Нищий социализм — это паршивый социализм»,— облетела весь мир. Что не помешало Сталину, искоренявшему частнособственничество, уничтожить 20 миллионов кулаков — самого эффективного класса крестьян. Однако история — вещь непредсказуемая. Вступив на путь «дикого» капитализма, Россия не вспомнила о Бухарине, а ведь было самое время, как всегда, недосуг, шла поголовная приватизация всего и вся, зато Китай заинтересовался наследием экономического теоретика, как без той же очередной революции и смены строя достичь индустриальных результатов. Дэн-Сяопин целый этаж в институте марксизма-ленинизма отвел на изучение бухаринских трудов. Массовое изучение и распространение этой теории — основа «китайского чуда». Думаю, вдаваться в подробности не стоит.

И все же у истории к литературе свои вопросы и свой счет. Кто здесь против кого? К примеру, оригинальны и необычны оценки мыслителя и публициста И. Солоневича, как и А. Зиновьева, запрещенного в СССР. Он считал, что русская литература всегда была «оторвана от действительности», во многом являясь скрытой причиной тех же революций. Писатели-классики, постоянно говорившие о «таинственности славянской души», не придавали значения тому, что русский мужик, прежде всего,— деловой человек и трезвый человек. В буквальном смысле слова. По душевому употреблению алкоголя дореволюционная Россия стояла на одиннадцатом месте в мире. Дело русского крестьянина — дело маленькое, но это есть дело. А. А. Яшин — и сам потомок калужских мужиков-землепашцев, читая его роман, мы убеждаемся, что творческий облик писателя неразрывно связан с особенностями его биографии. Автор не пропускает ярких, характерных эпизодов и деталей. Мужик был умнее Бердяевых, так как жил в мире реальных вещей. Бездельники и отвлеченные диванные мечтатели не могли создать империю на 1/6 части земной суши. И факты истории, по мнению И. Солоневича, в чем убеждает и роман «Житие наше оцифрованное», неоспоримы — слабый народ не мог построить великую Империю.

Вполне неслучайна и завершающая новелла в романе А. Яшина — «Отголоски ленд-лиза». Она приурочена к 105-летию начала практики ленд-лиза в мировых войнах. Финал новеллы ознаменован сокрушительным потоплением фанерных американских торпедных катеров как последнего отголоска ленд-лиза. Нечто пророческое. Что дальше? «В России нужно жить долго, тогда что-либо получится»,— знал хорошо особенности русского бытия К. Чуковский. Впрочем, не легче жить и во времена великих перемен! Дальше-больше — новая угроза — глобальное расчеловечивание, что не может не наложить свой отпечаток и на литературу, теряющую ведущую роль в обществе, благодаря переходу от творческого мышления к унитарно-цифровому, компьютерному мышлению. Ни герои романа «Житие оцифрованное», ни его автор не хотят отказываться от национальных чувств любви к Родине, ни от «посконно-домотканного» взгляда на мир, гармоничного и при этом солидарного с острым блоковским геополитическим чутьем. Внутреннее преобразование человека и технический прогресс — неразрешимая дилемма бесконечных разговоров на страницах книги А. Яшина, которые имеют уникальное русское свойство затягиваться у наших героев допоздна на гостеприимной кухне и совсем не за одной рюмкой выпитого, что никоим образом не умаляет их интеллектуальной важности для понимающего и вполне солидарного с ними читателя.

Автор дает понять нам: мы не только свидетели, подойдя вплотную к ее истокам, но уже и в какой-то мере участники битвы человека с постчеловеком. В книге Л. Довыденко «Русская мысль и человечество», в очерке об Н. Арсеньеве, современник и друг философа Г. Трубецкой спрашивал: «В настоящий исторический момент чело-

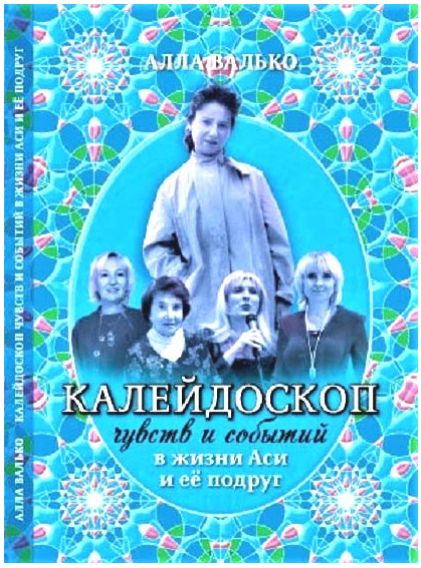
вечество стоит на перепутье. Что же победит в нем — культурный зоологизм или «сердце милующее»? Чем надлежит быть вселенной — зверинцем или храмом?» Н. Арсеньев развивает свою мысль в рамках идеала преобразования. Выбор один: Апокалипсис или преобразование. Русская литература, вобравшая в себя всю глубину национального духовного опыта, должна вернуть его традициям. Еще Г. Успенский говорил о актуальной логике идей девальвации человеческого в постмодернизме.

Есть ли идеальная формула русской жизни для А. Яшина? Он пишет об этой драме человечества, сознательно избирающем роль потребителя в глобальном рынке. Человек уничтожает биосферу, не сохраняет, а значит не может и заниматься переходом ее в высшее состояние — строительство ноосферы, допускающей при разумном эволюционном и техническом подходе сохранить место и для человека. Что такое сегодня писатель в мире караоке и депрофессионализма? Писатель в противовес происходящему должен делать добро и должен не дать победить искусственному. Именно литература призвана остаться целостным феноменом осмысления жизненных явлений. При всем трансгуманизме нельзя утратить русскую художественно-философскую мысль и русскую литературу. Реальный художник в конечном итоге выбирает не путь однодневного плаката, а долгий путь вдумчивого живописца, путь русского Слова — русского глагола.

Алексей Яшин к проблемам современности подошел с глубоким психологизмом, не просто художественно, но и онтологически с точки зрения познания как исследователя социально-этических проблем. Темная сторона цифровизации не закрывает в «Житии нашем оцифрованном» и надежды на лучшее! Ведь этот противоречивый мир, такой необходимый всему человечеству, вместе с героями Алексея Яшина создаем и мы с вами! И в жизни, и в литературе торжествует человек, его совесть и его разум, воедино соединенные с Божественным и вечным!

От редакции: в электронном виде книгу Алексея Яшина «Житие наше оцифрованное» см. на сайте www.pz.tula.ru

О КНИГЕ АЛЛЫ ВАЛЬКО «КАЛЕЙДОСКОП ЧУВСТВ И СОБЫТИЙ В ЖИЗНИ АСИ И ЕЕ ПОДРУГ»



Новый проект известной российской писательницы Аллы Валько «Калейдоскоп чувств и событий в жизни Аси и ее подруг» носит одновременно художественный, автобиографический и публицистический характер. В книге отражены практически все сферы жизни и духовного внутреннего мира женщины, находящейся в материальном и довольно суровом окружающем мире. Здесь мы находим всего понемногу: несостоявшуюся любовь, проблески мимолетного и от этого немного грустного счастья от любви состоявшейся, страдания от утрат, разочарование в некоторых людях или, напротив, теплую и долгую дружбу, и в конечном счете философскую оценку автором «встреч на узких перекрестках мироздания»*.

Мы знакомимся с рассказами и миниатюрами, полными тонкого юмора, иронии и, что характерно, самоиронии. Все это придает особый оттенок, без которого «радуга» книги Валько была бы неполной. Если рассматривать книгу в целом, то, на мой взгляд, она в самом широком смысле о том, как нелегко обрести счастье женщине, насколько это вообще возможно, во все времена. И поскольку творчество Валько носит вневременный характер, а сущность человеческих взаимоотношений в России (и в прошлом в СССР) остается почти неизменной на протяжении одной человеческой жизни, полагаю, сюжеты, отраженные в книге, вполне соответствуют реалиям сегодняшнего дня.

Одна из примечательных особенностей мастерства Аллы Валько как рассказчика — ощущение присутствия автора при чтении книги. Писательница неторопливо, с налетом легкой и светлой печали рассказывает простые по форме и одновременно сложные по содержанию житейские истории. При этом ей удается простыми и понятными словами доносить суть серьезных и глубоких вещей, событий и явлений. Доверительная беседа с мудрым собеседником — вот, пожалуй, одна из характеристик, которую в числе других можно дать этой работе. Дело еще и в том, что некоторые ситуации, описанные в книге, случаются в жизни многих людей, а раз так, то они не могут не волновать в разной степени того или иного читателя.

Весьма интересны и познавательны рассказы о продолжительной любви либо мимолетной влюбленности, об испытании чувств временем и обстоятельствами. Эти работы-воспоминания одновременно и о том, что если человеку удается периодически виртуально возвращаться в минувшее, прожитые годы представляются более яркими и насыщенными. Такого рода воспоминания приобретают особую значимость с течением времени еще и потому, что касаются не только одного человека, но и тех, кто был когда-то рядом («На ваш вопрос непременно придет ответ»). Поразительна способность автора в объеме одного небольшого рассказа проследить почти целую жизнь и судьбу своих героев. («Позднее раскаяние», «Кларнетист», «Военпред» и др.)

В центре большинства историй исследование и осмысление характера взаимоот-

* В. Высоцкий «Баллада о Любви»

ношений мужчины и женщины, а также других людей — родственников, друзей и прочих «попутчиков». Часто это печальная и вместе с тем реалистичная история, вобравшая в себя всю палитру красок жизни, ее скоротечность и неповторимость. Впечатляет легкость подачи материала и его восприятие. Повествование протекает легко, плавно и одновременно заставляет задумываться о сложных и порой неразрешимых вопросах, которые то и дело ставит жизнь.

Эта творческая манера и подходы к решению художественных задач хорошо прослеживаются в рассказе «Секс по расчету». Продолжительный по времени пласт жизни во всем ее многообразии литературно оформлен в сравнительно небольшой объем. Встреча, первоначальное смутное чувство симпатии в сочетании с деловыми отношениями, интимная близость Анны и Василия Ивановича, которая все же не перешла в близость душевную...

Подобная сюжетная линия, раскрывающая отношения мужчины и женщины, которым не суждено быть вместе, представлена также в рассказе «Мост, оставшийся на бумаге».

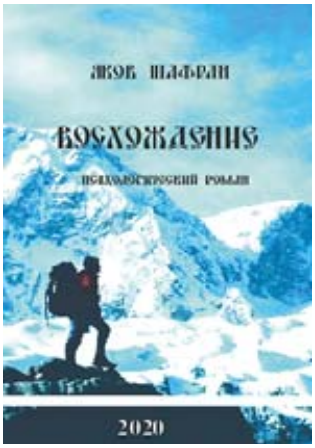
Книга оставляет очень хорошее впечатление и, самое главное, позитивное «послевкусие». Чувствуется, что Алла Валько не просто красиво и талантливо излагает свои мысли, а лично пережила многие из представленных в книге ситуаций. Жизненная мудрость заключается в том, что автор сердцем воспринял все то, о чем пишет, а это преобразуется в очень сильный энергетический заряд, который обязательно доходит до чувственного и эмоционального мира потенциального читателя.

Разумеется, этот отзыв не охватывает всего спектра вопросов, проблем и жизненных коллизий, описанных в издании, посему рекомендую читателям самим прочитать эту книгу и сделать для себя собственные выводы. Мне представляется, что книга рассчитана на вдумчивого, обладающего определенным жизненным опытом читателя с положительным восприятием окружающего мира, но в общем и целом будет интересна самой широкой читательской аудитории.

Подробно с книгой можно познакомится на сайте «Литературное имя»:
http://litname.ru/avt_84890076&kng-4590

Евгений Скоблов,
г. Москва

ВОСХОЖДЕНИЕ



Сколько себя помню, меня всегда интересовали и восхищали люди, которые в своей жизни и творчестве достигли значительных высот. К одним из таких людей относится известный тульский писатель Яков Наумович Шафран – член Академии Российской литературы, Союза писателей – переводчиков МГО Союза Писателей России и Российского Союза писателей, лауреат многочисленных литературных премий.

Недавно в Московском издательстве «Новые Витражи» из печати вышел его роман «Восхождение»*, рассказывающий об отношениях между людьми, семье, одиночестве, о вере и любви, о подлости, измене, предательстве, жажде обогащения, клевете и насилии. И как пишет автор — «это роман о жизни во всех ее психологических аспектах».

Читая роман, мы видим, что многие герои проникнуты до глубины души предрассудками и заблуждениями. Но человек сам должен находить свою истину, свою цель в жизни, веру и счастье, как это делает главный герой романа Иван Бескрайнов. Он мучается над традиционным и для нашей литературы вопросами о неустроенности жизни, неясности будущего. При этом каждый человек, подчеркивает автор, должен учиться сам, постигая уроки жизни, в первую очередь, слушая свое сердце. А у тех, кто этого не понимает, жизнь протекает мимо и сами они ни в чем не становятся лучше.

Мы видим, что счастье каждый персонаж воспринимает по — своему. И в разные моменты жизни придает ему разные смыслы. Каждый сам для себя определяет его значение.

В каждом персонаже автор подмечает черты, свойственные только данному типу людей. Он стремится раскрыть внутреннее развитие своих персонажей. Психологически тонко и убедительно Яков Наумович воссоздает облик главных героев книги — Ивана Бескрайнова, Виктора Светогонова, Надежды Черновой, Боброва, бабушки Раисы Никифоровны, Виктора Быстрова, священника отца Сергия, Анастасии, Ларисы. Но человек – это загадка, ведь каждый проживает свою жизнь, отличную от других. Образы героев романа имеют ярко выраженные гротескные черты. Здесь происходит столкновение различных мировоззрений. Но для писателя важен не социальный, а нравственный конфликт.

Каждая ситуация рассказывается со всеми деталями и очень подробно. Сюжет и прост, и сложен одновременно. Он пронизан болью, душевными муками и переживаниями героев.

В романе мы встречаемся *«с обычными людьми, участвующими, правда, в не совсем обычных событиях, столкнувшимися с не совсем обычными обстоятельствами, с их внутренним миром… А людские чувства и поступки, развитие людских судеб выражают порой развитие судеб более высоких общностей, так как в малом отражается большее, а в большем – малое. Все взаимосвязано»* (Я. Шафран).

В обществе культивируется распущенность, цинизм, пошлость и жестокость. Произошла подмена понятий и ценностей. Одним из отрицательных персонажей в романе показан Виктор Анатольевич Быстров. К Быстрову можно применить слова Омара Хайяма: *«Чем ниже человек душой, / Тем выше задирает нос. / Он носом тя-*

* С романом Якова Шафрана «Восхождение» можно познакомиться на сайте «Приокских зорь», перейдя по ссылке http://www.pz.tula.ru/b2020/b2020pub1.pdf

нется туда, / Куда душою не дорос. / Мы видим как легкомысленное отношение к жизни разрушает его личность и сеет ложь.

Написанная Яковом Наумовичем картина наполнена большим философско — нравственным содержанием. «Настоящий писатель — это то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди», говорил А. П. Чехов.

Мудрые советы писателя щедро рассыпаны по страницам произведения. Оптимизм, талант и доброта – основные составляющие его творчества.

При этом творчество Я. Н. Шафрана проникнуто религиозным мистицизмом, смутным стремлением в сверхчувственную область, полную чудес и неразгаданных тайн. Вера придает его творчеству духовную глубину. А духовность, как тончайшая энергия, связывает с Высшим Миром. Чувство Божественного и беспредельного наполняет его сердце. Для писателя на первом месте стоит внутренний мир человека, его душа. Идея Божественного света, которым наделена человеческая душа, составляет основу его миропонимания. Автор старается заглянуть за грань реальности и открыть читателю удивительное по силе изображения метафизическое пространство, где «земное» контрастирует с ощущением «Высшего смысла».

В романе семьдесят глав. В них отражены глубокие раздумья над вечными тайнами жизни, над загадками человеческого бытия. И все они написаны чистым, прекрасным языком, отличающимся особенной проникновенностью и тонким лиризмом.

Книга показывает, что в принципе писатель остался верен своей манере. Текст выполнен в русской прозаической традиции. В нем заложено глубокое чувство торжества добра и света.

Природа — активная действующая сила, находится в вечном движении, развитии, обновлении. Тонко чувствующий и необыкновенно восприимчивый, писатель с удивительным подчас мастерством улавливает биение пульса жизни и в очеловечивании природных явлений. Человек и природа в его творчестве неразрывны.

А пейзаж полон глубокого смысла, создает определенное настроение. В нем часто стирается грань между изображением природы и переживаниями героев.

Автор не идет на поводу общественного мнения и не питает иллюзий. У него своя логика, подвластная только ему. Он склонен к резкой смене настроений, интонаций, ищет гармонии во всем: в себе и в мире. Чувствуется тяга к положительному и потребность в идеале. И эта мысль путеводной нитью проходит через его творчество.

Новая книга написана интересно и убедительно, а все главы связаны одной общей нитью. Мы ощущаем в них искренность и силу чувств.

Яков Наумович — самобытный и талантливый писатель со своим творческим почерком. Острый и ясный ум, художественный вкус составляют в нем единое целое. Очередным подтверждением высокого уровня его таланта и является роман «Восхождение».

Конечно, роман немного назидателен, но в меру. В нем сильны исповедальные интонации, ярко выражена борьба противоположностей. Читается с увлечением, у его автора легкая рука.

Евгений Трещев,
г. Щекино Тульской области

«НЕ СЧИТАЮ СЕБЯ ПОЭТОМ»

На вопросы Николая Тимохина согласился ответить многократный лауреат всесоюзных и всероссийских конкурсов и фестивалей эстрадной песни, лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства, член правления Международного союза деятелей эстрадного искусства, поэт-песенник, песни на стихи которого есть в репертуаре звезд эстрады: Иосифа Кобзона, Льва Лещенко, Вячеслава Добрынина, Софии Ротару, Ирины Понаровской, Сосо Павлиашвили, Михаила Боярского, Николая Караченцова, ВИА «Самоцветы», «Веселые ребята», «Пламя», группы «На-На» и многих других, Михаил Зеликович Шабров.

ТИМОХИН. Здравствуйте, Михаил Зеликович! Названием этого интервью послужили ваши слова: «Я не считаю себя поэтом, потому что всегда пишу от имени исполнителей», и ссылались при этом на ваше творческое взаимодействие с Софией Ротару. И все же, если вы не поэт, тогда кто же? И кого вы можете выделить из современных поэтов в России? И вообще, есть ли таковые?

ШАБРОВ. Я — поэт-песенник. И, по-моему, единственный из тех, кто пишет стихи для песен и который так себя называет. Выдающийся мастер песни Леонид Дербенев, например, терпеть не мог, когда о нем говорили как о поэте-песеннике. Меня же это нисколько не смущает.

Чтобы было понятно... Работая с Софией Ротару, мы с композитором Владимиром Матецким искали темы для песен, которые бы совпадали с личностью певицы, ее сценическим образом. Естественно, стихи писались от ее имени. В этих песнях ее души и чувств гораздо больше, чем моей. Достаточно вспомнить «Хуторянку» или «Диких лебедей». Кроме того, почти все стихотворные тексты для Ротару, включая «Лаванду», «Луна, луна», «Было, но прошло», были написаны на уже готовую мелодию, и — внимание! — в этом ключ к пониманию того, что отличает Поэта от Поэта-песенника.

Настоящего поэта можно узнать по интонации. Он «пишет, как дышит», поэту-песеннику, особенно в тех случаях, когда он пишет стихи на уже готовую музыку, это «дыхание», эта интонация предоставляется готовой. Кроме того, поэт-песенник должен использовать в работе над песней лексику, речевые обороты, которые находятся в полном соответствии с личностью исполнителя.

Далее, песенные стихи воспринимаются, в первую очередь, на слух, поэтому они должны запоминаться чуть ли не сразу. В обойме песенного текста должны быть обязательно одна, две фразы, которые в сознании слушателя запечатлевались как следы на снегу.

Стихи для песни создаются обязательно по закону драматического произведения, т.е. в них должна быть экспозиция, завязка и развязка. Именно благодаря этим особенностям песенного жанра я и стал драматургом. Я написал либретто 19 музыкальных спектаклей для детей и одного мюзикла «Сизимок и Бабинук», за который и получил лауреата Пермского края.

И последнее. У поэта, пишущего стихи, нет необходимости практически каждый раз загонять себя в куплетно-припевную форму и также каждый раз укладывать содержание стихотворение в 3—4 четверостишия. Поэт абсолютно волен в своем творчестве.

К сожалению, не могу не сказать об этом, последние четверть века ввиду полного отсутствия художественной цензуры, уничтожения института редакторов, и не только поэтому, наметилась четкая тенденция графоманизации эстрадной песни. Впрочем, об этом совершенно замечательно написал Валентин Гафт в стихотворении, посвященном Юрию Визбору. Там есть такие строки:

Попса дробит шрапнелью наши души.
Ее за это не привлечь к суду.
Часть поколенья выросла на чуши
И новое рождается в бреду.
Слова — ничто! Есть вопли вырожденья...

И так далее. Думаю, что и этого достаточно.

...Настоящих поэтов в России всегда хватало. И, как мне кажется, интерес к подлинной поэзии начинает возрастать.

В конце прошлого года я познакомился в Доме кино с 15-летним поэтом Олегом Печерниковым. Стихи он пишет с 7 лет. У него уже вышло, если я не ошибаюсь, три сборника стихов (слава Богу, что мир не без добрых людей.) Вот у него уже есть своя интонация. И он не представляет своей жизни без поэзии. У Олега трудная и драматичная судьба, и во многом благодаря увлечению поэзией, он сегодня живет полноценной жизнью. Как подметил известный канадский композитор, музыкант, певец Леонард Коэн: «Поэзия — это доказательство жизни. Если твоя жизнь пылает, поэзия — ее пепел». Жизнь Олега сегодня пылает. Как он сам написал в одном из стихотворений, когда ему было 12 лет, «я не могу жить без стихов своих! Все мои мысли — это вдох, а выдох — стих».

Те, кто захотят познакомиться с творчеством Олега, легко найдут его стихи в интернете.

ТИМОХИН. Вы филолог по образованию. Хотелось ли вам когда-либо работать в школе? Как вы оцениваете современную систему образования? И как обучить народ грамоте?

ШАБРОВ. Последний вопрос явно не ко мне, потому что никогда не был специалистом в области организации учебного процесса. К тому же считаю, что начальной грамоте народ обучен. Другое дело, как я оцениваю современную систему образования в России.

Лично мне она не нравится. Я считаю, что мы напрасно отказались от академического метода преподавания, принятого в советской школе,— одной из самых лучших в мире. И это уже не только мое мнение.

Мне не нравится ЕГЭ. Мне не нравится (просто в ужасе!) от того, что сокращаются часы на изучение русского языка, литературы. Школьники не умеют писать сочинения. Это значит, что они не умеют думать, анализировать, делать выводы. Это значит, что из него никогда не получится высокого класса специалист, да и просто специалист. Становится не смешно, а грустно, когда читаешь ответ школьника на традиционный после каникул вопрос: «Как я провел лето?»,— «Интернет, еда. Все». И это тоже издержки современного образования.

...Для того, чтобы работать в школе, нужно иметь педагогический талант и терпение. Ни того, ни другого у меня нет. Я это понял давно, поэтому счастлив тем, что на моей совести нет ни одной искалеченной детской души.

ТИМОХИН. Вы участник многих памятных телевизионных фестивалей «Песня года» еще в советские времена. Это фестиваль и сейчас продолжает свою традицию, только сильно отличается от предыдущих.

Как вы относитесь к нынешним лауреатам этого фестиваля? Не хочется ли вам в душе покритиковать их песни? Или, быть может, вы считаете это новым веянием в музыке?

ШАБРОВ. В ответ могу лишь только продолжить цитировать Валентина Гафта.

Слова ничто! Есть вопли вырожденья.
Тот знаменит, кто больше не здоров,
Кто выйдет петь без всякого стесненья,
Без совести, без страха, без штанов.
Где песня, чтобы спеть ее хотелось,
Слова где, чтоб вовеки не забыть?
Ну что горланить про кусочек тела,
Кто, с кем когда-то хочет жить!
С телеэкрана, как из ресторана,
Для пущей важности прибавив хрипотцы,
Они пудами сыпят соль на рану,
Как на капусту или огурцы.

Мне кажется, что с помощью Валентина Гафта я дал исчерпывающий ответ на ваш вопрос. Единственное, что я могу уточнить, а не добавить, телевизионный фестиваль «Песня года» напрочь ушел от традиций, которые в нем существовали. Он перестал быть фестивалем авторов песен (композиторов и поэтов), как это было в советское время, он перестал быть фестивалем, представляющим песню во всем ее жанровом разнообразии, он стал фестивалем узкого круга исполнителей и отчасти авторов, приближенных к руководству художественного вещания федеральных каналов. По большому счету, почти все музыкальные телевизионные программы — это один большой корпоратив, где нет и не может быть, в силу отсутствия конкуренции, никаких новых веяний, тем более в музыке, где после того, как мы «похоронили» то, что называлось «советской песней» с ее яркой неповторимой мелодичностью и лиричностью, тихо плетемся в хвосте западного шоу-бизнеса.

ТИМОХИН. Как известно новое — это хорошо забытое старое. Ваши песни «Было, но прошло», «Хуторянка», «Луна, луна» будут слушать еще на протяжении долгого времени. А как творцам современных хитов надо так забыть старое, чтобы у них появилось непревзойденное новое?

ШАБРОВ. Старое забывать не надо. «Народ, который забыл свое прошлое, не имеет будущего». Сказано о глобальном, но и к музыке, и к песне имеет непосредственное отношение. Если я и достиг каких-то высоких творческих результатов, то это благодаря тому, что учился песенной поэзии у таких мастеров, как Леонид Дербенев, Игорь Шаферан, Михаил Пляцковский, Михаил Танич, Анатолий Поперечный. Мне повезло, я еще имел счастье общаться с ними. Без преувеличения — это и были мои песенные университеты.

Хуже ничего нет, чем Иваны, не помнящие родства. И творцам, как вы говорите, современных хитов нельзя забывать об этом.

Не знаю, но с моей точки зрения, ни один из молодых или среднего возраста композиторов не дорос еще до уровня Оскара Фельцмана, Марка Фрадкина, Эдуарда Колмановского, Матвея Блантера, Арно Бабаджаняна и, слава Богу, ныне здравствующих Александры Пахмутовой, Давида Тухманова, Максима Дунаевского и тех же Юрия Антонова и Вячеслава Добрынина.

ТИМОХИН. Михаил Зеликович, с кем из звезд советский эстрады, для которых вы писали свои хиты, продолжаете общаться?

ШАБРОВ. Я получаю удовольствие от общения со своей семьей, близкими друзьями, среди которых артисты, врачи, архитекторы, юристы...

Из представителей звезд советской, а теперь и российской эстрады исключение составляет Вячеслав Добрынин, с которым нас связывают узы многолетней дружбы, в том числе и творческой. В 2002 году я даже книгу о нем написал «Вячеслав Добрынин — Доктор Шлягер».

ТИМОХИН. Читатели нашего журнала «Приокские зори» мне не простят, если я у вас не спрошу про Софию Ротару. Вы так много и тесно сотрудничали с ней. Что вам особенно запомнилось в вашей совместной работе? Какие в ней были наиболее интересные моменты?

ШАБРОВ. Мы понимали друг друга с полуслова. Мы — это Соня, ее муж и музыкальный продюсер Анатолий Евдокименко, я и Володя Матецкий. Мы работали в удовольствие, а потому с азартом. Иначе ничего бы не получилось.

Ротару — великая певица. Помимо красивой внешности и богатого по силе и тембру голоса, она, как и все большие артисты, обладает экстрасенсорными качествами. Она умеет подчинить своей воле многотысячный зал.

Мне запомнился один из концертов Ротару в Казани, во Дворце спорта. Он был второй по счету в этом зале, который вмещал более пяти тысяч человек. Про аншлаг говорить не надо. Это само собой разумеется на концертах Ротару. Я стоял за кулисами, но близко к сцене. Мне сразу не понравилась атмосфера в зале. В ней чувствовалось напряжение, и я бы даже сказал какое-то противостояние с артистом, который должен был выйти на сцену.

Предчувствие не обмануло. Прозвучали первая, вторая песни... Обычно зал сразу заводился, а тут довольно скромные аплодисменты. «В воздухе пахло грозой». Во время проигрыша, звучавшего в третьей песне, в котором на первое место вышли солисты балета «Тодес», выступавшие вместе с Ротару, Соня подошла к кулисам. В ее глазах я увидел молнии. Она смахнула капельки пота со лба и, почти не разжимая зубов, сказала, обращаясь ко мне:

— Смотри, как я сейчас их сделаю!

Энергетический поток, шедший от певицы, сначала вдавил зрителей в кресла, а потом заставил взорваться радостными эмоциями, разом покончившими с противостоянием. Зрители сдались на милость победителя. Каждая следующая песня сопровождалась овацией. Концерт окончился, но зрители еще долго не хотели отпускать певицу со сцены.

...Дойдя до гримерки, она почти в полуобморочном состоянии рухнула на диван.

Думаю, за этот концерт она потеряла в весе несколько килограммов. Про здоровье я уже и не говорю. Триумф всегда стоит дорого.

ТИМОХИН. Михаил Зеликович, находите ли вы время на чтение? Что предпочитаете читать? И что порекомендуете молодежи?

ШАБРОВ. Конечно, нахожу. Отдаю предпочтение классике. Не так давно перечитал «Воскресение» Льва Толстого, «Мертвые души» Николая Гоголя.

Для меня почти настольной стала книга французского писателя Мишеля Уэльбека «Возможность острова». Я ее периодически перечитываю. Очень глубокая и умная книга, заставляющая задуматься о завтрашнем дне человечества. Контуры этого дня видны уже сегодня.

Из самых последних книг, которые я прочитал, перечитал — это «Лирика» Саши Черного, «Русские, или из дворян в интеллигенты» Станислава Рассадина, «Окаянные дни» Ивана Бунина и «Записки городского невротика» моего любимого режиссера и актера Вуди Аллена.

А что касается рекомендаций, тем более молодежи, то я не гуру, чтобы их давать.

Знаю только одно, если человек не читает книги, то он в своем развитии недалеко ушел от обезьяны.

ТИМОХИН. При упоминании Беларуси мне представляются Беловежская пуща, белорусские партизаны и ВИА «Песняры».

Михаил Зеликович, а что для вас Беларусь и чем она особенна?

ШАБРОВ. Я родился и вырос в Москве. Правда, вот уже 6 лет живу в деревне, но под Москвой. В общем, россиянин. Но... Чем может быть для меня Беларусь, если там родились, выросли и познакомились мои родители, если там родились и выросли мои родные дяди и тети, если там во время войны фашисты расстреляли моего деда?

И наша с женой невестка — из Пинска.

Я на генетическом уровне повязан с Беларусью. Об этом еще свидетельствует и то, что моими любимыми с детства блюдами являются картошка в мундире и, конечно, драники со сметаной.

ТИМОХИН. Михаил Зеликович, наша с вами беседа стала настоящим сюрпризом не только для меня, но и для читателей журнала «Приокские Зори».

Что вы нам всем можете пожелать?

ШАБРОВ. Как можно больше и чаще приятных сюрпризов в жизни. И, конечно, удачи. Без нее трудно.

Николай Тимохин,
г. Семипалатинск, Казахстан

Лариса Семенищенкова
(г. Брянск)

«МЫ ЗНАЕМ, ЧТО БЫВАЕТ В ЖИЗНИ СЧАСТЬЕ...»
(о книге К. Асеевой «На языке любви»)

Член Союза писателей России. Пишет пьесы, рассказы, сказы, сказки, стихи для детей. Автор книг: «Мой театр», «Анюта-Узорница», «Волшебный лес», «Вдохновение», «Услышать друг друга». Лауреат всероссийских и международных литературных премий, в том числе всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (Тула, 2014). Живет в Брянске.

Клавдию Асееву, живущую в родном городе Карачеве, хорошо знают на Брянщине и за ее пределами. Она автор пяти книг, член Союза писателей России, член Союза журналистов. Лауреат литературных премий «На земле Бояна» и «Серебряная Лира» имени А. К. Толстого. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Читателей привлекает сердечная отзывчивость поэтессы на все, чем живет человек. В калейдоскопе тем отражается ее привязанность к отчему краю, любовь к родным и близким, беспокойство о судьбе Родины, российской провинции. В ее творчестве нераздельны человек и природа, осмыслена цель нашего бытия, приоритетна духовность. И о чем бы ни писала Клавдия Асеева, все пронизано светом любви к людям, природе, жизни.

Книга, о которой я пишу, так и называется — «На языке любви» (Брянск: Издательство «Аверс», 2019 г.)

По названию можно судить о главной теме книги. Содержание первых двух разделов сборника — «Звонок из прошлого» и «Исцели свою душу любовью» — составляют отношения мужчины и женщины. Дальше тематика расширяется, но любовная лирика не исчезает, потому что в ней находит отражение важнейшая ипостась женской судьбы. Как анализировать эти произведения? Сам предмет образного воплощения стихиен, загадочен, индивидуален. Но в заманчивом путешествии по лабиринтам жизни души нас сопровождают искренность и исповедальность лирики — важнейшие условия для читательского сопереживания и проникновения в тайнопись сердца.

Эта стихотворная подборка читается как повесть с единым сюжетом в классическом варианте. **Встречи; печаль, горечь расставаний; снова встречи; разлука навсегда; осмысление финала.** Много, много грусти, потому что в целом это печальная повесть о несостоявшемся союзе женщины и мужчины. По какой-то причине герои этого сюжета разошлись, разъехались, разъединили, казалось бы, неизбежную общую судьбу. Но вот что удивительно: по мере чтения как будто начинаешь завидовать лирической героине. Ее чувства так сильны и неизбывны, что заполняют бытие без остатка. В переменчивости настроений — игра самой жизни, заражающая нас приливом чувств, необходимых для души. Не получилось счастья, но любовь никуда не исчезает: она остается в воспоминаниях, снах, желаниях...

Для Клавдии Асеевой понятия «любовь» и «счастье» — это разное. Счастье — мечта, представление о состоянии гармонии с собой и миром, воплощение идеала.

Иногда судьба дарит человеку счастливые моменты. Но **счастье не равно любви**, заставляющей человека испытывать не только радость, но и боль, страдание, отчаяние... Лирическая героиня делает четкий выбор:

Ты — наваждение мое,
Мой горький рок, мое ненастье,
Беда моя, но все ж ее
Не променяю я на счастье.

Тобою выжжена душа.
Но эту боль свою лелея,
Как будто угли вороша,
Я не могу расстаться с нею... («Ты — наваждение мое...»)

Так и живет любящая женщина, испытывая сложные и переменчивые чувства. Она переживает удары измен, отчаяние и неразделенную печаль, обиды, но и — радующую нежность, теплоту взаимопонимания и восторг ответного порыва... Какая женщина не переживала таких чувств? Лирическая героиня Клавдии Асеевой не исключение. Радости и печали не наиграны, не артистичны. Они естественны и искренни, поражают глубиной и силой. Поэтесса всегда находит точное и ясное слово, передающее правду чувства. Меняются обстоятельства, идет время, но, кажется, что любовь становится с годами лишь сильнее:

«*Мне с тобой хорошо и плохо. / И никто без тебя не нужен*». (Я напьюсь воды из колодца); «*Только я между былью и небылью / Все равно твое имя прочту*» (Чуть вздохнет ветерок на поляне...); «*Но что же тут делать, коль чаще и чаще / Мне в жизни моей не хватает тебя*?» (Все, вроде бы, есть. И семья, и работа...); «*Каждой прожитой морщиной / Все одно — к тебе стремлюсь*». (Перед Богом — все равны); «*Я все еще не верю в наш разрыв, / В неотвратимость тягостной утраты...*» (Я все еще не верю в наш разрыв...); «*...Что там петь, мне дышать неохота — / Так остро опять не хватает тебя*». (Все, вроде бы, есть. И семья, и работа...)

В развитии темы верности чувству любви у Клавдии Асеевой есть маленькие шедевры с пронзительной интонацией, предельно насыщенные гаммой чувств:

Цветы, подаренные Вами,
Еще цветут в моем окне.
С какими нежными словами
Вы их преподносили мне.

И я сегодня, вспомнив это,
В них снова воду заменю...
Но только лето, наше лето
Уже завяло на корню. («Цветы, подаренные Вами...»)

Это наши женщины умеют так любить: сильно и навсегда, ничего не требуя взамен:

«Мне ничего не надо от тебя.
Пусть будет так, как есть. Как получилось...» (Мне ничего не надо от тебя).

Это наши женщины способны нести по жизни свет любви, прощая обиды:

«И я живу опять на перепутье,
Еще сильнее, может быть, любя.

Всей кровью, всей нехитрой женской сутью
Я жду, чтобы опять простить тебя». (Ты предавать меня не разучился...)

Наши женщины, расставаясь навсегда, желают избраннику только добра:

«Над тобой совсем другое небо...
Пусть в нем будет больше синевы,
А под ним — добра тебе и хлеба,
И зеленой свежести листвы». (Над тобой совсем другое небо...)

Лирика Клавдии Асеевой — как глоток родниковой воды. В ней нет места агрессивным настроениям, желанию мстить, упрекам, жалобам на судьбу, и поэтому грусть-печаль светла, чиста, возвышенна. Такова общая тональность стихотворений. Они выстраиваются в соответствии с логикой развития чувства женщины. Иначе не может быть, потому что автор — женщина. И финал «повести» характерен для жизни русской женской души:

Было все — и любовь, как награда,
И удачи затейливый миг.
Что теперь в этой жизни мне надо?
Божий лик. (Дни становятся все короче)

Конечно, **в книге два героя: Он и Она**. **Его** присутствие в поэтическом пространстве постоянно, оно мотивирует эмоциональное состояние героини, хотя имеет и самостоятельное значение. Клавдия Асеева создает очень интересный образ избранника женского сердца. Он индивидуализирован. У мужчины свой характер, черты внешности, привычки, манера говорить, интересы, своя линия жизни. Он хорошо представим и узнаваем в каждом сюжете. Кажется, что лирический герой буквально списан «с натуры». Ничего подобного! При внимательном чтении мы начинаем понимать, что это **собирательный образ**, созданный по впечатлениям от разных лиц и событий, происходивших в жизни, а также возникающий в воображении. Рисуется идеал, человек мечты, с каким хотелось бы идти по жизни рядом. Не потому ли и сравнивается Любимый то с рыцарем, то с князем («Плодоносит яростно шиповник»); а вот он царь и Бог («Жив курилка!»), витязь *(«Мнится образ витязя / мне сквозь призму слез...»).* И живет Он «*в самой дальней, в самой звездной стороне*» («Жив курилка!»). Обращение «ты» как будто непроизвольно меняется на «Вы»: «*Мне в Вашем саду невеликом* / *запомнилась больше всего...*» («Базилик»); «*Не говорите лишних слов — / В молчаньи Вашем больше смысла...»* («Не покупайте мне цветы...»); «*Я улыбкой Джоконды / Вас, незваного, встречу*». («Иронические стихи»)... А вот интересный вопрос: *«Но кто же ты? / Но кто же ты? / Я жду тебя давно*» («По краешку...»). В этом нет удивительного — женщина всегда любит немножко воображаемого мужчину. Обратим внимание также на то, что ни одно стихотворение не адресовано конкретному лицу. **Говоря о личном, поэт всегда говорит об общем** — это азбука поэтического творчества. Индивидуализируя образы участников лирической драмы и обобщая характер их взаимоотношений, Клавдия Асеева воплощает свою концепцию любви.

В поэтическом пространстве книги **Он и Она — два разных мира**. Женщине свойственно идеализировать. Ее любовь жертвенна: «*Иду к тебе отчаянно, / Себя не берегу»* (По краешку...). Мужчине сложно соответствовать идеалу. Лирический герой эгоистичнее, он, по-видимому, больше занят собой, и все у него нормально:

«Мне до тебя не дозвониться, / Не достучаться, не дойти. / Я, словно раненая птица, / Отстала вдруг на полпути. /А ты — вожатый птичьей стаи — / Летишь,

расправив два крыла...» (Мне до тебя не дозвониться...); «*Есть жизнь у тебя своя. / В ней есть у тебя жена. / В той жизни чужая я*» (Зачем я тебе нужна)...

Время от времени сила чувства уравнивает героев драмы. Таинственная стихия влечет друг к другу, и уже Он готов рисковать своим благополучием, ища встречи с Нею:

Мы не виделись целое лето,
Расцвели и опали цветы,
И уже по осенним приметам
Станешь счастье разыскивать ты.

С грустью вспомнишь свою недотрогу,
Сигарету раскуришь в ночи,
И начнешь собираться в дорогу... (Мы не виделись целое лето...)

Несовпадение или совпадение самочувствий героев определяет в стихотворениях эмоциональное напряжение, его характер и тональность. Поэтессе всегда удается найти единственно верное художественное решение, чтобы передать сложнейшую жизнь души. Она делает это, не прибегая к модной сейчас в литературе гиперметафоризации, впечатляя лишь правдой чувств, ясным, понятным каждому человеку речением. Как это делается? Попробуем заглянуть в творческую лабораторию автора.

Многие стихотворения Клавдии Асеевой — это маленькие пьесы с сюжетами для двоих. При этом художественное пространство наполнено «живыми» картинами, где есть хорошо представимое место действия и ощутимо время. Поэтическое самочувствие вписано в конкретную картинку, не экзотическую, а узнаваемую, знакомую многим из нас: аллея в парке, у озера, лесная тропинка, у себя дома или в гостях, расставание на вокзале, неожиданный звонок по телефону и т. д. Приметы реальности несут смысловую и эмоциональную нагрузку, нередко **замещающую называние чувства**. Это в поэзии Клавдии Асеевой — **фигуры высшего пилотажа**:

Рухнул мир.
Упало небо.
Тихо ахнула звезда.
Ты ушел, как будто не был.
Без тебя — куда? Куда?
Без тебя не бьется сердце,
Без тебя не греет печь,
Завалилась лавка в сенцах —
И самой бы рядом лечь...

Ты ушел,
И нет возврата.
Были вместе — стали врозь.
Пошатнувшаяся хата
Обезумела от слез.
Смотрит вслед тебе окошко:
Ну, куда же ты, родной?
Запах жареной картошки
Остывает за спиной. (Рухнул мир).

Обратим внимание: чувства лирической героини не названы ни разу. Попробуем это сделать и — убедимся, что каждое в отдельности понятие недостаточно и сужает

спектр переживания. Оно шире возможных определений. Да разве и так не понятно? Все — в картинке.

Смысл многих прекрасных стихотворений Клавдии Асеевой не декларируется, уходит в подтекст. В ее тайнописи есть особенная прелесть; она близка к самой жизни чувств с их стихийностью, невысказанностью, невыразимыми нюансами, едва уловимой переменчивостью... Например, «Дождь в Новозыбкове». О чем Он и Она ведут разговор? Какие испытывают чувства? Сделаем выписку:

Ты встретишь меня с затаенной улыбкою
И скажешь:
— Приехала? Что же, я рад.
Отвечу:
— Я тоже. Но дождь в Новозыбкове
Идет уже третьи сутки подряд.

— Прости. Это осень дорогою зыбкою
Крадется за нами с тобой по пятам.
Ты слушаешь?
— Да. Только дождь в Новозыбкове,
Я, кажется, что-то оставила там...

И дальше идут реплики невпопад, каждый думает о своем, но о самом главном в эти минуты, и проживается еще один эпизод общей драмы. Психологизм глубокий, при этом язык стиха простой и ясный. Это нельзя сочинить, так надо чувствовать...

В лирических переживаниях Клавдии Асеевой нет фальши, намеренности, нигде нет и намека на назидательность, риторика практически исключена. В доказательство можно привести любое стихотворение книги. В непроизвольных, кажется, свободно льющихся на бумагу откровениях души чувствуется присутствие таланта, природной данности, которой нельзя подражать.

И все-таки. Работа над словом очевидна. В выборе художественных средств есть продуманность, много языковых находок, которые не бросаются в глаза, потому что непротиворечиво вписаны в контекст. Метафоры точны, свежи, эмоциональны, неожиданны...

В поисках образности Клавдия Асеева постоянно обращается к природе. В этом нет удивительного. Природа традиционно для нашего человека — утешительница, источник гармонии и красоты. Для русского сердца она всегда спутница в его душевных переживаниях. Обращение к образам природы для выражения чувств человека восходит к народной лирической песне, распространенному в народных текстах художественному параллелизму. От поэта здесь требуется почувствовать, увидеть знаки природы, соответствующие настроению человека, или, наоборот, противоречащие ему в рамках художественной задачи. У Клавдии Асеевой есть такие выразительные находки, которые и вне текста несут самостоятельную поэтическую энергию:

«Вяжет рот осенняя рябина, / Брызжет соком ягода в руке. / Жизнь прошла. / Любила — не любила? / Все осталось в давнем далеке...» (Вяжет рот осенняя рябина...); *«Ведь меня, твоей улыбки кроме, / Ничего не держит на земле... / И шиповник капельками крови / В предвечерней брызжет полумгле».* (Плодоносит яростно шиповник); *«Сквозная роща вдалеке — / Так одиноко и уныло. / Слеза забытая застыла / На увядающей щеке».*(Диптих); *«Я старинные приметы / Заучила наизусть, / Знаю, вымокшее лето / Нарыдало эту грусть».*(Я кричу тебе с порога...); *«Я напьюсь воды родниковой, / Ключевой, бьющей прямо из глуби, / И от той водицы искомой / полыхнут огнем мои губы».* (Я напьюсь воды из колодца...); *«Расплескалась грусть-печаль моя / В ярко-розовый закат, / Иван-чай цветет отчаянно / Вдоль дороги возле хат»*

(Иван-чай); *«Затаю дыханье зыбкое, / Опущу глаза серьезные — / В них моя надежда поздняя / Золотою плещет рыбкою».* (Привыкаю к старой мебели...); *«Зимний вечер выгнул спину, / Черный кот мелькнул в тиши. / Я рябиной горькой стыну / На краю твоей души».* (Первых заморозков иней...); *«Осенний дождь слегка накрапывал, / И мыслям было тяжело. / Твой клен еще зеленой лапою / Печально бился мне в стекло».* (Осенний дождь слегка накрапывал...); *«Ты и я. И осень нам навстречу / Золотое бросило кольцо. / С неба, как подарок, в тихий вечер / Звездочка скатилась на крыльцо».* (Сентябрь)...

Найдется ли тот, кто не услышит в этих строчках **переклички с народным образным словом**? Клавдия Асеева — из тех художников, в ком не прервалась связь с народной языковой стихией...

Музыкальность лирики Клавдии Асеевой как благозвучие, качество стиля также сопоставима с напевным языком народной сказки, лирической песни... Мы не найдем в ее произведениях слов или фраз, которые выбивались бы из звукового, ритмического рисунка стиха, «резали бы слух», нарушали бы мелодичную основу звукописи. Это абсолютное чувство стиля. Многие стихотворения читаются, как будто поются песни или романсы:

Пора туманов и дождей
Тебя внезапно растревожит.
Покажется, что новый день
Опять не так тобою прожит.

Что в нем, страдая и любя,
Ты что-то все же не заметил,
И кто-то вновь зовет тебя...
А может, это просто ветер? (Пора туманов и дождей...)

Есть поразительная особенность лирики Клавдии Асеевой — волшебная **игра со временем**. То, о чем пишется, как будто когда-то уже происходило, состоялось или происходит сейчас, но как будто еще только готовится свершиться. Глаголы упорно употребляются в будущем времени:

«Чуть вздохнет ветерок на поляне, / И покажется — мы не одни»; «Я напьюсь воды из колодца, / Ледяною влагой умоюсь...»; «Переменится погода, / Смолкнет ветер, как дитя... / — Да какие наши годы! — Ты ответишь мне, шутя...»; «Я голос твой однажды не узнаю, / И в трубку телефонную дыша, / Скажу, что нет меня...»; «Ты несколько слов на прощание кинешь мне, / Я их не пойму за вагонным стеклом...»; «На Ивана Купалу / Я костры разведу, / Где заря не ступала, / Тайной тропкой пройду...»

В пределах даже одного произведения прошлое смыкается с настоящим, а настоящее перетекает в будущее. И поэт слышит фатальное течение времени:

Вишневый сад. Вишневый цвет.
Вишневый аромат столетий.
И нет любви. И счастья нет.
И вечно лишним будет третий.

И невозвратность бытия.
И невозможность повторенья.
Еще не слышим, ты и я,
Как рубят сад наш в упоеньи.

Скрещение времен в стихотворениях Клавдии Асеевой — это не прием, не способ письма, это — угол зрения, особенность восприятия жизни, признак философского ее осмысления. Художественная философия не равна выводу, формулировке, она не отграничена в тексте, а разлита в стихотворении, передается через образ, наполненный мыслечувствованием. У Клавдии Асеевой находим не один образец поэтической философии:

Расщедрился август в последние дни,
И солнце прошлось по листве позолотой.
На озере нашем мы снова одни,
Но, кажется, вновь недосказано что-то.

Волною качнуло заброшенный плот —
Чужой островок в камышовом наряде.
На нем наше лето с тобой уплывет,
И осень тихонько на берег присядет. (Предосенье).

Как краток счастливый миг! В представленной перспективе еще дороже кажется эта встреча у озера, августовская красота в солнечной позолоте, нарядный островок... Игра со временем дает ощущение текучести или быстротечности жизни, что, в свою очередь, ненавязчиво, косвенно приводит к пониманию ценности всего, что нам дано судьбой. А наша душевная стойкость вознаграждается хоть краткими, но бесценными дарами:

И все-таки, пускай теперь нечасто
Весенний день нам головы кружит,
Мы знаем, что бывает в жизни счастье.
Случается. И значит, стоит жить. (Юбилейное).

В последующих разделах книги («Родство», «Листопад», «Переулок детства») тема любви расширяется. Здесь стихи о матери и отце, о малой родине и России, детстве, волнующих событиях, много посвящений конкретным людям — родным, друзьям, писателям, с кем поэтесса связана по жизни. В этой части книги корректируются жизненные приоритеты. На первый план выходят стихотворения о любви к родине, матери и отцу, кто дал жизнь и определил нравственные векторы в судьбе:

Я к старым возвращаюсь именам,
Я так же песни старые люблю.
И мне моя родная сторона
Всегда — как в бурю гавань кораблю. (Старое...)

Это поэзия самого высокого звучания: «Милая моя родина...», «Как оторваться от родной земли...», «Опустевшая деревня», «Родство», «Мама», «Отец мой печи клал отменно...» и др. Стихотворения, пронзительные до слез. Они сколь индивидуальны, столь общечеловечны. Читая их, кажется, что поэт услышал голос твоего сердца, нашел слова единственные, но знакомые и простые. И опять не случайно поэтесса переходит на народный язык. Он — в выборе отдельных слов, речевых оборотов, интонаций, как, например, в стихотворении «Горе-горюшко». Его невозможно назвать стилизацией. Живое слово любящей души.

Есть темы, которые предполагают слово «громкое», яркое, звучное, когда поэт говорит «во весь голос». Но прочитаем стихотворения «Письмо с дороги», посвященное белорусской поэтессе Таисии Мельниченко; «Родник», «Над Сожем», «И

снова ваша мова» (друзьям-белорусам), «Сколько прожито в России...» о гомельских друзьях... Обычно такие стихи читаются со сцены, на праздниках. Но Клавдия Асеева все равно переходит на свой, трепетный, негромкий голос, потому что душевнее — тихое слово. Она сама говорит об этом в стихотворении, давшем название сборнику: «*На языке любви / Цветы молчат*». Не имеют официозного звучания и стихотворения о героическом прошлом нашей страны: «Называла пьяницей жена...», «Фронтовой медсестре», диптих о подводной лодке «Курск»...

Проникновенные посвящения друзьям-литераторам, современникам и классикам не «датские» по сути, то есть приуроченные к датам. Читая их, чувствуешь выстраданность темы, ее неслучайность в творческом развитии. Таковы посвящения собратьям по перу, брянским поэтам, А. Г. Мехедову, С. П. Кузькину, любимым классикам Ф. И. Тютчеву, А. К. Толстому, М. Ю. Лермонтову... В осмыслении литературных судеб вырабатывается свое представление о задачах творчества, критериях мастерства, примерах состоявшейся творческой личности. Вот — интереснейшее стихотворение-итог:

Что в этой жизни земной нам обещано? —
Светлая тайна лесных родников,
Родина, мама, любимая женщина
Есть у поэта вовеки веков.

Что в этой жизни? Какая отметина
Имя его сохранит на ветру?
Песню пропел он — и роща ответила
Голосом птиц в вышине поутру.

Стихотворение посвящено памяти прекрасного поэта из Орла Виктора Дронникова, а в нем — ответ на вопрос о смысле творчества. Успех, популярность, растиражированность — не то, что обеспечивает поэту память на века. Прежде всего — это чувство родины, слияние слова поэта с жизнью родной земли, сила ощущения родства с нею.

Прекрасный поэт живет в Карачеве. Ее поэзия целительна. Закрывая книгу, понимаешь: можно что-то в жизни потерять; могут не сбыться желания, мечты... Но нельзя не любить людей, природу, жизнь. Потому что жизнь и есть любовь. Эта мысль легла в основу стихотворения, посвященного Ф. И. Тютчеву: «*Любил он гордо и отважно. / Любил он тайно. Разве важно? // Ведь главное — любил...*» (Ф. И. Тютчев). Так в книге Клавдии Асеевой сомкнулись: концепция личности любимого поэта и концепция любви. Если в душе поэта живет любовь, он открыт жизни:

Послушай, как растет трава,
Когда весной земля проснется,
И закружится голова,
И новый день с любви начнется.

И твой сегодня каждый шаг
Особой вехою отмечен.
И вечен май. И мир наш вечен.
Да будет так.

К. Асеева

К 60-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

18 ноября 2020 года тульские писатели отметили свой знаменательный праздник — ровно шестьдесят лет назад, в далеком 1960 году, в Туле появилось областное отделение Союза писателей РСФСР. У его истоков стояли наши легендарные писатели — Наталья Деомидовна Парыгина и последний личный секретарь Льва Толстого Валентин Федорович Булгаков.

Тульская земля издавна славится богатым культурным наследием. В Ясной Поляне родился, жил и создавал бессмертные произведения великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. В Туле жили и работали В. В. Вересаев, Глеб и Николай Успенские, М. Е. Салтыков-Щедрин. С Тульским краем прочно связаны имена В. А. Жуковского, И. С. Тургенева, И. А. Бунина, Г. А. Скребицкого и многих других известных писателей. Тульские поэты издавна занимали видное место в русской поэзии. Об этом, в частности, свидетельствует то, что произведения В. А. Жуковского, П. П. Сумарокова, В. И. Богданова, А. С. Хомякова, поэтов-декабристов Н. А. Чижова, братьев Бобрищевых-Пушкиных включались в хрестоматии «Русские поэты XIX века», изданные в шестидесятые годы прошлого столетия. Многие из них были не только выдающимися поэтами, но и видными общественными деятелями, просветителями, игравшими большую роль в развитии культуры и российской словесности. Сюда многократно приезжал И. С. Тургенев, который увековечил память о тульской земле в знаменитом рассказе «Записки охотника».

Лауреат Нобелевской премии Иван Алексеевич Бунин, 150-летие со дня рождения которого недавно отмечено, также неоднократно приезжал в Тулу, поскольку в городе Ефремове Тульской губернии проживали его родственники. В Туле неоднократно бывал великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь.

С Тулой связана административная и литературная деятельность известного писателя-сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Он был выходцем из старинного дворянского, а по матери — купеческого рода. Но под влиянием социалистических идей пришел к полному отрицанию помещичьего уклада, буржуазных отношений и самодержавия. В Туле Михаил Евграфович служил с декабря 1866 по октябрь 1867 годов в качестве управляющего Тульской казенной палатой. Своеобразные особенности характера Салтыкова-Щедрина, проявленные им во время руководства важным правительственным учреждением, были запечатлены служившим под его началом тульским чиновником И. М. Михайловым в статье, опубликованной в «Историческом вестнике» в 1902 году.

Солнце русской поэзии, Александр Сергеевич Пушкин высоко ценил творчество ряда тульских поэтов девятнадцатого века. Например, стихи А. С. Хомякова он признавал прекрасными. Алексей Степанович Хомяков был не только хорошим поэтом, но и глубоким мыслителем, ученым, меценатом и благотворителем. И не случайно, что благодарные туляки до сих пор ежегодно проводят в его родовой усадьбе под Тулой традиционные Хомяковские чтения, чтят его память.

Многие годы с Тульским краем был связан другой выдающийся поэт — Василий Андреевич Жуковский. Его А. С. Пушкин назвал одним из основоположников новой русской поэзии. Более того, Александр Сергеевич считал себя «его учеником».

Творчество В. А. Жуковского во многом определило дальнейший литературный путь таких великих поэтов, как Лермонтов, Баратынский, Тютчев. По словам выдающегося литературного критика В. Г. Белинского, В. А. Жуковский наполнил русскую поэзию новым содержанием. Эти чувства были присущи и лирике других тульских поэтов девятнадцатого века: В. Богданов, И. Родионов, Н. Макаров.

Непростая и во многом трагичная судьба свела с тульской землей знаменитого поэта Ярослава Васильевича Смелякова. В 1946 году его освободили из заключе-

ния, но в Москву вернуться не разрешили. Смелякова направили в Сталиногорск (ныне Новомосковск) в нашей Тульской области. Кем только не пришлось трудиться вдали от родины корифею русской поэзии! Сначала Ярослав устроился работать на шахте в поселке Донском, затем стал помощником заведующего банно-прачечным комбинатом. Но талантливый поэт ни на минуту не прекращал творческую деятельность.

Смеляков приходил на спектакли городского народного театра, писал о них в местной газете. Он руководил литобъединением, участвовал в вечерах поэзии во Дворце культуры. Стихи Смелякова начали печатать толстые московские журналы «Знамя», «Новый мир». Так, можно сказать, тульская земля, родина многих известных поэтов, дала Ярославу Васильевичу Смелякову вторую жизнь.

Но и наши современники — тульские писатели, с которыми мы встречались, общались, разговаривали и подчас не придавали этому совершенно никакого значения, также создали произведения, известные не только в нашем городе. Назовем тех, кого сейчас уже нет вместе с нами, и кто внес наиболее существенный вклад в развитие литературы.

Наталья Парыгина создала цикл произведений о своих современницах, среди которых выделяется неоднократно переизданный роман о русской женщине — «Вдова». Книги Натальи Парыгиной «Дни весенние», «Что сердцу дорого», «Любой ценой», «Сын» связаны с Тулой, а роман «Вдова», получивший в 1974 году поощрительную премию Союза писателей СССР и ВЦСПС на Всесоюзном конкурсе на лучшее произведение о рабочем классе, отражает историю строительства и развития Ефремовского завода синтетического каучука.

«Яснополянский сенокос» — так была названа книга Юрия Щелокова, вышедшая в издательстве «Советский писатель», и само ее название говорит о привязанности поэта к родному краю. Этим чувством пронизаны и другие его сборники. С большой любовью к знаменитому уголку земли тульской — Ясной Поляне написаны этюды Галины Езерской «Живые, трепетные нити», изданные в Туле и Москве. В послевоенные годы большую роль в развитии литературного движения в области сыграло областное литературное объединение, председателем которого многие годы был директор Приокского книжного издательства Н. В. Виноградов. В 1949—1958 годах в нашем городе выходил альманах «Литературная Тула», где печатались произведения А. А. Елькина, М. П. Кольчугина, А. И. Туликова, П. Т. Стародубцева и других тульских прозаиков и поэтов.

Но в Туле и области не было своей писательской организации. В 1958 году двое тульских литераторов: бывший личный секретарь Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаков и прозаик Н. Д. Парыгина были приняты в члены Союза писателей СССР и прикреплены к Курской писательской организации. Через два года в Тулу переехали на постоянное жительство еще трое членов Союза писателей, и в ноябре 1960 года по решению Правления Союза писателей РСФСР в Туле была создана писательская организация. По случаю этого события в город приехали на организационное собрание председатель Правления Союза писателей РСФСР Л. С. Соболев, секретари Правления Союза писателей СССР Г. М. Марков и А. Д. Салынский. Ныне Тульская писательская организация насчитывает около пятидесяти человек. О творчестве каждого из них можно рассказать очень много интересного.

В Туле развились и окрепли таланты поэта Владимира Лазарева — на его стихи была создана популярная песня «Березы», прозаика Игоря Минутко — автора повести «Мне восемнадцать лет», ставшей прообразом известного фильма «Стиляги». Украшением Тульской писательской организации стал старейший писатель Тульского края Валентин Федорович Булгаков — автор известных книг «Л. Н. Толстой в последний год его жизни», «О Толстом», «Встречи с художниками», «Лев Толстой, его друзья и близкие», многих статей о писателе, очерков, пьес.

Тульская писательская организация гордится именем члена Союза писателей СССР, внука знаменитого художника — Поленова Федора Дмитриевича. Писатель, общественный деятель Ф. Д. Поленов родился в Москве, но свою жизнь связал с тульским краем, с родиной своего знаменитого деда, известного русского художника Василия Дмитриевича Поленова. Выпустил несколько сборников рассказов: «Долина Любосны», «Теплые края», «За открытой дверью», «У подножья радуги». Ф.Д. Поленов являлся составителем большого числа фотоальбомов, посвященных музею-заповеднику «Поленово».

Другой известный тульский прозаик — И. Ф. Панькин, 100-летие со дня рождения которого мы будем отмечать в 2021 году, родился в далеком 1921 году. Но широко известен стал, когда вышла его книга под названием «Легенда о мастере Тычке». Тычка — это своеобразный прообраз тульского Левши.

Скажем сразу: Панькин — это единичное, знаковое явление в нашей среде. Сочетание природного таланта, сиротского детства, в котором им был накоплен огромный жизненный опыт, и национальные этнические черты мордвина дали тот великолепный сплав, из которого рождались произведения этого самородка. Иван Федорович Панькин стал развивать редкостный, особый сказовый жанр. В результате появились сказки и легенды Талласской долины («Серебряный голос»), «Легенды о матерях», матросские легенды и сказы «След на море». Но главным достижением этого писателя я считаю создание легенд и сказов о тульских мастерах. Герой его «Легенды о мастере Тычке», наряду с лесковским Левшой, стал литературным героем Тулы. Его «Легенды о матерях» были включены в список рекомендуемой литературы для внеклассного чтения, а после смерти писателя на доме в Туле, где он жил, появилась мемориальная доска.

Большой вклад в копилку тульской литературы вносят наши писатели и поэты Виктор Пахомов, Владимир Куликов, Валерий Ходулин, Валерий Савостьянов, Владимир Родионов, Валерий Виноградов, Евгений Трещев, Геннадий Маркин, Алексей Яшин и другие члены Союза писателей России, стоящие на учете в Тульском отделении. Тульская писательская организация постоянно пополняется за счет литературного актива, новых авторов, которые проходят жесткий, взыскательный отбор. Для этого создан и успешно работает Творческий совет, возглавляемый поэтом, руководителем Новомосковского и Узловского литературных объединений Валентином Киреевым.

В последние годы были приняты в Союз писателей России талантливые поэты Валерий Виноградов, Алексей Гусаков, Галина Лялина, участник Великой Отечественной войны Алексей Иванович Мосин и многие другие.

Патриархом тульской словесности можно назвать Сергея Львовича Щеглова — талантливого журналиста и публициста, писателя, литературного критика. С ним мне посчастливилось некоторое время работать вместе в газете «Коммунар». И он запомнился как принципиальный, взыскательный и талантливый журналист. Сергей Щеглов, критикуя статьи коллег, всегда давал дружеские советы, помогал начинающим авторам, к числу которых относился и я. Сергей Львович Щеглов-Норильский прошел большой жизненный и творческий путь. Он оставил после себя тысячи газетных статей и публикаций в газетах, альманахах, сборниках, антологиях прозы и поэзии. Написал несколько талантливых книг-исследований о творчестве ряда писателей. Оставил о себе память как организаторе многих общественных объединений, бессменном руководителе Тульского отделения «Мемориал». И, конечно, свои собственные публицистические книги, которых насчитывается более десятка наименований.

29 декабря 2019 года ушел из жизни старейший тульский писатель, заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный гражданин города Тулы, академик Международной педагогической академии, член Союза писателей России Вячеслав Иванович Боть.

Этот уникальный ученый, краевед, писатель был настоящим украшением нашей писательской организации. Как отмечает интернет-сайт «Свободная энциклопедия «Википедия», «Вячеслав Иванович Боть — советский и российский музейный работник, краевед Тульской области. Директор Тульского областного краеведческого музея, ведущий научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева, заслуженный работник культуры РСФСР». Главной страстью Вячеслава Ивановича было увлечение военной историей Тульской области. Этой большой научной работой он занимался всю жизнь. Но и писал замечательные лирические стихи, много произведений посвятил Туле, ее героической обороне. Например, в книге «Наша Россия» в стихотворении «Песня Тульского рабочего полка» особо отметил подвиг героических защитников в обороне города в годы Великой Отечественной войны.

Вот уже 15 лет в Туле издается всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» (главный редактор Алексей Яшин), издающийся под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы. В инфраструктуру журнала входят альманахи «Ковчег» (главный редактор Яков Шафран), «На лирической волне» и Тульская сторонка» (главный редактор обоих альманахов Сергей Сенин).

В Туле много подвижников литературы — тех, кто не жалея собственных сил и средств, издает или издавал художественно-литературные газеты, журналы и альманахи. Это Сергей Овчинников (альманах «Тула»), Валентин Киреев (сборник «НЛО»), Валерий Маслов (газета «Тула литературная»), Эдуард Георгиевский (альманах «На крыльях «Пегаса»), Дмитрий Кузнецов (газета «На крыльях души»), Валерий Виноградов (сборники Алексинского литобъединения «Алло»), Владимир Пряхин (альманахи «Среда» и «Средоточие»), и другие. Член Союза писателей России Николай Макаров подготовил и издал справочник «Писатели тульского края» (2020 год).

Большую работу по организации литературного процесса в Туле проводит поэт, председатель Тульского отделения Союза писателей России Николай Жуков. Он разработал, создал и ведет в Интернете на высоком уровне сайт тульских писателей. На нем каждый творческий туляк может разместить свои произведения, сообщается о всех новостях литературной жизни.

Немалую организаторскую работу по привлечению к творчеству молодых проводит член Союза писателей Владимир Сапожников. Он — организатор Тульских областных слетов молодых литераторов. Именно на них писатели выделили молодых и талантливых поэтов Дмитрия Нестеренко и Анастасию Насырову из Новомосковска, прозаика Владиславу Васильеву из Узловой и других. Кстати, Д. Нестеренко намечен к приему в Союз писателей на ближайшем собрании тульского отделения.

Валерий Маслов,
г. Тула

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

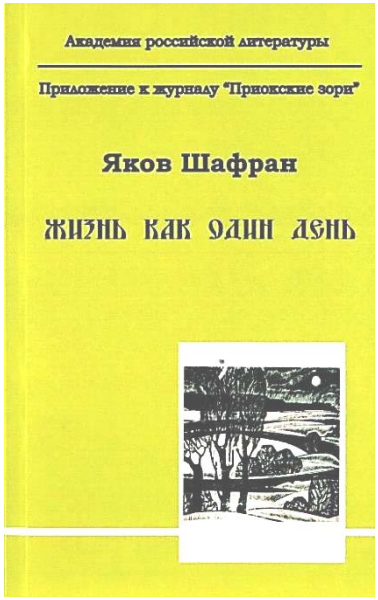
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

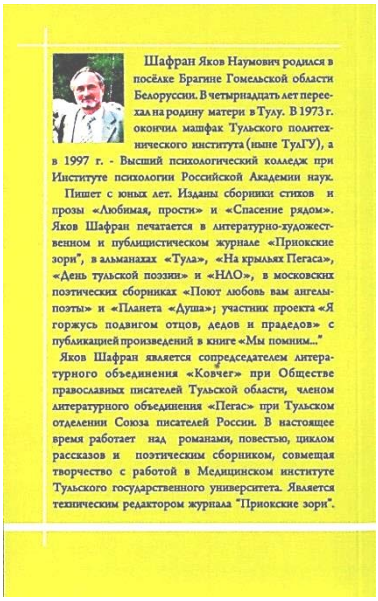
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:





Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2021.— № 1 (опубликован рассказ Алексея Яшина).

2. *Северо-Муйские огни:* Авторский литературный журнал.— 2021.— № 5, 6 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

3. *Московский Парнас:* Вестник Академии российской литературы — литературный альманах.— 2020.— № 3 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

4. *Тульское слово*. Сборник произведений тульских писателей / Сост. В. Я. Маслов. Вып. 3.— Тула: Аквариус, 2020.— 290 с. (опубликованы произведения многих авторов «Приокских зорь»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 10.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 236 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *Тульская сторонка:* Региональный музыкально-литературный альманах. Песни и романсы, стихи, рассказы, статьи и рецензии. Вып. 7.— Тула: Изд-во Аквариус, 2020.— 92 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Яков Шафран*. Восхождение: психологический роман.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 340 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Вадимир Трусов*. Иронический оптимизм сожаления: тетралогия Алексея Яшина.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 85 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *На лирической волне*: Музыкально-литературный альманах журнала «Приокские зори». Песни, романсы, пьеса для фортепьяно, стихи, рассказы, статьи. Вып. 6.— Тула: Изд-во «Аквариус», 2020.— 92 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Алексей Яшин.* Болдинское межсезонье: Паноптикум молодых характеров: Новеллино (десятая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 341 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

7. *На крыльях Пегаса.* Межрегиональный литературно-художественный и музыкальный альманах. Вып. 18.— Тула: Изд-во PRINT71, 2020.— 260 с.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2021-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНФОРМИРУЕТ:

21 октября 2020 г.

ЗАСЕДАНИЕ ПРАВЛЕНИЯ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

состоялось в Доме Ростовых. В работе приняли участие: М. И. Лапшин, Н. Е. Иванова-Харина, О. Г. Карагодина, Н. Н. Шлезигер, Е. М. Скоблов. В ходе заседания были рассмотрены следующие вопросы:

— корректировка и уточнение списков членов Академии российской литературы по состоянию на 20 октября 2020 года (уточненные списки будут опубликованы в очередном номере альманаха «Московский Парнас» и размещены в группе Академии на наших интернет-ресурсах в ноябре 2020 года);

— обсуждение новых изданий Тульского отделения Академии российской литературы, представленных в октябре (руководитель — А. А. Яшин, заместитель — Я. Н. Шафран);

— обсуждение сборника произведений участников творческого конкурса «КАЛИНИНГРАД — ЯНТАРНЫЙ БЕРЕГ» (М., «Новые Витражи», Академия российской литературы) — руководитель проекта Наталья Иванова-Харина;

— технические и организационные вопросы.

* * *

В рубрике «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» предлагаем вашему вниманию обзор новых изданий, поступивших в Правление Академии: 1. Всероссийский литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори». №3/2020. 2. В. Трусов. «Иронический оптимизм сожаления. Тетралогия Алексея Яшина», художественно-публицистическая повесть. Академия РЛ, ЛС «Новые Витражи», 2020. 3. «Тульская сторонка», региональный музыкально-литературный альманах, выпуск № 6, Тула 2020. 4. «На лирической волне», музыкально-литературный альманах, выпуск №6, Тула, 2020.

Правление Академии российской литературы поздравляет коллег — членов Академии и авторов изданий с новыми публикациями и желает всем доброго здоровья, новых творческих успехов и благополучия!

* * *

В рубрике «ТВОРЧЕСТВО АВТОРОВ АКАДЕМИИ» предлагаем вашему вниманию обзор новой брошюры, подготовленной членами Академии российской литературы Михаилом ЛАПШИНЫМ и Евгением СКОБЛОВЫМ: «ЛУННАЯ ДУЭЛЬ XX ВЕКА», М.: «Новые Витражи», 2020. В издание включены статьи: М. Лапшин, «Полеты во сне и наяву. Американцы летали на Луну?» Е. Скоблов, «Лапшин против Аполлона». Материалы, представленные в брошюре изначально были опубликованы в газете «Русскоязычная Америка-NY» (Нью-Йорк) № 568, август 2020 г. и многие читатели уже имели возможность ознакомиться с ними (ссылки были указаны в группе Академии РЛ на Facebook). Авторы выражают глубокую благодарность председателю РОО ЛС «Новые Витражи» Марине ЧАЙКИНОЙ за осуществление издания брошюры и главному редактору газеты «Русскоязычная Америка» — члену Академии российской литературы Аркадию МАРУ за публикацию статей в издании. Обращаем внимание, что наиболее интересные отклики о материале будут размещены

во втором издании, а также в специальном разделе интернет-издания, которое готовится к публикации.

* * *

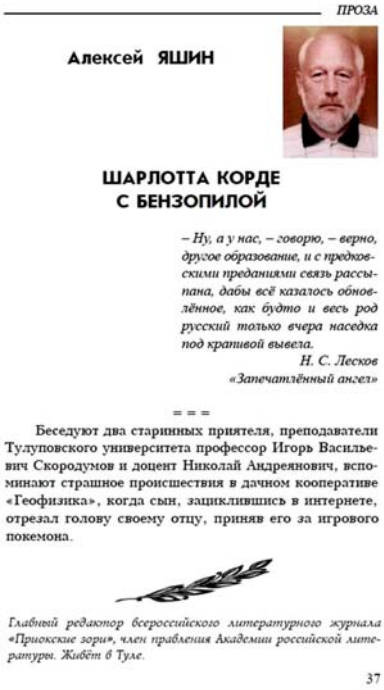
7 ноября оборвалась жизнь настоящего поэта и человека **Ларисы Яшиной** (Пенза). Светлая память!

* * *

«МОСКОВСКИЙ ПАРНАС»

Уважаемые друзья, коллеги!

Информируем, что вышел в свет № 3/ 2020 Вестника Академии — международного литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС». Правление Академии выражает сердечную благодарность нашему издателю — председателю РОО «ЛС «Новые Витражи» Марине ЧАЙКИНОЙ за качественное и своевременное издание вестника Академии!



ПРОЗА

Алексей ЯШИН

ШАРЛОТТА КОРДЕ С БЕНЗОПИЛОЙ

– Ну, а у нас, – говорю, – верно, другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы всё казалось обновлённое, как будто и весь род русский только вчера наседка под крапивой вывела.

Н. С. Лесков
«Запечатлённый ангел»

= = =

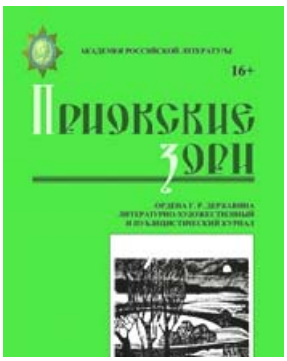
Беседуют два старинных приятеля, преподаватели Тулуповского университета профессор Игорь Васильевич Скородумов и доцент Николай Андреянович, вспоминают страшное происшествия в дачном кооперативе «Геофизика», когда сын, зациклившись в интернете, отрезал голову своему отцу, приняв его за игрового покемона.

Главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори», член правления Академии российской литературы. Живёт в Туле.

37

* * *

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» № 15 от 28 ноября 2020 года.



Уважаемые читатели и авторы «Приокских зорь», главные редакторы литературных изданий!

Сообщаем, что № 4, 2020 сформирован, находится в верстке, выйдет по графику в последний день декабря.

№ 2, 2021 будет посвящен 150-летию выдающегося русского писателя Леонида Андреева. Публицистические, литературоведческие, краеведческие и др. материалы к этой дате принимаются редакцией до 1 мая 2021 г. с пометкой «К юбилею Л. Андреева». Объем — до 10 стандартных машинописных страниц.

По нашему представлению Н. Н. Тимохин, зав. отделом поэзии журнала, награжден медалью Николая Руб-

цова, учрежденной Союзом писателей России, Алтайским отделением Общероссийского литературного сообщества и Вологодским союзом писателей-краеведов России, а Геннадий Николаевич Маркин, зам. главного редактора, стал лауреатом всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова (за № 34), учрежденной Союзом писателей России и журналом «Бийский Вестник».

Сообщаем, что на нашем сайте http://www.pz.tula.ru (Библиотека журнала) размещены новые выпуски наших альманахов: «Ковчег», «На лирической волне», «Тульская сторонка» и новая книга Алексея Яшина «Болдинское межсезонье: паноптикум молодых характеров». Принимаем отзывы на книгу.

Для популяризации нашего с Вами журнала просьба переслать это информационное письмо Вашему кругу постоянного общения.

Редакция «Приокских зорь»

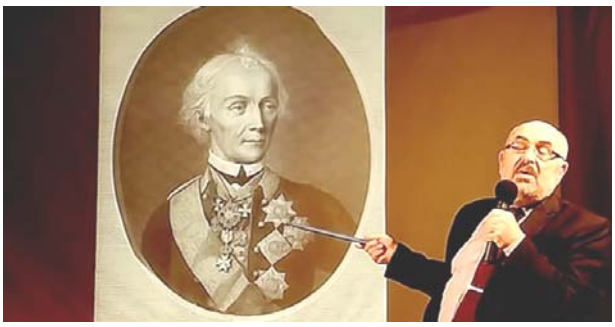
* * *

К 290-летию со дня рождения великого русского полководца Александра Васильевича Суворова

ЕВГЕНИЙ ГОРОХОВСКИЙ.

Российский центр науки и культуры в Киеве.

24 ноября 2020 года в Российском центре науки и культуры в Киеве состоялась заочная лекция «Он гением блистал...», посвященная 290-летию со дня рождения гениального русского полководца, генералиссимуса российских сухопутных и морских сил, князя Италийского, графа Рымникского, кавалера всех российских и многих иностранных военных орденов Александра Васильевича Суворова (24.11.1730 — 18.05.1800) — одного из основоположников русского военного искусства, военачальника, одержавшего победы в более чем 60 сражениях и не потерпевшего ни одного поражения.



* * *

НЕМЕЦКИЙ ФИЛОСОФ ВАЛЬТЕР ШУБАРТ О РУССКИХ

Лучше о русском народе не говорил ни один представитель Запада!
Из книги: «Европа и душа Востока».

Немецкий профессор Вальтер Шубарт утверждал: «Западноевропейский человек рассматривает жизнь, как рабыню, которой он наступил ногой на шею... Он не смотрит с преданностью на небо, а, полный властолюбия, злыми враждебными глазами глядит вниз, на землю. Русский человек одержим не волей к власти, а чувством

примирения и любви. Он исполнен не гневом и ненавистью, а глубочайшим доверием к сущности мира. Он видит в человеке не врага, а брата».

Англичанин хочет видеть мир — как фабрику, француз — как салон, немец — как казарму, русский — как церковь. Англичанин хочет добычи, француз — славы, немец — власти, русский — жертвы.

Англичанин хочет наживаться от ближнего, француз — импонировать ближнему, немец — командовать ближним, а русский ничего от него не хочет. Он не желает превращать ближнего в свое средство. Это братство русского сердца и русской идеи. И это есть Евангелие будущего. Русский всечеловек есть носитель нового солидаризма. Прометеевский человек уже обречен смерти. Наступает эпоха Иоанновского человека — человека любви и свободы. Таково будущее русского народа.

Запад движим неверием, страхом и себялюбием; русская душа движима верою, покоем и братством. Именно поэтому будущее принадлежит России…

У европейца — человек человеку волк, всяк за себя, всяк сам себе бог; поэтому все против всех и все против Бога; и героичность его есть очень часто эксцесс себялюбия и гордости — личной или национальной. Это корыстный и хищный героизм. Европеец доволен, когда ему завидуют, и терпеть не может, чтобы его жалели,— это унижение. Поэтому он скрытен, притворяется, чопорен, чванлив и театрально надут — и когда русский это видит, то у него щемит на сердце.

Русский подходит к своему ближнему непосредственно и тепло. Он сорадуется и сострадает. Он всегда склонен к расположению и доверию. Быстро сближается. Он естествен, и в этом его шарм. Он прост, интимен, склонен к откровенности, стремится быть полезным.

Новый человек Европы не заметил, как он прошел через иудаизацию христианства и утратил и Бога, и Христа. В России иное понимание Евангелия.

Русские были христианами до своего обращения в христианство. Поэтому христианство распространилось в России не мечом, как у Карла Великого, а само, легко и быстро — избранием.

Русское сердце было открыто не Ветхому, а именно Новому Завету. Так оно и осталось; в русской душе есть данные, делающие русского человека самым верным сыном Христа.

Вот откуда русская национальная идея: спасение человечества придет из России. Это самая глубокая и самая широкая национальная идея из всех, имеющихся у других народов.

Основная социальная идея русского народа такова: общество как церковь, как духовная общность, как свободное многообразие в любовном единстве, как мистическое Тело Христа…

И еще замечательно, что русское безбожие — иное, чем на Западе: оно не холодное сомнение, не безразличие, а огненный вызов Богу, трепещущее кощунство, восстание, жалоба на Бога, может быть, тоска об утерянном Боге. Самое безбожие носит у русских характер религиозного неистовства.

И самое понимание Евангелия в России иное, чем на Западе: западное христианство болеет властолюбием — оно насильственно обращает в христианство, это воинственное, милитаризованное учение о Боге, дающем победу; это искажение Евангелия Ветхим Заветом и естественный переход от Ветхого Завета к безбожию…

Можно сказать, что европеец — человек дела, а русский — человек души и сердца. И Европа есть страна деловитости, а Россия есть родина души.

Душевный человек вчувствуется в ближнего и воспринимает его интуитивно и чутко; ему не важно происхождение, образование, партийность, профессия, титул и орден.

И замечательно, когда неевропеец впервые приезжает в Россию, он бывает приятно изумлен и обрадован; а когда русский впервые приезжает в Европу — то он чувствует себя отрезвленным и разочарованным.

Кто узнает русского лично — тот полюбит его. Пока европейца знаешь по его заслугам — до тех пор он тебе импонирует.

Русский человек, может быть, и плохой делец, но братский человек. Он мастер давать и помогать — и дает с тактом и нежностью. Он гостеприимнее всех народов Земли. Он чувствует глубоко, умиляется и плачет. Русские люди и называют друг друга не по титулам и званиям — а просто по имени и отчеству.

Просты и скромны — русские ученые. Сердечны и отзывчивы русские писатели. У русского человека — человек человеку не волк, а Бог (Преп. Серафим говорил — «человек человеку радость»).

Русский человек — не одержим западным честолюбием и властолюбием: в глубине души он хочет угодить Богу, устоять пред Его лицом, а не пред человеками.

Эта русская братскость есть выражение веры и Царства Божия. Русский человек уверен, что любящий Бога будет любить и людей; и обратно. А любить — значит, уважать.

Русский человек — настолько укоренен в вечности, что способен наслаждаться настоящим мгновением. Для европейца характерно страхование жизни в страховых обществах; для русского — пренебрежение к скопидомству. Верным инстинктом русский чует, что капиталист — раб своего капитала, и что жадность есть страх и безбожие. Отсюда же у русского — не историческое, а религиозно-метафизическое созерцание истории. В истории он стремится не ухватить все и все запомнить, а постигнуть религиозный смысл событий.

Русский человек творит свою историю религиозным ожиданием, сверхчеловеческою способностью страдать и терпеть. Поэтому русская культура есть метафизическая культура, а западная — техническая культура; и будущее принадлежит России.

Русский человек добр не из чувства долга, а потому, что это ему присуще, что он иначе не может. Это нравственность не рассудка, а сердца.

Воображение у русского человека — богато, дерзновенно и глубоко. Европеец — техник. Русский — романтик. Отсюда у него два особых дара: способность к чужим языкам и дар к сцене и театру. Русские актеры не играют, а живут на сцене. Перед русским театром — всякий европейский искусственен, натянут и дилетантичен.

Европейца тянет к специализации. Русского — к целостному созерцанию. Европеец — расчленяющий аналитик. Русский — всепримеряющий синтетик. Он стремится не побольше знать, а постигнуть связь вещей, уловить сущность. Русский способен, как никто, слить поэзию, науку и религию; и в этом — будущее за ним, а он сам — человек будущего.

В России иное понимание Евангелия. У русского народа целый ряд христианских добродетелей является устойчивыми национальными добродетелями — христианство как бы врождено славянской душе.

Это самая глубокая и самая широкая национальная идея из всех, имеющихся у других народов.

https://pravoslavie.fm/.../nemeckiy-filosof-valter.../

Яков Шафран

* * *

СЕРГЕЙ СЕНИН.

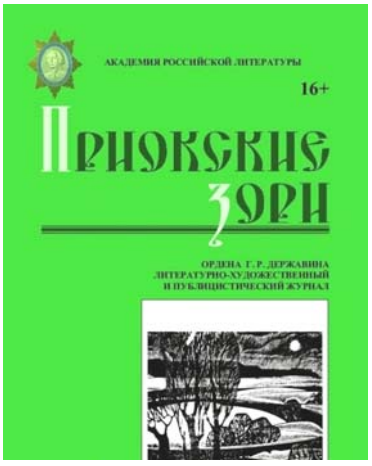
В издательстве ООО «Аквариус» (Тула) вышел в свет 7 выпуск музыкально-литературного альманаха «НА ЛИРИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ».

В альманах вошли 19 песен и романсов, стихотворения, рассказы и статьи авторов из Тулы и Тульской области, Москвы, Ельца, Калуги, Макеевки, Нижнего Новгорода, а также романсы на стихи Александра Блока, Сергея Есенина, Николая Рубцова.

С альманахом можно познакомиться на сайте журнала «Приокские зори».

* * *

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» № 16 от 22 декабря 2020 года.



Уважаемые читатели и авторы «Приокских зорь», главные редакторы дружественных нам изданий!

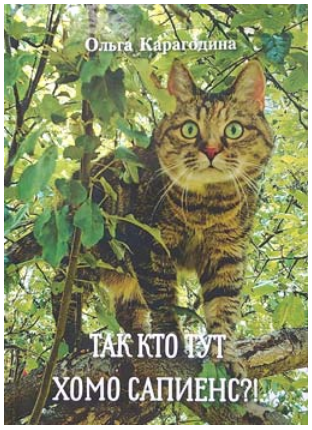
Поздравляем вас с наступающим Новым годом, надеемся, что он не во всем будет похож на предыдущий. Благодарим за сотрудничество — и мы в долгу не останемся!

В начале следующего года исполняется 190 лет со дня рождения Н. С. Лескова — доброго гения нашего журнала. По этому поводу предлагаем вашему вниманию написанный к этой дате очерк. А если гл. редакторы сочтут возможным обратить на него внимание, будем им очень признательны.

Обращаем Ваше внимание, что у нас немного изменился адрес. Теперь он — 300025, Тула, а/я 922, Яшину Алексею Афанасьевичу.

С уважением, Ваш А. А. Яшин и редакция журнала

* * *



Новая книга Ольги КАРАГОДИНОЙ «Так кто тут хомо сапиенс?!», под редакцией Елены Степановой, Москва, изд-во «ПЕРО», отпечатано в ООО «Издательство «ПОРТ ПРИПИСКИ», 2020, 403 стр. Рассказы о животных.

Поздравляем Ольгу Геннадьевну с новым изданием и желаем здоровья и новых творческих успехов!

* * *

25 декабря 2020 г. в МГО СП России нашей коллеге прозаику **Карагодиной Ольге вручили медаль «За вклад в литературу России XXI века»** за книги: «Ох, Коельников рок» и «Светлячки» из серии «Библиотека Академии российской литературы».

* * *

Правление и коллектив сердечно поздравляют с Днем рождения члена Академии российской литературы, известного литератора и общественного деятеля **Анну БАРСОВУ** и желают крепкого здоровья, творческих успехов и благополучия!

* * *

ОТЧЕТ О ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 2020 ГОДУ

Уважаемые члены Академии российской литературы!

В уходящем 2020 году, несмотря на все известные коммуникационные трудности

и ограничения, независимая творческая организация «Академия российской литературы» (далее по тексту — Академия) продолжила свою творческую деятельность.

В этой связи предлагаем вашему вниманию короткий творческий отчет о работе Академии в 2020 году.

1. Организаторская деятельность.

В 2020 году нам не удалось организовать и провести общее собрание Академии, запланированное изначально на апрель, август и ноябрь из-за ограничений, связанных с пандемией коронавируса. Тем не менее, рабочие совещания Правления Академии проводились по возможности и с соблюдением всех мер безопасности в соответствии с требованиями. В ходе этих мероприятий обсуждались творческие, организационные, технические вопросы, проблемы издания книг и периодических изданий, а также их доставка и рассылка авторам в регионы и зарубежным авторам. Обсуждались творческие проекты и некоторые вопросы, связанные с перспективными направлениями деятельности.

* Подготовлен творческий отчет в Министерство культуры РФ о творческом взаимодействии Академии и библиотеки им. И.А. Бунина в 2019 году.

Правление собиралось 13 и 30 января, 27 февраля, 18 марта, 9 июня, 21 октября, 13 декабря.

2. Издательская деятельность.

В уходящем году продолжена активная издательская деятельность, хотя почти все вопросы (кроме доставки тиража и отправки книг) решались дистанционно.

Издано:

— Альманах «Московский Парнас» № 4/2019, №№ 1, 2, 3/2020 (главный редактор Роман Тишковский); — Антология прозы АРЛ (руководитель проекта Татьяна Камаева); — Сборник произведений «Взгляд в прошлое. Великая победа над фашизмом», посвященный 75-летию Великой Победы (руководитель проекта Нелли Копейкина); — Сборник произведений участников конкурса «Калининград — янтарный берег», посвященный 75-летию Великой Победы и штурму Кенигсберга (руководитель проекта Наталья Иванова-Харина); — Подготовлена к изданию Антология публицистики Академии (руководитель проекта — Михаил Лапшин).

Большая издательская работа проведена региональными отделениями Академии, это касается тульских изданий «Приокские зори» — главный редактор Алексей Яшин, и его альманаха «Ковчег» — главный редактор Яков Шафран, ростовского издания «Донская сотня» — главный редактор Сергей Даштамиров. Издания выходили регулярно в соответствии с творческими планами.

Мы поздравляем всех авторов — членов Академии, у которых вышли собственные книги (в том числе под грифом «Библиотека Академии РЛ») в это нелегкое время. Выражаем надежду на то, что в наступающем году творческие устремления наших литераторов будут реализованы в полной мере. И от души благодарим нашего издателя — председателя Литературного сообщества «НОВЫЕ ВИТРАЖИ» — Марину Юрьевну ЧАЙКИНУ за высокое качество, оперативность и художественное оформление изданий Академии и собственных книг авторов — членов АРЛ.

Также обсуждены творческие мероприятия и деятельность АРЛ в интернете.

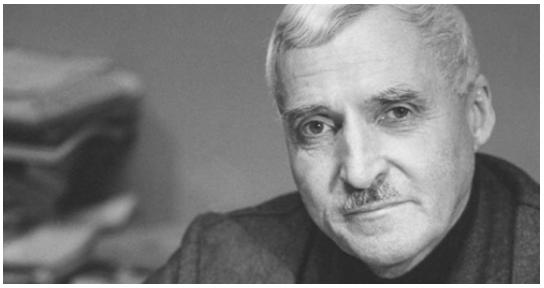
Все материалы подготовлены Информационной группой АРЛ.

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

28 октября — 135 лет со дня рождения Велимира Хлебникова (1885—1922), русского поэта.

* * *

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СИМОНОВ



28 ноября с.г. исполняется 105 лет со дня рождения поэта, прозаика, драматурга и киносценариста **Константина Михайловича Симонова** (1915—1979), уроженца Петрограда, сына генерал-майора Михаила Симонова и княжны Александры Оболенской.

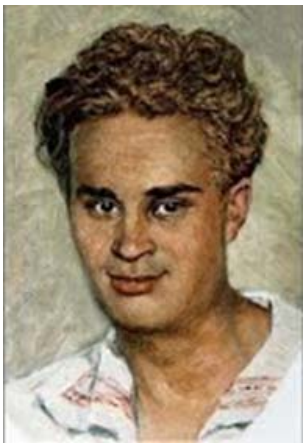
* * *

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

3 января 2021 года Россия отмечает 85-летний юбилей поэта. Поэт дожил лишь до 35. Его жизнь, похожая на вспышку кометы, оборвалась неожиданно и странно. Но Рубцов успел сделать главное — признаться в любви к России. Поэзию и биографию поэта сравнивают с творческой судьбой Сергея Есенина. Такая же короткая, трагически оборванная жизнь. Такие же пронзительные и полные потаенной боли стихи.

* * *

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ



5 января родился Павел Николаевич Васильев (1909—1937) — русский советский поэт. Поэзия Васильева исполнена самобытной образной силы. Сказочные элементы сочетаются в ней с историческими картинами из жизни казачества и с революционной современностью. Сильные личности, мощные звери, жестокие события и многоцветные степные ландшафты — все это смешивается и выливается у него в экспрессивные, стремительные сцены в стихах с переменным ритмом (Волфганг Казак, литературовед-славист).

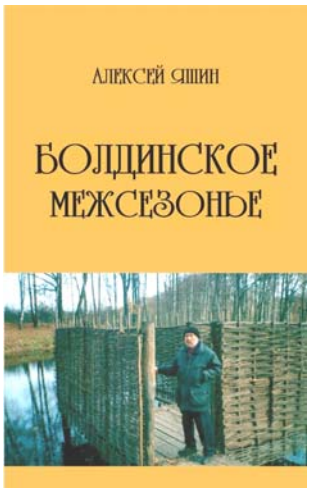
С его неистовым, жизненным, неукротимо неутолимым, охваченным пламенем высокой гражданственной страсти талантом он не прошел бесследно ни для читателей, ни для поэтов. Его народная почва, его из-под корней древа народной жизни истоки, обогащенные недюжинным талантом, даже будучи под спудом временной неизвестности, оплодотворяли советскую поэзию верным опытом советского в полном смысле этого слова поэта. И то, что не до конца получилось, скажем, у Васильева, когда он пытался создать песню-поэму, закончено, осуществлено Прокофьевым в его «Песне о России». И в таких поэтах, как Сергей Поделков, Василий Федоров и Борис Ручьев, разве не чувствуется, особенно в более раннем периоде их развития, если не школа, то воздействие васильевского таланта. Я не говорю уже о более молодых, скажем, о Цыбине, «Родительская степь» которого не намекает, а имеет прямой отправительный адрес из эпической лирики Павла Васильева (Дмитрий Ковалев, Неистовое естество).

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

В декабре месяце 2020 г. состоялось награждение лауреатов всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова **Аллы Новиковой-Строгановой** и **Вячеслава Лямкина** по месту их жительства знаками премии.

г. Орел, музей Н. С. Лескова

г. Бийск Алтайского края



В Издательстве «Новые Витражи» вышла в свет новая книга члена Союза писателей России, члена Правления АРЛ, главного редактора «Приокских зорь» Алексея Яшина «Болдинское межсезонье» (Алексей Яшин. Болдинское межсезонье: Паноптикум молодых характеров: Новеллино (десятая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия российской литературы.— Москва: ООО «Литературное сообщество «Новые Витражи», 2020.— 347 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). Познакомиться с книгой можно на сайте журнала.

* * *

В Туле в Издательство ТулГУ вышли в свет две книги члена Союза писателей России, редколлегии журнала «Приокские зори», Российского Союза ветеранов Афганистана **Николая Макарова**: «Воспоминания батальонного врача» (Воспоминания батальонного врача. Тула: Изд-во ТулГУ, 2021. 276 с.) и к Дню космонавтики, к 60-летию полета Юрия Алексеевича Гагарина, первого человека Земли в космос, «Рядом с космическими полетами» (Рядом с космическими полетами. 2-е изд., испр. и доп. Тула: Изд-во ТулГУ, 2021. 57 с.).

В Издательстве «Новые Витражи» вышла в свет книга члена Союза писателей России, члена редколлегии «Приокских зорь» Вадимира Трусова «Иронический оптимизм сожаления» (Вадимир Трусов. Иронический оптимизм сожаления: Тетралогия Алексея Яшина: художественно-публицистическая повесть: Академия российской литературы.— Москва: ООО «Литературное сообщество «Новые Витражи», 2020.— 85 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

СИДЕЛ С ОПУЩЕННОЙ ГОЛОВОЙ, СТАВИЛ ОДНУ И ТУ ЖЕ ПЕСНЮ... КАКУЮ МУЗЫКУ СЛУШАЛ СТАЛИН

Дмитрий Русский (https://zen.yandex.ru/)

«Скажи мне, что ты слушаешь, и я скажу тебе, кто ты» — думаю, так можно переиначить одну известную поговорку; музыкальные предпочтения могут сказать о человеке многое. В этой статье давайте заглянем к товарищу Сталину и узнаем, какую музыку слушал он. Его приемный сын Артем Сергеев рассказывает об этом в своих мемуарах:

Сталин любил песни «На сопках Маньчжурии», «Варяг», «Прощание славянки»... Вертинского слушал под настроение; были у него пластинки «Немецкие марши»; Вагнера слушал, вальс «Блюмен геданкен» («Благодарность цветов»); оперетту «Граф Люксембург» слушал. Любил ансамбли. Александрова очень ценил, и хвалил Ворошилова, что тот убедил в свое время Александрова руководить ансамблем...

Когда у Сталина было настроение неважное, тяжело ему было, он ставил пластинку с песней «На сопках Маньчжурии» со старыми словами:

«Белеют кресты далеких героев прекрасных
И прошлого тени кружатся вокруг,
Твердят нам о жертвах напрасных».

Сталин несколько раз прослушивал, переставлял пластинку на словах: «Но знайте, за вас мы еще отомстим и справим кровавую тризну». Он поражение в русско-японской войне очень переживал из-за того, что Россия потеряла русские владения, серьезные форпосты на Дальнем Востоке. И вот именно эти слова он, переставляя иголку, слушал несколько раз. Когда мы заходили в комнату, он сидел с опущенной головой, видно, что ему было тяжело, видимо, тяжелые мысли приходили, и он слушал, ставя эту песню вновь и вновь.

Обе песни о Варяге любил. Когда слушал слова:

«Миру всему передайте чайки печальную весть:
В битве врагу не сдалися, пали за русскую честь».

Нам с Василием говорил: «Вот так-то, ребята».

Мы с Василием, ребятишки лет 12—13-ти, уже слышали такие имена, как Петр Лещенко, Александр Вертинский... Как-то Сталин ставил пластинки, у нас с ним зашел разговор, и мы сказали, что Лещенко нам очень-очень нравится. «А Вертинский?» — спросил Сталин. Мы ответили, что тоже хорошо, но Лещенко лучше. На что Сталин сказал: «Такие, как Лещенко, еще есть, а Вертинский — один»...

Что касается описанного выше, то я представляю товарища Сталина: с опущенной головой, сидящего возле пластинки, несколько раз подряд слушающего одну и ту же песню — о павших за русскую честь... «Вот так-то, ребята...»

Душевный эпизод. Душевный человек.

* * *

ПОЗДРАВЛЕНИЯ РЕДАКЦИИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» С НОВЫМ ГОДОМ И РОЖДЕСТВОМ

Редакция «Приокских зорь» благодарит наших читателей и авторов за многочисленные поздравления. Спасибо.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

1) поля файла обычные;

2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;

3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14,— полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;

7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.

2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);

2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его ещениже, левее фотографии, выравнивание по левому краю(шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.

2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru — секретарю редакции Елизавете Михайловне Барановой.

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.03.2021
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

ПОЗДРАВЛЯЕМ СОТРУДНИКОВ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
С ЛИТЕРАТУРНЫМИ НАГРАДАМИ

Алексей Афанасьевич Яшин, главный редактор «Приокских зорь», удостоен звания лауреата православной литературной премии им. Святителя Макария, митрополита Алтайского, учрежденной Барнаульской епархией Русской православной церкви, за литературно-философскую дилогию «Апология христианства» и «Апология человека».

(2020 г.)

Геннадий Николаевич Маркин, зам. главного редактора «Приокских зорь», удостоен звания лауреата всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, учрежденной Союзом писателей России, Ассоциацией писателей Урала и редакцией журнала «Бийский Вестник» за книгу «Дознанием установлено...»

(2020 г.)

Николай Николаевич Тимохин, зав. отделом поэзии «Приокских зорь», награжден медалью Николая Рубцова, учрежденной Союзом писателей России, Алтайским отделением Общероссийского литературного сообщества и Вологодским союзом писателей-краеведов России, за литературные публикации 2018—2020 гг. и активное участие во всероссийском литературном процессе.

(2020 г.)

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2020 ГОД

Вячеслав Михайлович Лямкин — в номинации художественной прозы. Удостоен звания лауреата за публикацию в №№ 1, 2, 2020 (начало в № 4, 2019) «ПЗ» повести «Отпусти его на небо, душа, отпусти...» и за активное участие во всероссийском литературном процессе; технический редактор журнала «Бийский Вестник», кандидат в члены Союза писателей России, лауреат православной литературной премии им. Святителя Макария, митрополита Алтайского. Живет и работает в Бийске, Алтайский край.

Елизавета Михайловна Баранова (Весина) — в номинации поэзии. Удостоена звания лауреата за опубликованные в № 2, 2020 «ПЗ» цикл стихотворений «Personalia» и подборки новых стихов в №№ 1, 3, 4, 2020 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе; секретарь редакции журнала «Приокские зори», член Союза писателей России, регулярно публикуется в различных литературных журналах, переведена на английский и польский языки, автор четырех изданных книг. Кандидат технических наук, доцент в Тульском госуниверситете. Живет и работает в Туле.

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — в номинации литературоведения и литературной критики. Удостоена звания лауреата за опубликованные в №№ 1—3, 2020 «ПЗ» литературоведческие очерки о творчестве Н. С. Лескова и А. П. Чехова и за активное участие во всероссийском литературном процессе; историк литературы, член Союза писателей России, доктор филологических наук, профессор. Автор многочисленных публикаций и победитель всероссийских литературных конкурсов. Живет и работает в Орле.

Валентин Михайлович Огнев — в номинации литературной публицистики и краеведения. Удостоен звания лауреата за публикации в №№ 1—3, 2020 «ПЗ». Постоянный автор журнала «Приокские зори»; в своих очерках и рассказах с глубоким знанием краеведческого материала, изучением которого давно занимается, знакомит читателя с далекой историей Тульского края. Полковник МВД в отставке. Живет и работает в Щекине Тульской области.